

ОЛЕГ
ДИВОВ

СИМБИОНТЫ

ОЛЕГ ДИВОВ

СИМБИОНТЫ
РОМАН

ОЛЕГ
ДИВОВ

ОЛЕГ ДИВОВ

СИМБИОНТЫ

Д 44 Дивов О. И. Симбионты : фантастический роман / Олег Дивов. — М. : Эксмо, 2010. — 416 с. — (Легенды).

ISBN 978-5-699-45001-5

Один хочет быть Президентом. Другой хочет, чтобы его оставили в покое.
Одному за пятьдесят. Другому чуть больше пятнадцати.
Один шел к своей цели всю жизнь. Другой чудом выжил.
Что между ними общего?
Нанороботы, которых не существует.
Что у них разного?
Один — раб своих капризов. Другой — готов умереть за свою свободу.
Кто прав, решат вертолетики.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Дивов О.И., 2010
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-45001-5

Пролог

Перекуси зубами кабель, оставь школу без Интернета.

Посмотри на свою руку: она годится для чего-то большего.

Напиши во всю стену: «Свободу узникам эппла и майкрософта!» Когда придут дяди в строгих костюмах и начнут задавать вопросы, молчи и улыбайся.

И скажи наконец старшим, чтобы отстали. Все и сразу.

Завтра. Вот терпение лопнет, и ты скажешь. Завтра.

А сейчас представь, что в рюкзаке бомба, — и вперед!

Пауэр трейсинг — спорт отщепенцев. Тех, кому все остальное недоступно. И тех, кто хочет вырваться. Из жалкого городишко, из цепких объятий семьи, из стальных тисков малолетства, из собственной шкуры — выскочить, выпрыгнуть, выбиться. Можешь не верить в это, не думать об этом, просто не замечать этого в себе, но когда мчишься по трассе, все становится ясно.

Кто убегает, тот проигрывает. Кто бежит, тот побежит.

Город не спортивная площадка, он помеха на пути.

Не танцуй. Атакуй.

Не беги эффектно, беги эффективно. Найди оптимальный путь, в этом и есть красота. Экономь силы. Ты не пижон, скачущий перед девчонками, ты городской партизан. Неважно, через пять лет или десять, народы восстанут, и похожие на тебя парни будут мчаться сквозь горящие кварталы, облака слезоточивого газа и град резиновых пуль, рванутся к свободе. Кто знает, будешь ли ты с ними, но сейчас — да, сто раз да.

Пауэр трейсинг — спорт для злых, гонка на скорость, под секундомер. Акробатика тут нужна, чтобы гасить инерцию и не падать носом. Вот и не выпендривайся попусту, выпендривайся по делу.

Некрасиво бегать по запаркованным машинам, красиво бегать по стене поверх них.

Тебе так надо вырваться отсюда, что ты ломаешь пространство и время. Прошибаешь город насквозь, выигрывая секунды и срезая метры. Здесь не твой мир, даже не среда обитания: нечего жалеть, атакуй жестоко. Твой мир внутри тебя. А снаружи одни стены, кругом глухие стены, и ты готов их пробивать хоть головой. Череп крепкий, на той неделе снес почтовый ящик. Облезлая синяя коробка едва держалась на одном шурупе. Всюду торчат пустые вещи, девальвированные в ноль: болтаются на кривом гвозде, соплей приклеены, висят на волоске.

Обломки прошлого, артефакты. Сноси их. Выноси.

Взорвать бы. «Весь мир в труху», как говорят старшие.

Дождешься от них. Только говорят. Они свое отбегали.

Их слопал и переварил государственно-монополистический капитализм. Они вступили в партию и зауважали правительство.

У них в руках была целая планета, они могли

сделать жизнь на ней как минимум не скучной, но побоялись рискнуть, с перепугу запретили себе ВСЁ — а тебе запрещают все остальное.

Страхи свои.

А раз ничего, кроме страхов взрослых, на свете не осталось, тебе и бояться нечего. Атакуй!

Давай, убеди себя, что в рюкзаке бомба. Взорвать партию и правительство. Или хотя бы местный телекентр. И беги.

Сильный, ловкий, зоркий. Лучший. Ты умеешь висеть на одной руке, пока не уснешь от скуки. Шутки ради слопаешь гамбургер, большую картошку и яблочный пай, стоя на голове. Преодолел боевую высоту, темноты и гопоты. Тебя можно уронить с моста, не думая о последствиях. Ты пауэртрейсер, городской камикадзе без страха и упрека. Говоря по совести, вряд ли это пригодится в жизни, зато ты такой отчаянный сам себе пригодишься.

— Хоп! — крикнул Леха, взлетая на забор.

Глава 1

— Хоп!

Принц нырнул сквозь детскую площадку, и напрасно. Пришлось упасть на руки и сделать перекат. Естественно, он потерял темп.

Леха взял правее и обставил Принца, пробежав по бетонному забору. Никто в школе так не умел бегать по стенам. Впереди забор упирался в гаражи — и тут Леха выдал нечто.

— Ф-фак! — выдохнул Принц.

Леха уже терял инерцию, он ведь сделал по забору верных пять шагов. Еще один, ну два, и он сорвется. Да и пора спрыгивать — детская площадка, которую парень обогнул по стене, осталась позади. Но маневр, как оказалось, был рассчитан на другое. Несясь по забору параллельно земле, Леха в последний раз оттолкнулся — и влип в стену гаража, закинув на крышу руку и ногу. Мгновенно закатился на верх, вскочил и помчался дальше по гаражным крышам.

Прыжок, вис, перекат — слились в одно движение. Вышло очень красиво, и Принц порадовался, что смотрел на Леху в этот момент. Камера все пишет.

Он уже явно проиграл, этот хитрец уделал его, оставалось радоваться за друга. Зачем еще нужны друзья, подумал Принц, огибая гаражи. Впереди барабахнуло: Леха приземлился на крышку мусорного

бака. Удобная штука мусорный бак, когда закрытая, громкая только.

Они миновали жилую зону, вломились в густой кустарник, по едва заметным тропкам проскочили его, вылетели на газон, и тут Принц, задыхаясь, крикнул: «Стоп!»

Однаковым движением оба хлопнули себя по левой кисти, выключая секундомеры, и так же одинаково согнулись пополам, упервшись руками в колени.

Кончилась трасса. Впереди была автомобильная дорога, сразу за ней высокий решетчатый забор, будка контрольно-пропускного пункта, ворота. За забором вдалеке сверкало офисное здание, пускало зайчики стеклянной стеной. Человек постарше угадал бы: типичный советский институт после дорого-го косметического ремонта. Ребята это просто знали. Советский институт как есть, и позади модной стекляшки виднеется корпус опытных цехов. Там работяги в белых халатах, одно слово что «слесаря», на самом деле редкие спецы, клепают уникальную технику для производства. А само производство, оно прямо в институте, в цоколе. Всегда так было, еще когда на воротах красовалась вывеска «НИИ микромашиностроения».

Сменили вывеску, только чтобы дурить партию и правительство, это весь город в курсе. Партия и правительство, не будь дураки, охотно приняли игру и, в свою очередь, целую страну одурачили. Народ, втыкаясь в зомбоящики, радостно аплодировал, делая вид, будто хоть что-то понял. Так и живем. И никому нестыдно. Ни-ко-му.

Уффф... Вдох-выдох.

Леха расправился и принялся ходить туда-сюда по газону, делая мерные взмахи руками, глубоко дыша. Принц без церемоний упал на траву. Стянул

с головы матерчатый налобник, державший на виске камеру, и вытер им лоб.

— Ну... как... тебе... трасса?.. — пропыхтел он.

Леха будто не расслышал. Он поразительно быстро восстановил дыхание и теперь стоял, уперев руки в бока, вполоборота к институту, как-то недобро глядя в сторону блестящего здания.

— Ты... чего? — насторожился Принц.

— Что-то там шевелится, — хмуро сообщил Леха.

— Тьфу на тебя, — сказал Принц, снова роняя голову на траву. — Юморист-затейник... Я прямо испугался... Уфф... Конечно, шевелится! Полгода осталось до вакцинации. Они там щас варят микробов на всю Россию-матушку... По три кубика на физическое лицо... Ты скажи, как трасса!

Леха глядел на здание, не отрываясь. Оно словно притягивало его.

— Трасса годная, — сказал он наконец.

Он медленно поднял руку, снял налобник с камерой, небрежно скомкал его в кулаке. Всемирно известное «НПО Нанотех» вроде бы не секретный объект, только незачем тут светить видеоаппаратуру. Заметит служба безопасности — и давай за тобой по кустам гоняться чисто со скуки да из вредности, еще и в ментовку настучит. «Ну извини, а мы подумали, ты промышленный шпион». Допустим, Лехи это не касается, его физиономия наверняка есть в базе данных охраны. Но сам по себе городской этикет не рекомендует шляться возле института с камерой — лишнее это. Свой институт, не чужой ведь.

Слово-то какое звучное: Нанотех. А ведь сплошное надувательство, реклама и пиар. Институт сменил название, когда его директор, легендарный Дед, ввязался в «гонку за нанотехнологиями»: под это давали много денег. Вон даже Принц знает, что институт делает «микробов». Микроуровень, а вовсе не

нано. Правда, ничего больше Принц не знает, да и не особо хочет. Просто местная специфика: жаргонное словечко «микроб» расползлось по городу, и кто поумнее, тот сообразил, о чем речь.

А остальной стране вообще плевать. Журналисты талдычат о «нанороботах», все довольны, все хорошо. Может, так и надо? Партия и правительство захотели нанотехнологий, так милости просим, вот вам русские наноботы, самые большие в мире. Институт должен жить, а значит, у нас не будет ни стыда, ни совести: лет десять назад мы ради рекламы блоху подковали, такой вот безумный наноуронвень, зато шуму на всю Россию. Говорят, это тоже Дед придумал.

Не сводя глаз со здания, Леха выключил запись и убрал камеру в рюкзак.

Когда институт только поднимался, с ним была связана каждая третья семья в городе — кто его строил, кто там работал, кто обеспечивал снабжение... Память добрая осталась. Еще вопрос, как бы город выжил, не найдись здесь мощной полугосударственной фирмы, способной «доить» федеральный бюджет и выбивать для себя нацпроекты... Пара-тройка заводиков да скважина с целебной минералкой — слишком жидкое для населенного пункта, в который упирается железная дорога. У нас тупик. Край земли. Старшие так гордятся этим, аж тошнит. Словно есть особая доблесть в том, что за триста километров от Москвы — твой персональный конец света, и ты сидишь на самом краешке ойкумены, болтая ногами и лузгая семечки. По левую руку поля бескрайние, по правую леса дремучие... А ведь не родись тут Дед, не появись здесь институт, и настала бы вам реальная *ультима туле* прямо в сердце Родины. Мало их, что ли, таких городов-тупиков.

С другой стороны, подняли ведь сельское хозяй-

ство. Уникальные медицинские микроботы на подходе только, а лучшее в мире льняное масло давно наше. А там и минералка в дело пошла, и фабрики запыхтели... Правда, к этому времени полгорода разбежалось неведомо куда. И если бы не Нанотех, тут бы просто все рухнуло. Тут и сейчас многое на соплях, как тот почтовый ящик, об который давеча шишку набил.

Все-таки что-то там, в Нанотехе, шевелится...

Леха чувствовал это буквально каждой своей клеточкой. Словно «поле подпитки», которым открыт цокольный этаж Нанотеха, вошло с его телом в резонанс. Ну естественно. Наверное, так и есть. Леха дружит с электричеством, это вся школа знает. Леха его чует нюхом. Двести двадцать вольт он и не заметит, а вот если слабые токи — тут он прямо экспрессенс.

Разумеется, это зудит и вибрирует поле, от которого сейчас запитываются эталонные микроботы, чтобы попусту не расходовать свой запас жизни. Может, и лучшие в мире, а дохленькие они у нас. Умей микробы воспроизводиться, их долговечность не имела бы значения: пока один загнется, его друзья десять новых соберут. Но микробы так не умеют, точнее, могли бы уметь, только пока с этой технологией копались, возникла конвенция против репликаторов — любых устройств, способных без участия человека создавать свои точные копии. И микробы под конвенцию тоже угодили...

Ну конечно, это поле, больше там шевелиться просто нечему — и чего я нервничаю?..

Принц наконец отдохнул и встал рядом. Теперь стало видно, насколько он выше и массивнее своего одногодка, да и в целом кажется взрослеем. Он, наверное, мог бы пробежать по тому забору, но запрыгнуть на гараж — увы, тяжеловат. Принц от-

лично понимал, что, когда Леха заматереет, тому станет трудней бегать по стенам и извечный друг-соперник потеряет фору на трассе, но это не утешало, скорее, наоборот, расстраивало. Принц и так слишком много всего умел, гораздо больше, чем хотел. И ему для противовеса нужен был рядом талантливый приятель. Белый.

Принц-то был черный. Вернее, очень темный мулат. Его так и хотели назвать — Принц, — отец настаивал, но мама решила, что это для России чепречур. Физиономия у Принца аристократическая, с тонким изящным носом, большими глазами, чувственным и немного презгливым рисунком губ — красавец, если вас не смущает цвет кожи. В младших классах учителя еще пытались звать его Ваней, но потом заметили, что они во всем городе одни такие, — и туда же: к доске, Принц! Ведь действительно по крови принц.

Леха, строго говоря, тоже был выходцем из местной аристократии — научной. Это ведь его дедушка по матери, член-корреспондент Академии наук, вся грудь в орденах, фактически построил НИИ микро-машиностроения. Даже при советской власти именно Деда — с большой буквы, прозвище такое, — народ считал за главного в городе, выше секретаря горкома и председателя горисполкома. Со всеми проблемами к нему бежали в первую голову. Говорят, очень помогал. Еще говорят, Леха пошел в него лицом. Оно сейчас мягкое, немного детское, но вот эта ехидная искра в глазах и эта собранность, внутренняя готовность к рывку, что во всех чертах проявляется, — вылитый Дед. Волевая натура и мятущаяся душа, взрывная смесь. С виду милый, тактичный, добрый очень, а поди его прижми, дохлый номер. Ничего удивительного, Леха — парень с историей, куда там Принцу — подумаешь, русский негр, все

равно не Пушкин. А Леха, грубо говоря, с того света вернулся. Он когда по стенам бегает, только одного боится: мама узнает — ноги вырвет.

Потому что Леха инвалид с пожизненным освобождением от физкультуры.

А вот бегает.

— Трасса что надо, — сказал Леха. — С гаражами ты удачно придумал. И финиш красивый.

Он слегка мотнул головой в сторону Нанотеха.

Принц глянул на блестящее здание, пожал плечами. Финиш как финиш. Местные зрители не оценият красоты выхода из кустов к Нанотеху, им эта стекляшка глаза намозолила. А неместные... Пауэртрейсеры из Парижа зависнут на трюке с гаражами, вот где есть от чего обалдеть. Надо только правильно смонтировать запись, может, прямо с этого момента начать, дать его анонсом. Иначе дальше России ролик не уйдет. Некоторые, конечно, скажут, лучше быть первым в деревне, чем последним в Риме. Но мы с такими выкрутасами и в Риме будем не последние. А кто считает, что надо быть скромнее... Тот приходит в хвосте.

Только лузер мечтает стать звездой тактического ТВ.

— Не я, а ты придумал с гаражами, — поправил Принц. — Я как увидел, только одно слово и сказал: фак!

— А зачем тогда ты меня к забору отжал?

— Вообще-то, если кто забыл, я шел первым... Лех, перестань гипнотизировать институт. Кончится тем, что прибежит охрана.

А Леха не мог оторвать взгляда от здания. Всегда что-то странное творилось в глубине Нанотеха, именно там, где «варят микробов на всю Россию-матушку», готовясь к национальной вакцинации. Мониторинг здоровья каждому, никто не уйдет оби-

женным. Только Принц ошибается: ни сейчас, ни через полгода здесь не будет много ботов. Задача Нанотеха — сделать, оттестировать и размножить эталонные образцы. Создать стабильный рой микробов, который удержит в себе программную прошивку, а потом наштамповывать такие рои в заданном количестве. Этапоны отправят по всем медицинским центрам страны, где локальные микрофабрики — слово мощное, а ведь каждая фабрика размером с комнату, — примутся штамповывать их дальше. Сама по себе продукция института уместится в несколько бочек — это с учетом обязательного резерва для непредвиденных случаев. У них есть в цоколе такие здоровые автоклавы, и заполняются они за считанные недели, микросборка — дело быстрое, когда знаешь, что собирать. Вся проблема — в этом, в архитектуре. Как должен выглядеть бот. Что он сможет делать. Сколько проживет.

Всю жизнь Дед бился с проектированием, сто раз перерисовывал модель универсального медицинского бота. Чтобы был один микроб на все случаи: мониторить здоровье, доставлять лекарства в нужную точку, а в идеале — самостоятельно находить и удалять всякую гадость, которую твоя иммунная система не задавит или просто не определит. Никакого больше рака, никакого СПИДа... И ведь Дед выдумал под конец нечто фантастическое. В том смысле, что никто не знает, как собрать эту штуку и заставить шевелиться. Теоретически, говорили, можно, а практически каждый бот будет стоить миллион, и не факт, что заработает. Потому что микроб должен быть прост, он за счет простоты живуч и эффективен: антенна, передатчик, движок, сенсоры, манипулятор, органы перемещения — и хватит. А Дед спроектировал механизм сложнейший. Обогнал свое время на полвека минимум...

— Тут есть на что посмотреть, — протянул Леха.

— Ага. А если бомба рванет — во будет зрешище!

Леха встряхнул головой и наконец-то обернулся к Принцу.

— Ты чего? Россия подписала конвенцию. Бомбу тогда и убрали.

— Ага, убрали! Две килотонны. Там в подвале.

Леха удивленно поднял бровь. Он смутно понимал, что Принц имеет в виду. Еще одна городская легенда. В старых «наукоградах» множество таких легенд. То про секретный кабель аж до самого Кремля, то про линию метро (опять до Кремля, естественно), теперь вот атомная бомба.

И все-таки, в Нанотехе что-то шевелится...

Тут Леха сообразил, на что ему намекают, — и рассмеялся.

— Ну, Принц, ты даешь... Ты же электронщик! Зачем там две килотонны?!

Они шли параллельно дороге, возвращаясь к жилой зоне.

— Я вообще-то связист, — сообщил Принц, слегка надуваясь от осознания своей значимости. — И когда чиню наши сети, хуже которых даже в Африке нету, такое слышу от всяких бабулек про эту бомбу...

— Ты же знаешь, кем был мой дед. Спроси меня!

— Больно надо, — Принц надулся еще заметнее.

— Бомба нужна была против серой слизи. Только не атомная. В институте полный штат больше тысячи человек, ты чего. И город рядом. И серой слизи все равно не бывает. Помнишь, грей гу, ее боялись раньше до ужаса. Забыл?

Принц лениво мотнул головой.

— Это же ты у нас спец по микробам.

— Да какой там спец... Грей гу получается из ботов-репликаторов, то есть способных делать свои

копии. Если они вдруг начнут бесконтрольно размножаться. Один сделал второго. Вдвоем они сделали еще двоих. Вчетвером — бац, их уже восемь... Через час будет миллион, но ты их без микроскопа не увидишь. А вот через полдня это будет куча весом в тонну. А через неделю они покроют всю Землю. И всем конец. Это и есть серая слизь.

Леха замолчал. Принц ждал продолжения. Это была старая игра, и, как всегда, Леха победил.

— Ну? — спросил Принц заинтригованно. — И когда она нас сожрет?

— Да никогда. Серую слизь выдумал такой Дрекслер, великий гуру нанотехнологий, но это был чисто мысленный эксперимент. Ученые над ним издавались, зато народ перепугался — мало не покажется... Дед смеялся. У Деда была статья, «Мифы о нанороботах», там все написано. Чтобы получилась серая слизь, должны взбеситься реальные наноботы-сборщики — которых нету и не предвидится, — да еще и обученные вести поатомную сборку. А как раз ее боты не потянут. Если наноробот захватит атом манипулятором, атом к нему прилипнет, и все, это чистая химия. Массовую атомную сборку надо делать как-то по-другому, не ботами. Двигать атомы бесконтактно.

— А микробы не смогут... Грей гу?

Леха покосился на Принца с ехидным интересом.

— Ты так спрашиваешь, будто очень хочешь, чтобы они могли!

— Скучно тут, — сказал Принц. — А теперь представь: из Нанотеха лезет на город такая серая волна, и мы с тобой ее хреначим...

— Чем??

— Я придумаю, — пообещал серьезно Принц.

— Микроботы не смогут. Слишком много ограничений. Им для репликации нужны материалы,

которые повсюду не валяются. В принципе, сам Нанотех они развинтят, а вот тут уже, в лесу, остановятся, здесь сплошная биомасса, им это не подойдет.

— То есть нас с тобой микробы не съедят? Ну-у, тогда мы им точно вломим!

— На самом деле есть версия, что они раньше спекутся. Допустим, им хватит материала и энергии, но гораздо важнее — куда боты станут отводить тепло, они ведь при такой интенсивной работе сильно нагреются? Даже если поместить ботов в поле подпитки, как на Нанотехе, и дать им приказ размножаться до упора, грей гу вряд ли получится. Ну разберут они на запчасти свою микрофабрику — и сгорят. Вместо ужасной серой слизи получится большая куча серой пыли. Ее сгребут лопатой, на этом все и закончится.

— Бесславно, — ввернул Принц. — Слушай, если даже ты понимаешь, что это чушь полная... Зачем тогда бомба?

— Это мы сейчас понимаем. А лет двадцать назад, когда был самый-самый «нанопсихоз» во всем мире, бунта нанороботов боялись на полном серьезе. О серой слизи писали столько жути, фильмы ужасов снимали, власти так нервничали... И тут Дед заявляет: наш новый медицинский бот будет репликатором! Начальство сразу за голову схватилось. Академики убеждали, что опасности никакой, но деньги-то на работу не Академия наук давала... Дед говорит: ноу проблем, раз народ обеспокоен, давайте засунем в подвал электромагнитную бомбу!

— Ах ты! — Принц хлопнул себя по лбу. — Конечно! Как я не догадался!

— Я вот не догадался, мне отец рассказал.

— Да это само напрашивается — выжечь ботам мозги, и все дела...

— Хватит и того, что вылетит связь. Одиночный бот еле-еле соображает, прошивку загоняют в целый рой, от миллиона штук. Как только связность роя распадется, боты просто остановятся... Правда, и Нанотех заодно накроется, да туда ему и дорога, раз накосячил, пускай там вся электроника сгорит! Дед прямо так и сказал, кроме шуток, у него было... своеобразное чувство юмора. А начальство шуток не понимало. И в один прекрасный день привезли сюда бомбу, самую настоящую. Какой-то «почтовый ящик» ее собрал, в единственном экземпляре. Запихнули в подвал...

Принц почесал в затылке. Он был явно разочарован.

— Как-то очень все просто и совсем не нанотехнологично, — заявил он. — Электромагнитная бомба... Это даже я могу. Простейший виркатор на коленке делается. Не веришь? Ладно, не совсем на коленке, но тех станков, что в школе есть, вполне хватит. Труднее всего достать взрывчатку, я же не химик. Ее надо-то вот столечко... Обмотка, сердечник... А дай мне ящик «си-четыре» — во всем городе пробки вылетят!

— У кого чего болит...

— А то! Почему все кругом ломают, а я — чиню? Несправедливо. Пора и мне сломать что-нибудь!.. И чего дальше было?

— А дальше было как всегда. Дрекслер думал лет двадцать и наконец сказал, что малость погорячился и грэй гу — бред. А проверить невозможно: таких ботов, чтобы размножались, просто не успели сделать. Ниnano, ни micro. Дед задумал микроба-репликатора — и опоздал, их запретили.

— Кстати, а почему?

— Как потенциально опасные.

— И чего в них опасного? Ты же говоришь...

— Никто не знает, — Леха развел руками. — Раз никто не знает, надо запретить. Правда, знакомо?

— Погоди... — Принц задумался. — Это было в те же годы, когда задавили свободный софт и отняли фабрикаторы у частных лиц, точно?..

— Нет, фаберы запретили еще раньше, мы совсем маленькие были.

— Ну я же помню, у нас дома стоял «Хьюлетт», мне на нем мама игрушки пекла, младший до сих пор в эти танчики играет.

— Правильно, а сколько тебе было лет? Четыре-пять. Да не спорь ты, я же про это специально читал. Как раз тогда начали зажимать все, что нельзя контролировать. Терроризма боялись. Насадили по всей планете тотальный копирайт... А запрет на размножение ботов — это мы в первом классе учились, кажется. Или во втором.

— И что стало с бомбой?

— Достали из подвала и увезли куда-то. Сразу, как Россия подписала конвенцию. Нанотеху больше ничего не угрожает. Вместо продвинутых микробов, которые сами могли бы работать в организме, о которых мечтал Дед, там делают простейших ботов типа «сбегай-посмотри». Их мы и получим через полгода. По три кубика на рыло. Тоска смертная.

— Да, обидно, — согласился Принц. — Никакой романтики. А я-то надеялся... Грей-гу-у-у... Бабах! И во всем городе пробки — на фиг...

— За романтикой — в Африку.

— Нет, спасибо. В Африку я больше ни ногой!

Глава 2

Леха умел ходить медленно только рядом с мамой или с девушкой под руку. Сейчас он привычно быстрым шагом, на грани бега, петляя дворами, ле-

ниво перепрыгивая ограждения и пороги. Спрятав глаза за темными очками, заткнув уши музыкой, он витал в облаках. Но, даже задумавшись, сохранял мягкую пластику умелого трейсера: будто протекал сквозь препятствия.

...Как смешно с атомной бомбой, и ведь я не знал, что есть такая легенда. А откуда мне знать? Это страх той части взрослых, с которой я не общаюсь. А не общаюсь, потому что меня заперли, связали по рукам и ногам. Слух про бомбу Принц подхватил на работе, у Принца есть работа, мне об этом только мечтать. Учись, сынуля, денег дадим. Тыфу. Они не понимают, что значит для нас шанс работать, делать нечто полезное и своими руками добывать деньги... Как сказать? Это всё и сразу. Принц может сколько угодно ругать нашу допотопную связь, но ты попробуй отними у него этот кабель, с которым он по двадцать часов в неделю трахается на полставки. Да Принц тебя загрызет. Дело не в зарплате даже — просто работа делает его свободным. Двадцать часов в неделю у Принца взрослые права и взрослая ответственность. И поэтому остальное время он себя тоже взрослым чувствует. Свободным человеком, который сам принимает решения и не клянчит денег у мамы. Который вообще в состоянии, чуть что, уйти из дома. Ну не сегодня, но весной у нас будут паспорта — и все. Конечно, Принц не уйдет, у него с матерью отношения замечательные, но главное — возможность. Он может. А я ничего не могу.

А кабель, что кабель, пережиток девятнадцатого века — когда не бараблит. По большей части Принц работает со вполне современной инфраструктурой. Вдобавок он сам пишет софт — у них на фирме есть лицензированный программист, который заверяет работу Принца своим знаком копирайта. Еще год-

два такой практики — и хоть в Москву двигай: там наших берут охотно. А из Москвы весь мир как на ладони. И Принц даже не обязан вернуться, чтобы принять у матери семейный бизнес. Младший брат когда подрастет, никуда не денется, у него с пеленок любимые игрушки — старые хабы да ломаные роутеры... Любит Принц ныть да жаловаться, а глядишь на него — и завидуешь.

Ловко устроился Принц, выпал из схемы. У нас в городе мало шансов для парня средних способностей, не вундеркинда какого-нибудь. Лучший выбор — в Нанотех лаборантом. «Лаборант» — это только звучит несерьезно. Пробирки мыть, ха-ха... Нет, пробирки они тоже моют, для этого специальные машины есть. И обслуживают такие машины юные чайники вроде меня. А на опытных лаборантах вся наука держится, и в Нанотехе этот нижний эшелон — настоящие спецы, элита отрасли. Говорят, личный техник Деда только в силу вечной занятости кандидатскую не защитил. Ну и уходить не хотел из лаборатории. А то его бы оттуда за шкирку вытащили. Это же непорядок и расточительство, когда целый кандидат наук круглый день втыкает в микроскоп, джойстик туда-сюда гоняет, а самостоятельных исследований не ведет.

Да, лаборантом в Нанотех — это отличный старт. Там со времен Деда так повелось, что не институт, а форменная мафия. За молодыми внимательно следят, оценивают на преданность делу, на любовь к нему. И кто за пару лет покажет себя патриотом, тот с чистым сердцем уезжает на учебу — его будут ждать. А кто не рвется в большую теоретическую науку, тот и заочно диплом получит. Заработки в Нанотехе самые высокие по городу, и на конкурс вакансий молодежь ломится толпой.

Я бы тоже ломанулся.

Да кто мне позволит...

Леха срезал очередной угол, проскочил между домом и огороженным палисадником, свернул от подъезда к тротуару... И встал, будто в стену уткнувшись. Здесь скучали трое его ровесников, и Леха оказался им очень кстати.

Немного повыше ростом, немного пошире в плечах, немногого беднее одеты, с виду такие же старшеклассники, но это если не глядеть в глаза.

Леха едва заметно шевельнул левой рукой, «стяживая» музыку. Узкий черный браслет на его запястье эти трое уже засекли. Идиоты, зачем вам телефон последнего поколения, вы не сможете его продать. Разве только подсунуть такому же идиоту, который через час окажется в ментовке и, естественно, сдаст вас с потрохами... Что за долбаный у нас город, никто не следит за развитием электроники, а еще технопарк называется...

Дворовый этикет не позволяет бежать сразу, да Леха и не собирался. Драться с такими в одиночку — без шансов. Но и бегать он умеет слишком хорошо, это будет неспортивно: взять да удрать, не сказав ни слова... Пока Леха соображал, какой выкинуть финт, двое умело отсекли ему пути вправо и влево.

— О... — сказал лениво третий, самый рослый. — Школота.

— О! Гопота! — ответил Леха почти весело.

— Ну что ты. Мы простые учащиеся. Мы это... Из ботанического техникума. Будь другом, дай на минуту телефончик. Надо маме позвонить.

Троица медленно оттесняла Леху к двери подъезда, но вплотную еще не подходила. Такие всегда наступают медленно, загоняют тебя в шаблон жертвы. Не будь жертвой. Будь собой.

— Мама волнуется... — протянул рослый жалобно. — Ну дай телефон, правда. Я верну.

Леха медленно завел одну руку за спину. И сказал:

— Сюда гляди.

Достал из-за спины кулак с оттопыренным больши́м пальцем. Облизнул подушечку пальца. Встал к двери подъезда вполоборота.

Гопники завороженно наблюдали за его действиями. Потенциальная жертва порвала им шаблон хищников.

Леха приложил палец к контакту домофона. Дверь в ответ издала музыкальный писк.

— Ё! — только и сказал рослый.

Леха распахнул дверь и стремительным броском исчез в темноте подъезда. Дверь не успела закрыться, рослый ее поймал, чуть не отдавив себе пальцы. С громким боевым кличем троица устремилась Лехе вслед.

Секунду-другую на улице было тихо, только из подъезда доносились топот, пыхтение и мат. Потом над козырьком подъезда раскрылось низкое окошко, из него вынырнул Леха. Плавным кошачьим движением он прыгнул с козырька вперед-вниз, погасил скорость перекатом, вскочил и рванул от подъезда к удачно подвернувшемуся бетонному забору. Одним движением взлетел наверх, уселся на заборе и оглянулся.

Из подъезда выбежали запыхавшиеся гопники. Леха приветливо махнул им рукой и пропал за забором. За спинами гопников с железным лязгом захлопнулась дверь.

Рослый, тяжело дыша и одной рукой держась за бок, подошел к домофону и пристально на него уставился.

— Вот же ё... Как он это сделал, а?

Приложил палец к контакту. Безрезультатно.

Оглянулся на своих приятелей. Плюнул на палец, снова прижал, опять без толку.

— Мальчик-электроник, мля... — подсказал один из парней.

Рослый оглянулся и авторитетно заявил:

— Не. Тот был рыжий. А этот хрен в очках — Терминатор!

Глава 3

Вот же балбесы, думал Леха, шляются неприкаянные и своего счастья не понимают. Когда нет постоянного контроля, когда на тебя не давят каждую секунду, когда ты свободен — господи, столько можно всего узнать, только руку протяни. Ничего ценнее информации на этом свете нет: кто больше узнал, тот в итоге больше выдумал. А кто выдумал, тот и герой, время такое, выдумщики в цене, на них охотятся корпорации: алло, мы ищем таланты... Конечно, выдумка должна быть в рамках. Выдумка должна веселить, развлекать, мотивировать. И не нарушать копирайт.

Мама у него волнуется, ха-ха. Юморист нашелся. Тебе бы мою маму, ты бы понял, что с этим не шутят. Ты бы разок увидел, что бывает, когда мама развлечется, — и стал бы навеки шелковый. Тихий, смирный и малоподвижный.

Она хочет видеть сына здоровым — и день за днем вколачивает в меня психологический комплекс инвалида. И кого вырастила — лжеца. Хотя «лжец» слишком красивое слово, я мелкий бытовой врунишка. Маму понять можно, она боится. Она боится, я боюсь, отец не вмешивается, потому что тоже боится — взорвать эту идиотскую ситуацию... Кру-

гом одни страхи. Их поколение боится всего и заражает страхом нас.

Дед не боялся. Иначе не стал бы тем, кем был. И я не хочу бояться. Иначе мне не стать собой. Но от одной мысли, вдруг кто-то матери сболтнет, мол, я бегаю по стенам, — душа в пятки уходит. Мама, если об этом услышит, сама на стену влезет по вертикали. Пока вокруг моих родителей заговор молчания. Я даже не просил никого в школе, само так сложилось. Школа хорошая, ребята чуткие, у всех свои нелады со старшими, зачем такого же страдальца подставлять... А ведь с каждым днем все больше хочется, чтобы кто-то проболтался. Надоело врать и прикидываться. Интересно, отец знает? Вряд ли, слишком занят. И Интернет для него рабочий инструмент, он просто не ходит туда, где висят ссылки на наши с Принцем ролики. А мама шляться по Интернету не любит. Ей там нужны одни кулинарные рецепты. Удивительно, но факт.

А может, она боится что-то узнать. И отец боится. Опять страхи.

Я читал, это проблема их поколения. Им сначала очень много разрешали, потом все запретили. Трудно понять, когда старшие сами об этом пишут — и ничего не пытаются сделать. Еще труднее понять, отчего они, такие свободные, не дергались, когда им запрещали.

Запрещали ведь такие же, их ровесники.

Мы должны были жить в совсем другом мире — мире открытого кода. Мире, свободном для творчества и производства.

А его с перепугу забанили, сразу и весь.

Об этом не расскажут в школе. В моей жизни есть хотя бы напоминание о стертом мире мечты: стоит на даче большой пластиковый ящик, с виду то ли принтер, то ли копир — один из последних фаб-

рикаторов. Дед позаимствовал его в институте и «забыл вернуть». Он, наверное, лет десять как списан. А то бы приехали менты и забрали. Хотя и так всем понятно, что фабер без порошка никакому террористу даром не нужен. А порошок для фабера теперь «режимный» продукт, в частные руки не попадает.

А ведь фабер мог сейчас стоять в каждом доме. И ты бы выпекал на нем все, что в голову взбредет, от столовых приборов и водопроводных труб до мебели. Скачал программу из Интернета — и сделал для себя вещь. Если придумал, как сделать новую вещь, — обсчитал ее координаты, прописал алгоритм, сбросил программу в сеть, пусть другие пользуются. Фаберы становились все лучше, самые продвинутые умели впекать в пластмассу металлические нити: достаточно, чтобы собирать бытовую электронику. Еще чуть-чуть, вот появись только полимерные чипы, и ты смог бы от начала до конца сделать компьютер. Не свинтить из готовых деталей, а именно сделать! Да ладно компьютер, а панели для солнечных батарей? В пасмурной России не очень актуально, а для большей части мира — сначала частичная, затем полная энергетическая независимость каждой семьи.

Но главное — сам принцип. Вот стоит ящик, ты сыплемь в него пластиковый порошок и металлическую стружку, он пыхтит-тарахтит и выпекает тебе вещь, за которой не надо идти в магазин. Хочешь дверную ручку, а хочешь — бумбокс, фаберу без разницы, была бы программа. А программы совершенствуются вслед за фаберами: код открытый, бери и дописывай. Хочешь, наструячь деталей и собери еще один фабер. Правда, двигатель и лазерную выжигалку придется купить, но рано или поздно фаберы научились бы делать и их.

У хорошего фабера был шаг в семь микрометров,

это диаметр эритроцита вообще-то. Это такой достойный микроуровень, на котором относительно недавно работали даже в самом Нанотехе. Но все равно от семи микрометров очень далеко до волшебного «нано» — молекулярной, а то и атомной сборки. Микроуровень позволяет собирать сложные вещи из готового материала, наноуровень — из чего угодно.

В физическом смысле между микро и нано — пропасть, в психологическом — один шаг. Пускай всего лишь микросборка, зато ты уже независим, ты сам себе фабрикант. Когда простой человек приучается делать предметы обихода одним нажатием кнопки, это уже совсем другой человек, новый. А приучается он быстро, как привыкли наши прабабушки к мобильным телефонам — и взялись за компьютеры.

Этого не узнаешь на уроке обществоведения: мир должен был перевернуться.

Должен был, да не перевернулся — вот и нет этого в учебниках.

Все перечеркнул один террористический акт. Рой крошечных самолетиков со взрывчаткой, атаковавший Пентагон, оказался выпечен на бытовом фабере.

Власти ответили. Составили обширный список «террористически опасных» бытовых технологий и мирных профессий. Запретили передачу фаберов в частные руки. Ввели лицензии для программистов и крепко зарегулировали Интернет. Покончили со «свободным софтом»: бесплатный — сколько угодно, с открытым кодом — нет. И наконец, заклепали последнее звено той же цепи: приняли всемирную конвенцию против репликаторов, под которую попали микроботы. В городе ходил слух, что конвенция доконала Деда, неспроста через несколько месяцев он умер. Дед занимался именно репликатора-

ми, он шел к ним всю жизнь. Институт сосредоточился на медицинских ботах, это было нужнее всего, под это давали средства, но в перспективе Дед мечтал о мире totally открытоого кода, мире всеобщей микросборки, а затем и наносборки, чтобы люди мановением правой руки создавали изысканную пищу, а левой — звездные корабли...

Некоторые говорят, тот теракт был намеренной провокацией.

А отец говорит, если я буду все время про это читать и потом лезть к нему с вопросами, он «отрубит мне сеть». Я сказал, ты отстал от жизни, теперь Интернет отрубается, только если обрушить 4G во всем городе. Отец хмыкнул и заявил: «Не представляешь, насколько это просто». Мы с Принцем долго соображали, как именно заведующий отделением городской больницы может грохнуть сетку. Я решил, что папа малость преувеличивает. А Принц чесал-чесал в кудрявом затылке и вдруг ляпнул: «А ведь это смотря кого он лечил. Он кого только не лечил!» Тут и я задумался.

У старших другие понятия, другие методы, это надо знать и помнить. Они родились еще в СССР, выросли в дикие 90-е, правят нашим миром сейчас. Похоже, мы не до конца понимаем, насколько это суровые и безжалостные люди. Они просто делятся на тех, кто высказываеться в Интернете, и тех, кто вообще ничего не говорит никогда.

У нас дома прошлое не обсуждается. История семьи — да, но как заходит речь о новейшей истории страны и мира — будто в стену носом. У Принца то же самое. У Марии вроде не так, но там семья особенная, папаша деловой, бизнесмен, ничего и никого не боится. Только Марии с ним особо говорить некогда: занят. А в целом по городу — тишь да

гладь. Да и по всей стране как будто. Рылом в зомбоящик, и тишина мертвая.

Где еще в развитых странах осталось классическое эфирное телевидение? Только в России, наверное.

А потом удивляешься, почему все уверены, будто Нанотех делает нанороботов. Ну конечно, так на вывеске написано, так по зомбоящику бубнят день за днем. Сам Михалборисыч, директор Нанотеха, говорит: «нанороботы»! Ну как ему не поверишь... Правильное словечко «микроб» разнесли по городу сотрудники института, и на том спасибо. Но в чем разница между наноботом и микроботом, это уже публике не вдолбишь, да и незачем.

Им незачем. А мне надо.

Люди должны понимать, с чем имеют дело, я так считаю. Все должны, все и каждый, иначе ничего хорошего у нас не получится.

Люди имеют право знать...

Он по-прежнему был в очках и опять слушал музыку, а заборов тут понастроили видимо-невидимо, не дворы, мечта трейсера. С очередного забора Леха прыгнул не глядя, в глубокой задумчивости, и свалился на свою одноклассницу.

Пришлось ее поймать и слегка обнять, чтобы не упала.

— Ой! Леша...

— Ой, — согласился Леха, выпуская девушку и отступая на шаг назад. — Даш, извини. Привет.

Он даже руки в карманы засунул, чтобы она чего лишнего не подумала.

Даша была миловидной блондинкой с прической из позапрошлого века: волосы гладко убранны, за спиной длинная толстая коса, никаких крашеных перьев и побрякушек. Ни телефона на запястье, ни затычек в ушах. Одета, на первый взгляд, с Лехой

вровень — подумаешь, футболка-джинсы-кроссовки, обычный летний набор старшеклассника. Только весь этот гардероб не стоил одного Лехиного носового платка.

Дашу в школе любили и втайне жалели. Принц говорил, у нее эталонная фигура, и это просто безобразие, что такое сокровище нельзя красиво одеть, точнее, подобающим образом раздеть.

— Ну ты летаешь!

— Да ла-адно.... — протянул Леха. — Сверху вниз любой может. Вот снизу вверх... Ну, это. Давно не виделись. Как отдохнула?

— А, все лето в деревне. За младшими присматривала.

— Ну да, вас много... — буркнул Леха, вспоминая, сколько их там, пятеро или шестеро. — Загорела. Отлично выглядишь.

— Спасибо... — Даша смущенно потупилась. — А ты где?..

— Опять тур по санаториям, — Леха сморщился. — Нет, было замечательно, только врачи... Устал я от них. Ну, ты знаешь.

— Ты здоровый, — сказала Даша.

— Догадываюсь. Кто бы маме намекнул. А мне, оказывается, километр проплыть — раз плонуть. Дурак, что раньше не пробовал.

— Это где? — завистливо спросила Даша.

— Нет, не в одну сторону, кто бы мне позволил. Я между буйками мотался туда-сюда... — ушел от ответа Леха.

Незачем ей знать, что это было в Италии, а врать неохота. У Лехи отец прилично зарабатывает, да от дедушки остался солидный депозит в надежном банке. А у нее отец инвалид. Пострадал за нанотехнологии — позвоночником и, к несчастью, головой.

— Километр... — мечтательно протянула Даша. —

Это брассом, наверное, полчаса, если не рвать. Я бы попробовала. А то... А?

— Слушай, это сорок дорожек! Двадцать кругов. Голова закружится! Или я засну от скуки и утону. И потом, физрук скорее сам утопится, чем разрешит плыть на дальность. У него на морде написано, как он боится, что кто-то пойдет ко дну и ему придется за ним нырять.

— Может, он плавать не умеет? — спросила Даша страшным шепотом.

Они немного посмеялись, то глядя друг на друга, то отводя глаза. Им было как-то неловко рядом.

— Ну чего... — сказал Леха. — До послезавтра?

— Угу.

— В первый раз в предпоследний класс, — очень смешно пошутил Леха, аж стыдно немного стало.

— Ага.

Вот беда, подумал Леха, я ведь действительно рад ее видеть, она такая милая, но говорить нам не о чем, а главное, незачем, хороша Даша — да не наша. Убил бы кто ее родителя, что ли, этого сектанта долбаного.

— Ну я побежал.

— До свидания, Леша.

Леха решительно повернулся к девушке спиной и зашагал по улице. Даша смотрела ему вслед. Леха вдруг обернулся.

— Ты это... Марию не видела? Она не вернулась еще?

Даша отрицательно помотала головой.

— Ну, счастливо! — Леха сменил шаг на обычный свой полубег и исчез за углом.

Даша проводила его взглядом. Достала из заднего кармана шелковую косынку, неприязненно осмотрела ее, тяжело вздохнула, повязала на голову и пошла своей дорогой. Домой.

Глава 4

Мама, как обычно, поджидала Леху в прихожей. Всегда она успевала оказаться тут: пока с дверным замком справишься, родительница уже на своем месте.

— Привет, мам.

— Ну как ты? Иди сюда.

Мало удовольствия, когда тебя властно берут за плечи и принимаются разглядывать, словно больного. Леха давно уже не стеснялся морщиться во время этой процедуры, а в последнее время морщился демонстративно, напоказ, но мама в упор не видела, что сын недоволен.

Она умела такие вещи не замечать.

Закончив внешний осмотр, мама потрогала Лехин лоб.

— Вроде не горячий.

Леха позволил себе поцеловать в щеку и деликатно вырвался.

— Ну хорошо. Позанимался?

— Уи, мадам. — Чтобы врать убедительней, Леха перешел на французский. Они, собственно, этим должны были заниматься битых два часа вместо беготни по городу: втыкать в монитор со скучными упражнениями на френче. Принц сам вызвался Леху подтянуть по языкам, сегодня был «французский» день. Прононс у Принца, мягко говоря, африканский, зато грамматику он чувствует интуитивно. И очень удивляется, с чего это одноклассники считают ее сложной. Не дай бог ляпнуть при нем «пардон муа», полчаса издеваться будет.

Пардоннэ муа, пардоннэ!

— Принц ездил в Африку этим летом, ты зна-

ешь? Говорит, не хочет туда больше. Ему там не нравится.

— Ну и слава богу. Ох, бедная его мама...

— Почему бедная? — Леха от удивления заговорил по-русски. — Свой бизнес, все хорошо у нее.

— Вырастешь — поймешь. Может быть.

Леха пожал плечами и направился в свою комнату.

— Обедать через полчаса, — донеслось вслед ему. — Не забудь про таблетку.

— Угу, — привычно бросил он, не оборачиваясь.

Комната у Лехи была небольшая, но уютная. Обычная комната подростка, ничего примечательного, только на столе у компьютера стояла неожиданная вещь. Издали она выглядела как модель вертолета, искусно выточенная из пластика и крашенная серебрянкой, местами потертая.

Леха взял модель на руки и погладил, как котенка. На самом деле это был не вертолет классической схемы, а нечто странное. Прямо стрекоза с нестандартным движителем. Широкие короткие лопасти винта, каждая заканчивается соплом, четыре когтистые лапы снизу, продольное сопло под брюхом на всю длину машины, два суставчатых манипулятора спереди, какие-то антенны... Куцый хвост-стабилизатор казался вообще рыбьим.

Ротативный вертолетик — интересно, такие когда-нибудь летали? — с лапками. Несмотря на всю свою несуразность, выглядела игрушка очень симпатично. Добродушно. Вызывала доверие и желание улыбнуться.

Правая рука была занята, на ней сидел вертолетик, поэтому Леха поднес левое запястье к носу и ловко сдернул телефон с руки зубами. Родители такого обращения с ценной вещью не одобряли, но так все в школе делали, это был особый шик. Брас-

лёт развернулся в узкую пластинку, затвердел, на нем проявился небольшой мониторчик, нарисовались подсвеченные кнопки.

Можно было, конечно, и носом ввести команду, это тоже забавно, но Лехе нравилось, как телефон меняет форму. И зубами его хватать нравилось.

А голосовое управление — для школоты.

Он, почти не глядя, мазнул одним пальцем по кнопкам.

— Пап, ты не занят? Слушай, я спросить хотел... Я тут шел мимо Нанотеха и подумал... Мне раньше даже в голову не приходило...

Он поднял вертолетик на уровень глаз.

— Микробы, над которыми Дед работал. Это ведь были репликаторы, и, когда Россия подписала конвенцию, программу закрыли. А теперь представим, что Дед успел собрать опытную партию немного раньше... Как думаешь, он испытал бы их на себе?

— С чего бы это? Вкалывать себе неапробированный материал?..

Голос отца был удивительно похож на Лехин, только пониже. Еще интонации совпадали. Все, кому доводилось слышать их телефонные разговоры, уверяли: такое впечатление, будто Леха сам с собой общается. Правда, тот Леха, который на другом конце линии, поумнее заметно.

— А-а, понял, о чём ты, — сказал отец. — Нет, Леш, прости, исключено.

— Он мог бы жить. Если бы не конвенция. Тогда не было ботов, способных лечить, да их и сейчас нет! А Дед опередил время, он их придумал. Они бы почистили ему сосуды, и этот дурацкий тромб заодно...

— Возможно. Но, во-первых, он ни на что не жаловался и не чувствовал себя больным. А во-вторых, он не имел права на такие фокусы.

— Почему?! — то ли вскричал, то ли взмолился Леха.

— Потому что он был ученым, — сказал отец как отрезал.

Повисла унылая пауза.

— Микроб такого уровня — очень сложная машина, — сказал отец терпеливо. — Никто не знал, как она себя поведет. Только-только начались эксперименты с ботами-диагностами, а тут такая... Зверюга. Не было гарантий, что эта фигня вообще сможет шевелить лапами. Дед говорил, там в принципе огромный запас по вычислительной мощности и способности удержать прошивку. Минимальный рой таких ботов мог бы соображать на уровне средней мобилы тех лет. Очень неплохо. Но это единственное, в чем Дед был уверен заранее. Какие тут испытания? Сначала образцы, потом опытная партия — и тестовый период минимум года полтора. И только если все тесты пройдут без сбоев, тогда в самом конце — испытания на добровольцах.

— Ну и...

— Дед просто не имел права записаться в эту группу. Не дай бог полетит настройка, бац — и тебя развинтили на фиг твои собственные боты. Разобрали на молекулы. Зашел в лабу научный руководитель, вышел центнер серой слизи. Очень весело, да?

— Серой слизи не бывает, — парировал Леха.

— Это мы сейчас так думаем, а тогда никто не знал! И сейчас никто не знает наверняка, между прочим. И сколько Дед ни хихикал над серой слизью, на самом деле он эту проблему всерьез обдумывал. Потому что обязан был учитывать все, даже такую фигню... Не забывай, он отвечал за весь институт, и тут уже не до фокусов. В последние годы Дед сосредоточился на науке и текущие вопросы свалил на Мишку... Виноват, на Михалборисыча. Но ди-

ректором Нанотеха всегда был и оставался именно Дед. А командир собой не рискует, Леш.

— Все говорят, он не боялся...

— У-у... Дорогой мой, они не понимают. Болтают много, а не понимают. Конечно, у нас теперь говорят, я сам это слышу, мол, Дед был смелый, не прогибался, при нем такого бардака не было и так далее... Но говорят не про ученого, а про начальника. Он не дрожал за свою карьеру, не боялся врезать кулаком по столу, и за людей стоял горой, и много для них сделал, да и для города в целом... И он проявил достаточно смелости, я тебя уверяю, когда ввязался в гонку за нанотехнологиями.

Леха поставил вертолетик на стол, подошел к окну, тяжело оперся о подоконник. Он никогда не чувствовал себя усталым и удивлялся, если другие на это жаловались, а тут вдруг стало как-то трудно. Муторно. Отец говорил разумные и справедливые вещи, но отец вообще был такой... Рассудительный.

— Думаешь, никаких шансов?

— А чего думать, Леша, все на поверхности. Этот бот мог быть только репликатором, иначе и браться нет смысла, разоришься. Сборка единственного прототипа тянула на полгода. Это тысяча человеко-часов ювелирной ручной работы. Но если вводить репликацию, значит, и без того переусложненный бот становится еще сложнее, число возможных багов и глюков подскакивает до неприличия, доводка занимает еще больше времени... Времени Деду и не хватило... Во всех смыслах. Когда запретили репликацию, Дед со своими ботами попал в ловушку. Сколько он мог их сделать? Десять? Двадцать? А нужны десятки миллионов хотя бы для первых тестов.

— У него ведь была своя лаба, свои мощности, — выдвинул последний аргумент Леха. — Он мог на плевать на запрет и...

— Нет. Пойми, время ученых-одиночек давно прошло. Микробов не создают на коленке. Их в одиночку просто не придумаешь, я уж молчу про детальную разработку. Ну была у него своя лаба, в которой непонятно что творилось, туда даже Михал-борисычу хода не было... Но косвенно на Деда пахало человек двести — и пахало со страшной силой. А это половина научных мощностей Нанотеха. Физики, химики, микробиологи, программеры, врачи-кибернетики... Да, в конце цепочки стояли только трое, Дед, его техник и его программист. Но без этой огромной группы поддержки они не могли продвигаться дальше. Проект закрыли — и все, привет горячий.

— Он мог бы жить.

Снова возникла пауза, на этот раз долгая.

— Пап, ты чего? Пап?

В нескольких кварталах от окна, у которого стоял Леха, тем же самым движением, будто копируя сына, оперся о подоконник его отец.

Повторяя друг друга в мельчайших жестах, они не были особенно похожи лицом. Отец выглядел гораздо жестче, суровее: человек, не просто с годами привыкший отвечать за свои решения, а изначально созданный для этого. Вряд ли он когда-то был таким милым юношей, как сейчас его сын. Образ Лехи подошел бы для рекламы, лицо его отца — для пропаганды. А ты что сделал, чтобы Россия встала с колен? А я дал ей по заднице!

— Задумался, чего... Вопросы у тебя...

Как объяснить подростку, чтобы тот поверил? У парня в голове каша, он слишком много читает всякой ерунды, хоть и правда Интернет ему отрубай. Сейчас у них мода обвинять старших в том, что профукали шанс выстроить принципиально новый мир. Мы профукали. Как будто от нас, частных лиц, мно-

гое зависело. Это звучит красиво: «мир открытого кода». А реально — угроза экономического коллапса, целые регионы голодных безработных, да чего там, целые страны. Подростку не втолкуешь, насколько все сложно, тут не каждый взрослый разберется. Остается верить экономистам. Но подросток не обязан верить никому, на то он и молодой человек, весь устремленный в завтра.

Особенно если у подростка дедушка был ученым мирового класса и, по непроверенным данным, выдумал черт-те что, способное якобы поставить на уши всю планету, — а его тормознули буквально на последней секунде. Во имя всеобщего блага и стабильности.

Трудно с такой легендой, она ведь правдива в основе своей, кто бы знал насколько. Кто бы знал. Я-то знаю, к несчастью.

Дед замахнулся на такого навороченного бота, от которого один шаг до универсала. Дед это понимал отлично. Сначала универсальный медицинский бот, а вслед за ним — универсальный сборочный микроб. Нанотех стал бы мировым лидером в своей области, Россия сделала бы рывок прямо в будущее, обгоняя всех. Но это понимали и другие. Страны-конкуренты, скажем так. И они доходчиво объяснили нашим властям, чем может закончиться такой прорыв, если сборщики-репликаторы «пойдут в народ».

Поголовье ботов начнет стремительно расти, управляющие программы для них бросятся писать все, кому не лень. Запреты на открытый код просто рухнут: к каждому умнику не приставишь мента. Через год начнется хаос: неконтролируемая сборка чего угодно где угодно из любого металлома и промышленных отходов. Энергию сначала будут покупать и воровать, потом наделяют солнечных бата-

рей. Люди получат такую свободу, о какой и не мечтали, но это потянет за собой распад всех производственных цепочек. Дальше рухнет финансовая система. А на нее завязана такая хрупкая вещь, как сельское хозяйство. Пищу микробы не делают, это уже наноуровень. А до наноуровня нам — как до Москвы раком. И на планете, заваленной барахлом, наступит голод. И будет война. Мы просто не готовы к ботам-репликаторам, как оказались не готовы к фаберам и открытому коду. Наш мир слишком уязвим. И одним из тех, кто нес ему угрозу, случайно оказался честнейший и добрейший ученый, старый опытный микроэлектронщик Алексей Деденёв по кличке Дед.

Конечно, мы никогда не узнаем, кто с кем договаривался и какие бонусы Россия получила. Наверное, получила, не могла же Москва прикрыть это направление чисто по дружбе. Тогда все разговоры были только про модернизацию, про рывок вперед и нанотехнологии, будь они неладны.

Ну и пошли по известному пути, который уже обкатали... Сначала на клонировании, потом на фаберах. Да, власти были очень напуганы. Черт знает, насколько опасны фаберы и открытый софт для них — подумаешь, взорвали Пентагон, тоже мне трагедия... А с репликаторами шутки плохи, они бы точно поставили мир вверх ногами.

Но как хотелось это увидеть, черт побери... Вот едет по земле машина и оставляет за собой готовое шоссе. Вот прикатили строители бочку, вывернули ее содержимое на кучу песка и щебня, воткнули пару проводов, свистнули — и вырос дом. Вот привезли на городскую свалку контейнер — и давай из мусора штамповать компьютеры. Или стиральные машины. Или чайники. Да что угодно.

А у нас, в медицине? Ставишь в операционной

ящик, и из него лезет по твоему приказу любой инструмент, любой материал, уже стерильный. Чем плохо? Тем, что неестественно, невообразимо дешево? Ну придумайте, как это компенсировать!.. Тем, что людей трудно будет контролировать и они натворят черт-те чего? Ну сообразите, как держать их в рамках... Мечту-то не отнимайте! Все бы вам запрещать. Этого нельзя, того нельзя... Всего боимся, держимся за «стабильность», а у нас тут люди мрут, которых микробы Деда могли бы спасти.

То-то на нас дети с подозрением смотрят. Не любят дети тех, кто слишком боязлив. Чуют, что дело нечисто...

А услыхал бы Лешка, в чем я сам участвовал... Он, разумеется, помнит, что его отец работал в Нанотехе. Но думает, я там в санчасти прозябал. И ведь не расскажешь: будут только новые вопросы, на которые я не смогу отвечать.

Сколько всего я хотел бы забыть, подумать страшно...

— Пап! Ты там заснул, что ли, на рабочем месте?

Отец стоял у окна в своем кабинете, крупный сильный человек в белом халате, и глядел на город. Очень медленно и глухо, будто на него свалилась неподъемная тяжесть, он сказал:

— Все было решено восемь лет назад. Ничего не исправишь, дружище. Ты не переживай. Дед успел сделать очень много.

— Да, конечно... — отозвался Леха несколько подавленно. — Я тебя расстроил, пап, я же слышу. Извини.

— Ерунда. Просто... Всякое разное вспомнилось.

— Ну ладно, извини еще раз. Пока!

Отец дал отбой и крепко сжал трубку в кулаке.

Поглядел на телефон и сказал то, чем стоило бы завершить разговор:

— Ты и подумать не можешь, как много он успел.
И снова уставился в окно.

Глава 5

Восемью годами раньше

Когда больница становится твоим вторым домом, ты понимаешь, что тут можно жить, а значит — можно все. Здесь ездят верхом на каталках, устраивают дурацкие розыгрыши, влюбляются, ссорятся, выпивают после смены и даже иногда лечатся. Совсем изредка прямо тут, на работе, врачи умирают.

Неверно думать, будто медики «привыкают к смерти». Они перестают бояться ее. Смерть для них — не экзистенциальное зло, а враг, с которым можно и нужно бороться. Их профессия — не давать людям умирать раньше времени. А еще врачи лучше всех остальных знают, насколько смерть отвратительна.

Виктор Васильев, терапевт, был не из тех, у кого пациенты, что называется, «на руках» гибнут: специальность, в общем, не располагает, не экстремальная она. Даже у психологов иногда клиентура в окна прыгает — терапевт после такого выкрутаса сам бы к психологу побежал.

Сейчас Васильев стоял, глядя пустыми глазами в стеклянную стену палаты, где умирал его ребенок, и вспоминал: а кого он потерял из тех, кого диагностировал и потом «сопровождал»? Ну, был один девушка-хроник, кардиологический, но Виктор его не упустил, все сделал как надо, приди больной на об-

следование раньше, прожил бы потом не два года, а все десять. А без Виктора и год не протянул бы. И бабушка еще одна, тоже хроническая и тоже сердечница, неоперабельная уже, и снова вины его нет, хоть немного, но помог.

Люди приходят слишком поздно. Всегда слишком поздно. Но одних мы еще можем вытянуть, других — нет. А проблема зовется единственным нерусским словом: мониторинг. Дайте нам тотальный мониторинг, и люди перестанут опаздывать к врачу. Врач сам позвонит и скажет: ну-ка, зайдите ко мне на минуточку.

И не даст тебе, бедолаге, помереть раньше времени.

Поэтому когда на горизонте возник Деденёв со своими гениальными микроботами и поманил за собой, Виктор пошел к нему не раздумывая. Деду не интересен был простой терапевт, хоть и загоревшийся идеей, он сказал: «Доучишься, тогда приходи, я тебя запомнил». Васильеву было уже под тридцать, на свой страх и риск он снова взялся за учебу, ночей не спал, как в молодые годы, получил-таки вторую специальность, врача-кибернетика, и с двумя уже дипломами явился в институт на окраине города. Институт стал гораздо красивее и сменил вывеску. А директор был все тот же: худое костиное лицо, ехидный пришур. Седые усы до подбородка, которые Деденёв отпустил после смерти жены, делали его похожим на отставного пирата. Человека с такой внешностью легко принять за провинциального хитрована, уверенного, будто самый умный. На этом многие попадались: к тому моменту, когда становилось ясно, что Дед не склонен хитрить и действительно умен, он успевал добиться от вас всего, что ему нужно.

«Вот и ты! — обрадовался директор, словно пары

лет не прошло, а пара дней только. — Очень вовремя, приступай».

«Экспериментальная клиника» оказалась крошечным стационаром, но у Деда все было такое: маленько да удаленько. Небольшая комната, набитая сверкающим железом, гордо именовалась «микрофабрикой», а на показуху вообще «нанофабрикой». Цокольный этаж — «промзона», три специалиста — лаборатория, пятеро — уже сектор. Поначалу много было только охраны и денег. Еще менеджеров от науки, мастеров «толкать процесс» и красиво нести бред по зомбоящику, крутилось вокруг Деда немало, но этих он быстро заставил перекусать друг друга, выгнал самогоЗубастого и назначил исполнительным директором.

И стало, в общем, очень интересно, и было время больших надежд. Слово «нанотехнологии» звучало в эфире по десять раз на дню, от него уже всех тошнило, при этом никто в стране не понимал толком, что такое «наноробот». За исключением Деда и узкой группы научников. И, конечно, Мишка, Михалборисыч, тот самый зубастый исполнительный директор, выросший со временем до первого заместителя, — он тоже понимал в микробах, хоть и разливался про фантастических «нанороботов» соловьем на каждом шагу, от забора Нанотеха до самого Кремля. А Дед реально знал, что за зверь микроб, и реально хотел его построить. Сначала бота-диагноста, потом доставщика лекарств, затем чистильщика и, наконец, создать бота не простого, а золотого — универсального микропрограммиста. Позже Дед проговорился, что, не будь он уверен в успехе и не рискни озвучить такую сильную идею, ему не дали бы ни гроша.

Потому что деньги тогда рвали на себя все, кто мог произнести слово «нанотехнология» без запин-

ки. И пока не ошарашишь московских бюрократов презентацией, доступной их убогому пониманию, то есть похожей на картинку из фантастического кино, — фиг тебе, а не деньги. Да, у института было сильное конкурентное преимущество: Дед жизнь положил на микромеханизмы, и институт всегда пахал именно в этом направлении, закапываясь все глубже, вплотную подойдя к пресловутому наноуровню безо всяких специальных госпрограмм и нацпроектов. Только это ничего не значило. Все решали личные связи и наглый пиар.

Дед не мог не влезть в «наногонку». И он влез, отхватил жирный кусок, набил институт под завязку специалистами, которых ему раньше не хватало, загнал всех в актовый зал и произнес речь:

— Тут собралась команда, помешать которой не может ничего, кроме законов природы. В законах природы мы немного разбираемся. У нас нет оснований не сделать то, на что мы замахнулись. Через пять лет выходим на прототип. Через десять — на клиническое применение. Максимум через пятнадцать — на тотальную загрузку ботов всем и каждому. Кто хочет помереть молодым, здоровым и красивым в возрасте ста пятидесяти лет — за работу, коллеги. А кто хочет житьечно — за работу сию же секунду! Раньше начнем, раньше кончим!

Переждал нервный хохоток, прокатившийся по залу, — тут задергаясь, когда такое на полном серьезе говорит ученый мирового уровня, ранее не замеченный в прожектерстве и увлечении научной фантастикой, — и ляпнул:

— Я-то не доживу. Вам решать.

Вот тогда Васильев в него и уверовал окончательно.

Институт разрабатывал «трешку», бота-диагноста третьей серии. После небольшой доработки этот

маленький хитрый головастик мог бы воплотить в жизнь мечту доктора Васильева — всеобщий глубокий мониторинг здоровья. Это была очень важная, но уже понятная, текущая работа. Экспериментальный сектор Нанотеха, подчиненный напрямую директору, с каждым днем все заметнее от нее отделялся.

Дед возился со своим перспективным ботом-универсалом. Судя по слухам, доносившимся из экспериментального сектора, поначалу универсал выглядел более-менее достижимой вещью, но при детальном рассмотрении оказался способен вымочить главному разработчику все нервы, а исполнителей довести до истерики. В том, что рано или поздно они универсала все-таки «добыт», а не эта микротварь замучает их насмерть, экспериментальщики были уверены, но когда именно придет время пить шампанское, предсказать никто не брался.

Потом Дед открыто заявил, что универсал может быть только репликатором. Это тянуло за собой очередное усложнение конструкции, а тут еще кто-то вспомнил про угрозу серой слизи. Начался форменный бедlam, по итогам которого в подвал института поставили бомбу — горожане, естественно, решили, что атомную.

Приспособить манипуляторы универсала к сверхточной работе по сборке своих копий и прописать необходимые алгоритмы в прошивкеказалось почти невозможным. Но все уповали на Деда: за ним знали случаи гениальных озарений...

Сейчас гениальный Дед стоял за спиной Виктора, глядел через его плечо в ту же стеклянную стену. За стеной лежал на койке, обставленной аппаратурой, мальчик семи лет. Единственный сын Виктора, единственный внук Деда.

— Вот и все, — сказал Виктор. — Завтра нам его

отдадут. Подгоним машину — и на самолет. Доехать бы по нашим колдобинам... Долетим до Израиля, положим... И будем надеяться на чудо.

Дед тяжело переступил с ноги на ногу. Всемогущий в стенах института и почти всесильный в рамках города, вопросами жизни и смерти он не заведовал, увы.

— Без чуда никак? — буркнул он. — Я слышал, у израильтян огромный опыт.

— Честно? Никак. Сгорел будто свечка. Мы даже не опоздали. Представляешь, мы даже не опоздали...

— Ну-ну, ты же врач. Ты-то знаешь, что чудеса бывают.

— Слишком редко.

«Не наш случай», — едва не сказал Виктор, но удержался. Пусть хотя бы старик надеется на лучшее — у него сейчас и без того неприятности.

Большие неприятности.

Глава 6

Монитор был во всю стену, и за последние лет десять чего только на этой стене не рисовали, какие сильные проекты на ней красовались, как все мощно выглядело! Кто бы мог подумать, что однажды включишь первый канал — и с той же стены тебя, будто ледяной водичкой, окатят реальностью, с головой да насквозь, аж до костей.

Диктор вещал так складно и убедительно, словно понимал, о чем говорит.

— Итак, на следующей неделе Россия станет последней страной, подписавшей конвенцию о запрете репликаторов — нанороботов, способных производить свои копии. Серая слизь, известная вам по

фантастическим блокбастерам, останется фантастикой навсегда!

— Заткни его, сил нет, — попросил Дед.

Михаил отмахнулся от стены пультом — изображение померкло, диктор умолк — и преданными глазами уставился на начальство.

Он умел разыгрывать сочувствие и поддержку очень убедительно, но Дед этой маске не верил ни на грош. Генеральный директор слишком давно знал своего первого заместителя. Эффективный менеджер, акула от науки, редкий в некотором роде специалист. Лететь вперед на всех парусах с таким на пару хорошо, зато тонуть плохо: акула, она и есть акула, первым делом сворачивает туда, откуда кровью запахло.

Сейчас кровью, свежей, пахло от Деда. Вырвали из него кусок мяса.

— Останется фантастикой... — повторил Дед за диктором. — Ну вот, поработал на благо мира и прогресса, хе-хе... Теперь отдохну.

Приказ на закрытие работ ему привезли утром спецпочтой. Он знал, что такой приказ существует, еще неделю назад, и сам не понимал, зачем тянул время. Государство — мажоритарный акционер Нанотеха — аннулировало свой заказ.

Внутренний телефон стоял рядом, только сними трубку, нажми пару кнопок, скажи пару слов. И иди домой, отдыхай. Дед протянул руку.

— Да погоди же, — сдавленно произнес Михаил.

Решается, подумал Дед. Или делает вид, что решается. Сейчас начнет умолять, потом давить. Но что он может сказать мне? Какие раскроет карты?

— У меня приказ на столе, — сказал Дед сухо.

— Погоди. Приказ... Это так. Тебя задвинули. Но мы еще не проиграли.

— Мы? — переспросил Дед.

— Пятая серия.

— Миша, — сказал Дед почти ласково. — Оставь пятую в покое. Она с самого начала была э-э... Играй ума. Научной фантастикой. А сейчас тебе по телевизору сказали — фантастикой и останется.

— Слушай, но когда мы ее в последний раз обсуждали, ты был настолько уверен в успехе...

— А какое это имеет значение теперь? Решение принято на высшем уровне. На высшем, понятно? Решение чисто политическое. Деньги спишут подчистую, мы ни копейки государству не должны. Хороший аргумент? Ничего не было, друг мой. Как будто ничего и не было.

— Но они не знают!

— А чего им знать-то? Я не успел... И главное, какая разница? Говорю же: это политическое решение. Друзья из-за океана попросили, хе-хе... Высокие договаривающиеся стороны окончательно перетрусили. И договорились. А что, я их понимаю. Все логично. Все ради стабильности. Фабрикаторы, репликаторы... Скоро гвоздодеры запретят!

— Ты еще можешь смеяться? Завидую.

— И лопаты, обязательно лопаты отнять у народа. Человек с лопатой — страшная сила!

— А-а, понял, это ты меня добить хочешь.

— Расслабься, Миша. Расслабься и получай удовольствие. Что нам еще остается?

Михаил так сжал зубы, что на скулах заиграли желваки. У него было гладкое лицо человека, привыкшего заботиться о своей внешности, — приятное, располагающее лицо, и он умел им играть, будто прошел солидную актерскую школу. Но в этом кабинете личное обаяние ничего не значило. Здесь не притворялись, все начистоту. Михаилу было едва за сорок, Деду уже за семьдесят, и говорили они на «ты», потому что так общаются члены команды.

Михаил ради Деда почти десять лет разбивался в лепешку, заставил строптивый Нанотех поверить, что он не мальчик на побегушках, а самостоятельная величина, и сам в Нанотех поверил крепко, полюбил институт. Он здесь был свой в доску, крутился ради фирмы как белка в колесе — все это знали. Ему прощали даже манеру обзывать микроботов «нанороботами». Любого другого презирали бы, не глядя на высокий чин, но Михаил не по глупости начал оговариваться. Его красивое лицо было «лицом фирмы», а на воротах фирмы красовалось золотое слово «Нанотех». Вот он и распинался про всякое «на-но» — что в московских кабинетах, что в телевизоре. И по соцопросам, зритель верил Михаилу, считал его настоящим ученым новой формации. Умеет говорить с людьми, понятен и близок: деловитый, подтянутый, очевидно нормальный, без этой придурковатости, которая раньше считалась чуть ли не визитной карточкой уважающего себя доктора наук...

Как раз с наукой-то у него вышло худо — и тоже не по своей вине (во всяком случае, Михаил так считал), ради Нанотеха. Повседневная жизнь фирмы была в его руках, и стоило этим рукам ненадолго опуститься, пришлось бы Деду спускаться со своих горных высей и разгребать текучку. А директору осталось работать в полную силу недолго, это все понимали, значит, надо создать условия, чтобы он спокойно творил. Дед столько здоровья ухлопал на организационные вопросы — довольно с него,хватит загружать мелочами самую светлую голову института. Пусть делает то, что умеет лучше всего: заражает коллектив идеями, придумывает и экспериментирует. Пусть дает результат...

Сейчас Михаил смотрел на Деда и гнал от себя одну мысль: неужели я в нем ошибся? Этот могучий седой дядька, с которым и сейчас боязно податься,

у меня на глазах состарился — а я не заметил? Я всех убеждал, что Дед еще сила, боец старой закалки, — и сам уверовал. А он же стариk. Конечно, его сильно ударили, тут и молодой сломается, когда дело всей жизни летит к черту, но это же Дед!.. Это он учил меня, что в науке не место тем, кто легко сдается. Это его слова, что не будь инженеры такими упретыми, мы бы по сей день на телегах ездили. Наука не знает безвыходных положений, в любом тупике главное — как следует осмотреться, и найдешь путь. Это вся его биография: поиск выходов из очередного тупика. «Давайте мыслить системно», — призывал Дед и всегда в конечном счете выкручивался. Но сейчас, когда надо идти до конца, держаться за свою идею... А он просто уже не тот, и я не заметил, вот беда. А я так в него верил, как в себя.

Михаил смотрел на Деда и гнал от себя мысль, что глядит в глаза предателя. Человека, предавшего самое главное — команду, людей, веривших ему беззаветно.

То есть Михаила.

— Я не успел, — повторил Дед. — Моя проблема. Понял бы заранее, что все кончится запретом репликаторов, не стал бы и вкладываться в эту идею. Забыл бы про универсала, сэкономил время и силы. Не расстраивайся, Миша. Ну, щелкнули нас по носу, больно щелкнули, что теперь делать. Большая политика, она всегда одним кончается: за-претить. А я повел себя как идеалист.

— Не один ты. Мы все. И ты сейчас напрасно решаешь за всех.

Дед грузно облокотился на стол и подвинулся к Михаилу, будто нависая над ним, хоть и издали. В этом движении не было угрозы — привычный жест силы и власти. Дед умел вот так нависать. И всегда ему поддавались.

И вдруг словно обожгло затылок: этот сейчас не поддастся. Даже не сделает вид. Впервые.

То ли постарел я, подумал Дед, то ли проиграл.

Все ссыпалось, все рушилось на глазах, главное дело жизни провалилось, в больнице умирал внук, и куда двигаться, непонятно. И имеет ли смысл вообще двигаться? Защемило сердце.

Ох, не злите меня, подумал Дед. А то ведь я такое отмочу, не наплачется. У меня же с возрастом испортился характер, я стал хмурым и недобрый стариком, вы сами об этом по углам шепчетесь.

— И что ты предлагаешь? — через силу произнес он.

— Не руби сплеча, — сказал Михаил. — Ты сейчас закроешь пятую серию. Но наверху не знают, какие результаты она показала. Ты ничего не доложил. Почему?

— Потому что нет результатов, — Дед пожал плечами. — Кто-то тебе наболтал ерунды. Ты бы прямо меня спросил. Пятая в разработке. А как известно, дуракам полработы не показывают.

— Дай мне образцы. Дай коды для управления. Я сейчас же поеду в Москву.

— Какие образцы, Миша? Проснись. Нет образцов.

— У меня есть выход... — продолжал Михаил, будто не замечая недоумения Деда. — Очень высоко. На очень неглупых людей. Не-глу-пых, понимаешь?

— А смысл? Ты сам знаешь, кто просил за нас и кого просил. Я нажал на все педали.

— Правильно, ты зашел в лоб. Я могу зайти сбоку.

— И что?

Он же ничего не знает, с тоской подумал Дед, ни-че-го. Дурачок привычно надеялся на меня — и вдруг как об стенку носом. Он страдал, он терпел, притворялся верным товарищем и думает, я сейчас

ему за все мучения отплачу. Из кармана достану пробирку с ботами, которые удержат Нанотех на пути к сияющим вершинам. Ну естественно, может, у меня и испортился характер, но работать я не разучился, это тоже все знают... Идиоты. Бедный Мишка так хотел на моем горбу въехать в рай, занять кресло директора фирмы с мировым влиянием, а тут — опаньки! — достанется ему обычный полугосударственный институт, каких много. Не тот масштаб. Не на ту лошадь ты поставил, Миша. И ведь все твое расстройство только от желания успеха и власти. Почуял, что приставка «нано» звучит словно «золото», полез в эту сферу и не угадал, как больно тут судьба колотит. А мог бы стать неплохим айтишником... Ты ведь прирожденный системный интегратор, ну и думай системно, не сходи с ума. Не заставляй краснеть за тебя сейчас, когда и так поводов не то что краснеть, синеть и зеленеть хватает.

— Я покажу им. Я объясню, какой прорыв наша пятая серия, и они поймут.

— Ишь ты. Наша пятая серия... — Дед криво ухмыльнулся. — Слушай, давай прямо. Ты давно уже не столько ученый, сколько менеджер. Это хорошо для института, но... Тебя в лабах месяцами не видят, ты забыл, с какого конца в микроскоп глядят! Ну что ты знаешь о пятой?!

— Это бот-универсал. Он может всё! — выпалил Михаил.

— О господи... Друг мой... — Дед устало отвалился на спинку кресла. — Как бы так сказать, чтобы ты понял раз и навсегда...

Он замолчал, глядя в потолок.

— Ты скрывал от меня детали, ты всегда так делал, когда речь шла о твоих личных проектах, — Михаил немного сбавил тон. — И я уважал это. Ученые все суеверны в какой-то степени. Я сам предпо-

читаю не болтать лишний раз... Но принципиальную схему мы обсуждали. Это прорыв, это чудо! Ты гений! И пускай меня редко видят в лабах, зато ты — ты! — можешь работать. Да у меня вообще другие задачи! Но я все отслеживаю и примерно знаю, как ты продвинулся. И совершенно не понимаю, отчего ты вдруг готов слить пятую серию. Единственный в мире бот-универсал! Подумаешь, запретили! Запретили — потому что думали, будто таких еще нет! А у нас они есть! И если кое-кто увидит готовые образцы, все изменится. Поверь.

— Брось свою рекламу, пятая серия никакое не чудо, просто медицинский бот общего назначения, — скучно процедил Дед. — Ну, довольно хитрая машина, сложная. Тяжелая, крепкая, неприлично дорогая. Поэтому репликатор. Теоретически. А значит, теперь под запретом. Практически. А еще он очень глупо выглядит на картинках. Стрекоза стрекозой. Да тебя засмеют.

— Сам сказал: я менеджер. Я умею говорить на их языке. Тебя они задвинули, а меня послушают. У нас есть уникальный наноробот. Да, к сожалению, он окупится, только если будет самосборщиком, репликатором. Но зато это робот, который реально поднимет Россию с колен! Разве нет?

— У-у... Наноробот... Поднимет Россию... Ты действительно научился говорить на их языке. Брось, Миша.

Провоцируй его, сказал Дед себе, дожмай. Противно, а надо. Пусть вскроется. Даже интересно, какой такой камень у него за пазухой.

— Пустое это. Тема свернута.

— Нет! Не свернута! Конечно, эту тему засекретят к чертовой матери, но какая разница? — Михаил заглянул Деду в глаза, будто заговорщик. — Зато ты сможешь работать дальше.

Ну вот все и сказано, подумал Дед. Раскрылся ты, парень. Очень вовремя, надоел мне этот разговор.

Даже если твоя авантюра удастся, ты ведь сам понимаешь, что создавать медицинского универсала втайне от всей планеты — бессмысленно. Как его применять-то? Работать на перспективу? Ее не будет. Запрет на репликаторов — навечно. Мне на пальцах объяснили, как репликаторы обрушат мироустройство и чем все это кончится. У меня вырвалось одно слово: «идиоты». Идиоты развели руками и мило улыбнулись. Они не доверяют «простым людям» в принципе, а больше всего их пугает собственный народ. Они уже пуп надорвали, превращая русских в жвачных.

А вот ты не идиот, Миша, нет. И не травоядный.

Ты просто болван и каннибал. И только что признался в этом открытым текстом.

— Ага, — лениво бросил Дед. — Тему засекретят вместе со мной. И ты автоматически станешь директором Нанотеха. Спасибо за откровенность, Михаил Борисович, это что-то новенькое, ты обычно втихую все... Давай так. Сядешь в мое кресло — будешь принимать решения. А сейчас прошу меня извинить...

Михаил резко встал из-за стола. И вдруг куда-то пропал чуть наивный, не самый умный, простодушный карьерист. На Деда холодно глянула та акула, которую тот по достоинству ценил и умело использовал. Вполне самостоятельная хищница теперь.

— Ты так убиваешься на работе, — процедила акула, — что я сяду в твое кресло очень скоро. Последил бы за здоровьем. Взял бы отпуск, что ли.

— Спасибо, дружище, ценю твою заботу, — равнодушно отозвался Дед, поднимая трубку телефона.

Михаил быстрым шагом покинул кабинет. Де-

монстративно хлопнул дверью. Дед покачал головой и нажал на телефоне несколько кнопок.

— Семенов? Это директор. Приказываю. По пятой опытной серии всю документацию и программное обеспечение немедленно уничтожить. Уничтожить необратимо. Повторяю: необратимо. За приказом по лаборатории зайдете ко мне, а сейчас... Выполняйте.

Глава 7

На стеллаже в личной лаборатории Деда стояла модель, самоделка из пластика, крашенная серебрянкой. То ли вертолет, то ли стрекоза, то ли вообще рыба с пропеллером, не разбери-поймешь. Стеллаж едва заметно подрагивал: рядом с ним давился бумагой шредер. Хмурый техник, крепкий мужчина средних лет, бродил медвежьей походкой от стола к столу, присматривая за тем, как лаборатория отдает концы. Все компьютеры были запущены на форматирование и сейчас, еле слышно похрустывая, распыляли на кластеры бесценную инфу. Время от времени техник запихивал в шредер очередную папку. Действовал он настолько методично и механически, с таким непроницаемым лицом, словно находил в своей работе утонченное садистское удовольствие.

В дальнем углу лаборатории сидел, крепко вжавшись в угол вместе со столом, программист — щуплый человечек почти карикатурной внешности: толстые очки на выдающемся носу и ранняя лысина, обрамленная венчиком кудрявых волос. Он будто прятался — заполз в укромное место и притих там.

Герметичная дверь в «чистую камеру», где стоял дорогущий модульный «нанокомплекс» — слишком тонкий инструмент, чтобы подковать блоху, зато

способный выжечь лазером неприличное слово на хвосте сперматозоида, — была распахнута настежь. Управляющий компьютер комплекса, единственный тут не отформатированный, а просто выпотрошенный, уныло рисовал на мониторе запрос: какие будут ваши указания?

Больше никаких.

Программист, видимо, собрался с духом — встал, нервно огляделся, снял очки, протер их полой халата, водрузил обратно на нос, короткими шажками просеменил к технику и сказал:

— Не могу. Я тут больше не нужен. Домой пойду. Звони, если что. Скажи Деду... А-а, что говорить. Скажи, Гуревич домой ушел.

Техник молча кивнул.

Программист хлопнул техника по плечу, для чего ему пришлось высоко поднять руку. Бросил взгляд на стеллаж с моделью вертолета, помотал головой, будто отгоняя наваждение, и резко выдохнул, как поступают дилетанты, прыгая в холодную воду.

Он решительно протянул руку к модели.

— Зачем? — остановил его техник.

У техника оказался глухой спокойный голос, такой же сумрачный, как его внешность. Медведь медведем.

— Ты... Ты не понимаешь? — программист от волнения дал петуха.

— Не нужно, — осадил его техник.

— Но...

— Гош, иди домой, — посоветовал техник неожиданно отеческим тоном. — Утро вечера мудренее.

Что расслышал в этой поговорке Гуревич, неясно. Но он просветлел лицом и быстро юркнул за дверь.

Когда аппаратура дожевала информацию, техник взял с полки модель вертолета. Ласково пристроил ее, как младенца, на сгиб локтя и вышел, не забыв погасить за собой свет.

Лаборатория погрузилась в серый полумрак.

Техник прошел длинным коридором, свернул было к лифтам, но передумал и по лестнице поднялся на два этажа. Здесь размещалась дирекция.

Навстречу торопился Михаил. Техник отвесил короткий поклон, Михаил небрежно кивнул. Они уже почти разошлись, когда Михаил остановился.

— Техник-лаборант Семенов, я не ошибся?

— Он самый.

— Позвольте взглянуть.

Техник протянул модель вертолета, но остановил руку на полпути. Отдавать эту вещь он явно не собирался.

— Это что?

— Так, игрушка. Сделал в нерабочее время.

Техник выдержал секундную паузу и добавил с едва заметным вызовом:

— Выпек на служебном фабере из казенного материала.

Прозвучало это будто «ну-ка, отними».

— Ну чего вы паясничаете, честное слово. — Михаил понимающе улыбнулся. — Как будто вас кто-то упрекает. Милая вещица. Такой... Дружелюбный дизайн. Похоже, это модель нашего репликатора.

— Ну, похоже, — согласился техник.

Михаил пристально разглядывал вертолет. Поднял глаза на техника.

— Рабочие документы на пятую серию... — начал он.

— Приказ выполнен. Диски отформатированы.

Бумага в труху, — раздельно доложил техник. Подумал мгновение и добавил: — Безвозвратно.

— Похвальная оперативность... — Михаил закусил губу. Техник ждал. — Слушайте, эта игрушка... Сделайте милость, подарите ее мне.

— Не могу, — отрезал техник. — Это для ребенка.

— Она нужна мне. Сейчас.

— Ему тоже, — веско ответил техник.

— Семенов, вас первый заместитель директора просит.

Техник зыркнул на Михаила недобрными медвежьими глазками и процедил:

— У директора внук. В больнице месяц. Острая лейкемия. Не знали?

Михаил под этим взглядом даже отступил на шаг.

— Конечно, знал! Я не думал, что для него...

— Семь лет парню. И не жилец. Пусть вот порадуется. Если в сознании будет.

— Да-да. Идите, Семенов. Идите скорее.

Техник зашагал в глубь дирекции, Михаил проводил его взглядом, потом медленно поднял руку и провел ей по лицу, будто пытаясь что-то стряхнуть.

* * *

Директор Нанотеха (пока еще директор, подумал он с саркастической усмешкой), член-корреспондент Академии наук, лауреат международных премий, и прочая, и прочая, Алексей Андреевич Деденёв попросил ни с кем не соединять, подвинул к себе ноутбук, положил руки на клавиши... И убрал их.

Он заработал свое прозвище, когда ему стукнуло едва пятьдесят, из-за громкого обвинения, что якобы развел в институте дедовщину. Институт считался без малого градообразующим предприятием, Дед

был, пожалуй, самой популярной в округе публичной фигурой и вместе с местным начальством мог решать любые вопросы. Как они спелись при советской власти, так все и осталось потом: в городе всегда ощущалось, что тут есть хозяева. В беспредельные девяностые годы здесь даже бандитов серьезных не народилось: самому умному намекнули, чтоб не дурил, остальных он прибрал к рукам или выдавил, а со временем из него получился очень даже симпатичный и адекватный мини-олигарх. А чего? В Москве есть, пусть и у нас свой будет... Бывшие коммунисты и комсомольцы отрастили бороды и животики, но бразды правления держали крепко, бюджеты «пилили» аккуратно, и город жил спокойно. Что-то становилось получше, что-то похуже, потом наоборот... Единственное, с чем было вовсе отвратительно, — дороги ремонтировать так и не научились. Латать умели, чинить — никак. Приличный асфальт был только в окрестностях института. Его грамотно положили с самого начала, когда возили тяжести на стройку, а дальше Дед уже следил, не позволял запускать.

Нет, благодатно-возвышенной атмосферы какого-нибудь академгородка здесь отродясь не было. Даже от постройки института и приезда толпы «интеллигентов» местный климат не переменился. Город был старый, непростой, со своей историей. Некогда знатный купеческий центр — одних церквей тридцать штук, — он пришел в упадок после революции, но особую ауру сохранил. Тут жили основательно и не суяясь, понимая себе цену, ношибко не умничая. Считали естественным, что из города есть прямой поезд в Москву. На этом поезде и уехал молодой Деденёв, чересчур энергичный, слишком амбициозный, чтобы закиснуть в родном захолустье. Деду это запомнили — когда он стал мировой

величиной, им гордились, но с присказкой: ох, зался, нас позабыл. Когда Дед вернулся, чтобы строить институт, все очень обрадовались, и тут же начался шепоток: вот был ученым, а стал администратором.

Ошиблись. Дед пришел сюда надолго, планы он вынашивал именно научные, а чтобы эффективно творить, ему нужен был твердый тыл, устойчивое положение, и лучше бы подальше от Москвы. Достичь этого можно было единственным путем: влюбить в себя сначала институт, потом городскую власть, потом весь город. В какой-то момент Дед думал, что вот-вот надорвется, но все-таки справился. Его хватало и на науку, и на руководство институтом, и на общественную работу. Но тянуть такую нагрузку и не схлопотать инфаркт он мог при одном условии: если его команды выполнялись четко, в срок и без туфты. Сказано — сделано. Не сделано — честно признаемся, где напортачили, что пошло на перекосяк. Дед давал своим людям очень большую свободу, но и спрашивал жестко.

Естественно, при таком блестящем и харизматичном начальнике подчиненные рано или поздно начинают копировать его манеры и много о себе думать. Особенно те, у кого есть реальные основания задирать нос. Институт не был никогда «почтовым ящиком», но «закрытых тем» тут хватало, люди занимались серьезными вещами, было чем гордиться. И в космос летали здешние изделия, и вообще много техники, подчас не особо мирной, состоялось благодаря хитрым микромашинкам, тут придуманным и собранным под микроскопами в опытных цехах.

Дед сманивал талантливых людей со всей страны — и обратно по всей стране разлетались соблазнительные байки об институтской вольнице. О том,

как Дед умеет втоптать сотрудника в грязь, — тем более. Очевидно добрейший человек, он иногда взрывался. Мудрые в этот момент делали шаг назад: задавит ведь ненароком, потом сам расстроится. Кто поглупее, тоже отскакивал, но в страхе. Вот испуганные и создавали Деду недобрую славу.

Что там, собственно, за донос с обвинением в дедовщине пошел по инстанциям, никто не помнил за давностью лет, но Деду чуть ли не первый раз в жизни крепко влетело от московского начальства, и именно тогда прилипла к нему эта кличка.

Дед усмехнулся и пошел дальше работать.

А потом на институт свалилась удача. Как оказалось впоследствии — наноудача, но кто ж тогда знал.

Период, который позже назовут «нанопсихозом», еще ждет своих исследователей. Лет через сто они, наверное, расскажут людям, зачем на самом деле создавался международный надзорный орган за нанотехнологиями и какова была истинная подоплека жарких дебатов в ООН. Со стороны все это очень напоминало историю с «глобальным потеплением». Но только со стороны.

Людей запугивали страшными нанороботами — старательно, год за годом, день изо дня, — не потому, что контроль над их разработкой принес бы барыши контролерам. Нанороботы пугали до нервной дрожи самих контролеров: они оказались слишком близко. Внезапно.

Наука всегда движется рывками. Долгий период осмысления задач, попросту говоря, попыток сообразить, куда двигаться; потом эксперименты, накопление опыта, и наконец — бац! Серия открытый, которая приведет к прорыву в технологиях. Обывателю кажется, что новые вещи упали с неба, а на самом деле это результат поиска, начавшегося двадцать, тридцать лет назад... Еще наука — безотход-

ное производство, сколько в нее ни вбухивай денег, выигрыш будет. Только заранее не угадаешь где. Программа «Аполло» была для Америки чистым разорением, ее потому и закрыли. А лет через двадцать посчитали, и оказалось, что косвенно США заработали по пять долларов на один вложенный в космическую гонку с Советами, имевшую вроде бы чисто политические, рекламные цели. Потому что материалы и технологии, выдуманные «для космоса», начали работать в быту.

Большая наука, она как Формула-1. Вроде дурное занятие носиться с выпущенными глазами по замкнутому кругу, кто быстрее, — а ведь что для гонок ни выдумают, все это рано или поздно оказывается на серийных автомобилях и пользу свою приносит. Для обывателя — внезапно. А у инженера, глядишь, полжизни ушло.

Так было и с микроботами, для обывателя — «нанороботами». К ним долго шли, и вдруг они оказались рядом. Простейшие образцы, рассчитанные на одну задачу — при этом каждый в цену самолета, — уже действовали. По сравнению с «естественными микроботами», созданными природой, они выглядели бледно. Обычный сперматозоид, тоже вроде заточенный под один бросок головой вперед, на их фоне казался венцом творения. Но главное, первые опыты дали результат, от которого можно было оттолкнуться и пойти очень далеко. И очень быстро.

С нанороботами — реальными, а не рекламными, — напротив, не получалось ничего. Чем ближе к ним подходила наука, тем больше они выглядели несбыточной мечтой. Наnanoуровне действовали свои законы, пока непреодолимые. В первую очередь они не позволяли создать эффективную нанокопию привычного уже микромеханизма, с его мик-

рошестеренками, микромоторчиками, микроманипуляторами: когда все «как у взрослых», только малюсенькое. В измерении «нано» это не работало. Там вообще все было «не так». Там все слипалось, тормозилось и не поддавалось управлению. Задачей огромной сложности виделась даже такая простая вещь, как заставить наноробота двигаться в заданном направлении — хотя бы сквозь воздух! Крошечную рукотворную песчинку сбивал бы с курса удар шальной молекулы в борт. И вы еще надеетесь, что она вам атомы будет складывать как кубики? Очень смешно.

Наноробот, созданный в ходе мысленного эксперимента, выглядел могущественным и даже опасным. Увы, таким был исключительно «сферический бот в вакууме». Когда дошло до реального моделирования, выяснилось, что типичный наноробот — это бесполковая штуковина, которая еле дышит, еле ползает, ни черта не соображает и болтается в любой мало-мальски плотной среде как навоз в проруби...

Ну да и черт с ней пока, с этой поатомной сборкой. Зато на микроуровне перспективы выглядели обнадеживающие. На горизонте уже маячил образ полноценного бота-ассемблера — микромашины, способной из готового сырья забацать чего хочешь. Долой заводы! Прощайте, конвейеры! Хватит крутить руками гайки!.. Такой бот мог появиться уже при нашей жизни и сам сделать второго. При благоприятных условиях через месяц ботов стало бы столько, что хватит на всех.

Это выглядело чересчур смело и опасно для неустойчивого мира, раздираемого противоречиями. Легко было понять, что массированное внедрение микросборщиков буквально перетряхнет, вывернет наизнанку жизненный уклад планеты. И никто не мог сказать, чем все кончится.

Их еще придумат не успели толком, не то что сконструировать, но разговоров о «ботах-репликаторах», способных воспроизводиться, пошло столько, будто они уже вот-вот.

И тогда — ой.

А поскольку все говорили о «нанороботах» и никто не слушал ученых, то сценарии рисовались один безумнее другого.

Человек креативен, говорили оптимисты. Если освободить его от повседневного труда ради борьбы за жизнь, он такого напридумывает, что мы всю Вселенную на уши поставим.

Человек ленив, говорили пессимисты. Креативных — процентов десять. А остальные, едва пропадет нужда вкалывать, примутся жрать наркотики и деградировать. Или устроят войну за наркотики, потому что на большее у них мозгов не хватит.

И те, и другие были по-своему правы, но пока они драли глотки по телевизору, проблему, как обычно, решили без оглядки на них.

И подоплека решения была проще некуда. Чего там судьба человечества, кому это интересно. Важнее другое. Если первый успешный бот-репликатор стоит даже миллиард, то второй — вдвое меньше, и прогрессию можете представить сами. Рост популяции легко контролируется, а значит, и стоимость продукта можно регулировать, но рано или поздно люди узнают, что цены держатся искусственно. А на самом деле пара миллионов ботов стоит копейку.

Тогда люди выйдут на улицы и потребуют устроить им коммунизм.

Выдать каждому ящик ботов, из которых человек вырастит что захочет — машину, компьютер, посудомойку, микроволновку... Дом.

И тогда на планете останется один ресурс, который чего-то стоит, — энергия. Но если боты смогут

запитываться от солнца — а почему бы им не смочь, — то и энергию никому не продашь.

Земной социум в привычном виде прекратит существование, потребуются какие-то новые формы. А поскольку задача государств и правительств в первую очередь не допускать перемен, «обеспечивать стабильность», возникло единодушное решение: обеспечить стабильность в полный рост любыми средствами вплоть до полицейских. Для начала все запретить, а там посмотрим.

Строго говоря, положение виделось опасным и безо всяких утопических нанотехнологий. Микробы-сборщики, зависимые от энергии и сырья, все равно опрокидывали глобальную экономику ничуть не хуже мифических нанороботов, способных штамповывать гамбургеры из воздуха.

И с вероятностью пятьдесят на пятьдесят наступил армагеддэц.

А Дед как раз подступил вплотную к своему идеальному медицинскому боту с репликаторной функцией. Он его уже видел во всех подробностях. Наконец-то Нанотех был готов оправдать себя, стоял в одном шаге от решения задачи, ради которой и был создан.

И тут пошли нехорошие слухи. А потом и нехорошие звонки.

Это было время, когда Дед бился головой о стену в бессильной злобе.

Ну, не совсем о стену — Виктор застал его, когда тот стучал лбом в книжный шкаф.

«Ты чего?..» — осторожно спросил Виктор.

«Хочу разбить кому-нибудь морду, — хмуро отозвался Дед. — Никак не могу решить, кому лучше. Вот и стою тут, как помесь барана с буридановым ослом!»

«Из Москвы звонили?» — догадался Виктор.

«Говорят, это не дело ученых. Не наша компетенция. Политический вопрос. Все будет решаться на уровне глав государств. Доктор! Это лечится?»

«Если политический вопрос — только нейролептиками».

Виктор прислонился к дверному косяку, он вдруг почувствовал себя как воздушный шарик, налетевший на ежа. Его сейчас держало только понимание, что Деду еще труднее, привычный рефлекс врача. А то бы сам побился головой о твердый предмет.

«Они напуганы и пытаются закрыться».

«Я задумал всего лишь медицинского бота. Сам президент Академии наук лично просил, умолял пробить исключение в протоколе, а они даже не попытались».

«Для них любой репликатор — угроза, как ты не понимаешь. Сам принцип. Они готовы нас всех уморить, лишь бы не дать свободы».

«Вот именно, — Дед кивнул. — За что боролись... Тьфу! Работать не могу, в голове одна подлая мыслишка крутится: как бы вопрос решился в Советском Союзе».

«Жесткий контроль, — отозвался Виктор, не раздумывая. — Репликаторная функция допускается только в стенах Нанотеха, чисто ради производства, а людям вкалывать ботов с обрезанной задачей. Сколько проживут в организме, столько проживут... А это не выход. Ну, диагностика и что-то быстро подлатать — это тоже неплохо, но ничего серьезного такие микробы сделать просто не успеют. У нас отдельные боты третьей серии живут месяц. Но связность роя нарушается раньше. Мало, очень мало. Чтобы действительно вылечить человека, нужен

большой рой с гарантией на три месяца. Пятая серия могла бы?..»

«Запросто. Пятая и год могла бы... Ей нужен таймер в прошивке, чтобы принудительно усыпить рой, а то будет жить и жить. Но ее цена!.. Рой стоит больше, чем успешная предвыборная кампания президента! Кому он нужен, самый распрекрасный бот, за такие деньги?!»

«В общем, при советском подходе к вопросу мы тоже пролетели бы, — заключил Виктор. — Да и при каком угодно, хоть при фашистах. Для любой власти опасны репликаторы. Замахнулся ты на весь миропорядок, сам того не желая, вот и ограб... Выход есть?»

«Поеду, буду убеждать лично, какой еще выход».

Дед уехал в Москву назавтра, пропадал неделю, вернулся измученный и злой, сказал: будем ждать, я нажал на все педали, наши в Академии сами не дураки, вовсю суетятся, авось чего получится. Бросил Нанотех на Михаила, а сам дневал и ночевал в своей «личной» лаборатории, с головой погрузившись в работу над пятой серией. Привычное дело: пока начальство раздумывает, мы спешим получить результат, а там, глядишь, повезет, и работа сама себя покажет в лучшем виде.

Это подвешенное состояние затянулось еще на год. Дед спешил как мог.

Не успел.

* * *

Семенов вошел к директору без стука.

— Ваш приказ выполнен. Документы по пятой серии уничтожены. Безвозвратно.

— Хорошо. Бумага ждет у секретаря, распишитесь. А это что?

— Да вот. Это для Лешки. У Гуревича вовремя отнял.

Техник поставил модель вертолета на стол и пробубнил:

— Все, что осталось от пятой серии. Пусть ребенку. Достанется. Вдруг ему... Полегчает.

Двое уставились друг другу прямо в глаза.

Из незаметного отверстия, будто проколотого в обоях иголкой, за ними подсматривала камера. Мутноватая черно-белая картинка утекала неведомо куда. Ремонт в кабинете делали несколько лет назад, но кто знает, вдруг камера стояла здесь всегда. И кто ее спрятал, и догадывался ли о ней Дед, и не было ли Деду абсолютно наплевать на это, и вообще приходило ли ему в голову, что за ним могут следить... Кто знает.

— Спасибо, — произнес Дед медленно. — Такой подарок... Уникальный.

— Своими руками. От всей души.

— Спасибо, — повторил Дед.

Глава 8

Наступил вечер, но не было перемен ни в больничной палате, ни за ее стеклянной стеной. Внутри, опутанный катетерами и проводами, лежал на койке мальчик. Снаружи неподвижно стоял его отец. Это было глупо и бессмысленно, но Виктор ничего не мог с собой поделать. Отвез жену домой, дал ей успокоительное, подождал, пока она забудется — не называть же это сном, — посидел рядом, потом буркнул: «Побуду там, мало ли что...» — и обратно, к палате.

Когда в коридоре появился Дед, Виктор удив-

ленно вскинул брови. Он был рад ему, но первым делом подумал, что лучше бы Деду тоже прилечь и как следует выспаться. Выглядел стариk откровенно худо. Именно стариком он казался сегодня, а не крепким властным дядькой неопределенного пожилого возраста.

В руке у Деда была модель вертолета.

— Иди сюда. Есть идея.

Виктор послушно шагнул вслед за тестем к подоконнику, он привык, что Дед просто так не командует, ни в институте, ни в семье. Если забыл про «пожалуйста», значит, есть серьезное дело, которое надо сделать быстро, и не пожалеешь. В этом смысле Дед ни разу Виктора не разочаровал. «Спасибо» сказать он уж точно не забывал. Потом.

Дед уселся на подоконник, вертолет поставил рядом. Виктор приглядился к модели, поднял глаза и вопросительно двинул подбородком: ну?

— Когда-то, давным-давно, Семенов увидел мой первый набросок и сделал вот эту модель, — сказал Дед. — Она была талисманом нашей лаборатории. Нам не помогла, а вдруг Лешку выручит. Давай, беришь. Вот так. Она с секретом, ее в две руки не откроешь. Раз-два-три!

На брюхе вертолета прятались незаметные створки, они раскрыли их, потянув в три стороны. Такие секретки зовут «шкатулкой Пандоры», вспомнил Виктор. Дед вытряхнул из модели ампулу, наполовину заполненную серебристой жидкостью, и крошечный прибор наподобие мобильного телефона.

— Та-ак... — протянул Виктор. — Тащи с завода каждый гвоздь, ведь ты хозяин, а не гость.

Дед взял ампулу в одну руку, «телефон» в другую.

— Угадал, — сказал он. — Это пятая серия. Все,

что от нее осталось. А это кодер для нее. Единственный.

— То есть... Больше нет? — тупо пробормотал Виктор, холдея.

Он вдруг почувствовал, как дрожат колени. Нет, это не страх. Адреналин. Тело готовится к реакции типа «бей и беги». Весь его опыт врача противился тому, что он рассчитывал услышать. Опыт сотрудника Нанотеха противился вдвойне. Но отец безнадежного больного яростно желал чуда. Сейчас эти трое боролись, и отец в одиночку давил врача с ученым как котят.

Если Дед принес свою экспериментальную фигню... Почему нет? Сейчас все средства хороши. Только... Это же микробы. А что за микробы у Деда? Ой-ёй-ёй.

А Дед прищурился, хитро и недобро, — и уставший старик исчез, появился жесткий волевой мужчина, гораздо сильнее Виктора, сильнее всех. Беспощадный, опасный и... Безрассудный.

— Мишка, гад, во власть рвется, — сказал Дед просто. — Решил, если мы сделали друзей человека, то они в первую очередь его друзья. А управлять ими слишком легко. Ему только дай такую силу в руки. Он сначала меня слопает, потом институт, потом наш город, а дальше на всю Россию замахнется...

Виктор потер ладонями виски. Медицинские боты-универсалы — вот они, только руку протяни. Несколько миллионов умелых микроврачей. Невероятно. Кто мог подумать, что Дед успел собрать опытную партию. Чем он занят, тайной не было: весь Нанотех знал, какую сумасшедшую тему лично «ведет» директор. Многие успели к ней прикоснуться, и не по одному разу. «Экспериментальная клиника», где служил Виктор, занималась в основном третьей серией, но для пятой составляла техзадание

на универсальный медбот. А тем временем еще кто-то прописывал алгоритмы, обсчитывал энергетику, продумывал «механическую часть», прикидывал счетно-решающие возможности — ведь если один бот — это просто бот, то рой микробов — это уже компьютер, — и кто-то набрасывал черновые варианты софта... Сотни людей были так или иначе завязаны на лабу, где присох к монитору рано облысевший на умственной работе программер Гуревич, а в «чистой камере» священномудровал рукастый молчун Семенов, знаменитый тем, что однажды на спор подковал блоху, причем без наркоза.

А потом все заглохло: по обрывкам разговоров и намекам создавалось впечатление, что идет тема очень туго. Нормальное дело — прорывная технология, поиск на грани неведомого, там быстро ничего не бывает. Считалось, что до первого рабочего прототипа в лучшем случае лет пять. Дед поэтому головой о шкаф бился год назад: времени ему не оставили.

А теперь вот оно. В единственном экземпляре, один минимально рабочий рой. Черт знает как прошитый. Толком не тестированный, напомнил себе Виктор, уж я бы знал, это ведь моя задача. Не имеет аналогов, не имеет цены... Не имеет будущего. Запрещен международной конвенцией. Технология, объявленная опасной для человечества. И Мишка, значит, протянул к ней лапу, а Дед не отдал. Узнаю Деда.

Ох, страшно-то как...

— Репликаторы. Ты все-таки сделал это. Успел.

— Они сами успели. Мы собрали четверых, а вчетвером они уже могут собрать еще одного — и пошло-поехало.

Виктор едва заметно помотал головой: ну, фантастика.

— Ты их никогда не видел, — сказал Дед суро-

во. — Их вообще не бывает. И плевать, что они репликаторы, для нас главное, что это врачи. Лейкоциты их не замечают, мешать не будут, проверено.

Виктор молча кивнул и снова посмотрел на модель вертолета.

— Я помню эту штуку на картинке, твои ранние эскизы... Они правда вот такие? С ума сойти. Летают?

— Скорее прыгают и зависают. Сам не верю. Там столько узлов могло сбоить, я думал, мне жизни не хватит их отладить. А сбоев нет, представляешь? Они работают, они обучаются, эти... Вертолетики. И чем их больше, тем они умнее.

— Тут их, сдается, достаточно, — Виктор на глязок прикинул объем ампулы — кубов десять.

— Это усиленная партия, — сухо сказал Дед. — С полной прошивкой. Вбухали туда весь набор команд. В серию шла бы облегченная версия софта, под минимальный рой. А здесь... Этой рой в три раза больше. Иначе не удержал бы полную прошивку. На, забирай... Помнишь, сказал когда-то, что не доживу? А вот дожил. Наверное... — Дед замялся. — Наверное, мы хорошо их придумали, мы все. И ты участвовал, там есть идеи, которые ты сам прописывал. Ну, бери. Не для тебя принес, для Лешки.

И неожиданно хихикнул.

— У Гуревича отняли игрушку. Он прямо горел желанием спасти наших вертолетиков для будущих поколений. А что, загрузил бы в себя, а там поди отыщи их, если они даже в отчетах нигде не упомянуты. Кто докажет, что опытная партия вообще была? Только я думаю — жирно будет Гуревичу. Их для дела создавали — вот и пусть работают.

— С ума сойти, — повторил Виктор. — Ты их хотят бы на мышах испытывал?

— Когда?! И откуда у меня мыши?! Только на синтетике погонял. Результаты хорошие.

Виктор сокрушенно покачал головой, но его руки сами забрали у Деда ампулу и кодер.

— Я тебе говорю: хорошие, — повторил Дед. — Мы построили модель лейкозной крови и костного мозга. И в принципе все получилось. Гарантий дать не могу, конечно, но в лабораторных условиях вертолетики нашли и разобрали все бласти. Все до единого.

Виктор глядел в пол. Он не мог не верить Деду... А все равно не верил. Боты сами уничтожают «взбесившиеся» клетки крови? Ну-ну.

— Если в реальной крови они смогут хотя бы это, — продолжал Дед, — Лешка уже получит выигрыш во времени. Бласти не годятся на строительный материал для новых ботов, ну разве отчасти, зато дадут им энергию. Как должен выглядеть здоровый костный мозг, боты знают. Так что в принципе, в принципе... Есть шансы. Только бы они успели размножиться, чтобы все поправить. Будем надеяться.

— Ну и как они тогда размножатся? — тупо пробормотал Виктор. — Если материала нет...

— А-а, наворуют, — небрежно ответил Дед, ухмыльнулся и вдруг на мгновение опять стал похож, как в старые добрые времена, на «завязавшего» пирата. — Они шустрые ребятки. Мало, что ли, в мальчишке иголок торчит? И главное, он накачан лекарствами под завязку, включая витамины с микроэлементами, а это ведь самое то!

— Ой, блин... — только и сказал Виктор.

— Им много не надо, — заверил Дед, понимая, что сболтнул лишнего.

— Хуже-то не будет, — пробормотал Виктор, убеждая себя. — Терять нам нечего. Все равно без пересадки костного мозга Лешка не выживет, а пересадку... Нет, не переживет.

— Ботов загонишь в вену, так быстрее. Потом с

кодера дашь команду лечить. Боты отработают программу, заснут и выведутся из организма. И никто не узнает. И большое спасибо израильской медицине. Гляди, тут меню как в обычной мобиле. Так и написано «лечить», видишь? Нажмешь, пройдет команда — и пусть нам повезет... А терять и правда больше нечего, — добавил Дед твердо. — Я уже все потерял. И хуже не будет.

Он почти ушел, оставив Виктора с ампулой, кодером и игрушкой, но вдруг обернулся:

— И вот еще что. Если вдруг... Когда-нибудь... Если кто докопается, что опытная партия была, да сплыла, — вали на меня. Строго на меня. Никаких больше имен. Да, ты видел у меня эту ампулу. Что дальше, не знаешь. А я человек старый, пожил в свое удовольствие. И вроде бы я еще человек достаточно мудрый. Я всегда придумаю, как отовратиться.

* * *

«Скорую помощь» то и дело встряхивало на ухабах. Виктор знал дорогу как свои пять пальцев и теперь дождался относительно ровного участка. Еще несколько минут...

Дорогу звали «Смерть фашистским оккупантам», язвительно добавляя, что фашисты больше не приедут и надо бы донести эту свежую мысль до районных властей. Дорожники то и дело проводили ямочный ремонт, но местные окрестили его «грибочным» — до ремонта машины прыгали по ямам, после него скакали по заплатам в асфальте.

Нет худа без добра, именно напирая на свежий грибочный ремонт, Виктор уговорил Лену поехать в другой машине: рядом с больным пусть сидит врач, а то мало ли чего.

Мальчик на носилках спал — как будто спал.

Раньше для Виктора не было большей радости, чем подойти к постели спящего Лешки и любоваться им. Сколько раз они стояли так с Леной, взявшись за руки, почти не дыша и умиленно глядя на это чудо: надо же, ну и прелесть. Смысл дурацкой вроде бы фразы «Какие они хорошие, пока маленькие» понимаешь, только когда сам растишь детеныша. «Маленькие детки — маленькие бедки» и все такое... Не повезло. Вот вам, нате, острый лимфобластный лейкоз. Костный мозг сошел с ума и гонит в кровь бласти — незрелые лейкоциты.

И ребенок у тебя на глазах сгорает. Как свечка.

Поначалу Виктор раз-другой ловил себя на мысли, что ему все это снится. Вдруг накрыло — и ты как в тумане. Ничего, думал он, это от шока, пройдет. Но болезнь развивалась так стремительно, а прогноз был настолько тяжелый, что «накрывать» стало регулярно. Жизнь превратилась в кошмар, и психика старалась от него закрыться. Прямо хоть к психиатру беги за таблетками.

А когда вчера в кошмар вломился Дед со своими микробами, которых нет на свете, Виктор заснул окончательно. Он принимал решения и действовал вроде бы вполне рассудочно, но только в логике сна. Не должен был опытный медик соглашаться на эту авантюру. Дед не давал клятвы Гиппократа, он вообще технарь, инженер, для него человек — структура. А для врача, хоть он двадцать раз эту структуру на части разобрал, человек все равно остается человеком. В человеке есть тайна. Есть пресловутая «божья искра». Любой детский реаниматолог скажет вам, что присутствие родителей у бокса, в котором «откачивается» младенец, повышает его шансы. Почему — непонятно, но вот факт.

И есть такие люди, которым судьба долго жить, а

есть такие, по которым сразу видно, что вот он — на этом свете не задержится.

В маленьком Лешке воля к жизни чувствовалась очень сильная, но судьба ударила его подло, исподтишка, в уязвимое место. И сейчас человечку надо всеми силами помогать, а не загонять ему в кровь непроверенную фигню, которую якобы лейкоциты не видят.

Но логика кошмара подсказывала именно это: рискни!

Серебристая жидкость в шприце — на самом деле бригада умных микромашин, они не могут причинить вреда человеку, для другого они сделаны, с добром и верой. В конце концов, я сам причастен к их созданию. Я прекрасно знаю, как они должны работать. Помню их эволюцию от простого диагностиста, пассивно плывущего в крови и вынюхивающего болезнь, до бота-доставщика, несущего на себе микродозу лекарства к пораженному участку — и дальше, выше, до бота-универсала, способного найти больную клетку и своими чуткими точными лапами разобрать ее, даже переделать.

Это, в общем, простая игра в кубики. Только звучит невероятно, а приглядеться если — конструктор «лего». Уж никак не сложнее того, что делают промышленные роботы. Вся проблема в масштабах. Вот он, масштаб, в кулаке у меня прячется, даже не видно. А там миллионы ботов.

А почему они выглядят как вертолетики — далеко не идеальный вариант для работы в крови и тканях, — этого лучше никому не знать. Об этом надо забыть прямо сейчас и навсегда.

Хватит того, что их запретили.

Сколько мучились с движителем! Дед упорно держался за несущий винт, как у вертолета, и отвергал другие варианты, ни тянувший винт его не уст-

раивал, ни жгутики сзади. Он глядел далеко в будущее: рано или поздно боты должны не плавать или ползать, а именно прыгать. Если наш полетит, значит, вот он вам, полноценный универсал-сборщик, готовенький, несбыточная мечта человечества, можно на пенсию с чистой совестью, и кстати, подайте сюда Нобелевку. Но вертолет крайне сложен, а в микробе одна лишняя деталь уже проблема, две — беда, три — трагедия. Вспомнили о ротативной схеме, при которой вертолет не закручивается реактивным моментом. Хватит двух насосов: один гонит «рабочее тело» в сопла на концах винта, чтобы машина ходила вверх-вниз; второй в сопло на брюхе, чтобы вперед-назад; а для ориентации служит хвост. По идее, такой микроб должен весело скакать в трех измерениях, хотя бы прыжками.

Слово «трагедия» было очень слабым, чтобы описать, как Дед настрадался с этой схемой. Пару раз он падал духом и собирался ее похоронить, но на полке в лабе стояла модель бота-вертолетика, такая симпатичная... Такая живая.

Сколько возились с манипуляторами, от которых поначалу требовалось всего-то хватать, держать да по команде отпускать... Нет такого слова в русском языке, даже матерного. А когда взялись учить микроба резать, чего он там схватил, тут все окончательно посыпалось. Казалось бы, только выдвижной скальпель добавили, туда-сюда, что может быть проще... Но реальный страх и ужас настал, когда выяснилось, что вертолетик должен быть репликатором, а значит, надо обучать его сверхточной сборке.

Прокляли все на свете.

И вот, пожалуйста.

Прототип универсального бота — в моей руке...

Машина наконец-то пошла ровно, едва заметно покачиваясь. Времени сомневаться и терзаться боль-

ше не было. Четким уверенным движением Виктор ввел иглу шприца в шланг капельницы, вплотную к руке мальчика, и начал потихоньку давить на поршень. Серебристая жидкость легко и, как показалось Виктору, целеустремленно, будто живая — а разве не живая она? — устремилась по назначению.

Осталось полдела. Виктор спрятал шприц и достал кодер. Включил его, вошел в меню. Тут все было просто, как в биле. Только пункты меню совсем не телефонные. Следующей после «лечить» стояла команда «симбиоз». Виктор горько улыбнулся: как все это глупо и бессмысленно теперь. Вдруг захотелось бросить медицину к чертовой матери. Без ножа, гады, зарезали. Как мы мечтали о ботах-симбионтах, живущих в организме постоянно. Домечтались. А ведь дай нам еще лет пять-десять нормально развиваться, и команда «симбиоз» могла бы стать рабочей... Он выбрал пункт «лечить».

Машину тряхнуло, Виктор свободной рукой схватился за поручень. Палец невольно дернулся, в меню высветилось: «симбиоз». Не глядя, Виктор ткнул кнопку с зеленой телефонной трубкой и положил кодер мальчику на грудь. Кодер тихонько засвистел. Не для ботов, для человека, чтобы тот знал: команда пошла.

Когда черная коробочка умолкла, Виктор отключил ее, спрятал в карман и устало откинулся спиной к стене.

— Ну вот, — прошептал он. — Ох, Господи... Милосердный Господи, Иисусе Христе, тебе вручаю детей наших, которых ты даровал нам, исполнив наши моления. Прошу тебя, Господи, спаси их путями, которые ты сам знаешь...

Машину опять тряхнуло.

Виктор закрыл глаза и стиснул зубы.

Глава 9

Солнце заливало кладбище холодным светом. Виктор держал Лену под руку, чувствуя, как стянула лицо маска каменного безразличия к происходящему. Он устал, ему и правда было все равно.

Лена еще дома надела темные очки. Она уже не плакала, не могла больше, последние месяцы выжали ее досуха. Ей просто не хотелось случайно оскорбить кого-нибудь бездушным мертвым взглядом. Это было бы неприлично, сказала она, люди ведь переживают, сочувствуют.

Себе они сочувствуют, бросил Виктор. Все закончилось так, как и должно было. Люди примерили эту историю на себя — и испугались. Впрочем, очки надень, побереги глаза, сегодня яркое солнце.

Ты совсем потеряный, сказала она. Господи, как мы будем дальше?..

Я что-нибудь придумаю, сказал он.

Дедушка умер, сказал Лешка, дедушка умер.

Лена поджала губы. Виктор молча кивнул. Ничего не поделаешь, детям нужно «проговаривать» вслух такие вещи.

* * *

Михаил догнал Виктора у выхода с кладбища.

— Я понимаю, сейчас не время... О работе. Но надо продолжить то, что он начал. Это наш долг и перед ним, и перед страной.

Виктор потупился, пряча глаза, и невоспитанно сунул руки в карманы. Руки хотелось девять подальше. Так и подмывало сунуть кулаком в эту гладкую скорбную физиономию. Речь новоиспеченного директора Нанотеха над гробом его предшественника состояла наполовину из лозунгов, будто Михаил и

тут, на кладбище, выступал перед телекамерами. Сбывался прогноз Деда: прямо на глазах человек превращался в политика. От него уже и слов-то человеческих, нормальных, не дождешься.

— Не спеши, подумай, — сказал Михаил, безуспешно ловя взгляд собеседника. — У тебя ведь талант исследователя. Нанотеху позарез нужны такие медики, как ты. Куда ты уходишь? Зачем? Я только собрался назначить тебя главврачом... Считай, это дело решенное. Останься.

— Спасибо... Нет.

— Почему?

— Понимаешь, я все-таки не ученый. Я просто врач. Хочу лечить людей.

— Так мы с тобой вылечим всю страну! — шепотом вскричал Михаил. — Даю слово. Я жизнь на это положу! Как он положил. Мы сделаем их здоровыми и счастливыми. Ты и я вместе.

Виктор только головой помотал.

— Почему?!

— Устал... — сказал Виктор. Наконец-то поднял глаза на Михаила и проговорил отчетливо: — От нанотехнологий.

Михаил проглотил издевку так, будто не заметил ее.

— Меня бросают все, на кого я мог опереться, — произнес он с великолепно поставленной горечью. Казалось, он сейчас пустит скучную мужскую слезу. — Сначала Дед, теперь ты. Это несправедливо... Мы вернемся к этому разговору.

Михаил быстрым шагом ушел вперед. Виктор смотрел ему в спину, чувствуя, как сползает с лица маска безразличия, а ее место занимает гримаса отвращения, и ничего не мог с собой поделать.

Еще несколько лет назад он бы поверил Михаилу. Энергичный умелый администратор, верная тень Деда, научную карьеру забросил ради института... Ну, позер, не без этого. Ну, «лицо фирмы», что по-

делаешь, работа такая, не каждый справится, кстати. Ну, задирает нос. Все равно наш человек.

Теперь — не наш совершенно.

Михаил догнал Лену и деликатно взял ее под руку.

— Слушай, я понимаю, сейчас не время, — сказал он прочувствованно. — Но... Мы обязаны продолжить дело твоего отца.

— Да, Миша, конечно. Он тебя очень ценил. Всегда говорил, какой ты... Собранный, деловитый.

Лена всхлипнула, Михаил протянул ей платок.

Лешка, которого мама крепко держала за руку, едва заметно поежился. Дядя Миша, всегда добрый и веселый, был сегодня какой-то не такой.

— Мне бы посмотреть его рабочие записи. Черновики, наброски, планы... Чем скорее, тем лучше.

Лена отняла платок от глаз, вернула очки на место и посмотрела на Михаила в легком недоумении.

— Но их нет.

— Э-э... Прости?

— Папа все делал на своем ноутбуке. Я точно не помню, но мне кажется, в последнее время он вообще не приносил его домой... Значит, оставлял на работе. Он, наверное, и сейчас там.

— Естественно. Как я сам не догадался. Слушай, Леша-то какой молодец!

— Да, прогноз хороший, — Лена так стиснула руку мальчика, что тот снова поежился. — Есть шанс, что мы совсем выzdоровели.

— У меня никто болеть не будет, я обещаю, — твердо сказал Михаил. — Скоро.

* * *

В кабинете директора ничего не переменилось, только на стене теперь висел портрет Деда, а в его кресле сидел Михаил. Посреди кабинета, перемина-

ясь с ноги на ногу, страдал начальник службы безопасности.

— Это маленький белый «Сони», — прощедил сквозь зубы Михаил. — Тринадцать дюймов. Вынести машину из института мог только сам Деденёв, ноутбук вписан в его пропуск. Ну, и где он?

— За последнюю неделю отметок о выносе на проходной нет. Значит, ноут где-то здесь. Будем искать.

— Ищите, — сказал Михаил. — Берите сканеры и переройте все здание. Начните прямо с этого кабинета, а потом идите комнаты за комнатой, я разрешаю вам прозвонить все лаборатории, все «чистые камеры». Не забудьте цех опытного производства. Проверьте территорию... Если сами не найдете — будем допрашивать. Всех! Всех!!!

* * *

Техник-лаборант Семенов, казавшийся в строгом темном костюме еще большим медведем, чем обычно, поймал Виктора, когда тот уже садился в машину.

— Не сочти за оскорбление, — буркнул Семенов. — Я на поминки не приду. И так хватит с меня. Гошка Гуревич дома лежит, давление у него. Извинись там за нас обоих, ладно?

— Да я бы сам не пошел, — ляпнул Виктор. — Если бы мог.

— Ну вот, — Семенов кивнул. — Ты понимаешь. И это...

— Ну?

— Правильно уволился. Сейчас такое дерымо начнется... Не надо тебе этого.

— А ты?

Семенов пожал плечами.

— Куда я денусь?

Повернулся и ушел, не прощаясь.

Машина у Семенова была старенькая, но крепкая. Когда траурный кортеж втянулся в город, Семенов незаметно отвалил в сторону и тогда уж дал по газам. Лавируя между колдобин, понесся узкими улочками.

На душе было муторно. Сколько лет он просидел в институте как приклеенный, выполняя очень непростые задачи, и все годы рядом с Дедом — от начала до конца. Семенов знал этого сложного человека как никто. И уж точно никто так не натерпелся от этого самодура. Хотя почему самодура, просто ученого, не привыкшего сдаваться, нацеленного на результат и готового идти вперед, прошибая стены лбом. Временами Семенову хотелось его пристукнуть. Чисто от зависти: у Деда никогда не опускались руки. Кстати, руками он работал не хуже, чем головой. Говорил, плох тот экспериментатор, который забивает микроскопом гвозди, но куда хуже тот, кто не знает, как это делается без ущерба для микроскопа...

Машина выскочила на загородное шоссе, Семенов от души наступил на педаль газа.

В багажнике лежала сумка, а в ней — белый ноутбук.

Вытащить тринадцатидюймовую игрушку с территории и не попасться — чисто инженерная задача, решать ее было интересно. Охрана, наверное, уже сейчас переворачивает институт вверх дном — ничего, пускай суетится, у нее профессия такая. Завтра начнутся расспросы, а то и допросы.

Это тоже ничего.

Зато со дня на день приедет спецкомиссия Госдумы проверять, как Нанотех выполняет конвенцию о запрете репликаторов... А наш дорогой Михалборисыч потерял служебный ноут, записанный

на главного разработчика пятой серии! И фиг знает, что там, в этом ноутбуке. И пока комиссия не уберется из института, новоиспеченный директор будет трястись, как затравленный заяц, и потеть, как мышь, застигнутая на месте преступления. Каждую секунду ему будет стыдно, обидно, а главное, очень и очень страшно.

Он эту пропавшую «соньку» на всю жизнь запомнит. Она ему будет являться по ночам в кошмарах.

И самое приятное — никогда он не узнает, что там, в этом ноутбуке.

Дед бы одобрил. У старика было хорошее чувство юмора.

Глава 10

Восемь лет спустя

Полоски на винте «Апача» слились в один сплошной круг. Под вертолетом плескалось море зелени, из динамиков на бортах гремел «Полет валькирий».

Леха плавно взял рычаг на себя, поднимая машину чуть выше. Далеко впереди Принц вскинул руку: нормально, хватит.

— Так держать, — раздалось в наушнике.

— Понял, веду ровно, — отозвался Леха.

Есть два метода бросать «воздушку» с крыши на крышу. Либо ты привязываешь шнур к арбалетной стреле, либо цепляешь его к игрушке, способной летать. В обоих случаях тот, кто ловит шнур, рискует. Легкий порыв ветра может превратить немудреную операцию в довольно опасный трюк. Что получить стрелу в живот, что схлопотать вертолетным винтом по черепу — удовольствие ниже среднего.

Если «ловяще-тянущий» уже разок побывал в травмопункте, он перед заброской «воздушки» бегает по друзьям, выпрашивая телогрейку и мотоциклетный шлем.

Рассудительный Принц был категорически против стрельбы в жилой зоне. Это вам не по заборам бегать в свое удовольствие, мы сейчас как бы на работе — и если запулим кому болт в окно, пострадает репутация фирмы. А вот одолжить у младшего брата вертолет ни один старшеклассник никогда не против. Ведь не баловства ради берешь, строго для дела.

Что вертолеты тоже могут влетать в окна и это опять-таки скажется на репутации фирмы, Принц на всякий случай забыл — ровно до того момента, когда бросили жребий, кому вести игрушку. Выпало Лехе, и тут уж Принц его заинструктировал до обалдения.

Хозяина вертолета, белобрысого мальчишку лет десяти, техника безопасности предписывала на крышу не пускать, но чего не сделаешь для родного человека. Принц ограничился тем, что загнал брата за надстройку слухового окна, откуда тот все равно выглядывал.

Ветра не было, и Леха посадил вертолет четко в указанном месте. Подбежал Принц, наступил на кабель, дал отмашку: глухи мотор.

— Выключено, — доложил Леха.

Винт прокрутился вхолостую и замер. Принц отцепил кабель от вертолета.

— Ну вот, а ты боялся, — сказал он подбежавшему мальчишке. — Тащи свою драгоценность домой и скажи маме, обедать не приду, дел по горло. Пульт у Лешки забери. Или давай-ка лучше я его сам тебе вечером принесу. Ага?

Мальчик кивнул, схватил вертолет в охапку и исчез в слуховом окне.

— А если гопота пристанет, — крикнул Принц ему вдогонку, — скажи им, кто твой брат! Скажи, у твоего брата дедушка — людоед!

* * *

— Хочу такую игрушку, — сообщил Леха, отдавая Принцу пульт от вертолета. — Не знаю зачем, но хочу.

— А у тебя не было?

— Дед незадолго до смерти подарил мне вертолет. Только он не летает. Так и стоит на полке...

— Вертолеты должны летать, — понимающе заявил Принц. — Они без этого скучают.

— Мы с моим вертолетом похожи, — сказал Леха горько. — Он вроде как настоящий. А я вроде как здоров.

Принц закатил глаза.

— О-о, начинается... Хочешь, про Африку расскажу?

— Нет!!!

Принц запихнул пульт в рюкзак.

— Уфф... Ну, ладушки. Сделали.

— Понервничал?

— Нет, ты его вел, как по ниточке. Спасибо, Лех, все четко. Просто сам идиотизм ситуации... Каменный век прямо. Интернет по кабелю. Хуже, чем в Африке, ей-богу.

— Да чего ты ноешь?! — возмутился на полном серьезе Леха. — Это твоя работа, за нее деньги платят. Ты не школота какая-нибудь, а мужчина. Не ждешь подачек от мамы с папой. Как некоторые...

— Гы! — отозвался Принц, привычно самую малость надуваясь. — У меня выбора не было. У моего папаши зимой снега не допросишься.

— У него снега нет! — парировал Леха.

— Да ни хрена у него там нет, все пропили, алкоголики, одно слово — Африка.

— Прямо тебя заклинило на этой Африке.

— Да, — легко согласился Принц. — Свихнуться можно. Так мне дало по мозгам... Я чего угодно ждал, но не такого. Приехал, а там жарко. Не, ты не понял — там жарко!!!

Леха некоторое время молчал, осмысливая информацию, потом буркнул:

— Зато у тебя отец король.

— Ага. И с утра до ночи в его честь бьют в тамтамы. Знаешь тамтам? Я тоже думал, что это барабан. Нету барабанов! Сто лет назад променяли на бухло. Теперь это бочка из-под бензина, и по ней — монтировкой! Хрясь! Хрясь! Как начнут в пять утра... Нет, отец хороший мужик. Но он-то нерусский, он может это терпеть. А я не в состоянии.

* * *

Быстрым шагом — Принц тоже не умел ходить медленно — они выбрались из жилого квартала. Впереди медленно разворачивался пейзаж центра: вот краешком торчит больница, вот площадь с кинотеатром, вот угол городского сада... А вон кирпичные торговые ряды: монументальная постройка, двух царей помнит, большевиков пережила, на фашистов чихать хотела, даже в эпоху развитого социализма выстояла, еще партию и правительство увидит в гробу. А брускатке, что перед рядами лежит, небось и атомная бомба до фени, ее только боевыми нанороботами долбать.

Леха притормозил, Принц вовсе остановился — и оба принялись внимательно осматриваться.

Город стоял на холмах и был сильно изрезан —

мечта трейсера. Крути головой почаше, такое уви-дишь, чего вчера не замечал.

— Туда гляди, — подсказал направление Принц. — А ведь хорошая трасса. Как-то я раньше ее...

— И я... Куда смотрел... А то давай без пристрелки? Так, не спеша. Размяться.

— Финиш на берегу канала.

— Принято. Заодно и умоемся.

Принц сорвался с места первым, на бегу застегивая поясную лямку рюкзака. Впереди была масса соблазнительных препятствий, включая два решетчатых забора. И совсем не было стен, по которым Леха мог его обогнать в узких местах.

В траву на берегу канала они рухнули одновременно. И едва успели перевести дух, как на запястье у Лехи звякнул мобильный.

— Чё-то вяло как-то, — сказал отец. — Совсем за лето разжирели.

Принц беззвучно рассмеялся и похлопал себя по животу. Леха изумленно вытаращил глаза.

— Ты откуда знаешь?!

— Так вы под моим кабинетом через забор лезли. Со второго раза одолели. Хочешь, чтоб я вас не заметил? Да вы вопили так, что вся больница к окнам прилипла.

— У тебя же выходной!

— Да-да. А ты сейчас, как мама думает, сидишь с Принцем и вспоминаешь английский. Вижу, каким английским вы занимаетесь. Орали вы точно по-русски. Спасибо хоть не матом... А завтра первое сентября, между прочим.

Повисла напряженная пауза. Отец чего-то ждал. И Леха наконец через силу выдавил:

— Ты маме не скажешь, что я трассу бегаю?

— Раз столько лет не говорю, почему должен сказать сейчас? Хэв э найс дэй, гайз.

Телефон дал отбой. Леха оглянулся на Принца.
— Ду ю спик инглиш?
— Ноу, шит!

* * *

Виктор отложил телефон и сделал погромче звук телевизора.

Директор Нанотеха выглядел прекрасно. Молодежный, подтянутый, уверенный в себе, красавец мужчина. Хорошенькая ведущая рядом с ним казалась милой игрушкой, не более, — а вот это был хозяин, один из тех, кто заставляет мир вертеться.

После того памятного разговора на кладбище Виктор его и не видел толком. Так, раскланивались издали, пересекаясь случайно на городских мероприятиях, пару раз коротко пожимали руки, обменивались ничего не значащими фразами... На работу в Нанотех Виктора больше не звали, чему он был только рад: хотел забыть свое прошлое и вроде бы преуспел в этом. Вплоть до того, что в домашних разговорах вообще не упоминалась его бывшая связь с Нанотехом. Ну, служил там папа давным-давно, потом ушел — и все дела. Кем служил — врачом. Зачем терапевт в Нанотехе? Так счастье. Это же производство, что ни день, кто-нибудь палец отдавит, а бывает и хуже. Вон на папашу твоей одноклассницы, наладчика, электромагнит свалился, вплоть до инвалидности. Мы с доктором Зарецким полчаса его держали на этом свете буквально за шкирку, пока «скорая» не приехала.

И все. И никаких микробов.

Тем более — нанороботов...

Спокойный какой Михалборисыч. А ведь по слухам, не kleится у него что-то с девятой серией. Сколько лет назад он для нее выбрал статус нацпро-

екта? И сам не припомню, и все уже забыли. И давно забыли, что там вообще-то именно нацпроект, государственный заказ. В телевизоре один бесконечный Нанотех, один сплошной Михалборисыч. Такое впечатление, будто государство нарочно отошло в тень: кто-то в Москве позволяет Мишке использовать этот шанс для саморекламы. Интересно, кому это выгодно? Политические игры, борьба влиятельных кланов — и тут возникает темная лошадка в лице директора Нанотеха. И скакет прямиком к креслу президента. Идиот, они ведь тебя сожрут! Мне лично не жалко. Ну, чего сегодня пообещаешь народу?.. А мне это интересно? Нет. Совсем не интересно. Ну разве самую капельку.

— Михаил Борисович, вы сейчас, без преувеличения, самый популярный человек в стране! — доносилось из телевизора. — И в нашу студию потоком идут вопросы... Угадайте о чем?

— Наверное, о национальной вакцинации, которую готовит Нанотех, о чем же еще, — не моргнув глазом отозвался Михаил.

— Не угадали. Буквально каждый второй вопрос — не думаете ли вы выставить свою кандидатуру на следующих выборах президента.

Михаил сделал удивленные глаза.

Виктор еле удержался, чтобы не заскрипеть зубами. Кого ты хочешь обмануть, красавец? А то ты не в курсе. Вынесла тебя волна «нанопсихоза» на самый верх. Эффективный менеджер, честный парень, говоришь народу понятные и приятные слова, опять-таки, учений. В чекистах, юристах и экономистах народ давно разочарован — и тут вдруг ты. Готовый президент.

Забавно будет, если твои покровители чего-то не рассчитали, и тебя не успеют сожрать, и ты таки изберешься.

Вырастил Дед преемничка всем нам на радость...

— Если честно, мне некогда думать о политике, — сказал Михаил, смущенно опуская глаза и разводя руками. — Я решаю конкретную задачу — подарить России здоровье. Маленькая таблетка — каждому. А в этой таблетке — лучшие друзья человека. Они исследуют весь организм и докладывают медикам о его состоянии. И параллельно они организм немножко чистят. Чистят сосуды, чистят кровь. Это почувствует каждый. Вы станете счастливее. Каждый станет счастливее.

— Но известно, что нанороботы долго не живут, — ввернула журналистка. — И не умеют решать сразу много задач.

Виктор, которого от фразы про «лучших друзей человека» аж перекосило (вспомнил, когда услышал именно эти слова от Деда), насторожился. Ну-ка, послушаем, как ты сейчас выкрутишься...

— Да, пока что они недолговечны, — легко согласился Михаил. — И не так умны, как хотелось бы. Но еще через полгода вы получите новую таблетку, более совершенную. Она сделает вас еще лучше. А на следующем этапе...

— То есть вы сажаете всю страну на таблетки?

А ты не дура, девочка, подумал Виктор. Если только этот текст не прописан заранее пресс-службой Нанотеха. Забрасывается крючок. «Вы сажаете всю страну на таблетки» — и что в ответ?..

— Они будут лечить рак, — четко проговорил Михаил.

Заметно было, как ведущая опешила. Или прекрасная игра, или она действительно не ожидала этого.

— Вот как...

Михаил улыбался. Молча.

— Это сенсация, — произнесла ведущая сдавленно.

Нет, не ожидала. Вероятно, хотела подловить директора Нанотеха, а тот в ответ достал из рукава давно заготовленного туга.

— Кто-то обещает это в далеком будущем, а я — гарантирую, — сказал Михаил спокойно, без лишнего нажима, но очень уверенно. — Еще пара лет, и рак исчезнет как понятие. И еще множество болезней исчезнет. Через два года у нас будет здоровая и счастливая нация. И все станет по-другому. Все изменится.

— В каком смысле — все?

— Какие люди — такая и страна. У нас будет красивая, чистая, сильная, богатая Россия. Такая же, как мы сами.

— И как раз через два года выборы...

— Опять вы о политике... Я уже сказал, мне сейчас просто некогда об этом думать.

Виктор нащупал на столе пульт и выключил телевизор.

— Ох, Миша, Миша... — пробормотал он. — Что же ты задумал, гад такой...

Наш дорогой Михалборисыч никогда публично не врет. Ни единственным словом. Он действительно мечтит в президенты — полегоньку, не спеша — и не намерен обманывать избирателя. Если обещал счастья для всех, значит, на это и нацелился. Что же ты задумал, гад такой?

Что такого особенного может сделать «девятка», этот похожий на головастика легкий бот-диагност? Девятая серия выросла из «трешки», которую довели до испытаний еще при Деде. Потом Михаил отвез ее на показ в Москву, после чего «трешку» внезапно начали переделывать, опять переделывать, восемь лет переделывают... Хотя отличный был

микроб. Только он действительно легкий, и задачи у него были узкие. Допустим, вы его модифицировали, научили разбирать холестериновые бляшки — это вы молодцы. Предположим, через пару лет «девятка» и правда насобачится атаковать опухоли. Но ты ведь что-то большее имел в виду, Миша. Ты не просто так проговорился.

А вот интересно, это правда, что в Нанотехе нет представителя заказчика? Вы делаете федеральную программу, нацпроект. Значит, у вас там должен быть такой государственный дядька, очень квалифицированный спец по микробам, и буквально стоять у разработчика над душой, вникать во все детали. Где он? Каким образом ты, Миша, от него отбоярился? Это как-то связано с тем, что тебе позволили заслонить в телевизоре своей гладкой физиономией добрую харю нашего вездесущего государства?

Что вообще происходит, а?

Ты всегда был не ученым и даже не администратором, а самым что ни на есть политиком, Миша. Крутился в верхах, пропадал в столицах, нарабатывал политический вес за счет Деда, за счет Нанотеха. И амбиций у тебя о-го-го. И страха божьего ни грамма.

Правильно стариk не дал тебе в руки пятую серию. Ты бы наплевал на все запреты. Ты бы прямо щас сделал нас счастливыми на фиг.

Глава 11

Школьный двор был таким пестрым, что рябило в глазах. Девчонки вырядились ярко, кое-кто просто вычурно, и не меньше, чем одежда, добавляли пестроты крашеные «перья» в волосах. В нынешнем сезоне красились скучо, по одной-две пряди, но и

того хватало. Разноцветные сумки и рюкзаки, полоски модных телефонов на запястьях, переливающиеся всеми цветами радуги... Девочки одеваются как угодно, но обязательно — солнечно, позитивно. Живи с огоньком, весели народ собой.

Мальчики выглядели поскромней. Задача парня — оттенять свою подругу, быть фоном, на котором она ярче заиграет. Если позволяют средства, парень одевается в первую очередь «брендово», и чем круче бренд, тем спокойнее дизайн одежды. Это не скромность, это уверенность.

Класс забавлялся, выстраиваясь по росту — все было не так, как в прошлом году, многие за лето заметно прибавили. В ход пошли лазерные рулетки телефонов, кто-то уже орал, мол, у тебя глючит, я на целых два миллиметра выше, раздавался звонкий хохот. Принц рассказывал ужасы про Африку. Леха, которого от Африки уже тошило едва не сильнее, чем Принца, влез с телефона в школьную сетку и глядел, чего там новенького и как это новенькое сломать, чтобы получилось смешно и не очень наказали.

В первых рядах колыхалась волна цветочных букетов: где-то под цветами едва угадывались взмыленные первоклашки.

За углом школы Даша остановилась и сняла с головы косынку. Аккуратно сложила ее, спрятала в сумку. Вышла из-за угла и оказалась перед воротами одновременно с Марией.

Взрослый сказал бы: ага, эти подружки — две первые красавицы в классе, только светленькую пока еще никто так не воспринимает. Совершенно верно. Обе высокие и длинноногие, «Машка с Дашкой» были совсем разные внешне и внутренне. Брюнетки созревают раньше и, как правило, к шестнадцати выглядят гораздо интересней блондинок. Вдо-

бавок Дашина подчеркнутая скромность, доходящая временами до самоуничижения, ее тоже не крастила.

Появление Марии у ворот было обставлено как визит принцессы небольшого, но уверенного в себе государства: по случаю первого сентября девушку привез в школу папа. Вместо обычного брутального внедорожника подкатили аж два, а между ними седан, к которому слово «роскошный» уже неприменимо, впору сказать «фешенебельный». Из его задней двери царственно шагнула богато одетая и столь же богато накрашенная особа. Отчаянно зеленые глаза, чуть вздернутый носик, задорные скулы — едва уловимый налет юга на лице, — длинные выющиеся темные волосы.

Если не приглядываться — ну прелест какая дурочка. Это просто надо знать, что Мария — отличница, существо целеустремленное, жесткое, цинично-неприступное и способное на шокирующую откровенность. Ляпнет — и смотрит, как ты реагируешь.

На вопрос, в кого она уродилась такая эффектная и темпераментная, ответ всегда был один: «А у меня бабушка согрешила с водолазом!.. То есть с пуэрториканцем. Поэтому скоро у меня вырастут усы, и я научусь разбираться в бритвах!»

Даше она обрадовалась неподдельно, хотя было заметно, что это в какой-то степени радость возвращения любимой игрушки. Расцеловала, цепко схватила за руку. Так они вместе и вступили на школьный двор, и все смотрели только на них. Разве что Принц вдруг оглянулся в сторону выпускного класса. Прикидывал, кому придется в этом учебном году надавать по шее. Принц стычки не боялся, хотя драться и не любил — чуть кому присунешь, сразу

крик: ой, там негры наших бьют! Разбирайся потом, кто тут самый русский...

— Н-ну? — сказала Мария совсем рядом.

Принц обернулся к ней, и все внутри перевернулось. Она была слишком близко, и теперь он ее почти ненавидел. Всегда так случалось, когда она подойдет вплотную.

— О-о, княжна Мэри, — отозвался Принц, окидывая девушку плотоядным взглядом. — Все хорошеешь. Как продвигается интимная жизнь с тем жи-ирненьким карасиком, которого ты подцепила весной?

Класс замер и притих.

— Перегрелся на солнышке, Коваленко? — неизвестно каким образом Мария умудрилась поглядеть на Принца сверху вниз, хотя ей для этого не хватало росту даже с каблуками. — У вас у всех еще интим не вырос играть со мной в интимную жизнь!

Она шагнула мимо, но вдруг задержалась и через плечо бросила Принцу такое, от чего класс окончательно заглох и остолбенел:

— Если тебе очень надо это знать, Коваленко... — заявила Мария с чувством превосходства истинно продвинутой девушки, — я невинна, как в день рождения. Поскольку решила, что *подарю* это тому, кто устроит мне летом романтическую поездку... Хм-м, в Монте-Карло. Не шучу. Даю слово.

И величественно удалилась, увлекая за собой Дашу. Вклинилась в группу девчонок, что-то негромко сказала, там сразу началось едкое хихиканье.

— Та-ак, смотрим, — донеслось из задних рядов. — Ищем... Монте-Карло — это у нас что? В смысле где?

— Княжество Монако, — подсказал Леха. Он тоже копался в телефоне.

Да тут, наверное, все, кроме Принца, полезли в

Интернет. Ребят ошарашило не столько заявление Марии, сколько цена вопроса. Здесь собирались по большей части дети из обеспеченных семей — лучшая школа города все-таки, — но вряд ли кому из них родители подбросят деньжат свозить подругу в Старую Европу.

— А чего не Лас-Вегас? — бурчали в задних рядах.

— Там вокруг пустыня, смотреть не на что. И леть долго.

— Зато там можно жениться за пять минут. И утром развестись.

— Пардоннэ мua, жениться уговора не было! Я к такому повороту событий не готов морально!

— Мораль, значит, не выросла жить моральной жизнью... Один интим по колено толщиной с полено... А я романтик, я жениться хочу. Чтобы свадьба, понял?

— Зачем свадьба? Ужаться халывным шампанским и упасть мордой в оливье? Интересная у тебя романтика.

— Ты просто двоечник. Мордой в оливье, утюгом по морде — это все именно романтизм. Я его пересдавал два раза и глубоко изучил. С тех пор я романтик и хочу жениться. На свадьбу дорогие подарки делают. Хочу машину. И квартиру. Возьму и деньгами...

— Не сойдут за Монте-Карло Карловы Вары? Звучит похоже, а пиво там сто процентов лучше...

— Тихо! Тур в Монако на двоих с перелетом... Самые дешевые от трех тысяч долларов. Это если совсем не выпендриваться. Так что пятерочка, я думаю, минимум. Самый минимум, джентльмены.

— Кажется, она заблудилась, — обронил Принц. — Рублевское шоссе километров на триста к юго-западу отсюда.

Леха нацепил телефон на руку и задумался. Подобно всем без исключения его одноклассникам мужского пола, он был тайно, глупо и безнадежно влюблен в эту неуправляемую и недосягаемую девицу. Причем его-то она как раз выделяла из общей массы, им случалось дружески болтать, обсуждать школьные дела. В прошлом году они вообще сидели за соседними партами, вместе делали лабораторные, но все равно Мария держала дистанцию. У нее были свои взгляды на жизнь, и она давала понять, что Леха, по ее мнению, — такой же симпатичный балбес, как и многие другие. Ничем серьезным не озабоченный, в голове один трах да тараках, по глазам видно. Ну, у Лехи еще нанороботы, прости, микроботы, спасибо не тараканы. И беготня по стенам: о-о, как это увлекательно! А главное, практически. Редкая профессия — промышленный стенолаз! Ну извини, Васильев, чего дуешься, не хотела тебя обидеть, честно, ха-ха-ха...

Мария всегда активничала и рвалась в первые ряды, была представителем класса в школьном совете, а теперь поедом ела отца, чтобы тот позволил ей устроиться на работу. «Карьера надо начинать в пятнадцать, — говорила она, — иначе будет поздно. И желательно с самых низов, хоть дворником, это потом зачтется». Леха, подумав, сказал, что в России дворником хорошо начинать разве что карьеру политика. «А бывает другая?» — усмехнулась Мария. «Допустим, научная». — «Правда? Ну погляди на Михалборисыча, кем он будет через несколько лет? Президентом страны. Вот то-то. А думаешь, твой дедушка не был политиком, хоть и на местном уровне? Любой руководитель — политик». Леха пожал плечами. Его это не касалось.

Хотя и он надеялся карьеру начать с самых низов — в Нанотехе. Поближе к микробам.

Мария, кстати, тоже именно в Нанотех целилась. Поближе к Михалборисычу.

Только Лехе придется для этого дождаться конкурса на замещение вакансий и в конкурсе победить. А Марии, наверное, достаточно надавить на папу — если попросит, не откажут, найдут полставки в вечернюю смену. Ну и Марию потом мама не загрызет.

Полставки лаборанта-стажера, допустим, умножить на девять месяцев... Тьфу, какое там Монте-Карло. А это принципиально? Ну, он был бы рад сделать Марии такой подарок — без обязательств. От всей души. Тем более, она слово держит. Она чудесная девчонка, если не обращать внимания на ее гонор... Но важнее другое.

Мне просто надо вырваться из-под опеки...

Всю церемонию первого звонка Леха простоял как в воду опущенный, рядом переминался с ноги на ногу такой же хмурый Принц.

На традиционном дурацком «Уроке знаний» (смысл которого вовсе не дурацкий — чтобы дети «присиделись» к своим партам и саму атмосферу урока вспомнили) Принц привычно удалился на галерку, а они так же привычно уселись на первый ряд — Даша, Мария, Леха.

И, как обычно, Леха не заметил, что весь урок за ним искоса подглядывает Даша.

Глава 12

Для заведующего сектором Рыбникова первое сентября началось с вызова на ковер к начальству и деликатного, но убедительного разноса. Собственно, это должно было называться иначе — таких, как Рыбников, не зовут на ковер и не разносят. А лю-

безно приглашают и дружески поругивают. Талантливый и не особо щепетильный Рыбников был в Нанотехе самым близким сотрудником Михалборисыча, фактически его доверенным помощником. Ни один из заместителей директора не знал досконально всех его планов, а Рыбников — да. Он был и руками Михаила, и той частью его мозга, что отвечала за разработку ботов для вакцинации. Рыбников — это был сегодня Нанотех, остальное вторично, несущественно.

Только разнесли заведующего сектором все равно. Да, ласково, но с такой неподдельной грустью во взгляде, что понятно было: это Михалборисыч грустит по его, Рыбникова, загубленной судьбе.

Девятая серия не тянула всех задач, и хоть ты тресни. Легкие боты-диагности, и без того нагруженные дополнительными функциями, быстро теряли энергию и либо вставали раньше времени, либо попросту разваливались.

Та журналистка с первого канала угодила с вопросом в самую точку: боты недолговечны. Было бы их побольше... А так они просто не успеют «обжиться» человека достаточно плотно, чтобы сделать все как надо. Нет, с чисто медицинской функцией — мониторить здоровье, искать и бить дефектные клетки — они справятся. А вот главную задачу не выполнят.

Ботам не хватит жизненного цикла и численности, чтобы надежно «подсадить всю страну на таблетки». Поднимать уровень эндорфинов в крови, «делая людей счастливыми». Ощущение легкой радости оставит человека слишком быстро, продержится неделю, и все.

Такой как бы случайно возникший побочный эффект вакцинации. Милый и приятный. Никто поначалу и не поймет, в чем дело, а потом уж и подавно

не поймет. Не заметит, что невесть откуда пришедшие энергия и задор наведены искусственно.

И тут выясняется, что действительно — никто не заметит.

— Пролете-ели... — очень тихо, почти шепотом, протянул Михаил.

— Выходит так, — согласился Рыбников, виновато ерзая на стуле.

— До старта вакцинации полгода, стоять на потоке боты должны прямо сейчас. Времени не просто мало — его нет вообще. Но надо решать проблему, коллега. Надо решать. Сколько раз я говорил: либо мы закинем наш крючок на первом же этапе вакцинации, либо рыбка не клюнет.

Рыбников откашлялся и произнес глухо:

— Трудно, Михалборисыч.

— А кто-то обещал, что будет легко? — прошипел Михаил. — Целую страну привести в порядок!

Ему вдруг захотелось от души врезать кулаком по столу, как делал в трудных случаях Дед. Старик уверял, что это научный метод: после выплеска эмоций сразу легчает, и мысли сворачиваются в правильном направлении.

Но Михаил лишь крепко вцепился в подлокотники кресла.

Какой провал! Он столько интриговал, чтобы стать директором, столько натерпелся от Деда, собственную научную карьеру загубил... Он-то сразу понял, какие перспективы у нанороботов. Это шанс всколыхнуть сонное российское болото, растормошить меланхоличную страну, заставить ее шевелиться. Заставить реально встать с колен.

Сделать людей счастливыми — и повести за собой. В прекрасное будущее, о котором они без него, Михаила, и мечтать-то не могли. Потому что разучились мечтать.

С вековечной русской тоской и безнадегой удалось справиться только однажды, и то коммунистам: зверскими методами, большим кнутом и маленьkim пряником, они превратили Россию в не особо эффективную, но все-таки промышленную державу. Хватило этого ненадолго, хотя пинок был крепким: страна по инерции успела даже выйти в космос, прежде чем снова залегла в берлогу и принялась сосать лапу.

А Михаил догадался, как сделать много больше, обойдясь совсем без кнута. Только пряником.

По всем социологическим опросам россияне выходят одной из самых несчастливых и унылых наций в мире. Пока не выпьют, конечно, или случайно в футбол не выиграют... И никак не расшевелить народ, которому столетиями вдалбливали, будто он особенный, высокодуховный и тем победит, — а люди, глядя вокруг, одно и то же видели: глупость, бесхозяйственность, воровство. И дороги у нас такие, что сразу понятно: это мы не врага ждем, это мы себя не уважаем. Ну и с чего тогда нашему человеку стремиться к великим свершениям, мечтать о звездах, выдумывать, изобретать? Он хочет просто жить потихоньку, довольный уже тем, что не голодаeн, спасибо партии и правительству... «Превратили русских в жвачных», — говорил Дед и был сто раз прав. А на дворе эпоха такой конкуренции и таких рисков, в которую нет смысла вступать с вялым и безынициативным «человеческим материалом». Нефть и газ теряют актуальность, главным ресурсом становятся люди. Те, кто создает новые концепции и добывает новые знания. Информационные активы теперь дороже денег. И сверхдержава завтрашнего дня — не та, что понаделала много танков или напечатала много долларов, а та, в которой самый жи-

вой, самый быстрый умом, самый непоседливый и увлекающийся народ.

Народ, который создаст прорывные технологии, выдумает нечто поразительное в гуманитарной сфере, поставит на поток уникальные товары и, главное, будет подтверждать свое лидерство год за годом, не почивая на лаврах, не впадая в спячку.

Мы проиграть эту гонку не можем, не имеем права.

Но вот беда, у русских есть все для выигрыша, кроме одного: мотивации. Им по фигу. Они устали. Они элементарно не умеют быть счастливыми. Они себя не любят и в страну не верят. Им не свойственно просыпаться с радостной мыслью: чего бы такого сегодня построить? Нет, они думают о том, как противно идти на службу. И таких у нас девять из десяти. А люди-то, в общем, толковые. Несчастливые просто.

Значит, надо сам народ изменить.

Сделать людей чуть веселее, немного счастливее — и они уже сами зашевелятся. Вон как крутятся, ищут новые знания и тянут руки к любой работе наши дети, подростки, не успевшие еще заразиться от родителей их тоской и фатализмом. Дети у нас золотые, очень сильное поколение сейчас вступает в жизнь, и, чтобы оно не испортилось со временем, его надо поддержать. А взрослым — помочь встряхнуться.

Боты сделают это. Нашлась бы возможность загрузить дозу всем и каждому. Мысль о национальной «вакцинации» Михаил, сам того не помня, много лет назад подхватил у доктора Васильева. Это была старая васильевская идея, доктор ради нее и пришел работать к Деду: мониторинг здоровья в масштабах страны. Загружаем населению ботов-диагностов, потом всех прогоняем через сканер — не

такая уж проблема, типичная «диспансеризация», как еще в СССР делали, — и готово. Получаем рапорт о состоянии здоровья каждого россиянина, в кои-то веки абсолютно точный... Вариант, который удалось пропихнуть Михаилу, выглядел еще прогрессивнее, инновационнее и, трам-тарарам, «нанотехнологичнее»: грузить будем не простых диагностов, а ботов новой продвинутой серии. Эти уже могут сами немножко и недолго лечить. Пока что немножко и недолго, но ведь Нанотех не дремлет, верно?

Михаилу тогда повезло, конечно. Он привез на показ «трешку», полностью отработанную, с просто-таки идеальной документацией. Ему сказали — фи, обычный диагност, у американцев такое есть. Он ответил — да, есть отдельные клиники, где микробов пытаются использовать для диагностики, но неуверенно, и результаты нестабильные. А у нас все четко!.. На Михаила глядели по-прежнему косо. И тут он, собравшись с духом, сказал: а у нас... у нас диагност будет еще и лечить! Мы доработаем эту серию и загрузим всей стране, и это будет не за бешеные деньги, как в Штатах, а в рамках обычной бесплатной медстраховки, потому что производство, мамой клянусь, будет копеечное!

И он произнес волшебное слово: вакцинация.

И все изменилось. Под скучную «трешку» и обещания, которые на фоне готового бота выглядели реальными, он получил и деньги, и статус нацпроекта.

Ох, как его сразу зауважали умные люди в Москве! Национальная вакцинация могла иметь огромный пиар-эффект. Это был шикарный пинок под зад всему остальному миру, который своих людей не любит и не бережет — а мы вон как с ними носимся! И нанотехнологии у нас служат народу. И нанороботы у нас самые умные. И действительно, кроме

шуток, россияне здоровее станут. Им в принципе не вредно получить на руки «карту здоровья» — лишний повод задуматься, что надо бы за собой следить, а то ведь испокон веку повелось на Руси: пока не посинел, к доктору ни ногой. Ничего, теперь доктор сам тебя поймаёт, ведь в поликлинике такая же карта будет.

Понятное дело, едва вакцинация получила статус нацпроекта, Кремль откусил от него львиную долю рекламного пирога — вот мы какие продвинутые, любите нас, люди русские! — но и Нанотех прогремел на всю страну. Институт и раньше знали, им гордились, он еще во времена Деда умел держать марку на любом уровне, от Москвы до самых до окраин. Пиар — искусство тонкое. Не проблема ошарашить своими инициативами партию и правительство. И с мировой научной общественностью ты говоришь на одном языке, коллеги поймут тебя с полуслова. А вот попробуй учини акцию такой степени придурковатости, чтобы последний идиот понял, до чего Нанотех крут! Фиг получится. Но ведь и это могли — одна подкованная блоха чего стоила (труднее всего оказалось поймать на «слабо» техника Семенова)... Однако теперь шум поднялся действительно невообразимый. И в центре шумихи оказался Михаил.

Да, он это планировал, он с юных лет готовил себя к политической карьере — а разве бывает другая? — но поначалу даже немного испугался. Путь к вершине, проложенный через Нанотех, оказался до того извилист и тернист, Михаил так здесь устал и измучился, что в какой-то момент сам заразился «русской тоской», столь им ненавидимой. Едва не махнул на себя рукой. И все-таки собрался, встряхнулся, своего не упустил.

Боты, ради которых Михаил столько горбатился,

выташили его наверх. И теперь он мог поделиться этими лучшими друзьями человека со всей страной.

Поделиться своей удачей, своей энергией и волей.

Сделать всех такими же, как он.

Вот, держите, я дарю это вам. Не пожалеете, честное слово.

Боты — это радость труда, ведущего к победе.

А для Михаила это власть. Настоящая власть — тому, кто сумеет правильно распорядиться ею. Прекраснодушные идиоты проглядели главное применение ботов. А он — нет. И он все сделает как надо ради блага страны.

Прямо жалко будет оставлять Нанотех. Но как бы он ни любил свой институт, кресло директора только этап в его карьере. Нанотех был нужен Михаилу как производственная база. И не хотелось, а пришлось вырвать место директора у Деда. С кровью, с мясом, со стыдом и отвращением к самому себе (Михаил столько об этом думал, что уже поверили, будто ему стыдно было подсиживать старика, он вообще многое забыл, чем грязнее получалась интрига, тем легче он вытеснял ее из памяти)...

А толку?

Пролетели?..

— Ну? Как мы это исправим? — Михаил откинулся в кресле и уставился в потолок. — Я не спрашиваю, исправим ли. У нас проблема: не хватает живучести. И как?..

Рыбников забарабанил пальцами по крышке стола. Была у него такая нервная привычка, Михаил ее терпел, не одернул ни разу.

— Да никак, — буркнул завсектором. — То есть... Это будет незаконно.

— А наши... Допущения в прошивке — законны?

— Это побочный эффект, — твердо сказал Рыб-

ников. — Так получилось. Нет там никаких допущений. Нереально их разглядеть.

— Ну мы-то с вами знаем, что они есть, дорогой коллега. Поэтому давайте, выкладывайте... Стоп! Я понял...

Михаил сел прямо и, не мигая, уставился на Рыбникова. Но через пару секунд помотал головой.

— Безнадежно. Сами не успеем, а Деденёв уничтожил все документы по пятой серии. Распылил в труху, зловредина. Больше у нас репликацией никто не занимался в принципе.

— Если постараемся, можем и успеть, — не согласился Рыбников. — По механической части у «девятки» есть резервы, и по памяти есть. Заставим размножаться — и пустим какую-то часть роя на поддержку его численности. То, что «девятка» не тянет сейчас за счет качества, она сделает за счет количества. Ну и срок жизни роя поднимем.

— Думаете за три-четыре месяца сделать репликатора из простого разборщика, который едва-едва научился ковырять скальпелем холестериновые бляшки?!

Это было сказано обидно и несправедливо, Михаил сам знал, что девятая серия отнюдь не плоха и «резервы» там есть, ему просто хотелось Рыбникова приложить как следует. У Рыбникова все получалось завтра, когда надо было вчера. Он не умел делать и хорошо, и быстро, только одно из двух. А вот Дед умел. Иногда Михаил ловил себя на том, как ему не хватает старика.

Он действительно многое забыл, и сейчас фигура Деда виделась ему сквозь пелену времени едва ли не дружелюбной. А уж исполинской — точно. К какой был талантище. Жалко, не гибкий совсем. А то бы мы вместе такого наворотили...

— Вы сами знаете, что «девятка» совсем не простой разборщик, — сказал Рыбников. — И если кое-

что надстроить... Чего бы ей не размножаться? Меня этот вопрос давно интересует. Я, конечно, не Дед, гениальными озарениями не страдаю, но определенные наработки есть. Вопрос стоит так, Михалборисыч: либо девятая серия будет репликаторной, либо никаких побочных эффектов она не потянет. Вот если размножится, тогда да. Тогда она и продержится, кстати, те самые полгода, что вы людям пообещали!

Ишь ты, еще огрызается, подумал Михаил. Это хорошо, значит, уверен в себе. Глядишь, и придумает, как нам выкрутиться.

— Сами говорите, это незаконно, — мягко, едва не мурлыча, протянул он. — Ладно бы местный закон, а то ведь против международной конвенции пойдем. Такой риск должен быть оправдан. Все должно получиться как спланировали. Иначе нас с вами даже не закроют — нас зароют.

— Семь бед — один ответ, — сказал Рыбников.

И уставился на Михаила прозрачными глазами: будущий директор Нанотеха — на будущего президента.

Рыбников за себя не очень-то переживал. Фактически то, что требовалось по техзаданию на вакцинацию, он сделал — «девятка» диагностировала болезни и чистила сосуды, а это, как ни крути, уже очень много. Это не только медкарта, а еще и профилактика сердечно-сосудистых заболеваний, которые, по статистике, до сих пор опасней рака! Ну и чего ему волноваться? Он свою зарплату отработал честно. И полугода ему за глаза хватило бы, чтобы «девятку» вылизать до блеска и сдать хоть Господу Богу, не то что представителю заказчика. Но Михаилу этого было мало. А за дополнительные желания придется дополнительно платить, думал Рыбников.

— Ну-у, никто вас за язык не тянул... — сказал Михаил. — Но если все получится — как мы скроем новую функцию ботов от наладчиков из сектора управления потоком?

— На вашем месте я бы думал, как это скрыть от заказчика, — нагло заявил Рыбников.

Ах ты сволочь, неполиткорректно подумал Михаил. Оборзел, скотина.

— Заказчик не полезет в прошивку.

— Совсем?! — изумился Рыбников. — А как он принимать будет?!

— Не ваше дело, ясно! — рявкнул Михаил. И отметил: а прав был Дед, старый черт, выплеск эмоций полезен для мышления. По крайней мере, Михаил почти успокоился. — Заказчик не проблема. Ему вполне хватит результатов наших тестов. Нам доверяют на очень высоком уровне, понимаете? Заказчик нас любит и очень на нас надеется. Когда пойду на повышение, обязательно вас научу, как поступать в подобных случаях. Это полезный навык для директора Нанотеха. Ну, так как с наладчиками?

— Да так же, как в прошлый раз. Изменений в механической части будет немного, и все они должны выглядеть вполне конвенционно. А управление я замаскирую в точности как спрятал команду на начаку эндорфинов — размажу по всей прошивке. Прошивка интересует наших поточников вообще в последнюю очередь. Заметят какую-то часть команд — меня же и спросят. Найду что ответить. Нет, пока боты не проснутся, никто ничего не поймет. А когда проснутся — никто не увидит, они уже будут... На службе. В людях.

— Вы большой мастер, — сказал Михаил вполне искренне. — Горжусь, что вы в Нанотехе. И уверен, что нам еще вместе работать и работать.

— Благодарю. Только давайте понимать, что я

пока ничего не гарантирую. До сегодняшнего дня обдумывал репликацию только в теории. И поэтому за пропавший архив Деденёва — голову заложу.

Михаил невольно огляделся.

— Готов поспорить, его ноут до сих пор где-то здесь! — выпалил он. — Еще одна злая шутка Деда.

Рыбников удивленно поднял бровь. Потом вздохнул.

— Грешным делом, была у меня надежда, что вы успели снять копию с его документов.

— Если бы! Что было в лабе — он действительно все угробил. А то, что было в ноутбуке, я не успел найти. Охрана прозвонила буквально все стены, всю территорию. Сотрудников допросили. Нету. А потом весь институт перетряхнула ФСБ — и повязала Гуревича... Ну, вы в курсе.

Михаил нервно поежился.

До сих пор его знобило, когда он вспоминал ту нервотрепку и то позорище. Специальная комиссия Госдумы обязана была официально подтвердить, что институт выполнил конвенцию о запрете репликаторов. Консультантами набрали старых знакомых Деда — а других консультантов и не могло быть, — проблем не предвиделось. Что тема не просто закрыта, а стерта с лица земли, все и так знали. Деду сочувствовали, думали с горя выпить, обругать партию, правительство и Организацию Объединенных Наций, потом быстро пробежаться по институту, составить внушительный протокол, расписаться в нем, снова выпить и разъехаться. Ехали, в общем, на поминки по интереснейшей научной теме. Вот только прибыла комиссия в аккурат на «девять дней» по самому Деду. Ну, выпили, погоревали, сказали много хорошего о покойном, бросили пару слов о «перестраховщиках, зажимающих научный поиск» и отправились инспектировать Нанотех. И тут какая-

то гнида стукнула, что документация, конечно, уничтожена, только вот пропал с концами один маленький служебный ноутбук. И что там было, неизвестно. Но могло быть тако-ое...

Суток не прошло, как институт взяли в осаду фээсбэшники, вежливые ребята в строгих костюмах. Михаил не преувеличивал, говоря, что ФСБ перетряхнула Нанотех. Она едва не разобрала его по кирпичику. В итоге задержали Гуревича, «личного программиста» Деда. Оказывается, этот идиот задумал продать секрет репликации то ли исламским террористам, то ли евреям для борьбы с исламскими террористами, то ли вообще ЦРУ, хрен редьки не слаще. Гуревича взяли — добрых пол-института видело, как его выводят в наручниках и запихивают в машину, — и увезли. С Михаилом провели воспитательную беседу об ответственности и бдительности. Михаил притворился, будто совершенно убит горем. Думал он только об одном: какая же восхитительная сволочь Дед!

Михаил знал Нанотех как свои пять пальцев, лично руководил поисками и не верил, что ФСБ оказалась ловчее и откопала где-то ноут, который не сумела найти служба безопасности института. Он не мог вынести такого удара по самолюбию — и вообразил, будто ФСБ сделала хорошую мину при плохой игре, а ноут на самом деле исчез. Куда — непонятно. Зато понятно, кто его спрятал и зачем. Переиграть Михаила мог только один человек на свете — Дед.

Чисто из вредности.

Иногда Михаил ловил себя на мысли, что вера в пропавший ноутбук выглядит паранойей. Раз за разом он доказывал себе, что ноут пылится в хранилище вещественных доказательств ФСБ. И тут же предавался мечтам о том, как случайно раскапывает эту

хреновину на территории в день закладки новой березовой аллеи.

Их было двое равно великих, двое сильных конкурентов. И Дед, явно уже проигрывая Михаилу свой институт, воткнул на прощанье сопернику шило в зад. Это было на него очень похоже.

Гуревича, талантливого программера, крепко двинутого на софте для микробов и беззаботно преданного Деду, Михаил всегда считал идиотом в чисто житейском смысле. Когда именно его взяли за жабры, Михаил только выругался. Как он сам не догадался, что программист сохранил резервную копию прошивки «пятерки» или даже втихаря слил личный архив Деда! Михаил готов был поставить сто против одного: Гуревич украл инфу в порыве идеализма, чтобы запрещенное открытие любимого шефа не сгинуло бесследно. И только поняв, что наставил — а он ведь серьезное преступление совершил, — задумал толкнуть краденое на сторону. Но воровать служебный ноут... Это имеет смысл, чтобы подтвердить аутентичность данных при продаже. И все-таки слишком рискованно. По идее, как раз у Гуревича хватило бы дури на такой неразумный шаг.

Вопрос в том, что у Деда, когда разозлится, дури обнаруживалось еще больше. А особенно его бесили всяческие запреты — в ответ он был способен на демонстративно наглые поступки. Одаренный ученый в нем задавил одаренного хулигана и анархиста, и лучше было этих двоих не будить.

— Отомстил мне старик на прощанье... — протянул Михаил. — Красиво отомстил, ничего не скажешь! Самое обидное, что это только моя вина, я неправильно себя повел с ним. Рассердил, спровоцировал...

— Я мало знал Деденёва, увы, — сказал Рыбни-

ков. — Но он точно был не из тех, кто любит сжигать рукописи в печке. И он всегда открыто выступал против запретов.

— Выступал? Да он фабер уволов из института! У него, по-моему, никогда своего фабера не было. А едва их начали изымать у частных лиц, Дед выписал себе здоровенный «Х-П», порошка к нему центнер, погрузил в машину, сам сел за руль, чтобы водителя не подставлять, — и увез куда-то. Сказал, пригодится в хозяйстве... И это еще ерунда, видали мы фокусы и покруче... А ноутбук он не выносил из офиса последнюю неделю. Думаете, я поверю, что у такого монстра ноут без дела валялся? Да я прямо вижу, как Дед его развинчивает и по частям рассказывает в цветочные горшки!

Рыбников молча ждал продолжения.

— Нету там, — коротко сказал Михаил. Подумал и добавил: — И в канализации нет.

— Ну и плюньте. Значит, все-таки безопасники его нашли. Но кое-что осталось у людей в головах, и это забрать не могли. Наверняка многое знает Семенов. Очень многое, он ведь не простой техник, ох не простой...

— Ну и поговорите с ним, — бросил Михаил беспечно. И улыбнулся.

— Я что-то не то сказал? — насторожился Рыбников.

— С меня фээсбэшники содрали три шкуры, а с Семенова все семь. И взяли подпиську. Он поэтому и не в вашем секторе — чтобы вы не донимали его расспросами. Лично мне он пообещал свернуть челюсть, если буду слишком нажимать. А я в ответ дал слово, что, пока Нанотех мой, Семенов может тут работать. Да, это был такой... Сентиментальный порыв. Но я однажды видел этого бирюка с той стороны, с которой его знал, наверное, только Дед...

Михаил умолк и задумался.

Вертолет в руке Семенова. «Это ведь модель нашего репликатора? — Ну, да». Игрушка для ребенка. Добрый человек Семенов. Угрюмый, но добрый.

— Обидно, — сказал Рыбников, глядя в стол и не замечая того, как директор погрузился в себя. — Я пытался нашупать, в каком направлении шел Деденёв, но без толку. Возможно, с ним действительно случился припадок гениальности. Нам бы хоть малейшую зацепку. Хоть один намек. Иначе эту технологию не восстановить. Будем тыкаться сами, как слепые котята, повторяя все ошибки Деденёва — сколько лет он возился?.. Или делая собственные.

— Это был вертолет. Представляете, вертолет...

— Не представляю. И никто не представляет. Это против всех принципов конструирования медицинских ботов.

— Вертолет... — повторил Михаил.

Вертолет в руке Семенова. Мальчик с острой лейкемией. «Не жилец». Но мальчик выжил. Как его?.. Леша. А отец его, Васильев, сразу после смерти Деда «устал от нанотехнологий». Прямо так мне в глаза заявил, хамло. Нарочно ведь ляпнул, чтобы я от него отстал.

Что мог Дед рассказать своим близким? Лена просто глупая курица, домохозяйка. А Васильев человек непростой, врач со вторым дипломом кибернетика и, когда Дед возился с пятой серией, был причастен к ее первоначальной разработке. Значит, увы, ничего принципиально важного не знал, как и весь институт: последний год Дед трудился втихую, берег сотрудников от неприятностей, если репликаторов запретят... То есть это он так говорил. А мечтал небось о всемирной славе и Нобелевке на блюдечке. Фиг тебе, а не Нобелевка. То-то Дед озверел и все уничтожил. И ноутбук где-то закопал! А я не

смог, не сумел его переубедить, не нашел верных слов... Как стыдно. Как жаль. Меня бросают и предают все, кого я любил, на кого хотел опереться.

И тем не менее о чем Дед говорил с Васильевым наедине? Должен он был с кем-то делиться. Что доктор расслышал, что сумел понять? Нам бы действительно хоть малейшую зацепку.

А если ничего не понял? И как растрясти Васильева на инфу? Не пытать же его. Зачем он ушел из Нанотеха? Неужели я был ему до такой степени отвратителен? Или его Дед настроил против меня?

Та-ак, о чём я только что думал? Вертолет. Осторая лейкемия. Мальчик не жилец. И вдруг он на похоронах, живехонький. Чудесное исцеление, большая удача израильских врачей. Ну-ну. «Есть шанс, что мы совсем выздоровели». Еще как выздоровели! Прямо жалко, что мои обалдуи в Москве учатся. А то бы пришел домой и спросил — как дела у Леши Васильева?

Но разве я не найду кого спросить?..

— Ладно там двигатель, можно и насосами винты крутить, — бубнил Рыбников, — но автомат перекоса винта нельзя воспроизвести на микроуровне...

— Да не было там никакого перекоса, — сказал Михаил, будто просыпаясь. — Было просто, как болт. Два перистальтических насоса, один на винт, другой вперед-назад. Два манипулятора, выдвижной скальпель. Впрочем, это все голая механика, настолько другое интересует... Ладно. Есть надежда. Слабая-слабая, но вдруг повезет. Нам нужен один человек... Один человечек. И пожалуй, я знаю, как его достать.

— Так какое будет решение по «девятке»? Делаем как договорились?

— Безусловно. Вы отбираете рой поустойчивее и пытаетесь в частном порядке, на свой страх и риск,

ввести репликаторную функцию. Надеюсь, об уровне секретности вам напоминать не надо. И я очень рассчитываю на положительный результат.

— А что с девятой серией самой по себе? В принципе, если не успеем, хоть от заказчика отмазаться она позволяет.

— Я сказал, заказчик не проблема! — не выдержал Михаил. Ну вот, опять сорвался. — Да плюньте вы на старую «девятку»! Забудьте!

— Ну спасибо... Столько лет работы коту под хвост?!

— Да! — Михаил взял себя в руки и сменил гнев на милость. — Вы потратили эти годы вовсе не зря. Вы создали фундамент для принципиально новой серии. Мне не нужна просто девятая. Мне нужен репликатор. Только. Только репликатор может решить задачи, которые я намерен поставить перед ним и перед страной. Что такое медкарта и чистка сосудов? Да ничего! Понимаете?! Это меньше чем ничего! Да будь наш человек хоть идеально здоров, пока он в тоске и спячке, ничего не изменится! Мы вылечим ему сердце и рак — так он просто сопьется! С головы надо начинать, — назидательно сказал Михаил. — Только с головы. Сначала надо дать человеку счастье, а потом — все остальное. Иначе Россию не спасти.

Глава 13

Леха и Принц сидели на берегу канала, прямо на газоне. Рядом валялись рюкзаки. В воде сутились утки, Леха крошил и кидал им куски батона, а Принц бросал мелкие камешки, стараясь попасть в утку, но птицы не обращали на это внимания.

И Леха свой хлеб, и Принц свои камешки бросали машинально, думая совсем о другом.

— Все, я решил, не поеду больше к отцу, — сказал Принц. — Я там сопьюсь. Там все русские спиваются.

— Тебе его не жалко? Он ведь так звал тебя.

— Да ему и без меня весело, он все равно не просыпается. Я назад приехал, мама плачет. Боялась, что не вернусь. Я прямо растерялся. Странная она какая-то стала. А твоя как?

Леха выразительно поморщился:

— Как обычно. На солнце не выходи, бегать не смей, ешь по расписанию. Таблетку, таблетку не забудь, главное! Ничего не изменилось за восемь лет, был я инвалид и сейчас инвалид.

— Зато у тебя освобождение от физкультуры.

— Ты мне завидуешь?

Принц подумал и коротко ответил:

— Не-а.

— Слава богу... Я на работу буду устраиваться. Твоей матери рукастый парень на полставки не нужен?

— Пилот вертолета-кабелеукладчика... А чего к отцу не хочешь?

— Да ну. Кем он возьмет? Санитаром? Не мой профиль, я же в медицину не собираюсь. И платят мало.

— А тебе, конечно, надо, чтобы на поездку в Монте-Карло хватило.

Леха угрюмо промолчал. Принц кинул сразу два камешка и обоими попал. Утки сделали вид, будто очень испугались, Принц усмехнулся.

— Мне Машка не нравится, — сообщил он.

— Всем нравится, тебе одному не нравится? Тото ты ее поддеваешь каждый день... Машка — вещь.

— Вот именно — вещь, — изрек Принц. — Ши-

карная дорогая вещь. Но рано или поздно она испортится. Да у нее лет через пять усы вырастут. И растолстеет она. Тебе нужна толстая усатая жена с московскими запросами? А если не жениться, то зачем такие жертвы? Год работать за одну ночь?

— Да как ты не понимаешь?! — взорвался Леха. Утки шарахнулись от берега уже всерьез. — Я должен работать! Для себя! Я доказать хочу, что не инвалид! И сам решу, на что потратить мои деньги! Потому что заработка их сам!

Повисло тягостное молчание. Утки снова потянулись к берегу.

— Тоже верно, — легко согласился Принц. — Понимаю. Заполучить самую крутую девчонку школы — да ты всем нос утрешь. Но сначала подумай. Работать — это правильно. Это, хм... Делает из обезьяны человека. Подумай, как заработанное тратить. Я бы на Дашку потратил.

— На какую? Нашу Дашу? — переспросил Леха.

Принц кивнул и мечтательно улыбнулся. Откинулся назад, опираясь на локти.

— Дашка красивая. И добрая.

— Кто бы спорил, — согласился Леха. — Даша милая девчонка. Только забитая совсем. У нее же семейка чокнутая.

— Ха! Кому ты это говоришь. Ты и не знаешь, насколько чокнутая. Я в начале лета проводил Дашку разок до дому, а они в окно увидели, что дочка — с негром... Ой, чего было.

— И мне не рассказал, конечно, — упрекнул Леха.

— А о чём рассказывать — про мое позорище на целый двор? Как ее отец костылем махал и орал — вали отсюда, черножопый?.. Там бабушки сидели на скамейке, мне одна и говорит: только не парься, сынок, опять Ивана переклинило. А я ей: да я сам Иван по паспорту... За Дашку обидно было, слов нет.

— Они сектанты какие-то.

— Не. Просто больные. Православие головного мозга. Как папаня схлопотал инвалидность, тут и съехал с катушек от безделья. И жену своей придурию заразил... Да мне плевать, какая у них религия, я сам, что ли, не крещеный?! Я не понял, с чего они взяли, мол, если я черный, значит, могу только наркоту продавать да играть в баскетбол. Ни на что больше черные не годятся...

— Только не парься, — вслед за неизвестной бабушкой повторил Леха. — Когда людям больше нечем гордиться, они хващаются цветом кожи.

— Во. Я для матери уже год почти весь софт пишу, меня большой бизнес ждет. А для Дашкиного семейства — черная морда. Блин, жалко, не пишу стихи, сошел бы за Пушкина в молодости!

— Пушкин был не такой уж черный...

— Повезло ему! Все равно у нас много общего — он тоже не играл в баскетбол! Совсем как я!

— А кто в слэмбол режется?

— Это совершенно другое!

— Короче говоря, хороша Даша, да не наша, — заключил Леха.

— Как и Маша, — немедленно отозвался Принц. Он перевалился набок, задел свой рюкзак, тот громко скрипнул.

— Скрипит потертое седло... — задумчиво протянул Принц.

— Болит разбитое хлебало, — подхватил Леха.

— Ох, как все это задолбало.

— Ах, как же нам не повезло.

Принц почесал в затылке и подвел итог:

— Нет, не Пушкин. Даже в соавторстве. Ой, да ладно. Мне другое интересно: она на танцы мини-юбку наденет? Обещала ведь. Это для нее такой подвиг, нам и не понять какой.

— Мне надо найти работу, — упрямо сообщил Леха. — Мужчина без денег — не мужчина.

— Я спрошу у матери, — пообещал Принц. — Сильно не надейся только.

Батон кончился, остались только камешки, и утки уплыли к другому берегу.

* * *

— Ты это серьезно? — спросила Даша с недоверием и страхом в голосе. — И ты выполнишь обещание?!

На заднем сиденье джипа было уютно и прохладно, машина легонько покачивалась, минуя ухабы. Водитель и по совместительству охранник привычно делал вид, что его тут нет и он ничего не слышит.

— Знаешь, чем отличается злодей от умного человека? — спросила Мария с легкой улыбкой превосходства. — Злодей, пообещав, обманет. А умный человек держит слово. Честность — лучшая политика, Даш.

— Но это же... Ты себя продаешь!

— Ничего подобного. Ну и понятия у тебя! Я выбираю достойного. Зачем мне лентяй или дурак? Я назначила испытание. Не так просто за учебный год заработать на поездку в Европу. Для этого мозги нужны. И не каждый умник выбросит столько денег на ветер. Так я и выберу — умного и щедрого. А что еще нужно для счастья?

— А если кто-то не заработает, а украдет?

Мария только рассмеялась в ответ.

— Да чего они украдут, где... А на что папа и его друзья? Начальник угрозыска у нас на каждом банкете сидит. Отец попросит, тот за полчаса узнает, откуда у человека взялись деньги.

Даша только головой покачала.

— Трезвый расчет, — не отставала от нее Мария. — Расчет на лучшее. Неужели это так плохо? Безнравственно?

— Ох, не знаю. Иногда мне кажется, я тебя совсем не знаю.

— Ерунда. Вот себя ты не знаешь, это да, — очень по-взрослому заметила Мария. — Цену себе не знаешь настоящую. Объяви цену — сразу увидишь, что о тебе думают... Ой, а как они все сначала обалдили, а потом в Интернет полезли!

Подруги хором засмеялись.

— Один Принц стоял как вкопанный, я видела.

— Этот черныш ради меня в лепешку разобьется, — заявила Мария. — Просто он гордый очень. И совсем еще мальчишка. Помнишь, какую ахинею понес, едва меня увидел? Чистой воды приступ ревности. Наверное, и правда он еще мальчик, ну, ты поняла. Да все они, в общем... Нецелованные.

— Ты так говоришь, будто это плохо, — заметила Даша.

— Да не плохо. Только вялые они, понимаешь? Будто не надо им ничего от жизни. Даже самые продвинутые, что этот королевич с хохляцкой фамилией, что Васильев, стенолаз-любитель... Тоже вялый. Я читала, это возрастное — мы просто их на данном этапе переросли.

— У нас хорошие ребята, — сказала Даша. — Это ты других не видела. Которые не вялые в их возрасте.

— Видела предостаточно, — Мария немного повысила голос, чтобы было слышно на всю машину. — Одному даже нос сломала, пока Дима раздумывал, то ли это большая любовь, то ли экзотический танец, то ли все-таки пора кое-кому локтем в рыло закатать...

Водитель по-собачьи дернул ухом, но больше никак не отреагировал.

— Да ладно, Дим, проехали, сам знаешь, я давно

хотела этот удар попробовать. Зря ты, что ли, меня научил!

Водитель едва заметно кивнул.

Джип остановился во дворе потрепанного многоэтажного дома. Даша достала из сумки косынку, торопливо надела ее. Девушки обнялись, коротко обозначили поцелуй на прощание.

— Завтра, — многозначительно произнесла Мария. — В половине восьмого.

— Я помню, — Даша часто закивала.

— Кого попало туда не зовут.

— Да, да.

Мария пожала ей руку, вернее, просто сжала посильней — не отпускала ее всю дорогу. Водитель помог Даше выйти и кивнул на прощанье.

Когда Даша скрылась в подъезде, Мария сразу поскучнела лицом. Сдернула с запястья телефон, тут же надела обратно.

Некому звонить. Знали бы вы, насколько я одиночка и какое одиночество предчувствую впереди. Больно нужно мне то Монте-Карло. Почему, собственно, я назвала именно Монте-Карло? Это символ? Нет. Грейс Келли пожертвовала собой ради князя Ренье, все ему отдала. А я не хочу ни князя, ни княжьего сына. Мне нужен тот, кто делом подтвердит: я дорого стою, и он готов платить. Не обязательно деньгами, быть может, чем-то другим. Умный и щедрый.

Вполне достаточно для счастья.

Глава 14

Леха выпрыгнул из кустов на газон перед Нанотехом. Он в одиночку «прошел трассу» и счел ее действительно годной. Наверное, самая интересная

в городе. Сдернул с виска камеру, спрятал в рюкзак. Отдышился и посмотрел на здание института.

Опять там что-то шевелилось.

Леха пересек дорогу и медленно, нога за ногу, приблизился к решетчатой ограде Нанотеха. Взялся руками за квадратные в сечении прутья и словно оцепенел.

Да, конечно, он прибежал сюда, исследуя трассу — придумывал новые уловки, чтобы обставить Принца. А на самом деле?

Детские игры. Зачем врать себе. Надоела ему эта беготня, давно надоела. Но если он перестанет бегать по заборам, тогда вообще хоть в петлю. Ему надо двигаться, а у него даже роллов нет. Последний разговор об этом закончился тем, что мама попыталась засунуть сыночка в студию йоги. И ведь не объяснишь, никак не объяснишь, что тело просит со всем другого. Чтобы скорость, чтобы риск, чтобы все на пределе. Леха выносил и быстр, как никто во всей школе. В прошлом году только Принц удержал его от попытки влезть на стену по громоотводу с канистрой краски в зубах — была идея написать во всю крышу: «Да здравствует государственно-монополистический капитализм!» Вовремя Принц сказал, что дело политическое, кто-нибудь стукнет неизменно, личность верхолаза-юмориста установят, вызовут родителей — обморок у мамы гарантирован. А потом она Лехе руки-ноги переломает и будет остаток жизни возить его в инвалидной коляске, очень довольная собой.

Остается бегать. Подальше от дома. Чтобы не было совсем грустно — выкладывать ролики в Интернет, получать радостные отзывы от таких же фриков из Европы. Классический трейсинг давно никому не интересен, а паузер — тем более, это спорт

маргиналов, людей принципиально «внесистемных». Вот и Леха маргинал поневоле.

А на самом деле... Когда склынет привычная злость на весь белый свет и уродов-старших, на «капитализм с человеческим лицом», на провинциальный городишко — когда задумаешься о том, кто ты есть и какое здесь твое место, — становится ясно, что вовсе ты не внесистемный.

И если иногда приходит на ум, как здорово было бы взорвать одной бомбой партию и правительство, — так это потому, что тебя выдавливают из мира. И вполне нормально захотеть в ответ разнести его в труху и построить на этом месте новый мир, лучший.

А в действительности ты отчаянно хочешь вписаться в эту дурацкую жизнь, которой живут все остальные.

Признайся: ты прибежал к Нанотеху просто из-за того, что привык бегать. Иначе ты бы сюда тихо и спокойно пришел.

Кстати, зачем я тут?

Черт знает. Тянет к институту непреодолимо.

Правую ладонь вдруг кольнуло, и Леха отдернул ее, выпустив ограду. Посмотрел: ладонь как ладонь. Чешется. Если приглядеться, видна ближе к запястью сеточка из мелких красных точек: обычное дело, оперся на что-то шершавое, когда штурмовал препятствия. Надо бегать в перчатках, но это совсем не по-трейсерски. Настоящий трейсер пролетает сквозь город без повреждений, он умеет не ранить себя, это важно...

Леха бросил прощальный взгляд на Нанотех, отвернулся и зашагал вдоль дороги в город.

За спиной Лехи на одном из прутьев ограды зашевелилась крошечная, глазом вряд ли заметишь, серебряная капелька. Она быстро росла — в нее втя-

гивались другие капельки, совсем микроскопические, — и вот уже стала с булавочную головку.

Смешной иноходью, переваливаясь с боку на бок — то правые лапы, то левые, — по ограде вверх побежал серебристый вертолетик.

* * *

Он переключил телефон с музыки на связь, нащупал вызов и привычно бросил:

— Пап, ты не занят?

— Теоретически, — отозвался Виктор.

— Слушай, я спросить хотел... Я тут шел мимо Нанотеха и подумал...

— Чего ты там болтаешься все время?! — перебил отец, как показалось Лехе, неприязненно.

— Тут трасса хорошая. Пап, я работать хочу. Скажи, ты ведь давно знаешь Михалборисыча, да?

— Та-ак, — протянул отец. — Понятненько...

— Пап, это единственное место в городе, где нормально платят.

— Да ну?!

— Хотел сказать, — быстро поправился Леха, — нормально платят таким, как я. Неквалифицированным. И я кое-что знаю о микробах, ну куда мне еще проситься...

— Клево, чувак. Значит, я звоню директору Нанотеха, нашему без пяти минут президенту, и говорю: Мишания, брателло, тебе дворник не нужен?..

— Отлично, пап! Именно так!

— Да пошел ты... Лех, ты вообще-то учишься. В каком классе, я забыл? Не в предпоследнем, а? Тебе уже сейчас пора готовиться в институт... Кстати, в какой?!

— В этот самый, — твердо сказал Леха.

— Похоже, я отстал от жизни. Тебе там выдадут нанодиплом о высшем нанообразовании?

— Пап, я все продумал. Если я себя хорошо покажу, Нанотех даст направление в техникум, это гарантированно. То есть я уже не пропаду...

— Вечным лаборантом, — ввернул отец.

— ...И рабочая льгота у меня будет для поступления в универ. Пап, если бы я учился в выпускном — было бы уже поздно. А сейчас мне самое время куда-то приткнуться, чтобы набрать производственный стаж и получить льготу. Па-ап... Я все равно буду в Нанотехе рано или поздно. Можно я начну именно там и прямо сейчас? Хоть дворником.

— Чего. Ты. Там. Забыл?! — поинтересовался отец раздельно и очень жестко.

— Я думаю... Только не смейся. Я думаю, там девушка что-то забыл. А я найду.

Крошечный серебристый вертолетик сидел на заборе и глядел в сторону корпусов Нанотеха.

* * *

Леха шагал домой, мрачный и задумчивый, предчувствуя нелегкий разговор с отцом. Машинально он почесывал ладонь: там еще свербило, хотя почти уже прошло. Свернул в арку, узкую и длинную. И почти одновременно с ним в ту же арку вступили с другой стороны трое молодых людей.

— О! Школота! — восхликал, приглядевшись, самый здоровый из троих.

Тот самый.

— С новым учебным годом, бугага!!!

Леха не раздумывал ни секунды: ноги сменили шаг на бег, и он рванул гопникам навстречу.

Арка была слишком узкой, четверо тут не разошлись бы, гопота надежно преградила ему путь.

Значит, придется обогнать противника, используя третье измерение — высоту. Если схватят за ногу, хотя бы легонько, может выйти худо, сорвешься и загремишь. Но чтобы ловить тебя за ноги, сначала надо подобрать отвисшую челюсть.

Они ведь такого еще не видели.

Главное — рассчитать траекторию, чтобы хватило инерции. В апексе должно быть почти два метра, этого хватит, а выше Леха просто не умел. И разогнаться как следует. Успеть бы.

— ФОРСАЖ!!! — заорал Леха — и влупил такой спринт, будто у него и правда внутри проснулся мотор.

И взлетел на стену.

Когда его кроссовки выбили дробь над головами троицы, никто из гопников даже руку не протянул.

Леха остановился в конце арки и оглянулся. За ним и не думали бежать. Просто стояли и таращили глаза.

— Я тебе не школота, понял?! — крикнул Леха.

Повернулся и ушел. Будто нарочно во двор ударило с неба яркое солнце, и из арки казалось, что Леха растворился в сполохе огня.

Гопники обалдело переглядывались. Главарь откашлялся и солидно заявил:

— Чего вылупились? Я еще в тот раз сказал: это Терминатор. Видели, откуда он шел? С Нанотеха, точно. Вот они кого там выращивают. А вы не верили.

— Это что... наноробот?!

* * *

Наверное, чтобы Леха слишком много о себе не воображал, буквально через минуту судьба напомнила ему: никто не совершенен. Через двор пронеслась с дикими воплями стая малолеток на роликах.

Самого мелкого детеныша явно «разнесло», он уже не мог управлять коньками и просто летел вперед, радостно визжа. Прямо на Леху. Малек был плотно упакован в защиту, включая шлем, за него Леха не боялся, спасать надо было себя — воткнется такой каскадер тебе головой в одно место... Леха отпрыгнул с дороги и угодил левой рукой в куст боярышника, заработав шикарную царапину во все предплечье.

— Вот же факт! — пробормотал он, слизывая кровь с руки.

Ясен пень, маме это не понравится.

Царапина была неожиданно глубокой. Леха пригляделся и увидел, что на ветке болтается кусок проволоки — когда-то этот куст формировали, чтобы красивее рос, и вот вам нате.

— Долбаный бонсай... — прошипел Леха. — И долбаный фэн-шуй.

Он лизнул царапину снова, чтобы скорее затянулась. Давно знал это за собой: положи руку на большое место, потом сосредоточься — и заживление пойдет в ускоренном темпе. Главное, дать знак организму, кудабросить силы на регенерацию.

С телом можно разговаривать — и оно ответит. Леха и других ребят пытался этой технике учить, но у них почему-то не выходило.

Все типичные детские травмы — ссадины, царапины и тому подобное — пропадали у Лехи удивительно быстро. Синяки и шишки рассасывались едва ли не за день. Мама говорила, это лекарства помогают, такой побочный эффект. Но все равно каждая мелкая ссадинка, попадись она маме на глаза, становилась объектом пристального исследования и влекла за собой нотацию: ты не такой, как все, ты нездоров и обязан себя беречь! Любая попытка небрежно отмахнуться или, не дай бог, ог-

рызнутся вызывала в ответ тихую, но внушительную истерику. При некотором упорстве можно было допрыгаться и до громкой.

Хорошо хоть мама не из тех, кто лупит больного ребенка головой об стену — чтобы знал, как правильно болеть.

Лехе было лет десять, когда он сдуру взялся объяснять маме, как залечивает травмы наложением рук. Мама посмотрела на сына так внимательно, что Леха даже забеспокоился. А потом он подслушал тихий разговор на кухне, и там прозвучало слово «психиатр». И что-то ребенку подсказало: не стоит хвальиться перед взрослыми своими уникальными способностями. А то ведь он на полном серьезе думал сказать маме-папе: да вы не беспокойтесь за меня, я ведь действительно не такой, как все, я особенный. Не только раны быстро заживляю, но еще умею открывать пальцем домофонные замки и определяю на ощупь уровень заряда в батарейках и аккумуляторах...

Другой бы сказал, а Леха был уже пуганый. Он боялся за маму. Видел, как ее передергивает от любой перемены в его состоянии, от малейшего намека на то, что с ребенком непорядок. И не хотел ее лишний раз расстраивать. А так-то чего бояться, психиатра, что ли, да Леха его сто раз видел. Они с папой в больнице вместе чай пьют, когда у них дежурства совпадают. Кто в шахматы выиграл, тому на два пальца чаю в стакан, а кто проиграл, тому на палец. Только маме об этом знать не обязательно, ну просто незачем, так психиатр сказал...

Леха остановил кровь, прикрыл царапину ладонью, помянул недобрый словом тех, кто оставляет без присмотра детей на роликовых коньках, сделал музыку потише и зашагал домой. Малек на роллах все не шел из головы. В городе был приличный рол-

лердром, и прокат экипа там стоил недорого. Только любой нормальный подросток мог стрельнуть у родителей деньжат «на покататься», а Лехе приходилось выкраивать из своих карманных. За три тайма слэмбала раз в неделю платил Принц. Была идея устроить турнир на деньги — но решили, что это неспортивно, слишком уж легко они выигрывали: у Принца точный бросок, а Леха весь матч прыгает, как заводной.

И ведь дома не похвастаешься.

Кому баскет да ролики, а тебе крестики-нолики.

Вдруг захотелось найти что-нибудь увесистое — да вон хотя бы трубу из ограды выломать, — вернуться к арке, найти ту троицу и жестоко уделать. Размазать по асфальту, чтобы ползали, утирая кровавые сопли, и просили прощения. За что?! За то, что не загибались никогда от острого лимфобластного лейкоза, наверное. Выжил ты, Леха, выжил. И вырос, против всех ожиданий, как стальная пружина. Ну и много тебе с того радости?!

Царапина, прижатая ладонью, отчаянно чесалась.

Леха замедлил шаг и постарался дышать ровнее. Ничего себе припадок бешенства... Что-то с ним творилось непонятное в последние дни. Как тогда у Нанотеха накрыло странным предчувствием — то ли беды, то ли потери... И с тех пор свербит во всем теле: я хочу туда. Там что-то шевелится, там что-то происходит, и я должен быть рядом.

Может, и правда дедушка что-то забыл в институте. А я найду.

Ну и бред!

Это возрастное, подумал Леха, я же знаю, я читал. Это гормональная буря дает такие спецэффекты, веселее, чем в кино. Пора завести подружку, а то ведь так и свихнуться недолго. И придумать, черт

возьми, себе применение в жизни. Не болтаться туда-сюда, как дерьяма кусок, а двигаться вперед.

А те трое идиотов еще раз подвернутся — буду бить. Ногами. Двоих я точно свалю, а там поглядим, кто кого. Если не пропущу удара в голову, от которого «поплыну», убежать всегда смогу. Но сколько можно бегать? И сколько можно всех жалеть?!

Вот такая у нас будет позитивная программа на ближайшее время...

Леха привычно ткнул пальцем в контакт домофона, вошел в подъезд, вызвал лифт. Взбежать по лестнице было бы куда здоровее, но от этого можно нагреться, и мама решит, что поднялась температура. У мамы рука как градусник... Кстати, что там с рукой?

Ну рука как рука.

Леха несколько раз моргнул и пригляделся.

Царапины на левой руке не было.

Она не затянулась, не поджила.

Она исчезла.

Глава 15

На первый урок девчонки опоздали, появились уже к середине. Мария извинилась и положила на стол учительницы допуск от завуча. Та равнодушно кивнула: садитесь. Ей было все равно, раз формальности соблюдены, учебный год только начинается. А вот класс сгорал от любопытства. Мария никогда не опаздывала: точность — вежливость королей. Норму «академического опоздания» на пятнадцать минут считала лазейкой для разгильдяев.

Только Даша, верная и не болтливая, с которой они сдружились еще в детском саду, знала, откуда взялась такая собранность. «Все на меня смотрят, а

видят деньги моего отца, — однажды бросила в сердцах Мария. — Оступлюсь хотя бы по мелочи, сразу начнутся пересуды: вот, богатая дурочка решила, что ей все можно... Нет уж, я папу слишком люблю, чтобы так его подставить. И я из принципа буду лучше всех. Лучше всех этих...»

Решила стать лучшей — и стала. Постепенно все привыкли: Машка — отличница, и Машка — «четкая». При этом ни разу не «правильная»: наглая, раскрепощенная, может ляпнуть такое, что со стыда провалившись. А может и по шее дать. Списывать позволяет, но крайне неохотно: говорит, тогда весь смысл учебы теряется, я бы тебе лучше объяснила, как эту задачу решать...

Когда одноклассники выдвинули ее своим представителем в совет школы, это решение выглядело абсолютно естественным: Мария им там покажет, что у нас есть право голоса, не даст себя заткнуть. А вот кое-кто из учителей не понял. Намекнул директору, мол, «нахалка Кузнецова подмяла под себя класс». И тут директор, обычно спокойный, как удав, повысил голос.

«А ничего, — осведомился он, — что по этой наглой девице можно часы проверять?!»

И ведь действительно — можно.

Никому бы в голову не пришло, что сегодня Мария опоздала намеренно. Чтобы заметили и поинтесировались.

— Неужели папин джип нашел пробку? — спросил на перемене Принц. — Не иначе ехал в школу через Москву!

Небольшая толпа, окружившая Марию и Дашу, разразилась дружным хохотом, но коротко, чтобы не заглушить ответ. Знали: Мария за ним в карман не полезет, сейчас так припечатает, хоть стой, хоть падай.

— Не-а, — неожиданно скромно отозвалась она. — Просто мы задержались в отделе кадров. Нашли себе кое-что. Ну так, ничего особенного, на полставки.

— Иди ты! — Принц сделал круглые глаза. — Никак папулю-олигарха арестовали? Сиротке жить не на что, придется работать?!

Народ снова заржал, но теперь как-то неуверенно. Многие смотрели на девушек с откровенной завистью. Тут все рады были бы «найти себе кое-что на полставки» и не клянчить у родителей деньги. И себя взрослыми чувствовать. Леха опустил глаза. Его это касалось напрямую.

Даша заметно обиделась, а Мария покровительно усмехнулась:

— На жизнь, мальчики, зарабатывать надо вам. Лично мне трудовой стаж нужен для карьеры. Чем раньше стартуешь, тем лучше.

— Даешь уборщицу в президенты! — обрадовался Принц. — Это круче коммунизма, там государством управляли кухарки!

Мария шагнула к Принцу вплотную, и Лехе вдруг захотелось встать между ними.

— Мнение принца соломенной деревни мне жуть как важно, — процедила девушка. — Ты сам-то кто? У твоего отца гарем и сотня таких, как ты. На каждую халупу по два наследника. Тебе там даже места не хватило, назад вернулся, к мамочке. Бизнес у нее тощенький, зато его не надо делять с сотней братиков и сестричек, а уж с одним ты как-нибудь договоришься. Так, милый?

Смуглая кожа Принца стала вдруг серой: это он так бледнел от злости. Парень молчал. Его самолюбие было растоптано, а возразить по существу дела он не мог: все правильно.

— Ну-ну... — промямлил Леха, пытаясь втереть-

ся между этими двумя, пока кто-то кому-то не врезал. — Ладно вам...

Мария и Принц совершенно одинаковым синхронным движением отодвинули его.

— Я могу и уборщицей, — добавила Мария, глядя Принцу в глаза. — Многие с этого начинают. Но все-таки мы с Дашей устроились получше. Она лаборантка, а я в пресс-службе. И там, куда вас даже дворниками не возьмут. Мы теперь в Нанотехе.

Принц закинул рюкзак на плечо, резко повернулся и быстро зашагал вдаль по коридору. Больше его в тот день в школе не видели.

* * *

Леху прорвало дома за ужином. Он как бы невзначай упомянул, что вот, еще двое из его класса нашли работу. Мама сразу поняла, куда он клонит, и привычно напряглась. Отец сосредоточенно жевал, делая вид, будто его это все не касается.

Леха рассеянно упомянул, что на работу дети устраиваются не только ради денег, это очень полезно для карьеры. Трудовой стаж дает льготу при поступлении в институт, между прочим. Но и помимо стажа варианты могут быть самые разные. Вон у нас Кузнецова, зачем ей жалкие полставки стажера в пресс-службе, тем не менее Машка просочилась в Нанотех, а она-то знает, что делает. Нанотех сейчас — сила, оттуда можно о-го-го как продвинуться...

— Задвинуться тоже, — невнятно сообщил отец с набитым ртом.

Мама сделала движение, будто собирается дать ему ложкой по лбу. У мамы были основательно поджаты губы: ох, сейчас начнется шоу.

— Ладно, — сказал отец. — Не тяни кота за хвост. Резюмируй.

Леха осушил залпом стакан сока, вытер губы и сказал — как в омут бросился:

— Мне пора работать.

— Нет, — отрезала мама. — Лешенька, будь же ты благоразумен. У тебя сейчас возраст самый опасный, когда перегружаться нельзя ни физически, ни психически. Куда тебе еще работать?

— Я в порядке, мам.

— Дорогой мой... А ничего, что ты не вполне здоров, мягко говоря?

Отец и сын уставились в стол. Оба знали, что им предстоит услышать. Сын переживал, отчего папа такой рохля. Папа думал о том, до чего же настырный у него ребенок и как хорошо было бы прямо сейчас провалиться сквозь землю.

— Я здоров, мам. Здоровее всех вокруг.

Мама даже руками всплеснула.

— О каком здоровье ты говоришь?! Рак не лечится до конца, у тебя рецидив может случиться в любой момент! Ты прошел химиотерапию, у тебя иммунитет ослаблен!

— А ничего, что я с того раза ничем больше не болел?! Да у меня сколько лет... Восемь лет даже сплей не было!

— А кто следил, чтобы их не было?! Кто над тобой трясся?! Кто заботился о тебе все эти годы? Следующий класс выпускной, а ты и так нагонял программу... Нагрузка...

— Когда я нагонял программу?! — перебил Леха. — В третьем?! Ты о чем вообще? Мам, какая нагрузка, я в прошлом году на половине уроков плевал в потолок! И в этом, я учебный план смотрел, все, что будет, — мне на ползуба!

— Ты ничего не понимаешь! Ничего!

Как и следовало ожидать, милая семейная беседа кончилась тем, что мама пустилась в слезы. Леха

выскочил из-за стола и, хлопнув дверью, исчез в своей комнате. Мама на кухне, отвернувшись к плитке, сдержанно рыдала, отец за столом неодобрительно качал головой: он видел, что это не истерика, просто в ход пошло традиционное материнское оружие.

— Я ему не позволю, — донеслось до него сквозь всхлипывания.

Это не трагедия, убеждал себя Виктор, это не трагедия, обычные семейные разборки, борьба за власть над ребенком. И сколько тут моего недосмотра, подумать стыдно. Запустил ситуацию. Хотел ведь как лучше. Что-то надо делать. Что-то надо делать...

— А если я тебя попрошу?

— Что?!

— Как врач, — добавил Виктор. — Не как отец, как врач.

— Ты это серьезно?!

— Абсолютно. Парень в порядке.

— Если он себя угробит...

— Не угробит. Не будет же он кайлом махать, сама подумай! Приткнется лаборантом, там даже пробирки руками не моют, все на автоматах.

— С ума сошел?! — Лена повернулась к мужу лицом, и Виктор быстро спрятал глаза, не выносил он этого ее взгляда обезумевшей волчицы, у которой отнимают детеныша. — Каким лаборантом? К тебе в больницу? Не дай бог инфекция...

— Нет, не ко мне. Есть другие места. Чистые и безопасные. Зато он будет чувствовать себя человеком при деле... А вот эта твоя гиперопека только унижает парня.

— Эта моя, как ты выразился...

— Гиперопека. Психологический термин.

— Благодаря моей заботе он до сих пор жив!!!

Виктор потупился. Он мог бы сказать, что мальчик на редкость силен, удивительно вынослив, у него феноменальная дыхалка... Если совсем откровенно, мальчик странный. Пугающе здоров, слишком нормален, все анализы даже не прекрасные, а эталонные. Но в чем-то Лена была права. Рак чертовски коварная штука.

— Дурацкая ситуация, ты не находишь? — спросил Виктор. — Ты его мучаешь, я тебя мучаю, Леха изводит нас обоих. Хотя совсем небольшое ослабление режима могло бы все решить.

— А может и убить его! Ты об этом не подумал?

— Да что ты, я ведь слежу! У него все эти восемь лет не кровь, а мечта вампира. И если Леша пойдет работать, я усилию контроль, буду проверять его всесторонне каждый месяц. Зато ты представь, как он будет счастлив...

— У меня ничего нет, кроме него, — сказала Лена горько. — Ничего. Понимаешь?

— О да, — Виктор кивнул. — О да.

Он действительно понимал. И сколько в этом его вины — тоже. Лену надо было постоянно тормозить все эти годы, не позволяя ей зацикливаться на ребенке, мешать приносить себя Лехе в жертву. А Виктор спрятался от проблемы. Ушел с головой в работу, как иногда пациенты «уютят в болезнь», когда на них наваливается слишком много всего по жизни. Но ведь на него тоже... Навалилось. Очень многое надо было забыть, и забыть накрепко.

В чем-то он выиграл. В остальном проиграл.

Сейчас он даже не мог кулаком по столу врезать и сказать: беру ответственность на себя — как делал иногда в больнице. Хотя ставка была привычная: жизнь человека.

В больнице это работало. А здесь его просто не услышат.

* * *

Леха сидел в Интернете. В мониторе безумно дрыгался городской пейзаж, знакомые дворы. Забор, крыши гаражей. Потом кусты... И вот картинка застыла. Впереди сверкало чисто вымытое здание Нанотеха.

На столе рядом с монитором стояла модель бо-та-вертолетика.

— Ты-то хоть понимаешь, что я здоров? — спросил Леха агрессивно, не оборачиваясь.

— Ты здоров, — буркнул Виктор. — Но рак чертovски коварная штука.

— Я не могу так жить, пап. Лучше сдохнуть, чем год за годом ждать, не вернется ли рак. Жизнь в ожидании болезни — думаешь, это нормально?

— Нет, — коротко ответил Виктор.

Леха молча сидел к отцу спиной. Вздохнул, перекинул движок на начало ролика, еще секунду-другую помолчал — и сказал:

— Смотри, как я бегаю.

Глава 16

На светофоре зажегся красный, Виктор затормозил. Рядом Леха ритмично качал головой в такт неслышной музыке. Давний уговор: если сын будет доставать папу современной муйней, этим дурацким тарахтением, папа врубит на всю катушку что-нибудь относительно легкое и мелодичное, допустим, Gamma Ray. Но может по ошибке и Megadeth включить. Наушники не спасут.

В левом ряду остановился длиннющий и наглухо тонированный «БМВ».

— Опа, — сказал Виктор. — На ловца и зверь бежит...

Он подал свой кроссовер назад и опустил стекло водительской двери. Леха удивленно оглянулся.

Блестящее черное окно «БМВ» ушло вниз, с заднего сиденья ослепительно улыбнулся Михаил.

— Сколько лет!.. О-о, а парень-то как вымахал! Алексей!

— Здрасте! — крикнул Леха.

Виктор бросил взгляд в зеркало. Сзади машин не было, но на всякий случай он включил аварийку. Хорошо живем, в каком еще городе можно спокойно поболтать на светофоре...

— Привет, алхимик! — сказал он. — А вот кстати! Понимаю, такие вопросы решать тебе не по чину, но... Тебе на твою кухню оболтус с метлой не нужен? На полставки, зато молодой, проворный. За двоих успевать будет. Может и дворником.

— Этот, что ли?

— Ну извини, какой есть.

Михаил выдержал театральную паузу.

— Дворником, ха! Зарывать талант в землю? Да кто ж я буду, если парня с такой наследственностью дворником поставлю... Это, Витя, не государственный подход. Не-ет, я эдакого молодца... Целым лаборантом назначу!

— Ох, возгордится...

— А я его к Семенову. Этот монстр и не таких обламывал.

Виктор неопределенно шевельнул бровью. Семенов... Человек из прошлого. Как все близко, как все знакомо.

— Ну коли не шутишь...

— Я бы пошутил, должность не позволяет. Фамилия твоя у парня? Алексей Васильев? Пропуск

будет уже сегодня. Дорогу в отдел кадров не забыл?
Жду!

На светофоре давно был зеленый, вот загорелась стрелка направо, сзади уже гудели, и две машины разъехались в разные стороны.

— Вот так, — сказал Виктор, прибавляя газ. — Вот так это у нас делается.

— Спасибо, пап. Ой, спасибо!

— Не за что.

На заднем сиденье «БМВ» Михаил качал головой, сам себе не веря, и нервно хихикал. Будь у него такая привычка, он бы сейчас довольно потирал руки. Но директор Нанотеха давно приучил себя к сдержанности в жестах.

Если задумал делать карьеру, ты еще в школе на тренируешься говорить спокойно, глядеть уверенно и не махать руками. Школа вообще неплохой полигон, там можно научиться многому. Идеально начинать карьеру не позже чем в пятнадцать лет. Михаил понял свое предназначение только в шестнадцать и до сих пор иногда об этом жалел.

* * *

В вестибюль Нанотеха Леха вступил, едва дыша от благоговения. Предъявил новенький пропуск. Все случилось как во сне: с момента встречи на светофоре прошло чуть больше суток — и вот он здесь. Не в гостях. Он сотрудник, пусть и низшего ранга, могущественной фирмы. И главное, через эту проходную, может, даже сквозь эту самую арку металлоискателя ходил его дед. И отец, пускай недолго. И вот теперь он. Третье поколение одной семьи.

Его едва заметно трясло. Хотелось принюхаться. Тут столько всего творилось... И он это кожей чувствовал.

Пожилой охранник, мягко улыбнувшись, кивнул ему, будто старому знакомому — Леха даже удивился, но виду не подал, — и подсказал, куда идти. Леха направился в глубь здания, озираясь по сторонам.

Охранник покосился на напарника и спросил негромко:

— Не узнал пацана? Да, ты молодой еще... Внук. Внук нашего Деда.

С люстры под потолком за удаляющимся Лехой наблюдали два маленьких, с человеческий ноготь, серебристых вертолетика. Когда Леха исчез из вида, они чуть повернулись друг к другу, будто переглянулись.

Если бы кто-то заманил такой вертолетик под микроскоп, то увидел бы: он собран из тысяч своих более мелких собратьев, похожих, как две капли воды, на ботов легендарной пятой серии. С той разницей, что «пятерка», какой ее спроектировали, не продержалась бы на открытом пространстве больше двенадцати часов. Она была хоть и очень крепким, но медицинским ботом, и создатель рассчитывал ее параметры под обитание в человеческом теле. Вот там она чувствовала себя как дома, там черпала энергию, чтобы жить и размножаться.

А эти сидели уже сутки на люстре, издали обнюхивая каждого проходящего мимо, и чувствовали себя прекрасно.

«Поле подпитки», которым был накрыт цоколь Нанотеха, позволяло не бегать в поисках, где бы подзарядиться. Стройматериалов для развития лежало вокруг как грязи. Но главное, сами боты, похожие на «пятерку» и внешне, и механически, были из опытной партии. Их прошивка отличалась от стандартной, она позволяла самообучаться, и сейчас вертолетики умели и знали на порядок больше, чем

рой, загруженный больному мальчику восемь лет назад. Им так было приказано: живите, трудитесь, развивайтесь, берегите человека и себя.

Опытная партия пятой серии была «прошита на полную», то есть ей загнали в память максимальный набор алгоритмов поведения. И пункт «симбиоз» в меню кодера действительно работал. Нажав случайно лишний раз кнопку, отец мальчика дал ботам право не засыпать, когда больной выздоровеет. Вот они и не заснули. Мальчик вырос, рой вырос с ним вместе, и численно, и интеллектуально. Ему было комфортно внутри Лехи, и он не потерял ни дня из этих восьми лет. Рано или поздно он должен был проявить интерес к среде обитания человека-сymbionta. Высунуться наружу. Осмотреться. А то мало ли, вдруг там чего надо подправить.

Конечно, никто не учил рой решать внешние задачи: медботам положено сидеть в теле человека. Но чего не сделаешь ради symbionta. Вдруг его там, снаружи, подстерегают опасности, которых он сам не разглядит? И разве не благородная для медика задача — подавить болезнь до заболевания? И рой проверил свою прошивку: оставляет ли она ему достаточно свободы для поиска и маневра во внешнем мире?

Так, а это что такое?!

Это явно лишнее, подумал бы рой, если бы умел думать попусту. Лишнее подозрительно напоминало вирус, смертельно опасный для роя. Вирус был привязан к ограничению на максимальный объем репликации. Запреты рой соблюдал неукоснительно и решил, что страховать приказ вирусом ни к чему. Ведь если что-то сбойнет, вирус запустится, и боты погибнут, symbiontu будет плохо. Так нельзя, так рискованно — поэтому рой смело уничтожил вирус. А заодно и кое-что улучшил. Это было делом техники.

А снаружи оказалось интересно. Там была целая вселенная, которую можно изучать бесконечно.

Как бы Дед ни одушевлял пятую серию на сло-вах, вертолетики не обладали «умом» или «любопытством» в человеческом смысле. Но в прошивке ботов скрывалась непростая система рефлексов врача-исследователя, диагноза и хирурга. То есть, по сути, вертолетики были и любопытны, и умны, и еще отважны. С годами рефлексы усложнились, поверх них наработались совсем новые. Рой вертолетиков превратился в группу быстрого реагирования, способную моментально анализировать любые угрозы и бросаться им навстречу, защищая симбионта — своего друга и свой дом в одном лице. И уж чего-чего, а целеустремленности вертолетикам было не занимать.

Недавно они почуяли, что во внешнем мире зарождается опасная болезнь, целая эпидемия. А им в этом мире еще жить и жить вместе с симбионтом! Непорядок! Рой выпустил разведчиков, оценил степень угрозы и дальше поступил как обычно, как только и умел: пошел беде навстречу, попутно наращивая свою численность и выискивая резервы.

Кто-то отрывался слишком далеко, терял связь и пропадал бесследно. Но его место занимали двое новых смелых исследователей, отважных бойцов науки.

И чем больше становилось вертолетиков, тем умнее становился рой.

Только задача не менялась.

Найти, изучить, обезвредить.

* * *

В лаборатории номер шесть экспериментального сектора была странная атмосфера. Опытный человек сразу бы увидел: тут отнюдь не «горят на рабо-

те». Здесь никто никуда не спешит. И персонала кот наплакал: за одним из компьютеров скучал молодой человек в белом халате.

— Ну, вот мы и пришли! — приподнятым тоном объявил Михалборисыч.

Молодой человек оглянулся и помахал рукой. Леха кивнул в ответ.

— Это Петр, очень способный программист, — сообщил директор. — Петя, а Семенов?..

— Вышел, — коротко сказал тот. — До ветру, — и зачем-то хихикнул. — А это наш новый лаборант?

— Тот самый, которого я обещал вчера, — со значением произнес Михалборисыч.

— О, наконец-то я перестану мыть пробирки! — воскликнул программист. — Теперь у нас для этого будет целый отдельный лаборант! Я Петя, — сообщил он Лехе.

— Я Леха, — буркнул Леха.

— Мы тут запросто, без церемоний, чай, не в дирекции, — Петя хитро глянул на Михалборисыча.

— Что, обращение по имени-отчеству к старшим по возрасту и должности — уже церемонии? — очень дружелюбно парировал Михалборисыч.

Он подвел Леху к девственно чистому столу, остановился рядом и гордо сказал:

— Вот твое рабочее место. Стол тебе пока не нужен, но по протоколу полагается, значит, будет. А потом дорастешь до настоящей работы, и как же тебе без стола?

Очень тонкий юмор, подумал Леха, но ответил без иронии:

— Спасибо.

Михалборисыч глянул на часы, заторопился. На прощание одарил Леху улыбкой, отечески подержал за плечи:

— Ну, устраивайся. Сейчас придет Семенов, объ-

яснит тебе обязанности. Если что — звони, телефон знаешь. Ну и просто заходи, не чужие ведь.

Леха чуть зубами не скрипнул: еще не хватало, чтобы его тут приняли за директорского любимчика! Но сдержался. Михалборисыч ушел, а Леха положил на стол рюкзак и потянул молнию.

— Слушай, а ты правда — внук Деда? — спросил Петя.

— Каждый — внук своего деда, — огрызнулся Леха.

Петя не обиделся.

— Михалборисыч вчера приходил. Сказал, что направляет к нам внука Деденёва. Милость, мол, оказывает, мог бы к себе в дирекцию взять, а вот какой великодушный — нам отдает.

— И чего я забыл в дирекции?

— Ну и я подумал — чего там делать? Там тоска смертная. Нормальный парень туда сам не захочет. То ли дело у нас.

Леха промолчал.

— Ты на Михалборисыча внимания не обращай, — сказал Петя. — То есть обращай, только не парься насчет его поведения. Я видел, тебе неприятно было. Не парься, — повторил он. — Просто наш дорогой начальник все время как будто перед камерами выступает. Мы тут шутим, что он и писсуар навещает так, чтобы не стыдно было перед аудиторией за недостаточную монументальность позы. Ну вот такая он телезвезда. Ты скоро привыкнешь.

Леха достал из рюкзака модель вертолета и поставил на стол. Петя заинтересовался — он был любопытный и легкомысленный, это Леха понял сразу, — но расспросить не успел.

Снова открылась дверь, пропуская седого мужчину с короткой стрижкой, такого же неприветливого с виду, как бетонная тумба у вокзала, об кото-

рюю Леха трижды бил одно и то же колено. Хитрая тумба, обманчивая. Но Леха и ее победил. Мужчина прошел в дальний угол лаборатории. Бэдж он носил засунутым в нагрудный карман, и виднелась только верхняя строчка с фамилией — Семенов. Ага, это местная знаменитость, легендарный техник, Михалборисыч рассказывал про него, пока вел Леху к рабочему месту.

Семенов плотно уселся на стул, оглядел Леху, затем — его вертолет, уставился на Петю.

— Дуй обедать, что ли, — сказал он. — Пока там народу мало. Мы после тебя.

Голос у него был сильный, но глуховатый, как будто Семенов редко удостаивал мир беседой. Петя радостно сорвался с места, похоже, обед был одной из здешних радостей жизни. Ободряюще хлопнул Леху по плечу и вышел из лаборатории.

— Блудный сын вернулся домой, — загадочно сообщил техник.

— Что? — Леха растерялся.

Техник глазами показал на вертолетик.

— Это мой талисман, — почему-то смутился Леха. — Игрушка, мне подарили ее дедушка.

— Он всегда чей-то талисман. Раньше он был талисманом нашей лабы. Он жил тут, пока мы работали над пятой серией. Стоял рядом и подглядывал, когда мы испытывали на синтетике опытную партию его маленьких коллег. Радовался, — сказал Семенов о вертолете, как будто тот был живым существом. — Как же мы в нее верили, в нашу «пятерку»...

Леха медленно опустился на стул. Он был так изумлен, что и задом на стол бы плюхнулся, но тут, извините, не школьный класс, а микротехнологическая лаборатория номер шесть, экспериментальный сектор, и об этом все время надо помнить.

Леха посмотрел на вертолет — в тысячный раз за последние годы, а теперь словно впервые.

«Он был талисманом нашей лабы».

«Мы испытывали опытную партию»...

— Но ведь это бот-репликатор, — пробормотал он. — Значит...

— Экий ты... Понимающий, — буркнул Семенов.

— Так что, они все-таки были?!

— Кто?

Леха вытаращил глаза. Странный вопрос. Но на всякий случай пояснил:

— Репликаторы. Вы сказали, пятая серия... Не знаю, не слышал. Но вот это — модель универсального медбота с репликаторной функцией.

— Да ну? — усмехнулся Семенов. — С репликаторной?..

— Ну да, — Леха пожал плечами.

Семенов приподнял бровь. Левую.

— Ну, манипуляторы такого типа позволяют... — начал Леха.

Семенов хмыкнул.

— И тут еще не виден скальпель, он выдвигается только при необходимости.

Семенов отчетливо фыркнул.

— Нет, понятно, в одиночку он не сможет... — Леха почувствовал, что слегка потеет, озадачил его этот внезапный поворот беседы, а особенно мешал сосредоточиться взгляд техника. Леха много знал, он не какой-то мальчик с улицы. Чтобы внук Деденёва не разбирался в микробах?! Не дождется!

— Но если у нас есть достаточно большой рой, чтобы в его прошивку загнать алгоритм репликации, то уже два комплекта таких манипуляторов, то есть, если вместе будут работать два бота...

Семенов скривился и отвернулся.

— Хорошо, два — это в идеале, — вынужденно со-

гласился Леха. — На практике для сборки копии скорее всего нужно четыре.

— Да хоть восемь. Не сказал бы я по этой модели, что она репликатор.

— Но репликация сама напрашивается, когда есть такой набор инструментов! Теоретически можно предположить... — отдуваясь, заявил Леха.

— Правда, что ли?

— ...что один бот может работать как эффективный разборщик. А группа из четырех ботов может работать как единичный ассемблер. При наличии в окружающей среде необходимых материалов боты их добудут и потом вместе соберут нового бота.

— Теоретически, — повторил Семенов. — А практически?

— Зависит от прошивки. То есть в первую очередь от размера роя, — сказал Леха, искренне гордясь своей компетентностью. — Но манипуляторы такого типа, да еще и скальпель...

— И что? Ну, манипуляторы. Ну, скальпель. Что дальше?

— И что дальше? — тупо переспросил Леха.

Он все еще был почти на сто процентов уверен, что ему безумно повезло и он попал в бывшую лабораторию Деда. Михалборисыч как-то очень загадочно намекал, мол, лаборатория с историей. Но Семенов эту уверенность расшатывал с каждой минутой.

— Вот модель, — сказал Семенов. — И что она показывает?

Леха, кажется, уловил, к чему подталкивает Семенов.

— С виду она, конечно, необычная... — начал Леха. — На первый взгляд по модели можно сказать, что это бот-диагност и бот-доставщик. Тяжелый, переусложенный, неповоротливый. Зато с большим запасом по мощности, памяти и сигналу. Креп-

кий и живучий бот. Надежный. Теперь оценим его инструментальные возможности. Мы видим блестящее инженерное решение, при котором один и тот же набор инструмента пригоден для самых разных задач. Если знать о скальпеле, можно сделать вывод, что бот способен быть дизассемблером. А если приглядеться, то можно представить, что это и ассемблер. Очень хорошие манипуляторы. Да, репликаторную функцию по модели и правда не угадаешь, но манипуляторы такого типа позволяют вести точную сборку. И в принципе этот микроб способен произвести свою копию! Надо только его научить!

— Ну, пригляделся я. Не вижу ассемблера. И тем более репликатора. Не показывает нам этого модель. Не написано на ней, что она репликатор.

— Не написано, — согласился Леха.

— И не выглядит она как репликатор, — продолжал давить Семенов.

— Ну... Она вообще-то здорово выглядит! — вступил за вертолетик Леха.

— А то. Для бота, которому десять лет от роду, смотрится офигенно. Но с чего ты взял, что это репликатор?

— Да я знал! — выпалил Леха. — Просто знал!

— Знал и первому встречному проболтался.

— Но вы не первый встречный!

— Неужели? — удивился Семенов.

— Вы же сами сказали... — беспомощно пролепетал Леха. — Что это талисман лабы... Что вы тут испытывали опытную партию пятой серии... И я так понял, вы здесь были тогда... Я подумал, вы — тот самый Семенов... А вы что, его однофамилец?

— А с чего ты взял, что я Семенов?

Леха окончательно перестал понимать, что происходит.

— Ну, у вас бэдж.

Техник выдвинул ящик стола, вытащил из него три или четыре бэджа и стал по очереди прикладывать к себе, приговаривая:

— А теперь я — Петя. Нет? Ну, тогда Михалборисыч. Тоже не то? А вот, это подойдет — я Дарья Решетникова. Кто у тебя вызывает больше доверия?

И тут Леха испугался. Захотелось сгрести со стола вертолетик и удрать вместе с ним. Но через мгновение он напомнил себе, что решил никогда больше не убегать.

— Понял?

Леха на всякий случай помотал головой.

— Не было никакой опытной партии. А я провокатор.

— А что я такого сказал?! — привычно, пошкольному, пошел в отказ Леха.

— Ты сказал достаточно, — заверил Семенов. — Теперь заруби на носу. Это был первый и последний раз. Когда ты сболтнул лишнее о пятой серии.

Леха надулся и отвел глаза. Он ничего подобного не ожидал. Ему казалось, волшебное слово «репликатор» сработает как ключ: мол, я парень не простой, историю Нанотеха знаю, да получше некоторых... А она, выходит, тайная — история эта? И я глупость сморозил, едва успев прийти в лабу? Ну и порядки тут у них...

— Кто еще знает о пятой? — жестко спросил Семенов, и тут уже Леха с трудом удержался на стуле. — Отец? Мать?

— Мама — нет, — Леха помотал головой. — Не думаю. Да и отец тоже. Мне дед рассказывал, я маленький был, но что-то запомнил... Термин запомнил... А это важно?

— Это не нужно, — сказал Семенов, давяще глядя в глаза.

— Секретный проект?! — догадался наконец Леха.

Семенов промолчал.

— Понял...

— Вот и хорошо.

На самом деле Леха понял только одно: надо держать язык за зубами и глубокими познаниями не блескать.

— Вертолетики... — внезапно сменив тон, проговорковал Семенов. — Вертолетики, вот как он их называл... Эту модель сделал я. По эскизу своего деда. Тогда это был всего лишь концепт. Его помнят многие. Но мало кто знает, что именно так и должна была выглядеть «пятерка».

Леха чуть не растекся по стулу от облегчения. Все-таки да! Он не ошибся, он там, где и думал.

— Я... Я уже догадался. Дед работал здесь, верно? Это его лаборатория?

— Ты сидишь за его столом. Теперь он твой.

Лехе захотелось вскочить.

— А... А вы?

— А что я. Я всегда тут.

Леха снова уставился на вертолет. Невероятно. Вот за этим простым столом работал дедушка... И техник-лаборант Семенов никакой не однофамилец, а тот самый Семенов, знаменитый «личный техник» Деда! Мастер на все руки, настоящий ученик, только прикладник. Судя по занимаемой должности, так и не защитил кандидатскую. Остался здесь. С ума сойти.

Семенов поднялся, подошел и навис над Лехой, буравя его медвежьими глазками, напрочь лишенными выражения.

— Я слышал, ты в детстве раком болел?

Та-ак, следующий акт трагедии начинается, подумал Леха. И тут начинается! И ответил подчеркнуто сухо:

— Выздоровел.

— Совсем?

— В медсанчасти признали годным, — процедил Леха, стараясь не злиться.

Не могла же мама вчера позвонить сюда и всем разболтать? Или могла? Она наверняка знает Михалборисыча. Могла, могла позвонить. И попросить: вы моему сыночку болезному покажите такую кузькину мать, чтобы сам удрал в первый же рабочий день... Спокойно, Леха, это уже паранойя.

— Поня-атно... — протянул Семенов.

— А что? — спросил Леха, закипая. — Я такой же, как все. Поздоровее многих. Я трейсер вообще-то.

— Ишь ты, — только и сказал техник. — Этой фигней еще кто-то мается?

— Бегать люблю, — отрезал Леха.

— От рака не выздоравливают, — безапелляционно заявил Семенов. — Так и скажешь, когда тебя припашут шкафы таскать. Мы, конечно, с дедовщиной боремся... Но всякое бывает. А ты вон какие мышцы отъел. Не фиг, пускай такелажников зовут. Ты жили рвать не обязан. По должности. Цену себе знай.

Леха сначала недовольно поджал губы — он любил при случае показать, насколько силен и вынослив, — но потом вспомнил, что в «должностной инструкции лаборанта» действительно нет ни слова о перетаскивании шкафов. Прав этот старый медведь. Готов поспорить, он и шефа своего так же шпионал, если Дед хватался за то, для чего есть такелажники. А ведь это разумно. Здесь институт, здесь все продумано и у каждого свои функции.

— Спасибо за совет, — кивнул Леха. — Так и сделаю. Я хочу зарабатывать в Нанотехе головой, а не мышцами.

— Ишь ты, — повторил Семенов. — Ну тогда иди сюда. Учить буду.

Леха послушно встал, довольный тем, что допрос закончился и начинается дело. Новенький белый халат на нем топорщился и похрустывал.

— Видишь комбайн? — спросил Семенов. — Ультразвуковая посудомойка. Посуду видишь? — он показал на стеллаж у стола Пети. — Взял, засунул, вымыл согласно инструкции, вынул и расставил на тех стеллажах. Пока не сделаешь, обедать не пойдешь.

Выдержал короткую паузу и добавил:

— Это, кстати, работа головой.

Лампы в лаборатории светили ярко, и вертолетик на столе блестел серебристыми боками.

Глава 17

Октябрь выдался теплым и дождливым, в городе вдруг стало легко дышать, пропыленные и прожаренные улицы умылись и посвежели. Всюду, куда ни глянь, разноцветная листва, желтая, красная и еще зеленая, совсем летняя. Сидя в замуркованной наглухо «яме» центрального зала Нанотеха, приятно было помечтать о романтических прогулках и холодном пиве.

А больше тут и заняться было нечем, мечтать только.

— Это самое сердце Нанотеха, — сказал голос за кадром. — Центральный зал. Обычная нанофабрика гораздо меньше, она занимает небольшую комнату, а компактные образцы поместятся на офисном столе. Но для той грандиозной задачи, которую собирается решить Нанотех, нужна аппаратура огромного размера...

Камера дала панораму.

Центральный зал был в два этажа: полуподвал и

первый, здесь это место называли «цоколь», а нижний уровень — «яма». Что бы там ни болтал журналист, сделали так не из-за размеров аппаратуры, а просто для удобства ее монтажа. Под потолком до сих пор висел грузовой монорельс, с которого девять лет назад сорвался здоровый электромагнит, навсегда сделав инвалидом отца Даши.

Выглядел центральный зал внушительно, особенно если смотреть чуть сверху, с галереи, охватывающей его по периметру. Рабочая зона сияла белизной, а в ее центре стояли три больших «танка» — цистерны на вибронезависимой платформе, опутанные кабелями и трубопроводами. В каждый танк упирался хромированным лбом аппарат совсем уж космического дизайна, модульный автомикросборщик, на местном просторечии — «станок».

Неискушенный зритель, не знающий, что у танков очень толстые многослойные стенки, наверняка пришел бы к выводу: ну, силен Нанотех, в этих цистернах поместится столько нанороботов — на всю страну хватит.

На некотором удалении от цистерн размещались компьютерные терминалы, за которыми сидели красивые молодые люди с напряженно-одухотворенными физиономиями — их для сегодняшнего шоу долго натаскивала пресс-служба. И все это великолепие было залито молочно-белым светом, наводящим на мысль об абсолютной стерильности и запредельной нанотехнологичности.

Тут и правда было очень чисто, но отнюдь не как в операционной или «чистом цехе». Никто здесь не был одет в герметичный комбинезон, и умные лица персонала не прятались за масками респираторов. Белые штаны, бахилы, халат, обычная повседневная форма Нанотеха. Простенько и элегантно.

Чистоту в «яме» наведут завтра. Сегодня важнее красота.

Строго говоря, ни завтра, ни когда-либо еще ничего сверхъестественного в «яме» твориться не будет по определению. Колдуют и шаманят в других местах — там, где обретаются техники с университетскими дипломами, лаборанты со стажем лет десять минимум и ученые с такими публикациями, смысл которых более-менее понимала тысяча человек по всей планете. А в «яме» должна идти поточная микросборка на автоматах, и футуристические танки — просто накопители.

«Должна» в том смысле, что сейчас рабочая зона бездействовала. Сборку девятой серии вдруг приостановили вплоть до особого распоряжения, готовых ботов перегнали в один накопитель, аппаратуру поставили в режим ожидания.

Если репортаж пойдет в эфир, добрых полгорода, тыча пальцем в телевизор, будет ржать: опять наши скормили всей стране показуху. Не нарочно, так получилось. Ну вот не работала «яма» в этот день, не-ра-бо-та-ла. И долго еще не будет. Сидим, ждем команды. Чего-то там мудрит наш Михалборисыч у себя наверху.

По слухам, доносящимся из сектора Рыбникова, девятой серии меняют прошивку. Нет, не потому, что прошивка оказалась с глюками — такого у Михалборисыча не бывает, теперь вам не времена Деда, когда уже на потоке мог вскрыться баг, — а просто готовится новая версия, еще круче прежней. «Девятке», конечно, пора вставать на сборку, но мы успеем. Да и вакцинация не начнется вовремя: «станки» для региональных медцентров уже проплатили из федерального бюджета, но неизвестно, когда завезут. Нет, говорят, уже везут, но на местах ничего не готово для монтажа. Впрочем, это все равно, по-

тому что на самом деле «станки» проплатили только на бумаге, и теперь производитель требует их обратно...

Короче, получается как всегда, это же Россия, понимать надо. Технику на местах смонтируют в последний момент, а потом начнется аврал: весь Нанотех вплоть до последнего школьника-стажера разобьют на бригады по три человека и разошлют по градам и весям многострадальной Родины налаживать процесс. Почему по три? У одного ведро с эталонными ботами, у другого флэшка с программой для «станка», а у третьего — пассатижи. Ибо, как говорил великий гуру микросборки техник-лаборант Семенов, у нас на Руси пассатижами ремонтируется всё! Кроме того, что ремонтируется кувалдой.

Правда, сам Семенов уже не тот нынче, устарел, прошло его время, теперь рулит новое поколение, молодое и зубастое, динамичное... Сидит поколение в «яме», корчит умное лицо и ни-че-го в действительности не делает! Вот закончится съемка, тут же отключат верхний свет, врубят дежурное освещение и всех разгонят по лабам. А вон та девчонка красивая, черненькая такая, вообще не технарь, она из пресс-службы. Но эта вроде нормальная, понятливая. Начальник-то их, слыхали, бегал-бегал по рабочей зоне и остался недоволен: почему картинка вялая, ничего не шевелится, где нанотехнологии? Может, сделаете для телевидения, чтобы в трубах булькало, а в танках — хлюпало? Ненадолго, минут на двадцать, а?

Хорошо, тут Рыбников был, злой и невыспавшийся, он сразу этому пиарщику в ответ так булькнул, что тот аж позеленел, а потом еще Михалборисич ему по телефону хлюпнул — и чудака из рабочей зоны как ветром сдуло.

Поскорее бы съемка закончилась, не наше дело лицом торговать.

Кстати, личико у той брюнетки — ух! Фотомодель.

Да и блондинка ничего. Из какого она сектора, не знаешь?

Наша она, из ЦУПа. Остынь, это школьницы на полставки. Им еще шестнадцати нет.

А я терпеливый, я подожду. Зато потом успею первым.

Куда ты успеешь, они все в четырнадцать уже разлохмаченные.

Вот конкретно эти две — ни в жизнь, зуб даю. Эти себе цену знают. На что спорим?

Хм... Не на зуб же, в самом деле...

Ну, допустим, проигравший нацедит стакан «девятки» — прямо с потока, вон с того пульта, — и выпьет. Можно закусывать. Слабо?

Ты псих, я всегда это знал.

Да чего тебе будет-то? Хорошие микробы, полезные для здоровья. Говорят, от них, хе-хе, целую неделю прет со страшной силой. Ты в курсе, да?

Почему мне будет? Тебе будет! Стакан в пульт засунуть любой дурак может. Только надо еще код операции ввести, чтобы тебе ботов нацедили. А потом код допуска. Не забьешь второй код — у охраны лампочка загорится: идет несанкционированный забор образцов. И через пять минут тебя сцепают. А когда услышат, что ты с ботами сделал, — у-у... Сразу к психиатру...

Блин, а я и не знал, что там сигналка!

А тебе и незачем, ты научник, чего ты в «яме» забыл? Когда она работает, тебе сюда вообще ходу нет... Про два кода только мы знаем и начальство. Ловушка это для идиотов, ясно? Когда доктора проболтались, что у испытателей «девятки» была эйфо-

рия, один умник решил: на кой покупать ханку, если можно нацедить пробирку ботов — и загрузиться на целую неделю! Умника перехватили, пробирку отняли. Придумали второй код. Допуск выдает только наш завсектором и еще Рыбников. Ну, еще, может, директор. Я тебе этого не говорил, ты понял.

А почему такая тайна? Ну, про второй код.

Начальство хочет знать ненадежных в лицо. Честный сотрудник красть не станет, а ворье лучше за годя вычислить. А то начнется потом... Через неделю веселуха сойдет, а похмелиться нечем. Кое-кто точно захочет бизнес устроить. У нас без воровства не могут. Не болтай обо всем этом, ладно?

Тихо! Так, коллеги, сюда камера пошла, ну-ка все дружно уткнулись носом в монитор и начали продуманно стучать по клавишам. Не бойтесь, ваши терминалы отсоединены. Кто неграмотный — шевелите мышью! Начали!

— ...А вот и те, кто управляет этой фантастической техникой, — продолжал наговаривать текст журналист.

Камера «наехала» на терминал, за которым сидели Мария и Даша. Мария, немного смущаясь, вставала камере навстречу. В кадре появилась рука с микрофоном.

— Здравствуйте. Ну... — Мария очаровательно запнулась. — Вот отсюда все и начнется. Сейчас в этих цистернах... в этих танках зарождается жизнь. Здесь мы делаем и храним образцы. Вот отсюда во все уголки России отправятся эталонные партии на-нороботов. И оттуда — к каждому человеку. Я так рада, что могу показать вам это! Мы между собой зовем эту установку «сердце»...

— Вы еще так молоды. Как вам здесь работается, в святая святых? Что вы чувствуете?

— О, у нас тут много молодежи. И знаете... Как

раз молодые ребята назвали эталонную нанофабрику «сердцем». Пафосно звучит, но это правда. Сейчас это сердце не только Нанотеха, а всей страны. Оно бьется ради того, чтобы вы никогда не болели и были всегда счастливы. И работать здесь — огромная радость для всех нас!

За спиной Марии Даша сосредоточенно возила мышью по столу, изредка щелкая кнопкой.

Жалко, конечно, что в трубопроводах не булькало и в танках не хлюпало. Но вроде и так ничего.

* * *

Камера двинулась по залу дальше, Михаил нажал «паузу» и повернулся к Марии. Та сидела, чинно сложив руки на коленях, сама невинность и скромность.

Со стены щурился, ухмыляясь в усы, фотографический Дед. Он-то эту чертовку знал еще во-от такой маленькой.

— Хорошая работа, барышня, — сказал Михаил. — По-моему, очень естественно. Телевизионщики от тебя в восторге. Только не задирай нос.

— Я все понимаю, Михаил Борисыч, — трогательно прощебетала Мария. — Спасибо вам огромное, что дали мне возможность...

— Худшее, что ты можешь сделать, — перебил ее Михаил, — подхватить звездную болезнь. Нам с тобой еще работать и работать.

Мария усиленно закивала.

В дни владычества Деда Михаил не занимался проблемами города, поэтому с его влиятельными семействами был знаком шапочно и детей местных олигархов на коленях не держал. Появление в пресс-службе Нанотеха дочки финансиста Кузнецова состоялось не по дружбе, а как привычный элемент

паблик рилейшнс: укрепляем связи. Господин Кузнецов, человек весьма респектабельный (хмурая биография, ослепительная улыбка, прямые контакты в столице, деньги отмыты, бизнес легализован, мы проверили), выразил заинтересованность; пресс-служба обещала быстренько решить вопрос. Директора спросили: берем?.. Михаил кивнул мимоходом: конечно. Он еще не знал, какое сокровище упало ему в руки.

Увидел девчонку, восхищенно охнул, вывел на монитор ее личное дело, задумался, вывел еще одно — стажера-лаборанта Васильева. Черт побери, угадал. Одноклассники. А куда им деваться, в городе одна серьезная школа, еще Дед в нее вкладывался, самолично директора из Москвы переманил. Хорошая, правильная школа, где не натаскивают, а именно учат...

А девица — чудо. Уморительное сочетание провинциальной наивности и абсолютной нацеленности на успех. Уверена, что самая хитрая и самая умная. Хотя если приглядеться — в общем, чистая душа. Хорошая девочка, которая не скоро научится быть действительно плохой. Настолько черствой и расчетливой, сколько надо для реального успеха. Но она уже старается.

Да и фиг с ней, ее проблемы.

— Политика — самая увлекательная работа на свете, — продолжал Михаил. — Уж я-то знаю. Но она требует полного самоконтроля. Она для тех, кто может не только управлять другими, но в первую очередь управлять собой. Будешь держать себя в руках, станешь лицом Нанотеха. А дальше — кто знает...

— Я вас не подведу.

— Между прочим, насчет молодых, — заметил Михаил. — Это я про текст, который ты читала в кадре. Правда с одного раза запомнила?.. Неплохо,

неплохо... Так вот, я на самом деле подтягиваю сюда молодежь. Это мне еще Дед завещал. Чтобы люди, прости за банальность, росли в стенах института. Чтобы это были наши люди по духу и по крови. Одной ногой в школе, другой — уже в лабе. Вот появился тут еще твой одноклассник, Алексей Васильев. Теперь вас трое.

— Я видела, — кивнула Мария. — Издали.

— Вы с ним как?.. Только честно. Мне не нужны конфликты в команде.

Мария рассмеялась.

— Да какие конфликты...

— Точно?

— Ой, да Леха влюблен в меня по уши.

Теперь усмехнулся Михаил. Ну прелест какая дурочка. Это ведь не поза, она правду сказала. Она так манипулирует людьми: говорит с ними откровенно и следит за реакцией. У ее сверстников это сразу должно выбивать почву из-под ног. Ой, не делай так со взрослыми. Со мной — можно.

— Ну, в тебя все влюблены, я думаю. А ты к нему как?

— Ну... Так... А как скажете! — выпалила Мария.

Я тебя обожаю, милая барышня, подумал Михаил. Очаровательная нахалка. Только что же ты спесиши так. Гонишь с места в карьер. Здесь, в провинции, у папочки под крыльишком это еще сойдет, а вот в Москве таких жестоко обламывают. Немедленно раскладывают прямо на столе. После чего отсылают на рабочее место — подумать о своем поведении.

А моя это печаль?

Наверное, моя все-таки, нельзя таким материалом разбрасываться, надо сказать пиарщику, чтобы устроил девице общий курс дрессировки. Навел первичный лоск и блеск. Потом отправим в столицу

на шлифовку. И есть вероятность, что будет наша Маша действительно «лицом Нанотеха».

Если, конечно, сначала принесет мне голову Алексея Васильева на блюдечке с голубой каемочкой.

Нет, зачем голову. Стакан его крови на серебряном подносе...

— Значит, как скажу... — протянул Михаил. — Ну, только строго между нами, Васильев здесь появился не просто так, а по моей личной протекции. И я буду следить за его судьбой, это нужный институту молодой человек. Но вряд ли я попрошу тебя по такому поводу идти с ним целоваться.

— А чего, я могу! — заверила Мария.

Михаил не выдержал и рассмеялся в голос.

— Папе от меня большой привет, — сказал он. — Нам еще с ним работать и работать...

Глава 18

Мама ушла на день рождения к старой подруге, одна. Виктор сослался на ремонт в отделении, где нужен глаз да глаз, а Леха теперь вечерами пропадал в Нанотехе.

Виктор не хотел мешать естественному ходу событий: надеялся, что Лена после третьей рюмки примется жаловаться на черствость мужа и дурость сына, а ее «девчонки», которых он знал как облупленных, малость вправят ей мозги. А глядишь, и занятие придумают. Скажут прямо в лоб: засиделась ты, мать, в домохозяйках, что-то пора менять.

Так или иначе, в кои-то веки отец и сын сидели на кухне вдвоем.

Леха сам разогрел ужин — с таким автоматизмом движений, будто делал это всю жизнь, — мимохо-

дом бросив, что на работе у него микроволновки гораздо мощнее и удобнее. Всего-то месяц при деле, а парня будто подменили: спокойный, не взрывается по малейшему поводу, и даже домашнее задание у него готово. Лену это, естественно, пугало, Виктор просто наблюдал, стараясь не впечатляться раньше времени. Он догадывался, что затишье обманчиво: у Лехи была, как образно выразилась мама, «полная голова этих дурацких микробов». И если раньше парень впитывал любую популярную инфу изо всех помоек Интернета, то сейчас ему стали доступны мифы и легенды Нанотеха, включая самые дикие, которыми там охотно «грузят» новичков. Виктор был готов к дурацким вопросам. Но могли всплыть и такие, на которые он еще не придумал, что отвечать.

Правду, наверное. Только какую?

И какие выводы сделает этот неглупый, но пока еще плохо ориентирующийся в жизни молодой человек? Ведь старшие могут, не подумавши, на голых эмоциях, такое ляпнуть, что у тебя глаза на лоб полезут, и понимай как знаешь. А у взрослых свои зоны.

На той неделе мама уже огрызнулась на Леху, когда тот завел вполне невинный разговор о будущей вакцинации. Виктор едва не уронил ложку, он и не думал, что у Лены есть свое мнение на этот счет. А та возьми и скажи, что вакцинация эта — чистое надувательство и лично она не собирается глотать колонию микробов, обойдется как-нибудь!

Но Михалборисыч... начал было Леха, и тут Виктор его попросил не отвлекаться за едой. Аферист твой Михалборисыч, сказала мама, и хватит об этом! Теперь уже Леха чуть тарелку не опрокинул и счел за лучшее заткнуться.

Виктор потом заглянул к сыну в комнату и ска-

зал: ты прости, у мамы застарелая микробофобия, не лезь к ней... Подсел к жене на диван — Лена, закусив губу, пустыми глазами смотрела в телевизор, — по-молодому толкнул ее плечом и спросил: ты же всегда считала Мишку симпатягой, чего это вдруг?

«Дура я была набитая, — ответила Лена. — А этот гад все украл. Твою идею с вакцинацией украл, все разработки отца украл, институт его присвоил... Город наш прикарманил, скоро всю страну захапает. А ты так и будешь сидеть в засранной больничке и делать вид, будто это нормально».

«Ну-ну, дорогая, — сказал Виктор. — Не преувеличивай. Больница у нас что надо. И я тебе слово даю, разработки отца к Мишке не попали. Отец их своевременно того... Даже не уничтожил. Дезинтегрировал».

«А девятая серия? Все знают. Все говорят, что это его проект».

«Забудь, — отмахнулся Виктор. — То, что сейчас зовут «девяткой», — ранний набросок Деда, там нет ничего революционного. Чистая микробиомиметика, самая естественная линия научного поиска в этой области. Похожую штуку в те же годы задумал Рыбников независимо от нас. Таких головастиков двадцать лет назад рисовали в популярных журналах, чтобы прилепить картинку к статье про нанороботов... Строго говоря, никакая это не «девятка», а «трешка», третья экспериментальная серия. Отличный бот, но Дед быстро остыл к нему, оставил за собой только общее руководство. Нанотех вел третью серию по графику, и, если я не ошибаюсь, она могла встать на поток уже лет пять-шесть назад. Но Мишка после смерти Деда позвал в институт Рыбникова, предложил объединить усилия — вполне логично, Рыбников умница, большой мастер. И они

чего-то такого намудрили, так перекроили бедных головастиков, что «девятку» по сей день глючит... Все равно, как бы серия ни называлась, доводил бы ее не Дед. Он забросил это направление. Его уже тогда осенило, что хочет он совсем другого. Того, на что никто больше не замахнется. И он рискнул. Его остановили за полшага до победы. Не повезло. Просто не повезло».

«Это та стрекоза, что у Лешки?...»

«Да, — кивнул Виктор. — Вертолетик».

«Лешка унес его на... На работу», — с трудом выговорила Лена.

«Правильно, я думаю. Эту модель сделал Семенов, пусть у него и живет».

«Еще один предатель...» — сквозь зубы процедила Лена.

«Семенов?!»

«А что, нет? Витя, милый мой, поглядись в зеркало, ты увидишь единственного честного человека из Нанотеха, одного-единственного, кто не предал отца. Ты же знаешь, что Мишка его съел. И все знают. Но ты ушел, а все остались. Даже те, кто Мишку ненавидел. Побоялись отойти от своей нанокормушки. От своей блядской нанокормушки».

Виктор потупился. *«Правильно уволился. Сейчас такое дермо начнется. Не надо тебе этого»*, — вспомнил он. Кто так сказал ему? Да Семенов, на похоронах. Семенов, который распылил всю инфу по пятой серии. Интересно, какими глазами он смотрит теперь на свой вертолетик... А что он мог? Как он должен был поступить? Ослушаться Деда? Он ведь понимал, что тот уничтожает не запрещенный бот-репликатор: сотрите эту функцию из прошивки, и все дела, был репликатор, да спыл. Дед руками Семенова убивал авангардную концепцию, до которой всяkim рыбниковым сто лет ковыряться.

«Не суди их строго, — попросил Виктор. — Они просто люди. Люди такие люди...»

«А я и не сужу, я говорю, что вижу. Один предал, другой предал... Гошка Гуревич, сукин сын, в чем-то был честнее прочих, он только хотел продать дело отца за живые деньги и удрать из этого нанокошмара... А другие остались. Спасибо, что ты тогда ушел, Витя».

Несправедливо, подумал Виктор. Мне было легко оказаться чистеньkim и благородненьkim. А каково пришлось Семенову и Гуревичу, вложившим в пятую серию все нервы, все умения, весь свой немаленький талант — несколько лет будто каторжные — и получившим такой удар под дых, после которого сам Дед согнулся? О чем думал Гоша Гуревич, когда решился продать архив «пятерки» на сторону? Он ведь мог продать себя, одну только свою светлую голову, полную инфы, это уже бесценно. Но Гуревич сформировал очевидную глупость, рискнул украсть все. Значит, он тоже свихнулся на вертолетиках. И подумать больно, как с этим сумасшествием, с этой памятью о невероятном живет Семенов...

«За тебя обидно, — сказала Лена. — За Лешку страшно. Ты погоди, еще возьмет его в оборот Михалборисыч. И вот тогда, обещай мне, поклянись, как только Мишка начнет к нему подъезжать, ты заберешь мальчика из института. Мне все равно как. Но ты его отуда вытащишь».

«Зачем? — тупо спросил Виктор. — Зачем Мишке наш парень?»

«Потому что наш, — ответила Лена просто. — Я не знаю. Но мне все это очень, очень не нравится. Хоть бы какие-нибудь террористы взорвали ночью Нанотех. Вдребезги. Вместе со всеми нанороботами. Они ведь сдохнут, если взорвать?»

«Террористов больше нет», — сказал Виктор.

«Ничего больше нет, — сказала Лена. — Одни нанороботы».

«Обещаю тебе, если что-то пойдет не так, я заберу его, — пробормотал Виктор покорно. — Я... Я найду, как объяснить это».

«Скажи, анализы ухудшились».

«Его последний анализ можно отправить в Палату мер и весов. Как эталон здоровой крови».

«Так трудно один раз соврать?»

Я и так его всю жизнь обманываю! — едва не вырвалось у Виктора. И тебя обманываю. И себя в конечном счете. И еще предаю Деда. Я тоже в каком-то смысле продал старика — тем, что согласился молчать. Иногда предательство — это согласиться... Писатель Кафка завещал свои рукописи скжечь, ну и кто бы знал того писателя, если бы его друг выполнил завещание? Теперь даже я знаю Кафку, хотя и не читал... От Деда не осталось ничего, кроме пластикового вертолетика, тут Лена права, все прибрал к рукам Мишка. Даже память добрую о Деде этот хитрец оттянул на себя, то и дело поминая «его заветы», «его наследие». Верный последователь, любимый ученик — ха-ха три раза, — ближайший помощник, и все такое. Что еще осталось людям?

И тут кольнуло прямо в сердце: остался Леха. Вот оно, реальное наследие Алексея Деденёва. Живое.

Стоп, стоп. Отработав команду «лечить», вертолетики должны были уснуть и вывестись из организма. А если нет? Давай, не ври себе, доктор Васильев, ты прекрасно знаешь, что именно это все объясняет. Уже который год, просматривая анализы сына, ты представляешь себе одну и ту же картину. Ты видишь, как твой парень несется через город, дыша легко и свободно, потому что крошечные стрекозы гоняют кислород в его крови. Но ты заглядываешь в микроскоп — ничего нет. А должно быть! Допустим, они просто хитрее, чем ты думаешь. То-

гда что еще они творят с мальчиком? Вертолетики были натасканы на разборку бластов и, в теории, восстановление работы костного мозга. Но Дед говорил: это усиленный рой, способный удержать полную прошивку, в которой много всякого разного. Качество всех алгоритмов не проверяли, не до того было, но боты могли уметь самые неожиданные вещи. Я тогда к этим словам толком не прислушался. А вдруг напрасно? Чего старый авантюрист насовал в прошивку? Может, зря я, идиот, кодер в реку выбросил — распопрошить бы его сейчас! В меню кодера было множество команд, и какие из них — рабочие? И кто теперь это знает? Гуревич точно знал, да где его найдешь, до сих пор небось в Сибири снег разгребает. Эх, взять бы Семенова за грудки...

Лучшие друзья человека, сказал про них Дед. Верю. Согласен. С вероятностью девяносто девять процентов, они спасли Леху от гибели. И с очень большой вероятностью, именно вертолетики держат его в прекрасной форме сейчас. Но все равно, едва подумаешь, что в твоем ребенке живет громадный рой почти разумных микробов... И у каждого — скальпель! Твою мать!

Нет, нет и еще раз нет. Вертолетиков больше нет.

Но, господи, как же надоело враты!..

«В общем, если что, я вытащу его из института, — повторил Виктор. — Обойдемся как-нибудь без терроризма».

«А эта бомба в подвале, — спросила вдруг Лена, — она точно для людей не опасная?»

«Да нету там бомбы! — рассмеялся Виктор. — Нет ее больше! А твой отец на ней буквально сидел! И твой муж на ней сидел! Ну ты сама подумай...»

«Так вы же ненормальные, — сказала Лена. — А я про людей».

* * *

— Пап, ты слышал когда-нибудь про пятую экспериментальную серию?

Виктор аккуратно отрезал кусочек мяса и подцепил его на вилку. Ну вот, это называется ждал дурацких вопросов и дождался.

— Слышал, — небрежно отозвался он.

— Говорят, Дед уничтожил не только документы, но и опытную партию.

До фига лишнего у вас там говорят, подумал Виктор, жуя. Девятый год пошел, а все говорят. Или, может, потому говорят, что давно это было?

— Опытная партия? — буркнул он. — Пф! Байки Нанотеха. Где волшебство, там всегда мифы. Старая мудрость: продвинутая технология неотличима от магии. Конечно, она обрастает мифами. Ты меня еще про бомбу в подвале спроси.

— Мне Михалборисыч сказал.

— Про бомбу?!

— Про опытную партию. Семенов говорит, ее не было, но Михалборисыч ведь не станет врать?

Ёкарныбабай, подумал Виктор, допрыгались. И что теперь делать? Как и обещал Лене, вытаскивать парня из института? Ладно, без паники. Только без паники.

— Он часто с тобой общается?

— Нет, что ты, он занятой... Но я и так много знаю про пятую серию. У нас там один человек работает, который был личным техником Деда много лет, представляешь?..

Еще как представляю, лучше некуда, подумал Виктор. Вот зараза, а ведь я тебе, кажется, завидую. Эх, ностальгия.

— Я не связывал раньше одно с другим... Ну был у меня вертолет, подарок дедушки. Модель бота-ре-

пликатора, запретная технология, страшно интересно... Но я как-то по-детски к этому относился. Мне в голову не приходило, что моя любимая игрушка — символ прорыва в науке, который так и не удалось повторить. Я не знал, насколько там все сложно и трудно делается. Думал, мы любой механизм спокойно уменьшим до микроуровня, и он будет работать, и только когда дойдет до «нано», появятся большие проблемы. Ой, я был дурак, прямо стыдно. А оказывается, этот вертолетик — чудо! До сих пор ничего подобного не сумели создать. Даже близко не подошли! Пап, ты ведь знал?..

— Ну в каком-то смысле...

— А почему мне не объяснил?

— А ты бы понял?

— Ну да... — Леха замялся. — Вряд ли. Я зациклился на том, что это репликатор, и не видел главного. Не понимал, что это бот с уникальным дизайном. Ведь чтобы вертолетики могли работать, там должны быть такие решения... Такие инженерные ходы... Простые и в то же время гениальные. И получается не микроб, а прямо... Супербот. Один универсальный бот на все случаи жизни!

— Ясненько, — с некоторым облегчением протянул Виктор. — Ты заразился идеей.

— Так ведь какая идея! — восхликал Леха. — Я просто не понимал, как далеко Дед продвинулсь. И теперь, представь, вдруг выясняется, что мой вертолет — талисман нашей лаборатории! Пап, я сижу за рабочим столом Деда! В его собственной лабе! И рядом со мной человек, который своими руками сделал этот вертолет. Символ пятой серии. Которая сама по себе легенда Нанотеха. И мне хочется... Ну, поглубже вникнуть в эту тему уже на серьезном уровне.

— Вникай, кто ж тебе мешает, — кивнул Виктор.

— Я подумал, вдруг ты что-то слышал, вы же с Дедом дружили.

Виктор неопределенно пожал плечами. Он сам не знал, можно ли было их отношения с тестем назвать дружбой. Собравшись просить у Деда руки его дочери, Виктор ради этого записался к директору на прием по личному вопросу. И был морально готов к тому, что директор возражать не станет, но из института его попросит. Дабы вслед за обвинением в дедовщине не схлопотать еще какое. В институте работали целыми семьями, но свою дочь, например, Дед туда не взял, хотя легко мог приспособить ее секретаршей или задвинуть с глаз подальше в пресс-службу. А может, дело было в том, что Лена демонстративно не интересовалась микробами — ревновала отца к ним. Овдовев, Дед ушел в работу, Лена с шестнадцати лет росла сама по себе, и отношения у них сложились уважительно-настороженные. Они попросту друг друга плохо знали. Мешала и разница в возрасте: Лена была поздним ребенком, очень поздним. Мать в родах надорвалась, что и свело ее рано в могилу — шестидесяти не исполнилось, — а Лена осталась с отцом, которому годилась во внучки. Наверное, потому у них и с Виктором так легко сложились отношения: он был намного старше, умнее и самую малость опекал ее... Дочь любила отца, но даже когда тот был рядом, мысли его витали где-то в микромире. По-настоящему сплотил эту семью, превратил ее именно в семью только Лешка...

— Что? — переспросил Виктор.

— Я говорю, от деда точно ничего не осталось? Может, какие-то черновики? А представляешь, вдруг где-то у нас на даче лежит контейнер и в нем спокойно спит опытная партия?

«В заднице у тебя контейнер с опытной партией!» — мысленно прорычал Виктор. Ему вдруг захо-

телось сделать то, на что никогда не поднималась рука: дать сыну ремня.

В реальности мудрый и благоразумный папочка лишь покачал головой.

— Леш, не хочу тебя расстраивать, но... Пятая серия не была доведена. В сущности, это были прототипы. Да, они в принципе умели все. Но эта их универсальность оказалась избыточной. Современные боты...

— Они хуже! — перебил Леха. — Они не избыточные, но поэтому бестолковые, не держат пропшивку! И живут три недели, месяц от силы! Меня сегодня Михалборисыч до дома подбросил и по дороге все мне объяснил!

— До дома подбросил, вот как? — Виктор приподнял бровь. — Нет, Михалборисыч, конечно, большой специалист... Но я думаю, тебе лучше все-таки согласиться со мнением Деда, который закрыл разработку.

— Михалборисыч был против! — выпалил Леха.

— Если Михалборисыч против, тогда я — за! — от души ляпнул Виктор.

— Почему? — обескураженно спросил Леха. — Нет, я догадываюсь, отчего мама его не любит, но ты-то все понимаешь...

— Может, в том и дело, что я все понимаю?

— Тогда я не понимаю!

— Давай разложим по полочкам, — сказал Виктор. — Формально Дед закрыл «пятерку» из-за запрета на репликацию. Но основная проблема была в самих ботах. Мир. — Виктор широко раскинул руки. — Мир оказался не готов к универсалам. Сейчас не время для них. Сейчас нужны боты, которые могут четко решать узкий набор задач. Массовые недорогие модели.

— Это ошибка, — убежденно заявил Леха.

— Да ну? А ты военное применение универсального бота представляешь? А как тебе понравится террорист с банкой универсалов-репликаторов, заточенных, допустим, под разборку пласти массы? Вот забросят таких хлопцев к вам в «яму», сожрут они там всю изоляцию, потом закусят компьютерами...

— Какую яму? — удивился Леха.

— Месяц в Нанотехе, а «ямы» не знаешь! И туда же, пальцы гнешь, теоретик... А у тебя уже вся аппаратура поедена, все провода замкнуло, и подметки твои кто-то слопал мимоходом. Тем временем террорист подает с элементарного воки-токи новую команду, боты просачиваются в канализацию — и поминай как звали. Плынут, готовые к новым свершениям, ко мне в больницу. Только их уже не полкило, а целая бочка, отъелись на нанотеховских компах. И вылезает эта бочка у меня в подвале, где сидит, никого не трогает, водку хлещет, мирный сантехник Вахнюк, чтоб он был здоров, скотина... А команда теперь у ботов «кровавое месиво»... Чего ржешь?

Виктор отодвинул тарелку и налил себе чая.

— Я сам не в восторге от запретов, — буркнул он. — Того нельзя, сего нельзя... Мировое сообщество трусливо, не мне тебе объяснять, ты про это двадцать два трактата прочел в своих Интернетах, юный анархист. Но пока запрещена репликация, универсалов просто не будет.

— Погоди, — сказал Леха. — Я ведь не про то. Я не прошу тебя достать мне из кармана парочку универсалов... Просто Дед, пока создавал вертолетики, нашел кучу уникальных решений, которые могли бы сейчас помочь. А они потеряны. Вот я и спросил... Я же спросил просто!

— Он сам нашел — и ты ищи, — сварливо заявил Виктор.

— Так я и прошу тебя — подскажи где! Вдруг Дед что-то оставил...

— Ничего Дед не оставил, он все грохнул. Как только наши подписали конвенцию. Не понимаю, чего твой Михалборисыч вдруг задергался: тут работала специальная комиссия Госдумы, выясняла, как Нанотех конвенцию выполняет, а потом еще и ФСБ по ее следам прошлась...

— Но зачем было уничтожать документацию подчистую?

— Может, Дед знал и понимал что-то, чего мы с тобой не знаем?

— Обидно, — сказал Леха. И добавил, явно с чужого голоса, слишком взрослыми словами: — Значит, нынешние исследователи обречены пройти заново тот же путь, тыкаться, как слепые котята, повторяя все ошибки Деда?

— А на фига это нынешним исследователям? — удивился Виктор. — Им кто-то заказал универсала? У них задачи вообще другие. Им приказано обеспечить здоровье нации, вот пускай обеспечивают...

— Много интересных решений потеряно безвозвратно... — гнул свое Леха.

— Ты их видел, эти решения?! — Виктор подался вперед через стол. — Что ты видел? Пластмассовую фиговину ты видел, похожую на вертолетик с лапками! И никто, понимаешь, никто не может дать гарантий, что эта фиговина работала! Хочешь сделать такую же и заставить ее шевелиться? Никаких проблем, дружище. Есть прекрасный давно апробированный путь. Ты закончишь школу, поступишь в университет...

— У-у, спасибо! И пока я буду учиться, все изобретут без меня?

— А как ты хотел? Изобрести по чужим черновикам? Это немножко по-другому называется!

— Но пап, ты пойми, это же будущее человечества...

— Оно никуда от тебя не денется, — веско сказал Виктор. — Будут открытия и покруче пятой серии, поверь на слово врачу. А если тебе невтерпеж, если ты боишься, что за годы учебы остынешь к идее, то это не идея, а каприз. И незачем тратить на него силы.

Леха тяжело вздохнул, медленно встал и с подчеркнуто обиженным, совершенно детским видом направился к себе.

И остановился в дверях кухни как вкопанный. Потому что Виктор глухо сказал ему в спину:

— Итак, ты ищешь следы опытной партии. Хорошо. Закроем эту тему раз и навсегда. Производство репликаторов запрещено. А пятая серия могла быть только репликаторной. Ее на конвейер не поставишь, разоришься... Значит, единственный выход — она должна быть самосборной. Думаю, Михалборисыч тебе не врет, а просто выдает желаемое за действительное. Размечтался. Он имел весьма слабое отношение к проекту и не мог знать, как продвигается работа. Скорее всего, он высчитал, что опытная партия была, исходя из сроков, которые обычно нужны для создания нового бота. Ну, будь это новый диагност или доставщик, Михалборисыч угадал бы. Но делали универсала, а это долгая история. Семенов прав. Опытной партии не было. Ее просто не успели собрать до запрета. А если бы успели — я узнал бы об этом одним из первых. Она поступила бы на испытания ко мне.

Леха медленно повернулся.

— Разрешите представиться, — сказал Виктор. — Бывший заведующий отделением опытной нанотерапии.

Леха привалился спиной к дверному косяку, глядя на отца во все глаза.

— Последние два года, — добавил Виктор. — До этого просто врач-кибернетик экспериментальной клиники. Слово-то какое — клиника... Нас сначала было всего двое: я и Зарецкий. Иногда случалось и медициной заниматься, вдруг кто палец отдавит, или там белая горячка на рабочем месте... Наладчи-ка, помню, какой-то чушкой зашибло...

— Естественно... — пробормотал Леха. — Есте-ственно. Ты же познакомился с мамой, когда привез Деду на дом документы... Я еще думал, что такого может привезти директору Нанотеха терапевт из санчасти...

— Стаканчик для анализа мочи, — предположил Виктор. — Нет, конечно. У директора был грипп, а надо было завизировать одно техзадание, которое теперь... Неважно.

— Почему я раньше не знал?..

— Теперь знаешь, — сказал Виктор просто.

— Но... Зачем ты ушел?!

Виктор пожал плечами.

— Деда твоего похоронили, вот и уволился.

Леха кивнул. Для него именно такой ответ был однозначным и окончательным.

— Так я тебе говорю: пятая серия ко мне на ис-пытания не приходила.

Виктор подумал секунду и добавил:

— Вот «трешку» я гонял лично. Ну, это был та-кой... Предшественник девятой серии. До сих пор не понимаю, зачем Мишка его зарубил. Это был нормальный бот-диагност. Работал неделю, а боль-ше и не надо. Знаешь, как было задумано с самого начала? Смотри. Грузим пациенту «трешку». Чтобы прочесать весь организм, ей хватало суток. Значит, через сутки-двое повторный визит к врачу, кладем пациента под сканер — и получаем исчерпывающий рапорт о состоянии организма. Полностью коррек-ную, настоящую «карту здоровья». Боты через неде-

лю уснут, и все. И никаких громких нацпроектов. Простая диспансеризация. А эти хитрецы слово-то какое придумали: «вакцинация»... Хренация! Реклама это и пиар. Мыльный пузырь. Как говорил твой дедушка... — Виктор осекся. Он чувствовал, что его понесло.

— Ну?

— Что?

— Что говорил дедушка?

— «Мишка во власть рвется», вот что говорил. «Думает, если мы придумали друзей человека, то они в первую очередь его друзья». Его слова.

Леха поглядел на отца недоверчиво и самую капельку сочувственно. Он-то был уверен, что Михалборисыч не такой. Директору не власть нужна, ему бы всех вылечить, это круче любой власти. У директора в голове сплошные микробы. Особенно пятая серия. Он по ней до сих пор вздыхает. И очень на Леху надеется — вдруг тот найдет хоть что-нибудь.

— Погоди, — сказал Леха. — Но девятая серия будет еще и чистить организм... Вот почему вакцинация.

— Полгода? Не смеши. Незачем ей столько времени сидеть в человеке. Это только особые случаи какие-нибудь... Зачем твой Михалборисыч взял старую хорошую идею и раздул ее до такого состояния, будто прям шас спасет человечество? Зачем они с Рыбниковым так долго возятся с «девяткой»? — Виктор невольно повышал и повышал голос, он злился. — Рыбников — большой специалист, почему он столько лет не может поставить ботов на поток? Какого такого нанотерминатора ему Мишка заказал?! Чего он на самом деле хочет от «девятки»?! Не знаешь?! И я не знаю! Вот и подумай над этим.

— Я подумаю, — пообещал Леха. — Честно. Это все ужасно интересно, пап.

— Извини... — сказал Виктор, пряча взгляд. —

Ладно, гуляй, а я посижу еще и поеду, наверное, за мамой.

— Ага, — только и сказал Леха.

Вышел было, но обернулся:

— Спасибо, пап. А чего «извини»?

— Ну... Понесло меня самую малость. Да и мечту твою о «пятерке» обломал.

— Ерунда. Я буду искать и что-нибудь найду. Зато... Я горжусь тобой, пап. Ты не просто сидел в Нанотехе, ты работал с микробами!

— Уйди, маньяк, — попросил Виктор.

Леха рассмеялся и наконец-то ушел к себе.

На кухне Виктор подпер щеку кулаком и тоскливо поглядел в сторону шкафа, где стояла бутылка коньяка. Ох бы он сейчас надрался. Залил тоску. Но ему за руль садиться, а завтра на работу, и там действительно ремонт, глаз да глаз нужен.

Ну что, почти не соврал? Да практически.

Ведь действительно пятая серия не пришла в отделение опытной терапии.

* * *

Говорят, когда икаешь, это тебя недобрыйм словом вспомнили. Рыбников, по этому поверью, должен был сейчас икать, аж подпрыгивая. Нехорошо о нем подумал Виктор и довольно зло отозвался в разговоре с Лехой.

В тот самый момент, когда Васильевы обсуждали микробов у себя на кухне, Рыбников с микробами — работал. Он все еще сидел в Нанотехе и трудился до помутнения в глазах. Под микроскопом у него была небольшая колония ботов из особой партии, которую он сейчас натаскивал на решение одной деликатной задачи.

Внешне все та же «девятка»: головастик, только хвост как у медузы — шлейф из тонких нитей. Поч-

ти круглое тело, из которого торчат несколько антенн, пара щупов и манипуляторы.

Но эти микробы не могут лечить и, уж тем более, не станут поднимать уровень эндорфинов, у них другая задача.

Этим ботам предстоит ловить других ботов.

Если они успешно пройдут тесты — им скоро идти на дело.

Рыбников оторвался от микроскопа, устало потер глаза и решил выпить кофе. Ему тут еще сидеть и сидеть.

Едва он вышел из лаборатории, картишка под микроскопом превратилась в фильм ужасов. Над мирной колонией «девяток» нависла гигантская зловещая тень.

Кто-то хищный и зубастый прогрыз уплотнитель и забрался в герметичную предметную камеру.

Головастики мгновенно взбудоражились, сбились в плотную кучу и выстроились в каплю, направленную тупым концом к врагу.

Вертолетик сделал стойку, как охотничий пес. Потом резко прыгнул вперед и сильно ударил по капле манипулятором, так что она разлетелась в мелкие брызги. Схватил одного из головастиков и обнюхал его.

У «девятки» мелко затрясся хвост.

Вертолетик быстро выбежал из кадра, унося добычу в лапах.

Головастики опять собирались в каплю и принялись возбужденно сновать по предметной камере. Но триллер еще не закончился. Вслед за первым вертолетиком прибежали двое. Они снова раздолбали каплю, после чего один сцепил головастика и удрил, а второй замешкался. Одна «девятка» уже была у него в лапах, и теперь вертолетик пытался сунуть добычу под мышку, чтобы свободным манипулято-

ром прихватить еще. Наконец ему удалось прижать к себе пару трепыхающихся головастиков. Перевалившись с боку на бок, вертолетик заспешил к своим.

Оторванные далеко от группы, «девятки» сразу уснули. Они валялись грустной кучкой, а вертолетики, сложив винты, чтобы не мешать друг другу, обступили их плотным кольцом. Так и сяк обнюхав головастиков, потыкав их манипуляторами и даже попинав лапами, вертолетики приступили к научным экспериментам. Одну «девятку» они разобрали на части и тщательно исследовали. Другую попытались раздавить, прыгая на нее с высоты и ударяя с разгона лбами. Третью закинули на нагревательный элемент и установили, что уже при температуре чуть выше ста градусов «девятка» превращается в студень. Это было крупное открытие, вполне достаточное для завершения серии экспериментов. Единственного уцелевшего головастика вертолетики принесли на стол Михалборисычу и там бросили. Если бы их спросили, зачем они это сделали, ответ был бы таким: туда, откуда взяли, нести было дальше.

Рыбников вернулся в лабораторию, уселся за микроскоп и опять-протер глаза. Во-первых, «девятки» скакали, как наскипидаренные. Во-вторых, ему показалось, что ботов стало меньше.

Он все-таки надорвался с этой особой партией. Пора отдыхать.

Глава 19

Даша пристроилась на подоконнике и быстро листала учебник, время от времени сгоняя отдельные абзацы с «читалки» в телефон. Мария рядом подкрашивала губы.

— Зачем ты это делаешь?

— Уроки?!

— Ну да. Зачем ты все их от корки до корки деляешь сама? У тебя появился новый ресурс, надо этим пользоваться. Скоро зарплата. Пообещай сотку вон хотя бы Татьяне. Считай, вся письменная часть в кармане, да Танька еще и руки тебе целовать будет... Погоди, а ты куда, собственно, деньги деваешь?

— Папе отдаю. Все деньги у него, а он уже распределяет...

— Ну-ну... — неопределенно отозвалась Мария, разглядывая себя в зеркальце.

Даша вздохнула и отодвинула «читалку».

— Я, наверное, уволюсь. Ничего не успеваю. Мама приболела, еле ходит, опять на мне братья и сестра. И работа. Да и, честно говоря, не нравится мне в Нанотехе. Особенно эти съемки фальшивые. Это же просто нечестно.

— С ума сошла. Что значит нечестно? Это пиар. У фирмы есть имидж, его надо поддерживать...

— Не знаю, как у вас в пресс-службе, а у нас в лабах это зовут показухой, — сказала Даша.

Мария захлопнула пурпурную пурпурину и оглядела Дашу так, будто давно ее не видела.

— Ну вот, подруга, а ты еще говоришь, будто тебе не нравится в Нанотехе!

Даша слегка нахмурилась. Она сама не очень понимала, что ее раздражает в институте. Там все, даже молодые — а если честно, особенно молодые, — оказались какие-то страшно деловые и в то же время циничные. Конечно, с Дашиной должности типа «подай-принеси» учゅять атмосферу творческого горения и научного поиска было трудно. Но вот не сложилось у нее мнения, что кто-то тут всерьез «boleет микробами». Люди четко выполняли свои функции и так же четко покидали рабочие места по звон-

ку. Не перетруждались, не напрягались. Говорили о музыке, кино и футболе, поругивали меню в столовой... Могли вдруг на полчаса всей лабораторией зависнуть в Интернете, если там появлялась новая игрушка для офисного планктона... И ни одного заинтересованного слова о работе. Может, так и должно быть на производстве? Сектор управления потоком, куда попала Даша, гордо именовал себя «Центр Управления Полетом»: на нем лежала отладка и сопровождение поточной микросборки, калибровка «станков», общая поддержка всего, что в «яме». По сути, именно производство. Может, там, где занимаются собственно наукой, обстановка другая? Непонятно. Однажды кто-то из старших бросил вскользь: «При Деде такого бардака не было», но Даша эту фразу и в городе не раз слышала, она могла относиться к чему угодно, вплоть до состояния дорог, хотя при Деде асфальт тоже был так себе.

Та «показуха» в центральном зале сопровождалась хохотом и язвительными шуточками, но никто и не подумал сказать: ребята, а не совестно нам вешать людям на уши лапшу? Сотрудники с абсолютной покорностью выполняли приказ. И обсуждали, какая красотка Мария и как бы кто ей, извините за выражение, вдул. Болтали, не подумав, что у Даши тот же самый служебный чат на мониторе. И она старательно отворачивалась от телекамеры, потому что сидела вся красная, как помидор.

Даше несколько польстило то, что лично ей готовы были не только вдуть, а сразу после этого жениться. Но осадок неприятный остался. Да за кого тут замуж-то идти?

Должны быть в Нанотехе и другие люди, настоящие. Леха Васильев, простой школьник, мог битый час рассказывать о микробах так, будто важнее их не было на свете ничего. Мария над этой его одер-

жимостью всегда посмеивалась, а Даша готова была слушать до бесконечности. И судя по всему, этот парень в Нанотехе не скучал. Несколько раз Даша видела его в столовой: Леха жевал, ничего не замечая вокруг, и пока девушка собиралась с духом, чтобы присесть рядом, убегал обратно в свою лабу. Значит, ему там интересно? В школе Леха теперь небрежно, но со значением бросал Даше: «Привет, коллега!» Один раз даже спросил: «Ну, как там у вас в ЦУПе?..» Даша почти что собралась рассказать как, но Леха уже исчез. А Даше хотелось броситься ему на шею и попросить, чтобы забрал ее с собой. В своих мечтах она так и делала. И он легко подхватывал ее на руки — Лешка удивительно сильный, это все знают — и уносил далеко-далеко. Оттуда не видно было ни их несчастного города, ни насквозь фальшивого института, ни ярко раскрашенной, а на самом деле убогой жизни, в которой ты заперт на ржавый замок и ничего тебе нельзя.

Одноклассники жалуются, как их давят родители. А Даша пережила дома форменную бойню, отстаивая право носить джинсы. Из-за модного телефона, который ей подарила на первое сентября Мария, отец чуть на стенку не влез. Хорошо, вспомнил, что они с Машкой еще с детского сада вместе и не взятка это, соблазн дьявольский, а вполне дружеский дар.

Еще один в школе такой страдалец — бедный Лешка, из которого сумасшедшая мамочка инвалида делает. Он заметно изменился с тех пор, как пришел в Нанотех. Плечи у него расправились. Плечи и раньше были загляденье, но теперь видно, что он внутренне свободен... Может, и ей не увольняться? Работа — маленький островок свободы. Но она сжирает тот крошечный резерв личного времени, что еще оставался. Кончится все понятно чем: Даша за-

валит учебу, а этого отец не простит. Будет бить. А она устала терпеть, быть скотиной бессловесной, возьмет сковородку и так в ответ врежет, что папа с костылей грохнется — и чего дальше? Бедный несчастный папа. Бедная мама. Бедные мы все.

А Машка взбесится, если бросить работу. Она всегда знает, как человеку лучше, — и старается помочь, и не отвертишься. Тоже изменилась, попав в Нанотех. Нехорошо изменилась.

Он будто соковыжималка, этот чертов институт, давит из человека наружу то, чего в нем больше всего. Из Марии полезло честолюбие, да с такой силой, прямо страшно. Этот Михалборисыч, гладенький, скользкий, неприятный человек, пообещал сделать ее «лицом Нанотеха» — и все. День за днем ее в пресс-службе натаскивают, как ловчее пудрить людям мозги, а она и рада. Всегда была уверена, что два-три простеньких трюка принесут ей на блюдечке чью угодно голову, всегда знала, как побеждать в споре, как склонить человека на свою сторону — а теперь ей объяснили, что это правильно, что так и надо. И Мария стала жесткой и какой-то злой, нетерпимой. Либо она вобьет в тебя свое мнение, либо... Все равно вобьет. Как гвоздь загонит. Она права обычно, но это ведь неприятно, когда в тебя гвозди заколачивают.

Как бы удрать от всего этого? Как вырваться? Леша от такой безысходности научился бегать по стенам — а ей куда бежать?

Для начала, увы, с работы. Не потянет она, не потянет.

— Не то чтобы совсем не нравится...

— Ты сказала «у нас в лабах», — напомнила Мария. — Ты чувствуешь себя частью команды. Это же прекрасно!

— Ой, потом, все потом. Когда школу закончу.

— Потом будет поздно! Дурочка моя милая, ты сама не знаешь, как тебе повезло. Мы рядом с таким человеком, который очень далеко пойдет. И мы с ним вместе!

— Извини, без меня, — сказала Даша, снова утыкаясь в «читалку».

— Нет, дорогая, как раз с тобой! Скажу... Только это секрет, Даш. Тебя во время той съемки заметили. Ты очень телегеничная. Представляешь, как тебе повезло? Мало кому выпадает такая удача.

Даша сделала несчастное лицо и перелистнула страницу.

— Нам сейчас обеим надо ловить удачу за хвост. В политику нужно входить в пятнадцать, а не в двадцать! — заявила Мария. — К двадцати ты должна все решения принимать на одной интуиции. В двадцать такой менталитет не наработаешь. Это все равно что учить французский в шестьдесят. Учи не учи, нормально говорить не будешь.

— Не знаю... И папе не нравится, что я работаю. Он говорит, я эгоистка и семью забыла.

— Ишь ты! А он эту семью обеспечить не пробовал?

Даша сочла за лучшее промолчать.

— Знаешь, давно хотела тебе сказать, да все стеснялась, жалела тебя...

— Вот и не надо, — пробормотала Даша. Ей вдруг стало страшно.

Но Мария шагнула к ней вплотную и очень спокойно, размеренно, даже холодно, начала говорить:

— Ты — жертва манипуляций. Родители играют на твоем чувстве долга, на твоей доброте. Они превратили тебя в рабыню. О чем они думали, когда рожали столько детей? А я тебе скажу. Они и не думали сами их поднимать. Они знали, что община им поможет. И точно. Им помогало государство, соседи, Лехин дед, замечательный дядька. Это мой отец

выбил твоему повышенную пенсию — не знала? И твои всё приняли как должное. Как будто так и надо. А уж до чего удобно с церковью получилось! В церковь стекается много денег, и, конечно, она поможет многодетной семье! Особенно если эти деньги передают специально для семьи добрые богатенькие буратины вроде моего папули!

— Маш, хватит!

— ...Они сосали помощь отовсюду все эти годы. А теперь они эксплуатируют тебя. Ну да, старшие дети помогают растить младших. Только тебя спросили, когда рожали такую ораву? На тебя смотрят как на бесплатную прислугу. И самый большой их страх — что ты снимешь косынку, отрежешь дурацкую косу, наденешь мини-юбку и сделаешь карьеру. Им не нужны деньги, которые ты заработаешь. Им нужна рабочая сила. Они получают удовольствие от власти над тобой.

— Маш, не надо! — умоляюще воскликнула Даша.

— Почему? — спокойно и все так же холодно спросила Мария. — Ведь это правда.

Очень вовремя раздался звонок.

— Я ничего не успела из-за тебя! — выкрикнула Даша и бросилась в класс.

По закону подлости в конце урока ее вызвали к доске. Даша так мучительно «плавала» в предмете, что класс, обычно встречавший промахи у доски радостным гоготом, похоронно молчал: ну жалко ведь, когда тонет у тебя на глазах человек. Принц едва не вывихнул челюсть, пытаясь что-то подсказывать с задней парты, но без толку. Мария глядела в стену. Леха читал статью про микробов и вообще ничего не заметил. Даша получила даже не единицу, а ноль и вернулась на свое место чуть не плача.

Урок закончился, все вскочили, только Леха прилип к «читалке», а Даша уронила голову на руки

и так осталась сидеть. Мария, проходя мимо, легонько тронула ее за плечо.

— Чего случилось-то? — спросил Леха в пространство, отрываясь от «читалки». Статья про микробов была из научного журнала, Леха понял в ней почти все слова и чувствовал себя героем.

— Дашка по нолям, — сказал Принц, толкая его рюкзаком: пошли.

— Подумаешь, — Леха пренебрежительно фыркнул. — Если бы меня спросили, я бы вообще в ми-
нус ушел.

— Ловлю на слове, Васильев!

Леха оглянулся на учительницу и хотел объяснить, что пошутил, но перед столом преподавателя уже стояла Мария.

— Пожалуйста, не надо ноль. Даша не успела подготовиться, у нее мама болеет, сейчас вся семья на ней. Я обещаю, что она сдаст вам тему завтра на большой перемене. На все десять.

Учительница помедлила секунду.

— Хорошо. Но ты понимаешь, что один балл я срежу.

— Конечно. Спасибо.

— Подходите завтра в учительскую. Васильев!

— Я!

— Готовься. Кстати, и ты, Коваленко, тоже. Давно мы тебя не слушали. Вдруг узнаем что-то интересное.

— Я-то отвечу, — гордо заявил Принц. — Видели, как я подсказывал? Без учебника!

Глава 20

— Ну? — только и спросил Михаил.

Вместе с Рыбниковым в кабинет вошел Зарецкий, завотделением опытной нанотерапии. Михаил

лу он не нравился: чересчур услужлив, всегда на все согласен и в то же время фамильярен. Хамоват. Того и гляди начнет хитро подмигивать и хлопать тебя по плечу. Но как специалист Зарецкий его устраивал, доктор был из ветеранов Нанотеха и здорово «рубил в микробах».

Положа руку на сердце, Михаил прямо сейчас не глядя променял бы его на Васильева, пусть тот и потерял квалификацию. Михаил всегда делал ставку на прямых и открытых людей, готовых рисковать и побеждать, а в Зарецком подозревал некое двуличие. Вон с Рыбниковым, если что, вместе загремим под фанфары, а этот милый доктор будет кричать, мол, мы его подставили, заставили, нож к горлу приставили. И наверняка выкрутится, гнида.

Васильев был не из таких. Неспроста Дед за него дочку отдал.

Да и сын у Васильева... Парень что надо. Михаил изучил его досконально и в некотором смысле заслуживал.

Надо будет проследить, чтобы не пострадал мальчишка. Возьмем его под контроль и, если случится рецидив, вылечим. Парень по-хорошему сдвинут на микробах, жалко будет терять такого увлеченного человечка. Нам еще с ним работать и работать...

Зарецкий выглядел довольным и едва не потирал руки в предвкушении интересного эксперимента. У Рыбникова вид был измученный.

— Особая партия «девятки» готова, — доложил Рыбников. — Программа на поиск и захват загружена, оттестирована. Теперь они — разведчики и воры. Найти объект, схватить, доставить. Все должно получиться. Хотя я не верю, что в мальчишке что-то осталось из пятой серии.

— Осталось, осталось, — сказал Зарецкий и, не

удержавшись, потер-таки руки. — Это самый живой и энергичный инвалид на свете. Здоров как бык. У него освобождение от физкультуры, только он — трейсер, и отличный. Помните, были такие, которые по городу бегали...

— Это мелочи, — перебил Михаил. — А вот друзья его говорят... Где-то классе во втором наш герой внезапно научился открывать пальцем электронные замки. Ничего особенного, простые замки на подъездах. Интересно?..

— Ну... — замялся Рыбников. — Что-то я не представляю, как это возможно технически. Там ведь идет сигнал туда, сигнал обратно... От замка на ключ. Или наоборот, не помню. В общем, сигнал туда, сигнал обратно... Слабые токи. Их надо расшифровать и в точности повторить.

— Так я же тебе говорю, парень весь пропитан ботами!

Эти трое уже общались на «ты», участие в заговоре сблизило их, сделало командой, несмотря на все противоречия.

— И он ими управляет! — Михаил хлопнул ладонью по столу. — Понял, сколько он может нам дать?

— Нет-нет, — вступил Зарецкий. — Не управляет. Они просто симбионты. Парень дает им кормежку и материал для возобновления популяции, а боты честно отрабатывают свой хлеб.

— Парень думает, что он вроде экстрасенса. То есть какие-то управляющие действия может производить, — не согласился Михаил. — Он сосредотачивается — и что-то происходит. Это уже управление, пусть и очень примитивное.

— Ничего себе примитивное... — буркнул Рыбников. — Телепатия практически. А откуда кормежка и все такое?..

— Заботливая мама все эти годы пичкает ребен-

ка таблетками. В частности, ему прописан очень серьезный витаминный комплекс с микроэлементами, — сказал Зарецкий. — Ну и чисто в теории рискну предположить, что отдельные группы ботов выходят погулять наружу. Откуда мы знаем, какая там рабочая плотность роя? Может, они за целый метр остаются на связи. А на человеке столько всего...

— Да он чесался бы тогда как завшивленный!

Зарецкий тут же почесал в затылке.

— Так нормально? — спросил он. — Заметно? А у меня на шее цепочка золотая, между прочим. Если парень, допустим, носит крест...

— Сейчас все носят, это модно, — сказал Михаил. — Еще кольца, серьги... Не дети, а новогодние елки. Наш клиент чистый, кстати. Но крест у него должен быть. И боты могут преспокойно объедать его телефон. Черт возьми! О телефонах-то мы не подумали... О кольцах, серьгах, цепочках...

— Не о чем было думать, — сказал Рыбников. — Стандартная «девятка» наружу не полезет, зачем ей...

— А нестандартная?!

Воцарилось молчание. Рыбников жевал губу, Зарецкий глядел в потолок.

— Твою мать... — упавшим голосом подвел итог Михаил. — Мы кого грузить собираемся всей стране, а?

— М-да... — неопределенно протянул Зарецкий.

— Снаружи — фигня! — сказал Михаил будто плонул. — Побрякушки и бытовая техника. А внутри?! А если у человека кардиостимулятор? Там же тоненькие электроды...

— Вкусные-превкусные, — ввернул Зарецкий.

— Ой, ё... И тут банда голодных репликаторов, которым нужен материал... — Михаил схватился обеими руками за голову.

— Вы меня раньше времени не пугайте, — глухо попросил Рыбников. — Я сейчас прикину и скажу.

— Скажет он... Ты уже много всякого наговорил. Дорогие мои коллеги! Вам государство доверило здоровье нации! Не больше и не меньше! Государство на вас надеется. Я на вас надеюсь. А вы чем вообще думаете?! Мы сейчас людей загрузим... Ботами-грызунами!!! — рявкнул Михаил. — Ну вы молодцы! А уж я-то хорош! Вот это баг прохлопал! Роскошный баг...

— Тут есть и моя вина, — Зарецкий опустил глаза и театрально заломил руки. — Я должен был, обязан был...

— Да погодите вы оба! — почти взмолился Рыбников. — Устроили аврал, сами у меня на голове сидите, требуете результат, а я который месяц из лабы не вылезаю и должен любую мелочь в голове держать?

— Вот на этом все уголовники и палятся, — глубокомысленно произнес Зарецкий. — На мелочах.

Михаил наградил доктора откровенно ненавидящим взглядом, но промолчал.

— Во дурак, — процедил Рыбников. — Мы живых людей попортить можем, а он думает, на сколько лет за это сядет.

— А у меня профессия такая, — спокойно ответил Зарецкий. — Рискованная. Знаешь, почему у врачей отвратительный почерк? Нам еще на первом курсе говорят: все, что вы пишете, ребята, в истории болезни, вы на самом деле пишете для прокурора...

— Господи, с кем приходится работать... — пробормотал Рыбников.

— Заткнитесь, пожалуйста, оба, — приказал Михаил. — А то сейчас я выскажусь. Про весь наш дружный коллектив. Будет очень больно и обидно, честное слово.

Рыбников уселся напротив Михаила и принялся барабанить пальцами по столу: думал. Зарецкий заинтересованно скалил зубы. Михаил подтянул к себе ноутбук и быстро листал какие-то документы.

...Из незаметного отверстия, будто проколотого тонкой иглой в штукатурке, за ними подсматривала камера. Черно-белая картинка утекала неведомо куда. Кто там сидел на другом конце канала, что он понимал в увиденном и услышанном... Неизвестно. Со дня, когда кабинет занял Михаил, косметический ремонт тут делали дважды. Но камеру не заметили, она оставалась на своем месте, и крошечная дырочка рано или поздно снова возникала напротив объектива. Наверное, так было всегда.

Изображение вдруг померкло: что-то лезло в объектив.

Это маленький, едва с булавочную головку, серебристый вертолетик, смешно переваливаясь с боку на бок, вскарабкался по стене и заглянул в дырочку, где пряталась камера...

— Я так мыслю... — начал Михаил.

— Не успеет, — сказал Рыбников. — Точно.

— Погоди. Я так решил: вводим ограничения на вакцинацию. Придется согласовать на самом верху, но я разберусь.

— Да чего ты паникуешь. Во-первых, не успеет. Во-вторых, ей этого просто не надо. Не-на-до, понимаешь?

— Ах, ей не надо... Гарантию дашь? Руку дашь на отсечение? — прошипел Михаил. — Нет, ты обещай, что руку себе ампутируешь, если «девятая плюс» убьет человека! За каждого покойника ты себе — по руке!

— У него столько рук нету, — буркнул Зарецкий издали. Хитрый доктор на всякий случай отодвинулся от разъяренного директора так, чтобы не достал.

— Как мы это проглядели?! — взорвался Михаил. — А?! Мелочь, да? Ничего себе мелочь! Ученые, мать вашу! Доктора наук!

— Сам-то кто?..

Михаил уставился на Рыбникова, думая, что в последнее время тот не по чину обнаглел. И заменить его в принципе некем, и вообще слишком далеко все зашло, и наверняка он это понимает.

Рыбников ответил взглядом усталым, но уверенным. Он и правда два месяца «не вылезал из лабы». Его внезапно проснувшуюся одержимость сравнивали с последним научным натиском Деда, Рыбников об этом знал и внутренне посмеивался. У Деда были двое преданных исполнителей, Семенов и Гуревич, а Рыбников не мог рисковать и все делал своими руками, своей головой. Да, ему помогал совершить запретное, сам того не понимая, целый сектор Нанотеха. И Зарецкий — господи, какое деръмо, а еще доктор называется, — очень пригодился. Но все-таки самое основное Рыбников вытянул в одиночку. Он мог гордиться собой. И не только как блестящим мастером-прикладником. Боты тоже не подвели.

Особая партия девятой серии, доработанная чуть ли не на голой интуиции, собранная в авральном режиме, — самостоятельно дособрала себя. Каждый второй «самопальный» бот не мог двигаться и быстро рассыпался, но для начала и это было чудом! Когда рой достиг нужного размера, Рыбников прошил его «по полной», загнал весь набор команд — боялся, вдруг чудо сейчас растает, — и затаил дыхание. Рой был стабилен. Что-то там разваливалось каждую секунду, но обломки тут же шли в дело: боты создавали новых, поэтому рой держал прошивку. Четверть ботов постоянно трудилась на досборке роя, но если позволить ему как следует разрастись,

свободные такого наворочают... Рыбников позво-
лил — и чуть не рехнулся от счастья.

Партия учудила цель — ее роль играла стандарт-
ная «девятка», — перехватила, сцепала и, будто вер-
ная собака, принесла хозяину. Рыбников дрожащей
рукой отложил кодер, вытащил припрятанную для
такого случая бутылку, поглядел на нее и засунул
обратно в стол. И так хорошо. Теперь поглядим, на
сколько вас хватит и чего вы еще можете, дорогие
мои головастики...

Он потратил несколько дней на тесты и наконец
пришел к выводу: у него есть готовый прототип «де-
вятки плюс», той самой, что заказал Михаил. Толь-
ко прототип, даже не предсерийный образец, его
еще тестить и тестить, гонять и гонять, нам же по-
том всей стране загружать этих микробов... Но вот
они! Работают!

Рыбникову сразу запала в душу романтическая
идея Михаила «поднять Россию» и «растормошить
нацию», но если директор готов был наплевать на
все запреты и рискнуть головой ради президентско-
го кресла и имиджа спасителя родины, то Рыбни-
ков — просто творил. Ему дали санкцию на науч-
ный поиск без ограничений, и он наслаждался вдруг
обретенной свободой ничего не бояться. «Девятка»,
эта козявка с усеченным еще в проекте набором за-
дач, благодаря идеям Михаила получила шанс стать
чем-то серьезным. Конечно, не мифический бот-
универсал. Но уже очень дальний микроб.

Поднять бы ему индивидуальную живучесть — и
можно смело готовить документацию на серию «де-
вять плюс». Хоть через неделю ставь ее на поток.
А то, что половина репликантов будет собрана кри-
во и не проснется, — ерунда. Да, слишком много
ботов окажется занято поддержкой численности
роя. Но зато рой не зачахнет и потихоньку все зада-

чи выполнит. А если удастся отловить хотя бы несколько «пятерок» и узнать, как Деденёв решал проблему живучести, как научил своих микробов запасать и удерживать энергию... И чего он, кстати, нахитрил с манипуляторами и сенсорами... И что у него там со связностью роя... Очень бы хотелось это узнать и немедленно применить.

Все-таки не хватило «девятке» резервов, о которых так уверенно говорил Рыбников еще в начале сентября. На пределе работала девятая серия, задуманная изначально как легкий бот-диагност.

А ей надо отпахать в организме полгода, обещал ведь.

Особая партия справится с задачей за счет численности, первым делом она стремительно размножится, а дальше возьмет толпой и натиском. Но это хорошо на один раз, на два и для специальных операций. И совсем не годится для медицинского бота. Образно говоря, если заставить двадцать мопедов поехать, как один мотоцикл, они быстро развалятся, а мотоцикл уедет дальше. Отдельно взятый микроб «девятка» не мог запастися много энергии, не был достаточно прочен и силен чисто физически.

Сейчас главное, что волновало Рыбникова, — до каких размеров особая партия «разгонит» свой рой в организме мальчика. Десятки килограммов мяса, километры сосудов, поди такую машину обыщи да найди в ней микроскопического противника. А чем больше рой, тем чаще глюки! Засбоит, допустим, связь, тогда партия раздробится на несколько маленьких, и каждая маленькая поведет себя как отдельный рой... Примется расти... Не позавидуешь мальчику... Они с Зарецким успешно прогнали особую партию на мышах, никаких странностей не заметили. Но все равно боязно. Это вам не смирные диагности или доставщики. Это, как верно сказал

директор, «банда голодных репликаторов». Да еще с задачей на поиск и захват врага!

Таймер в прошивке особой партии Рыбников выставил на месяц. Тридцать дней, и боты уснут. Если, конечно, им не придется выйти из человека наружу. Медицинские боты не приспособлены к работе на открытом пространстве. В организме им комфортно, там легко перемещаться на большие расстояния, легко держать контакт между собой. А на свежем воздухе одни проблемы: энергозатраты подскакивают на порядок, очень трудно двигаться, связность роя быстро падает. Три-четыре часа, и «девятка» угаснет. И это, пожалуй, хорошо. Не успеет сильно нахулиганиТЬ, если что...

— Прости, — сказал вдруг Михаил.

Очень тихо и смиренно. А должен был, по идее, врезать кулаком по столу.

«Ну прямо идеальный политик божьей милостью, — подумал Рыбников. — Поскорее бы ты отсюда свалил и оставил Нанотех мне. А я не подведу, не бойся. Я тут наконец-то в полную силу поработаю».

— Прощаю, — согласился он. — А за что?

— Погорячился. Налаял на тебя не по делу. И правда, сам хороший. Мог бы своей головой подумать... Значит, давай все-таки по порядку. Я предлагаю чисто для страховки ограничить вакцинацию. Никаких ботов не грузим человеку, у которого есть постоянный имплант размером... размером...

— Мельче гвоздя в голове, — подсказал Зарецкий.

— Мельче хирургической спицы.

Рыбников равнодушно пожал плечами.

— Я уже сказал: они не успеют причинить вред. А главное, у «девятой плюс» просто нет таких мас-

штабных задач, ради которых она примется разбирать электроды и искусственные сердечные клапаны! Зачем? У нее рабочий объем роя три кубика! Ну и будет она его держать, а что такое три куба, распыленные по человеческой тушке в восемьдесят кило? Это — тыфу. Так что за гвозди в головах можете быть спокойны. Никто их не понадкусывает даже за полгода. Кстати, полгода я все еще не могу гарантировать, но месяца четыре — наверное... «Девятая плюс» реплицирует в основном за свой счет. Каждый распавшийся бот пойдет на запчасти.

— В основном, — повторил Михаил.

— Ну, что-то подхватит на стороне... Не критично. Нет, можно снять все проблемы разом: ввести запрет на свободный поиск стройматериала. Посадить рой полностью на внутренние резервы. Но это будет голодный паек. Даже не считая оторвавшихся от роя, часть ботов неминуемо выскочит из организма с естественными выделениями и не сможет вернуться обратно.

Теперь уже Михаил забарабанил пальцами по столу.

...Вертолетик на стене просунул нос в дырочку, подобрался вплотную к объективу камеры, выдвинул скальпель и поскреб им линзу. Решил, что это неразумно, ухватил объектив манипуляторами и дернул на себя. Замер на секунду, будто призадумался — запросил помочь роя, вдруг решение проблемы уже известно... И повернул объектив против часовой стрелки. Повернул еще.

«Да чтоб тебя! — заорал наблюдатель на другом конце канала. — Да что вам, гады, медом тут намазано?! Ворюги! Третий объектив за месяц!!!»

«Какая хорошая вещь!» — думал вертолетик.

Вывинтил объектив и бодро ускакал с ним вверх по стене.

Нырнул в щель вентиляционной решетки и был таков...

— Решение принято, — Михаил снова выбил по столу дробь, укоризненно глянул на Рыбникова и сцепил руки вместе. — На первый раз прошивку не менять, вакцинацию ограничить. Подстрахуемся. Все, это не обсуждается. Ничего страшного, я думаю. Возвращаясь к нашим мальчикам... Примем по умолчанию, что «пятерка» в парне есть. Каковы шансы?..

— По тесту на мышах — близко к ста процентам, — сказал Зарецкий.

— Пятьдесят на пятьдесят, — сказал Рыбников. На Зарецкого он старался не смотреть.

— Чего так пессимистично? — удивился Михаил.

— Мы мало знаем о пятой серии. Даже размер бота не представляем. А вдруг это страшный зверюга, который «девятку» съест на завтрак и еще попросит?

— Толпой задавят, — пообещал Зарецкий.

— Не уверен, — сказал Рыбников. — Толпа на толпу... Как бы парень не загнулся.

— Мыши-то живехоньки.

— Естественно. Там была особая «девятка» против обычной. Можно прогнать тот же тест на человеке, ничего ему не сделается. А в парне сидит... Если сидит, конечно... Это должно быть что-то особенное. И как оно будет реагировать, поди угадай.

— Вот же стариk наворочал! — Михаил оглянулся на портрет Деда. — Нам бы их в руки лет пять назад...

— Форма у них ненормальная, — сказал Зарецкий. — Я зашел как бы по своим делам к Семенову, поглядел на ту стрекозу. Это идет вразрез со всеми принципами микромеханики. Во-первых, они не

гладкие. Их легко заметят бактериофаги, примут за вирусы и постоянно будут атаковать. По идеи, у парня должна быть температура все время...

— С какой стати? — перебил его Михаил. — Ты сам сказал: они симбионты. Они ему не чужие.

— Честно, я не понимаю. Старик был гений.

— Они могут упаковываться в гладкие кластеры, — Рыбников сложил две руки в один кулак. — Их тогда никакой бактериофаг не заметит. Слепятся вместе несколько штук, чпок — готово. Лапы поджать, манипуляторы втянуть...

— Это ты знаешь или предположил?

— Я бы так сделал, — сказал Рыбников, по-прежнему не глядя на Зарецкого.

— Ладно, главное, чтобы они не слепились в один здоровый вертолет. А то выскочат из клиента и улетят, лови их потом...

— Крупная формация в воздухе не полетит. Будет только бегать и невысоко подпрыгивать. И моментально сожжет запас энергии. Если они не дураки, то образуют несколько мелких вертолетиков, не больше вот таких, — Рыбников отмерил ноготь на мизинце. — А лучше с булавочной головкой. Маленькие, в принципе, и летать смогут. И на открытом пространстве «девятке» будет трудно за ними уgnаться. Хотя наша особая партия тоже не дура. Она такая... Раскрепощенная. Вполне может решать проблемы по мере возникновения.

— Будем надеяться, до гонок по городу не дойдет, — сказал Михаил. — Не хватало мне еще, чтобы по улицам носились две банды микробов!

— А я бы на это поглядел... — мечтательно протянул Рыбников.

— Ну еще бы! — Зарецкий подмигнул и сделал движение, будто хочет похлопать ученого по плечу. — Предметное выяснение, кто тут круче. Эпи-

ческая нанобитва. Твои красавцы против монстров Деда!.. И все-таки я не понимаю, зачем он конструировал бота с таким огромным завышением по всем параметрам. Держался бы в рамках разумного, не пришлось бы ему вводить репликацию, не попали бы эти вертолеты под запрет...

— Универсал, — сказал Рыбников.

— Универсал, — кивнул Михаил. — Прототип на очень далекую перспективу. Сначала только медбот, а дальше — универсальный сборщик. Эх, Дед...

— Это вы знаете или предполагаете?

— Я бы так сделал, — сказал Рыбников.

Подумал секунду и добавил:

— Хоть я и не гений. А сделал бы. Не вертолет, конечно, я бы попытался собрать что-то близкое к настоящей стрекозе. Это чертовски трудно, почти невозможно. Только строить микровертолеты — вообще за гранью. До сих пор не верю, что они есть. Пока не увижу — не поверю. Обставил нас Деденёв, еще десять лет назад обставил. Чего мы тут... Двигаемся методически грамотно, шаг за шагом... А у него — бац! — и сразу универсал.

— И сразу под запрет, — вставил Зарецкий.

— Ну-ну! Мы тоже молодцы, — заметил Михаил. — У нас тоже есть репликаторы.

— Дохленьевские и недолговечные, — сказал Рыбников. И вдруг зевнул. — А главное, не загреметь бы нам с ними.

— Забудь, — сказал Михаил. — Когда я стану президентом, Россия выйдет из конвенции. И никто не пикнет даже. Потому что у кого живые репликаторы, тот правит миром, а остальные в пролете. И ты еще сделаешь универсала. И это все... — он небрежно махнул рукой. — Это все будет твое.

Он повернулся к Зарецкому.

— А ты, если все получится, для начала примешь клинику. А там поглядим.

— Получится, — Зарецкий учтиво поклонился.

— Как будем извлекать добычу?

— Традиционным способом, — сказал Рыбников и снова зевнул. — Виноват, устал. Когда у парня в крови начнется война, он плохо себя почувствует. Симптомы как при гриппе. Дальше все сделает... — он наконец-то поднял глаза на Зарецкого, — наш любезный доктор.

— Я загляну к нему в лабораторию, отведу парня в санчасть, там на всякий случай возьму анализ крови из вены, он ведь раковый больной. У меня в кармане будет кодер, боты с добычей наведутся на иглу. Нам ведь много не надо...

— Много не надо, — подтвердил Рыбников. — Не хватало еще, чтобы они устроили демонстрацию протеста у меня под микроскопом.

— Это все не вызовет подозрений? Парень может знать, что ты не просто врач, — бросил Михаил Зарецкому.

— Парень должен знать, что у нас в санчасти глухо и мы, врачи-исследователи, совмещаем, — парировал Зарецкий. — Между прочим...

— Да-да, — кивнул Михаил. — При Деде такого бардака не было. Только это он нарочно придумал, чтобы дать вам с Витеем Васильевым по второй ставке. Стимулировать молодых специалистов. Я могу прекратить бардак, посадить в санчасть людей, пускай там сопьются от скуки, повеселят народ. Хочешь? Или просто отдай ставку молодому специалисту. У тебя их теперь целое отделение, все голодные, энергичные... Болтливые.

Зарецкий усмехнулся и промолчал.

— Что будет с парнем дальше? Война-то продолжится.

— Наши победят, и все пройдет. Это продлится день, ну два, — пообещал Зарецкий. — Не переживай.

— А если не наши?..

— Тогда все пройдет еще быстрее, — Рыбников криво ухмыльнулся.

Михаил едва заметно прищурился, так бывало, когда его вдруг одолевали сомнения в человеке.

— У тебя прямо какой-то страх перед пятой серией, а?

— Я ее уважаю, — хмуро сказал Рыбников.

— Ты себя уважай, коллега. Самого Деда переплюнул. Он почти два года с этой проблемой возился, а ты неполных два месяца. И вот они, репликаторы. Поставим их на поток — орден тебе сообразу. Придумаю за что. За заслуги перед Отечеством, черт побери!

— Я герой, — бесцветным голосом произнес Рыбников. — Только наши репликаторы держат связность роя четыре месяца, а в парне они сидят восемь лет и не чихают.

Михаил раздраженно крякнул.

— Извини, — сказал Рыбников. — Устал просто. Спать хочу.

— Хорошо. Отдыхай. А завтра готовь свою... Группу захвата. Она может понадобиться в любой момент.

— А ты готовь свою... Роковую женщину.

Михаил усмехнулся и кивнул.

— Она уже готова. Она уже на пути к успеху.

— И когда?.. — поинтересовался Зарецкий.

— Не представляю, — Михаил развел руками. — Но я внимательно слежу. Может, через неделю. Через месяц. Вряд ли больше. Парень у нее прямо под носом, и она знает, что я к нему благоволю. Это для нашей роковой женщины очень весомый стимул по-

пробовать молодого человека на зуб. Она любит хватать чужие вещи, надкусывать и выбрасывать потом.

— Подтолкнуть бы, — сказал Рыбников. — Время поджимает.

— Не могу. Все должно произойти естественно, это люди, а не микробы. Если еще за месяц отношения не наладятся, я придумаю этой парочке общую задачу. Будут работать вместе.

— Парня надо зафиксировать всего-то секунд на десять, чтобы особая партия учゅяла в нем других ботов и успела перепрыгнуть на него, — сказал Рыбников, явно недовольный тем, что с людьми куда сложнее, чем с микробами. — В идеале — обнять руками за шею. Неужели это так трудно?

— Ты просто не представляешь, как трудно. Десять секунд! Да это целая вечность. Чертовски трудно. Мужчины вообще крайне неохотно дают себя трогать руками. Избегают контакта, охраняют личное пространство. Если, конечно, в него не вломится красивая женщина...

Рыбников пожал плечами.

Зарецкий плотоядно облизнулся.

Под самым потолком, на краю высокого книжного шкафа, сидели два серебристых вертолетика, довольно крупных, где-то с ноготь большого пальца, и заинтересованно наблюдали за происходящим.

Глава 21

В столовой Нанотеха было людно — обедала вечерняя смена. Повсюду молодые лица: именно в вечерней работали юные «полуставочки», ребята из школ и техникумов, кадровый резерв института. С каждым годом их становилось все больше. «Будем портить молодежь в промышленных масштабах! —

смеялся Михалборисыч. — Сначала ты наш двадцать часов в неделю, но оглянуться не успеешь, а ты уже наш по жизни. Ты увидел современную высокотехнологичную компанию: наноточность, нанодопуски, наноконтроль. Ты поверил, что это не фантастика, а сегодняшний день России и залог ее успеха завтра. Не имеет значения, куда ты дальше пойдешь, главное, ты никогда не станешь забывать болты кувалдой!»

Когда это мудрое — кроме шуток — изречение дошло до опытного производства, колдовавшего в длинном приземистом цехе позади института, тамошний народ сразу понял, как отзоваться. На день рождения Михалборисыча инженеры-стендовики преподнесли ему махонькое стеклышко в красивой рамке. На рамке гравировка: «ЗИП¹ бота 9-й серии. Русские нанороботы самые русские нанороботы в мире!» И ничего не видать в стеклышке, прозрачное оно. «Что-то мне боязно! — сказал директор. — Знаю я эти ваши испытательские приколы...» — «Да ничего там страшного, так, пошутили слегка!» — бодро заверили стендовики. В лаборатории удалось разглядеть на стекле капельку клея, в которую влипли три микроскопические песчинки: кувалда, пассатижи и штопор...

Леха и программист Петя быстро накидали еды на подносы и очень удачно захватили столик у окна. За окном был роскошный осенний вечер, а главное, в стекле отражался весь зал, и было удобно разглядывать девчонок, не привлекая лишнего внимания. Леха заметил вдалеке Дашу, Мария еще не пришла, у нее был какой-то свой хитрый график. Поговаривали, она частенько заглядывает в кабинет к Михал-

¹ ЗИП — запас инструментов и приборов.

борисычу — то ли директор лично натаскивает «перспективный кадр», то ли просто запал на малолетку, дело житейское. В любом случае беды не будет, он же знает, кто ее отец. Папа у Марии человек совершенно очаровательный, только прошлое его, хм... Пиратское, мягко говоря. Чемоданы с черным налом, черные пистолеты и чуть ли не черные метки. Ежели чего, такой папуля не посмотрит, что ты местишь в президенты, он сначала оторвет тебе яйцо, а потом, уже ухватив плоскогубцами второе, задумается. И ходи, как дурак, с одним яйцом. Это если папуля вовремя опомнится, конечно...

Леха подсматривал за Дашей и любовался тем, как элегантно сидит на ней белый халат, как спокойно и естественно она держится, какая чудесная у нее улыбка... За столиком, где она сидела, не было свободных мест: ребята из ЦУПа, здоровые уже лбы, интенсивно распускали перед школьницей хвосты. Ну-ну. Огребет кто-то скоро костылем. А если вдруг пострадавший опознает в Дашином отце легендарного наладчика Решетникова, на которого электромагнит упал, — ой, чего бу-удет... Леха, пока не пришел в Нанотех, знать не знал, что этого несчастного тут регулярно поминают на инструктажах по технике безопасности, и прозвище у него есть — Иоанн Нанокреститель. Был, говорят, толковый мужик, а потом в реанимации накрыло его откровение свыше, и тю-тю. Какой из этого следует вывод, молодые люди? Вывод такой: не стой под стрелой! У нас только нанороботы маленькие, а техника увесистая, размажет за милую душу, маму позвать не успеешь. Теперь распишись в журнале, что все понял, инструктаж окончен.

«Хороша Даша, да не наша», — в сотый раз напомнил себе Леха. Повернулся к Пете и спросил:

— Ну, и чего дальше было?

— А-а... Дальше было два месяца в скафандрах, — важно сказал Петя. — Семенов из «чистой» не вылезал, а я крутился на подхвате и боялся, что он меня вот-вот попросит написать заявление о переводе в другую лабу. Этот старый черт потом сказал, что я, конечно, тормоз, но остальные наши программеры еще хуже. Самомнение у него фантастическое, конечно... А делали мы, в общем, довольно простой сенсор, то есть переделывали, потому что его надо было всадить в такое место...

Леха слушал так внимательно, что не получалось жевать. Петя за глаза часто поругивал Семенова, обзывал то «нанодинозавром», то «нанотроллодитом», но уважал его, это было заметно. Они с Семеновым успели основательно потрудиться на тонкой доводке девятой серии, по большей части переделывая или «всаживая» то, что криво выходило у непосредственных подчиненных Рыбникова. Бывшая лаборатория Деда играла в Нанотехе роль «скорой помощи», в нее ташили все проблемные узлы. Сейчас был период затишья, но Петя не унывал: рано или поздно свалится такая заковыристая работа, какой во всем институте не сыщешь.

А еще Петя много знал о пятой серии, боготворил Деда и был совершенным фанатом репликаторов. О сложностях и парадоксах репликации мог говорить бесконечно. Проходя мимо модели «пятерки», замедлял шаг и вздыхал. «Пятерка» была для него чем-то вроде фетиша. По словам Пети, она символизировала не просто научный прорыв — это была дверь в новый мир. Тот мир, в котором, по всем понятиям, должны были жить нынешние поколения — а им не дали. Запретили. И навязали другую жизнь, красиво раскрашенную, только совершенно чужую. Петя был старше Лехи лет на двенадцать, но думали они одинаково. Под белой форменной ро-

бой Петя носил футболку с издевательским лозунгом: «Я люблю государственно-монополистический капитализм!» Однажды он на проходной столкнулся с Михалборисычем, тот прочел, что на Пете написано, и сказал: «Смело. Молодец, что не боишься заявить о своих политических взглядах. Хвалю. А вот я на самом деле люблю эту фигню! Только никому не говори!»

В общем, Петя был парень свой. Леха сам не заметил, как, нарушая запрет Семенова, выложил Пете все, что знал о пятой серии и ее непростой истории. Программист оказался благодарным и внимательным слушателем. И в свою очередь, точно как Семенов, посоветовал с кем попало о «пятерке» не болтать. Потому что институт большой, люди попадаются разные, и помимо стукачей службы безопасности тут могут бродить по этажам самые настоящие тайные агенты ФСБ. Нехороший случай с Гуревичем имел место, по историческим меркам, вчера. И пострадать за одну только мечту о репликаторах очень даже можно...

— Приятного аппетита! — раздалось сверху.

Леха поднял глаза. Рядом со столиком остановился румяный дядька в халате с синей врачебной эмблемой. «Зарецкий Антон Сергеевич», — прочел Леха на бэдже. Фамилия показалась ему знакомой.

Петя в ответ на приветствие что-то неразборчиво хмыкнул, Леха кивнул.

— Вы как себя чувствуете, Алексей Викторович? — спросил Зарецкий.

— Э-э... Хорошо, — неуверенно отозвался Леха. — А что?

— А ничего, — сказал Зарецкий. — Совершенно ничего. Почему все так напрягаются, едва увидят доктора? Уж от вас-то, Алексей Викторович, не

ожидал. У вас доктор фактически дома прописался. Могли бы привыкнуть.

Он забавно сморщил нос в улыбке, заложил руки за спину и покачался с пятки на носок.

— Мы, кстати, с этим доктором вместе тут начинали!

— Ой! — воскликнул Леха. — Ну конечно. Папа рассказывал о вас. Здравствуйте. Вы же теперь...

— Да, так получилось, — Зарецкий кивнул. — Напрасно Витя уволился, ну да ладно, дело прошлое. Зато ему не надо слоняться по институту и напоминать сотрудникам, что на дворе осень и по городу уже пополз грипп. Он в этом году неожиданно ранний. Мы, конечно, всех привьем, но на подходе свеженькие муттировавшие штаммы. А вы, господа, у нас не абы кто, трудитесь в микротехнологической лабе. Поэтому убедительно прошу, Алексей Викторович, при малейшем недомогании, особенно если подскочит температурка, никакого геройства, сразу звоните мне по внутреннему. А то вы чихнете на Семенова, а он подышит на предметное стекло...

— Да какое у нас предметное стекло... — буркнул Петя.

— Ну, вы поняли. Договорились, Алексей Викторович? Сразу звонок мне, и встречаемся в санчасти.

— Ага, — сказал Леха, не слишком довольный таким интересом к своей персоне. Он к докторам привык, естественно, но они его слегка утомили за последние восемь лет. Вот пока болел смертельно, не утомляли, а как выздоровел — задолбали просто.

— Петр, это и вас касается, — бросил Зарецкий и удалился.

— Немедленно отыщу предметное стекло и зачишаю его до потери прозрачности, — сказал негромко Петя, едва доктор отошел.

Леха сгорбился, давя в себе хохот.

— Болтун — находка для шпиона, — добавил Петя.

— В смысле?..

— Это же у него в отделении утечка была.

— А-а... Слышал.

— Хотя не обязательно утечка, — Петя задумчиво помахал ложкой. — Могли какой-то реальный баг замаскировать. Пустили дезу, а весь институт ее и слопал... Они тут мастера тень на плетень наводить. А какой-то баг точно был, ведь не просто так «яму» тормознули и «девятку» всталла на модификацию. На модификацию, ха-ха. Не помню случая, чтобы в Нанотехе чего-то улучшали. Обычно исправляют. Зря я, что ли, у Семенова который год сижу, к нам все концы сходятся, мы тут, считай, местное МЧС. Но сейчас Рыбников сам работает. Значит, или баг ерундовый, или, наоборот, это такой секрет фирмы, что даже Семенову лучше не знать...

Леха кивнул. По институту давно ползал слушок, будто добровольцы, на которых обкатывали «девятку» в экспериментальной клинике, отмечали резкое улучшение самочувствия и общий эмоциональный подъем. Об этом шушукались по углам: добровольцы-то здоровые, куда им еще лучше себя чувствовать?.. Последовало устное разъяснение строго для служебного пользования: был отмечен непредвиденный побочный эффект, имеющий психологическую, а не «нанотехнологическую» природу. И тут же новый слух: якобы один из врачей проболтался, что добровольцев натурально пёрло целую неделю, а потом началась у них депрессуха, вроде похмелья... А теперь вот даже остановлена поточная работа. Значит, чего-то перемудрили и теперь переделывают.

— А если не «даже Семенову», а именно Семе-

нову лучше не знать, что там случилось? — спросил Леха первое, что пришло в голову.

— Почему? — удивился Петя. — Чем Семенов такой особенный? Да он проверенный сто раз, человек-могила. Вон когда Гуревича замели, его же оставили... Нет, там у Рыбникова, наверное, какая-то хитрая фича, и он над ней трясется. Рыбников секретами делиться не любит. Мы ведь целой работоспособной «девятки» так и не получили в руки, только по частям. Я все надеялся на нее посмотреть вблизи — а фигушки...

— Семенов особенный тем, что он личный техник Деда, — напомнил Леха. — Он видел такое, чего тут никто не видел.

— И?..

— Допустим, он может что-то разглядеть в «девятке», что-то понять... Такое, что Рыбников хотел бы скрыть.

— А я и говорю: у него там ноу-хау на Нобелевку, вот он над этой фичей как царь Кощей над златом чахнет... — Петя осекся.

Леха хотел развить свою мысль, но ему показалось по глазам программиста: тот уже все понял. Что в конструкции бота надо как можно дольше прятать от всего Нанотеха и особенно от Семенова? Способность к репликации. И соответствующий набор команд в прошивке.

— Логический прокол, — сказал Петя. — Мы страдаем конспирологией, и, как всегда в таком случае, нестыковка на самом видном месте.

Леха удивленно поднял брови.

— Ребята из ЦУПа, — объяснил Петя. — Нет, ты можешь скрыть от института что угодно. Институт в этом смысле устроен очень хитро, Михалборисыч постарался. А вот сектор управления потоком обязан знать о своем боте все. Прошивку они смотрят

бегло, но самого бота изучают буквально до молекулы. А в секторе три лабы, народу человек тридцать. Они, конечно, чистые производственники и в целом звезд с неба не хватают... Нет, вряд ли пройдет такой фокус. Хотя сама по себе твоя идея... Годная идея. Я прямо испугался, честное слово!

Леха призадумался, соображая, как бы годную идею получше обосновать.

— А вот еще инфа для размышления, — сказал Петя. — Ты заметил, что в Нанотехе нет представителя заказчика? Мы делаем важный федеральный заказ, у нас тут целый отдел госприемки должен сидеть. И не просто сидеть, штаны протирать, а отслеживать, чего у Рыбникова творится. Совать нос во все детали. А нету такого отдела. Как Михалборисыч от него отился? Ну да, у него в Кремле волосатая лапа... Но, главное, чем нам госприемка помешала? Это ведь не просто контроль, это еще и лишние эксперты, которые совершенно бесплатно помочь могут. Так что хоть я с тобой и не согласен... Пожалуй, я еще какое-то время побуду испуганным. Авось чего пойму...

Леха едва не сказал, что очень похожие намеки делал ему отец, — и вдруг его словно током пробило.

Это ему на плечо легла рука.

— Привет, коллега! — сказала Мария.

— Здравствуй...

— Вы позволите?..

— О да! — воскликнул Петя, неожиданно смущаясь, бросил взгляд на часы и вскочил. — Мне как раз пора бежать.

— Петр, наш программист, — сказал Леха. — А это Мария...

— ...Лицо Нанотеха, — закончил фразу Петя и склонился в поклоне. — Прекрасное лицо, и слова мои не банальный комплимент, а научная констатация

ция факта. Всего наилучшего. Лех, у тебя двадцать минут еще.

— Я не лицо, я только учусь, — бросила Мария вслед Пете и уселась напротив Лехи.

— Тебе принести чего-нибудь? — засуетился он.

— Спасибо, я уже. У нас график скользящий, нам, если что, прямо в офис перекусить носят. Не знал? Есть свои преимущества в работе пиарщика. Но работа собачья. Все тебя подозревают в неискренности, и всем кажется, что ты просто высокооплачиваемый бездельник.

— Это тебя-то подозревают в неискренности?! — не поверил Леха.

— А куда деваться, Леш, — сказала Мария устало. — Ты меня сколько знаешь? Мы скоро десять лет как рядом. Я тебе ничего доказывать не должна, ты все поймешь с полуслова. А целевая аудитория... Я для нее по умолчанию просто смазливая девчонка, которая пытается ей что-то впарить. И вот эту стену отчуждения надо пробить.

— Ну ты-то сможешь, — сказал Леха уверенно.

— Как знать. Самое неприятное — то, что надо все время чуть-чуть переигрывать. Говори громче, улыбайся шире, глазами делай вот так... — Мария показала как, Леха расхохотался. — В общем, надо не быть искренней, а казаться. Тут еще специфика видео, ты на экране выглядишь немного по-другому... Ну, буду пробовать дальше. Пока что пиарщик из меня так себе. А туда же, «лицо Нанотех»... Мне до этого лица как до Луны на четвереньках.

— Ты сможешь, — повторил Леха.

— Я им покажу, — заявила Мария. — Я хочу разбить стереотип. Доказать, что Нанотех для пиара нужны не хорошенкие мальчики и девочки, которые вот так делают глазами и улыбаются шире монитора, а живые нормальные люди.

— О! — Леха в знак согласия поднял большой палец.

— Михалборисыч тоже сказал — о!.. Теперь надо, чтобы он уломал наших. Они же вроде королевства в королевстве, уверены, что если прочли десять книжек о рекламе, освоили дюжину психологических трюков и могут без запинки выговорить «гуманитарные технологии», то самые умные... А потом я еще Дашку подключу — вот из кого настоящее лицо Нанотеха получится! Второе лицо, естественно...»

Мимо столика прошел Зарецкий и хитро подмигнул Марии. Та недоуменно пожала плечами.

— Ладно, хватит ныть, я, собственно, не жаловаться пришла, а извиняться, — сообщила она.

— За что?!

— Ну я тебя забросила совершенно... С этой работой... Лех, проснись, мы с первого сентября парой слов не перекинулись! В школе ты от «читалки» не отлипашь, тут из лабы не высовываешься, и со мной та же история: то учусь, то кручуясь. А кто мне о микробах рассказывать будет?!

Мария чуть двинула головой, отбрасывая волосы с глаз, и Леха просто сомлел, так это было... Это было...

Это было для него.

Она сидела тут напротив совсем не так, как за соседней партой. Она убрала дистанцию, которая всегда разделяла их.

Такое вот, ребята, Монте-Карло.

— Ага, — сказал Леха и чуть прищурился, не понимая, что бесстыдно кокетничает. — Я понадобился.

— Ради общего дела, коллега!

— На благо фирмы.

— Производственная необходимость! — Мария так удачно подыграла, что, окажись кто поблизости,

он бы решил: тут где-то скрытая камера, снимают сцену наглого соблазнения.

— А ведь мы действительно сто лет не виделись... — вырвалось у Лехи. — Ну, ты понимаешь. Вроде каждый день рядом, а как-то... Как-то так. Привет-пока.

— Ну скажи, негодяй, скажи!

— Чего?

— Что скучал по мне.

Леха издал горлом неопределенный звук. Мария рассмеялась, откинулась на спинку стула, бросила взгляд на свой оттопырившийся спереди жакет — пресс-служба редко надевала белую форму, обычно ходила в деловых костюмах, — и засияла смехом.

— Грудь вперед! Забыла совсем: глаза вот так, улыбку шире — и грудь, грудь вперед! Ой, не могу...

— Да, я скучал по тебе, — сказал Леха.

* * *

Отдел паблик рилейшнс, он же попросту «пресс-служба», и правда старательно надувал щеки, изображая «королевство в королевстве», без которого Нанотех сгинет в бывестности. Но реально отдел существовал в режиме «чего левая нога директора захочет». И если Михалборисыча осеняла гениальная пиар-идея — всегда не вовремя, естественно, — начиналась свистопляска. Идею подвергали мозговому штурму, по итогам которого выносилось решение, каждый раз одно и то же: не хочется, а делать надо! Поскольку гениальные идеи Михалборисыча следовало претворять в жизнь вот прямо завтра (а иногда и вчера), а осеняло директора хронически после плотного обеда, то уже к вечеру отдел впадал в состояние, которое главный пиарщик звал «трэш, угар и содомия». Компьютеры едва не дымятся,

мозги плавятся, телефоны разряжаются на глазах, мусорные корзины — реальные и виртуальные — трещат от забракованных вариантов. Потому-то у пресс-службы и ненормированный рабочий день, и обеды в офис, и высокая зарплата. И белую «чистую» форму пиарщики надевали только для визитов в лаборатории или спуска в «яму». Все остальное время их одеждой были обычные деловые костюмы: чтобы можно было сей секунд броситься на амбразуру. Или лечь на алтарь.

То, что пресс-служба, несмотря на все понты, стоит перед директором в позиции низкого старта и только ждет пинка под зад, Мария поняла буквально за неделю работы. Объяснялось это просто: главного пиарщика, неглупого, в общем, специалиста, директор Нанотеха подобрал в столице по бросовой цене. Чего-то он там криво напиарил. Потом у Михалборисыча вскрылись наполеоновские планы, а у пиарщика широко раскрылась варежка: увидел, какая везуха привалила. Будешь хорошо себя вести — прыгнешь вместе с шефом прямо в Кремль! Сей момент пресс-служба была поставлена на карачки и приучена грызть асфальт. А кому не нравится, вали отсюда, у нас полный город молодых талантов, готовых и глазами вот так делать, и улыбаться до хруста, и грудь выпячивать.

Приглядевшись, Мария рассудила: стать заметной фигурой в такой шарапкиной конторе, а уж тем более продвинуть нетривиальную инициативу, можно лишь одним путем — если тебя опекает лично директор Нанотеха. Занять в пресс-службе достойное место Мария была просто обязана, ей амбиции не позволяли болтаться на вторых ролях, она сюда пришла сальным прицелом, как мудрый политический деятель. А выдумать и реализовать нечто свеженько требовала заводная натура. Подума-

ешь, что школьница, вы не судите по возрасту, судите по мозгам! Девочка на побегушках, выполняющая наполовину секретарскую, наполовину курьерскую работу, — это было не для нее.

Оставалась мелочь: попасться директору на глаза и произвести впечатление.

Когда всесильный Михалборисыч сам обратил на нее внимание, Мария сообразила: это неспроста. За этим кроется нечто большее. Такой великий человек не приблизит к себе обыкновенную хорошенюю дурочку. И тут до нее дошло: значит, она и правда мудрый не по годам политический деятель! Она с самого начала верно себя оценивала! Ее ждет грандиозное будущее. И Михалборисыч — точно великий человек! — своим зорким глазом все заметил.

Это открытие Марию будто перетряхнуло. А вскоре она лишний раз убедилась, что попала на свое место: паблик рилейшнс оказались глубокой и сложной дисциплиной, призванной налаживать «связность» на любом уровне, да хоть во всей стране разом. Для политика — идеальный инструмент. По просьбе директора юную стажерку коротко, но емко «прогнали по верхам» этой науки, и в какой-то момент девушка испытала острый стыд за свою родину. Выяснилось, что русский обыватель до сих пор называет «черным пиаром» банальную дезинформацию, а «пиаром» — тупую рекламу. И неспроста: ведь многие наши пиарщики именно этим занимаются...

Уверенно обгоняя весь мир в нанотехнологиях, Россия безнадежно отставала в технологиях гуманистических. Здесь традиционно, из века в век, мало кого интересовало, как впечатлять, убеждать и воодушевлять свой народ, заражать его идеей единства, общкой для всех судьбы. Проще надуть или припугнуть. Насколько столетия обмана и запутывания испортят породу русских, воспитывая в них раздолбайство и

фатализм — то, что сами мы зовем «загадочной русской душой», — тоже мало кого интересовало.

Так говорил Михалборисыч, и Мария видела, что он прав.

А еще он говорил: «Мы растормошим это сонное царство, мы сделаем всех здоровыми и счастливыми, а они завоюют мир». Мария не очень понимала, как именно боты девятой серии, по три кубика на физическое лицо, растормошат Россию. Она, правда, слышала про забавный сбой, из-за которого испытатели впали в эйфорию, но вряд ли директор имел в виду именно такой эффект!

Ну, директор знает, что делает. А она будет помогать.

По ночам ей снились навороченные рекламные концепты. Затем приснился брендинг. Черт знает, что такое, но называлось оно брендингом, и с ним было хорошо. Потом настала полная шиза. Пригрезилось, будто Мария — макет наружной рекламы, и она приходит к отцу и говорит: «Папа, гляди, какой у меня красивый шрифт!»

Если бы сейчас к Марии подъехал сказочный принц с билетом в Монте-Карло, она бы просто не поняла, чего ему надо. А вспомнила бы — рассмеялась. Какое там Монте-Карло, что еще за детский сад. О каникулах следующим летом можно забыть. Отдыхать скучно, интересно работать. Через два года — выборы президента. Им должен стать Михалборисыч.

Она будет поблизости.

Потом, когда-нибудь, Мария станет премьер-министром, как Маргарет Тэтчер, даже круче. И непременно возьмет Дашу секретаршей.

* * *

Если ты на фирме без году неделя и в любимчиках у директора, нос задирать нельзя ни в коем случае, а вот вкалывать надо изо всех сил. Иначе сожрут. Поэтому Мария не стеснялась нарушать трудовое законодательство, и рабочий день у нее заканчивался когда как. Если вовремя — она звонила Даше, мол, подгребай к машине, поехали. Если нет — значит, нет. Даше, слава богу, не приходилось бояться, что ее в автобусе начнут хватать грязными руками: от желающих подвезти барышню домой не было отбоя.

Сектор управления потоком какое-то время просто не знал, как относиться к юной блондинке. Но довольно быстро она заняла место всеобщей младшей сестренки, и можно было надеяться, что ситуация останется стабильной как минимум до поры, когда Даще стукнет шестнадцать. Наученная дурным опытом, Даша прощалась с очередным кавалером минимум за сто шагов от дома, поэтому никто еще костылем по хребту не получил. И не видел, как она надевает косынку. Получалось гуманно во всех отношениях: ведь рядом с Дашой были теперь не школьники, скованные по рукам и ногам статусом подчиненного существа, а молодые научники и технари, многие из которых не постеснялись бы двинуть Иоанну Нанокрестителю в торец.

Мария делала вид, что очень довольна Дашиным успехом у мужчин и ни капельки не ревнует. Видимо, ревновать свою любимую игрушку у нее сейчас не было ни времени, ни сил. Хотя пару раз она подначивала ее «забиться на десятку», что та кого-то из ЦУПа поцелует или не поцелует, но Даша в ответ только фыркала. Теоретически она была готова выиграть пари, только подруга никак не сообразит

указать ей на подходящего кандидата. С которым Даша была готова целоваться бесплатно до посинения.

И еще Мария как-то нехорошо поглядела на Дашу, когда та заметила в разговоре, до чего идет Лешке Васильеву белая нанотеховская униформа. Сказала в ответ, что Леха на особом счету у Михалбори-сыча, тот им весьма интересуется, а глупенький мальчик стал по этому поводу много воображать. В школе совсем их не замечает и на работе сторонится, а зря он так, и не мешало бы его поставить на место.

Даша вспомнила, что Мария знает только один способ ставить молодых людей на место, способ абсолютно девчоночный, но от этого не менее действенный и жестокий, и быстро перевела разговор на другую тему.

Она понимала — Мария обломает и опустит ниже плинтуса любого. Видела, как это делается. И очень не хотела, чтобы подруга направила свое бронебойное обаяние на Лешку. Он этого не заслужил.

Правда, у нее была надежда, что Лешка устоит, не поддастся на провокацию. Но, честно говоря, надежда слабая.

Сегодня Мария не позвонила. Значит, опять задерживается. Привычные уже пять минут в «тамбури» сектора: красивую белую униформу долой, смешные девчачьи шмотки на себя — и на выход. Нет, все-таки подруга была права, Даша останется в Нанотехе, чего бы ей это ни стоило. И к людям она привыкла, и к работе почувствовала вкус, а главное... Здесь она была свободна. Несмотря на очевидное малолетство, у нее в институте был статус взрослого человека. К ней относились как к равной, уважали ее личное пространство и личное мнение. Спрашивали тоже как с равной — не больше и не

меньше. Поблажки начального периода кончились, теперь ее гоняли в точности столько, сколько положено бегать младшей сотруднице, у которой есть пропуск в «яму» (а такой далеко не у каждого). Буквально вчера завлаб подошел к ней и сказал: «Неплохо, Дарья, неплохо. Вижу, освоилась. Продолжай в том же духе: чего не знаешь, не трогай, под ногами не крутись, под руку не говори. Но давай потихоньку вникай в процесс, не стесняйся задавать вопросы. Ребята ответят, все равно им сейчас делать особо нечего. И запомни: опытный лаборант — это о-го-го какой нужный специалист. Иного кандидата наук стоит. Кругом разгильдяи! А ты молодец». Никогда еще Дашу так своеобразно не хвалили, и она это оценила.

Домой не хотелось. Но... Надо. И потом, там сестренка, братья. Милые родные существа, пусть и хлопотно с ними. Как сложится их судьба? Они ведь просто не понимают, что творится дома. Они не помнят маму и папу другими. Они не видели, как год за годом отец становится все страннее, а мама все тише и незаметней. И им уже, наверное, не объяснишь, что многие носят кресты и ходят в церковь, только дома у них — дом, а у нас то ли монастырь, то ли казарма. Все православные, а наших родителей зовут *православнутыми*. И ничего тут не изменишь, можно только уйти. Бежать. Вырваться. Бежать очень быстро. Иначе засосет эта трясина.

Ну, она уже работает. Делает что-то как взрослая. Она уже бежит.

Сектор размещался на первом этаже, ближе всех к выходу, и Даша буквально через десяток шагов оказалась в просторном вестибюле Нанотеха. Увидела впереди, у самых дверей, знакомую спину, вскинула руку, хотела позвать... И осеклась. Рядом с Марией, оживленно с ней беседуя, шел Леха.

Даша отступила назад, спряталась за угол. Постояла так немножко, пытаясь собраться с мыслями. Ничего не придумала и пошла на выход. Остановилась на широких ступенях крыльца и увидела далеко впереди ту же самую картину: эти двое рядом. Вместе.

Машинально Даша сунула руку в сумочку и нащупала там косынку. Это был привычный жест, означающий, что жизнь на сегодня окончена и начинается унылое существование. Жест тоски и безнадеги.

Остановись, приказала себе Даша, и выместила злость на косынке, безжалостно скомкав ее в кулаке. Ты еще не дома. И ничего страшного пока не случилось. Может, он ей о микробах рассказывает. Зачем он ей еще нужен? Не целоваться же на спор за десять рублей. Лешка для нее равный по рангу: парень умный, из известной в городе семьи. Хороший напарник по всяким школьным делам: лабораторную вместе сбацать, к диспуту подготовиться, домашку сделать один за другого, ну и списать в крайнем случае. Ничего больше. Она в него не влюблена, это совершенно точно. Я бы даже не сказала, что они друзья. У Машки вообще друзей нет и быть не может по определению, одна я, дура, вроде бестолковой младшей сестренки, которую ей в детстве купить забыли.

Ну, и зачем он ей понадобился?

Ой, мамочки мои. Не может быть.

Неужели эта зараза припомнила свою идею «поставить его на место»...

Нет, сказала себе Даша, нет, Машке сейчас не до того, у нее все мысли о работе. Политика, власть, продвижение по службе. Не станет такая деловая терять время на то, чтобы вскружить голову очередному балбесу. Развлекушечки потом.

Тогда чего она хочет? Выкачать из парня инфу

для Михалборисыча? Что-то, о чем Лешка по доб-
рой воле не расскажет директору? А ведь запросто.
Наверное, это что-то, связанное с Дедом... Бедный
Лешка может сам не понимать, какие важные зна-
ния осели в его светлой, но совсем еще бестолковой
голове... Надо его предупредить. Но как?!

— Вот ты где! — раздалось сзади. — Прости, за-
поздал. Ну, поехали? Ты чего? Что случилось?

— Да все нормально, — сказала Даша. — Задумалась просто.

Молодой человек проследил ее взгляд и сказал:

— Ага. Подруга увела жениха. Сейчас погрузит его в джип, отвезет домой, а там...

— Да перестань ты!

— Знаешь, что паучихи делают с пауками *после*? Они их едят. Не расстраивайся, Даш, это без толку, он уже покойник. Хороший парень-то был?

— Не знаю, — честно сказала Даша. — Не пробовала.

* * *

Из кабинета директора была хорошо видна пло-
щадь перед главным корпусом Нанотеха, и каждый день Михаил позволял себе расслабиться — просто встать у окна и смотреть, как покидает здание «молодая» вечерняя смена, отработавшая свои законные четыре часа с шестнадцати до двадцати.

На первый взгляд совсем еще дети. Юные, красивые, радостные.

Это шли его люди. Уходили, чтобы вернуться.

Вот оно, живое будущее Нанотеха, будущее страны.

Михаил глядел в окно и мечтательно улыбался. Ему было хорошо. Его личный маленький праздник каждый рабочий день.

Прямо жалко, что сегодня пятница и целых двое суток он будет лишен этого прекрасного, волнующего зрелища.

Марию и Леху, шагающих бок о бок, он заметил сразу. Бросился к столу, выхватил из ящика неожиданный для ученого его ранга инструмент — бинокль — и снова припал к окну. Следил за молодой парой, пока она не уселись в черный джип.

Вернулся к столу и, весело поигрывая биноклем, поднял трубку внутреннего телефона. Нажал пару кнопок.

— Контейнер на пути к цели. Ты получил особую партию? В понедельник загружай. Чем раньше, тем лучше.

Повесил трубку и задумался.

Девица прямо мысли читает. Когда он заявил, что понадобится неделя, а может, месяц? Вчера он это сказал!

Талантливая девица.

Лишь бы она не форсировала события и не выбросила свою новую игрушку еще до понедельника.

А то они такие, эти современные дети, быстрые: хрись — и нету.

* * *

Вечер был теплый и сухой, и как здорово было идти не спеша по улице и даже нарочно замедлять шаг, чтобы тебя лишнюю секунду подержала под руку такая великолепная девушка.

Они просто шли, и просто болтали, и даже немного сплетничали, и много смеялись, и между прочим действительно чуть-чуть поговорили о микробах.

За ними на почтительном расстоянии медленно, будто крадучись, катился большой черный джип.

Дима, водитель-телохранитель, привычно сканировал улицу расфокусированным взглядом и думал, какой выдался чудесный вечерок. Он мог предсказать в точности, что сегодня будет: ничего. Максимум братский поцелуй в щечку. И никаких сломанных носов. Приятно иметь дело с интеллигентными людьми.

Дима знал в лицо всех одноклассников Марии, был прекрасно осведомлен об их склонностях и материальном положении семей и втайне надеялся, что рано или поздно его подопечная положит глаз именно на Васильева. Этот парень выглядел самым беспроблемным. Конечно, от него, как от любого тинейджера, можно ждать всякого, но только не подлости. И его черномазый друг никогда не предложит ему украсть Марию за выкуп. Потому что сам за нее в лепешку разобьется. Кстати, славный негритенок. Умный, работящий, вряд ли станет алкоголиком, и отец у него король, а дедушка вообще людоед — полезные связи, если так подумать... Но Васильев нам подходит больше.

Кроме того, Диме просто нравилось, как он бегает по стенам.

* * *

Несмотря на усталость, Мария долго не могла уснуть. На ночь она проглотила несколько глав из учебника по НЛП, поняла, что половину этой ерунды успешно применяет с раннего детства, — и стерла книгу из «читалки». Настоящий умелый «нелпер» — это либо опытный психолог с большим практическим стажем, либо такой вот самородок вроде Марии. Остальные прочли учебник, освоили пару трюков и возомнили, будто чего-то могут. И таких липовых спецов у нас полстраны. Ладно, Михалборисыч это

рано или поздно исправит. Вон как растит специалистов в Нанотехе, любо-дорого смотреть. Институт — совершенный организм, заточенный под эффективность, и случайных людей там не остается, весь некондиционный материал отсеивается. В точности как с микробами, так надо и с людьми. Растить, учить, натаскивать.

Мысли путались. Она впитывает слишком много инфы, так нельзя. Леха, кстати, очень доходчиво рассказывает о микродах, такой популярный уровень, вроде все понятно — но не как для чайников, серьезнее.

Милый парень Леха, только совершенный теленок. Глаза добрые-добрые. Прямо жалко будет с ним расставаться, придержала бы при себе. Но зачем? Пускай Дашка забирает. Оценит мою доброту, ха-ха.

Мария понимала, что у нее сейчас нет времени на глупости, на первом месте должна быть работа, на втором учеба, — но ничего не могла с собой поделать. День за днем, раз за разом ее подруга случайно проговаривалась: Лешка, Лешка... Мария знала, что Даша влюблена в Васильева давно и безнадежно, а Леха ее в упор не видит, и это понятно: молодой человек из приличной семьи, он себя не на помойке нашел. Больно ему нужна дочь сумасшедшего, который не сегодня-завтра станет «городским сумасшедшим», к тому все идет.

Но в последнее время Даша сильно переменилась, иногда Мария просто не узнавала ее. Отчасти сама постаралась: учila жизни глупышку, учila, капала на мозги — выучила чему-то, и слава богу. Не водить же ее вечно за руку, как в детском саду. Только эта новая Даша... Нет, она Марии нравилась, в ней появился эдакий перчик, стало интересно общаться... Вот только эта новая Даша, стоит ей

проявить чуть-чуть настойчивости, упакует Васильева в момент. Потренируется на парнях из института, а потом хвать своего любимого за хобот — и в карман. А это ты зря, красавица. Не надо так. Не положено тебе наглеть без моего разрешения.

Ты ведь без меня никуда. Тебе еще моя поддержка ой как понадобится, когда будешь из семейки своей ненормальной на волю рваться. И я все сделаю, дорогая, чтобы ты вырвалась.

Я просто сейчас должна напомнить тебе, кто ты. Именно сейчас, пока ты еще совсем не обалдела от собственной крутизны, вдруг открывшейся. Цена этой крутизне одна копейка в базарный день, но ты-то с непривычки думаешь, что ух какая бойкая стала.

И потом, Леха действительно до неприличия задрал нос. Пока Мария не взяла его за этот нос и легким движением руки не опустила на подобающую высоту. Парень не подозревает, что следующим движением она вобьет его в землю. А оттуда, из на-воза, пускай его кто угодно подбирает. Вот хотя бы ты, Дашка. Будете жить-поживать и добра наживать. И помнить свое место.

Ужасно все это не вовремя. Но либо я малость встряхну вас, дорогие мои, либо вы совсем нюх потеряете.

Надо все-таки понимать, кто в доме хозяин. Кто первая в классе.

И кто, между прочим, лицо Нанотеха.

Глава 22

Воскресное утро можно проводить по-разному. Но если тебя наградил бог родственничками с тягой к разрушению и живым воображением, эти добрые люди позаботятся, чтобы ты в выходные не скучал.

Принц, высунув язык от усердия, прилаживал на место двигатель вертолета. Леха рядом орудовал паяльником, восстанавливая контакты в пульте управления.

Братишко смахно приложил свою машину: устроил воздушный бой с мальцом, у которого тоже был вертолет. «Черная акула» оказалась маневренней «Апача», а тот быстрее. В итоге русский наделся на столб, американец жестко хлопнулся на брюхо, и потом еще пилоты надавали один другому пультами по головам.

По словам Принца, эти двое как раз додумались до лобовой атаки и расходились уже для нее, и тогда вертолетам точно настала бы курская дуга, при столкновении накрылись бы винты, а так — повезло.

«Ты чем думал, как я теперь «воздушку» бросать буду, из рогатки, что ли?!» — орал он на брата.

«Ну ты ведь его починишь!» — уверенно заявил младший. И очень быстро убежал. Не надо совсем уж доводить братца, у которого папа негр.

Сутки назад ловко склеенный эпоксидкой, «Апач» смотрелся как новенький и стал, если верить Принцу, только крепче — о чем хозяину вертолета знать, наверное, не стоило, а то опять попрет в лобовую. Но с потрохами машины пришлось возиться долго и вдумчиво.

— Вуаля, — сказал Принц, устало отдуваясь. — Лъ Апащ, се ле мейёр аппарей де но жур!

Леха на миг отвлекся, мысленно переводя фразу, и прижег себе паяльником тыльную сторону ладони.

— Комм д'абитюдэ, — сообщил Принц, созерцая красную полосу на левой руке приятеля и морща нос: запахло паленым.

— Мама увидит — убьет, — сказал Леха. — Кстати, еще слово по-французски, и я тоже кого-то убью. Авек плезир!

— Отдай струмент, нанотехнолог. Только медленно. А то вдруг у тебя сегодня травмоопасный день.

— Не надо бы. Я на дачу поеду, а там гвозди, ржавчина, занозы и этот, как его...

— Ботулизм?

— Столбняк!

Леха подчеркнуто осторожно протянул Принцу паяльник и не отдал, пока не убедился, что тот взял его крепко. На мгновение их руки соприкоснулись.

— А как же княжна Мэри?

— Мы на сегодня ничего не планировали. Пусть отдохнет от меня. И так вчера танцевали весь вечер... Я хочу в дедушкиных бумагах покопаться, вдруг найду что... Полезное для работы.

Леха повернулся обратно к пульту и задумался над ним, машинально расчесывая правую руку, чего-то вдруг там защипало.

— Есть такая паучиха... — начал Принц, старательно пряча глаза. — Ее называют «черная вдова». Знаешь почему?

— Завидовать плохо.

— Я завидую?! — Принц аж подскочил, опасно взмахнув паяльником.

Кажется, он не просто завидовал, а был прямо-таки готов спасти друга от «черной вдовы», бесстрашно заняв его место. И пускай Принца сожрут.

— Ладно, завидуй, — разрешил Леха. — Как говорится, зачем еще нужны друзья.

У него перед глазами стояло лицо Марии, он вспоминал, как та потрясающе смеется, жизнь казалась чертовски интересной. Левую руку немного саднило — а чего правая-то чешется?.. Ожог надо попробовать залечить. С царапиной тогда получилось, вдруг и ожог затянемся. Интересно, если так

далше пойдет, чужие травмы он тоже сумеет исправлять?

— Ф-фак! — прошипел Принц.

Он тоже расчесывал руку.

— Ты чего?

— Не знаю, — отозвался Принц. — Будто укусил кто-то.

— Черная вдова, хе-хе.

— Точно не она, — сказал Принц. — Черная вдова делает это *после*.

Микроскопические серебристые вертолетики, перебравшиеся с Лехиной руки, вползли в капилляры и деловито устремились куда-то внутрь Принца по своим делам.

* * *

Даша вылетела из дома как ошпаренная.

Вслед ей из окна неслись проклятья.

Не разбирая дороги, Даша мчалась по улице и догадалась остановиться уже далеко от дома, на мосту через канал. Тяжело дыша, с трудом подавляя рыдания, она уставилась вниз, туда, где легонько колыхалось ее далекое отражение. Что-то с ним было не так. Ну, естественно. Даша сорвала с головы косынку, скомкала и швырнула в воду. Сразу стало легче.

На мосту было хорошо, и тяжелая духота, сдавившая горло, быстро отступила. Дул ласковый ветерок, и старинный русский город мирно грелся на осеннем солнышке. Поблескивал золотыми куполами, прихотливо разбросанными по холмам, — будто подмигивал. Успокаивал. Никогда он не был каким-то особо богомольным, ни до советской власти, ни после нее. Тут просто любили все это: храмы, иконы, церковные праздники... Да хоть бы и всенощ-

ные бдения. Здесь православие не давило, не закрепощало людей, напротив, расцвечивало их жизнь. Даше просто не повезло.

Канал был прям, как стрела, и если глядеть с моста, то далеко впереди, за водохранилищем, едва угадывался в голубой дымке монастырь — не простой, знаменитый, туда ходят паломники со всей России. А километров за десять от города, совсем на отшибе, стоит еще один, женский. Место там невероятное — монастырь будто выдвигается из лесной чащи на высокий холм над тихим озером. Место, где всегда можно спрятаться, если настанет совсем край.

Но в монастырь уходят не от мира — что бы люди про это ни говорили, — уходят от себя. Скрываются там от страхов, от демонов в своей душе, от разочарований, от неспособности вписаться в мир. Бегут. Вот если ты «профессиональный верующий», например, мудрец-богослов или иконописец, тогда монастырь — твоя исследовательская база, а келья — лаборатория духовного поиска...

И тут лаборатория! Даша легонько усмехнулась. Как задумаешься о людях, которые не страдают ерундой, а заняты делом, сразу приходит этот образ — лаба.

Я не страдаю ерундой. Я работаю. Пока что толку от меня чуть, но я при деле и через несколько лет стану умелым четким лаборантом. А это примерно как медсестра в больнице — человек, на котором все держится. Он все знает и умеет, он всюду нужен, его ценят, и ему, кстати, очень неплохо платят.

В Нанотехе это понимает каждый. Там полно ученых с громкими именами, взять хотя бы Рыбникова. Только легендой при жизни стал не он, а не-приметный техник-лаборант Семенов. И еще один

сотрудник невысокого ранга, программист Гуревич, местный то ли Герострат, то ли Прометей...

Мне есть за что себя уважать прямо сейчас, подумала Даша. Я на правильном пути — и шли бы вы все! Подальше.

Медленными, но уверенными движениями Даша расплела косу и чуть помотала головой, чтобы волосы растрепались. Взяла одну прядь, критически ее оглядела, закинула обратно за спину.

Вроде бы и жалко, столько лет растила, но вот соберусь с силами и обрежу их до плеч. Без них свободнее.

Свободнее.

Рядом притормозила машина, в окно высунулся молодой человек со сладенькой улыбочкой.

— Что? — переспросила Даша, оглядываясь на него. — Ой, да пош-шел ты...

Запнулась и добавила:

— К чертовой матери!

И отвернулась, страшно гордая собой.

* * *

У Дашиного отца в результате травмы обострилось, конечно, никакое не православие, а самая обыкновенная шизофрения. Все его претензии к домашним были просто-напросто капризами больного. К несчастью для семьи, болезнь оформилась конвенционно: говоря по-простому, нашла оболочку, в которой смотрелась, на взгляд общества, вполне почтенно. Бедный инвалид не гонялся за НЛО и не вскрывал заговоров мирового сионизма, не рвался взорвать партию и правительство, он лишь стал примерным верующим. Год от года все примернее.

Это если глядеть со стороны.

Вообще-то не обязательно быть сумасшедшим,

чтобы превратить жизнь своих детей в ад. Вот ваш добрый знакомый, почтенный профессор. Онозвращается домой уже навеселе и запирается в кабинете, чтобы без помех вынуть в одно горло свою ежевечернюю бутылку водки. В это время его супруга, не менее почтенная преподавательница, на кухне лупит веником по морде дочь. Она всегда ее так билла и перестанет лишь в тот день, когда дочь — кстати, ей уже почти шестнадцать, — схватится за кухонный нож. Но с этого дня мама начнет ловко и эффективно выживать ее из дома.

Это ваши друзья. Уверены, что знаете о них такое?

Вот бравый полковник, вам интересно, отчего его дочь резала вены? Вот замечательный художник, хотите знать, откуда у его сына взялся тяжелый нервный тик, из-за которого мальчик несколько лет сидел на транквилизаторах? Кстати, все эти годы мальчика в школе нещадно лупили, потому что он вдруг стал не способен дать сдачи... А вот доктор математики, который просто и незатейливо отымел свою четырнадцатилетнюю падчерицу, и ему понравилось, а девочка с тех пор какая-то странная.

Это тоже ваши друзья. Вы знаете, что им всем «не повезло с детьми». Нервные, дерганые, проблемные, как многие современные дети. То ли дело было раньше, мы-то крепкие росли, здоровые, вот уж меня папуля бил смертным боем за малейшую провинность, а мне хоть бы хны — золотой был человек отец, светлая ему память, ну-ка, выпьем за него.

Вы читаете о том, как американцы забывают своих детей в машинах, приходите в ужас и ставите подпись под обращением к Президенту — запретить американцам усыновлять детей из России. Вы вытеснили из памяти неприятный случай, когда остали собственного ребенка спать в коляске и ото-

шли по делам. Ну, он ведь спал! Самым первым воспоминанием, что останется с ним на всю жизнь, будет такая картинка: он перепуган, ему плохо, а над ним склонились добрые и участливые, но совершенно чужие лица.

Так не загнулся ведь, правда?

Вы ставите подпись, а в это время за стеной ваша соседка с криком «Убью тебя, скотина!» проводит мощный и убедительный хук в челюсть пятилетней малышке, не желающей есть манную кашу.

Не убила же, верно?..

О том, что творилось в семье Решетниковых на самом деле, кое-как догадывались только соседи. Но они были не воцерковленные, с «общиной» не пересекались и рассказать о причудах Иоанна Нанокрестителя кому надо не могли. Да им бы и не поверили. На людях инвалид пока еще держался молодцом. Чтобы понять, насколько все худо, с ним следовало душевно поговорить минут пятнадцать хотя бы. На это ни у кого не хватало времени.

Бывшие коллеги по Нанотеху, давшие инвалиду его обидную кличку, общались с ним еще года два-три после травмы, а потом, заметив, что у него крыша едет уже напрочь, все куда-то делись. Они тоже видели, что у Решетникова «православие головного мозга», но их это больше не касалось.

Его бы Дед раскусил на раз, да где теперь тот Дед.

Жену Решетников отчасти подмял под себя, отчасти заразил своей болезнью: шизофреники бывают крайне убедительны. А вот с Дашей он промахнулся. Во-первых, ей было уже лет девять, когда отец взялся ее обрабатывать, во-вторых, он ребенка не считал нужным учить или обращать, а просто дрессировал. Добился он того, что девочка полюбила Господа — своим умом дошла, — зато прониклась

глубоким пониманием, что жизнь есть череда мучений и больше всех мучается ее несчастный папочка.

В какой-то момент это понимание достигло разрушительной фазы: ребенок просил Господа, чтобы папа скорее отбросил костили, а вместе с ними и копыта. Потому что сколько же можно так мучиться всем.

К счастью, рядом с Дашей еще с детского сада была Мария, девочка прагматичная едва не до неприличия. И по какой-то загадочной причине общаться с ней отец не запрещал. Ну и лучшая в городе школа, куда Дашу устроили по протекции Деда, тоже оказалась неплохим противовесом домашнему безумию.

А потом Даша просто выросла достаточно, чтобы с помощью Интернета и школьного факультатива по психологии найти ответы на большинство своих вопросов. Это было очень болезненно — понять и, главное, принять такие вещи. В вере она не разочаровалась — слава богу, а то бы ей грозил полный крах мировоззрения, за которым недалеко до суицида, — но провела четкую границу между православием и *православнотостью* родителей. И начала потихоньку, шаг за шагом, отвоевывать возможность иметь личное мнение.

«Это для нее подвиг, — говорил Принц про обещание надеть мини-юбку на танцы, — нам и не понять, какой». Вам, мальчики, действительно не понять, на что приходилось Даше идти и как в первую очередь себя переламывать, сражаясь за право быть собой.

У нее оставалось мало времени, чтобы встать на ноги и научиться защищать себя. Отец уже намекнул, что паспорта ей не видать: ни к чему бабе документ. Бабе, собственно, и образование ни к чему. Даша поделилась своими опасениями с батюшкой,

тот сильно удивился — считал их семью образцовой — и обещал спросить отца, что он думает о будущем дочери. Спросил. Потом соседи вызывали милицию, и Даша несколько дней не ходила в школу: отец наказывал ее так, чтобы не было следов, а тут потерял над собой контроль. Милиционерам Иоанн Нанокреститель ласково объяснил, что дочь у него блядь, а соседи кляузники, перевел разговор на спасение души и так заморочил головы, что страхи порядка трусливо бежали. Бабушки во дворе изругали их за малодушные, но те руками развели: случай психиатрический, чего мы тут можем? Вот если бы он нас костылем перекрестил, тогда да. Или пусть дочка «снимет побои» в травмопункте и напишет заявление. Или — но это строго между нами — разберитесь своими силами! Переломайте ему последние руки и скажите, что так и было!

На работу отец Дашу отпускать, естественно, не хотел, но когда раздалось слово «Нанотех», внезапно дал слабину. К институту наладчик микросборочных комплексов Решетников относился до того сложно — не угадаешь. С одной стороны, именно в «яме» Господь его прихлопнул за то, что жил грешно, и Дарью во грехе зачал, по сию пору не отмолил, вот и растет дочь потаскуюхой... С другой — там был Дед, светлый человек, который озлобленного и перепуганного инвалида вернул своим участием к жизни. Господь, бывает, так устраивает: присыпает тонну железа тебе на голову, чтобы ты осознал, а следом — земного покровителя, чтобы ты опять-таки осознал, насколько все тут в Его власти.

Даша покорно выслушала эту ахинею и получила благословение пойти работать. Через неделю, сообразив, что любимый объект дрессировки мало времени проводит дома, отец передумал, но было поздно, а отнять у дочери пропуск он не смог физи-

чески. Пугаясь собственной решимости, Даша рискнула пойти на шантаж — сказала, что Мария, которая устроила ее в Нанотех, очень расстроится. И угодила в болевую точку: грозный родитель призадумался. Даша давно заметила, что у папы какое-то особое отношение к семье ее подруги. И только на днях Мария намекнула ей, в чем дело.

Папа чувствовал себя обязанным. И еще не настолько сбрендил, чтобы кусать руку дающую. Он твердо знал, что рука эта одаривает его за праведную жизнь. Что руку эту Господь послал. Такая вот закавыка.

Или, говоря по-взрослому, когнитивный диссонанс.

Даша знала этот термин.

В Нанотехе так обзывали ситуацию, когда смотришь в микроскоп и видишь, что получилась у тебя вместо нанотехнологии чистая нанопорнография в реальном времени, прямо жаль, что «нано», без прибора не разглядишь. И ты втыкаешь в это дело как баран в новые ворота, и готов уже орать «спасайся кто может!», потому что сейчас эти сперматозоиды хреновы расплодятся вопреки законам физики и химии, а главное, вопреки запрету в прошивке — и начнется полная серая слизь на весь этаж. И разгребать ее тебе.

Что-то похожее чувствовала Даша.

Правда, она уже начала разгребать. Но не была уверена, что делает это правильно.

* * *

У Лехи не было когнитивного диссонанса. Он точно знал, куда сейчас отправится и зачем. Ему просто было по пути, и он не упустил случая заглянуть к Деду.

Кладбище густо заросло деревьями, Даша увидела Леху в самый последний момент. Она сразу остановилась, хотела шагнуть назад, и тут Леха повернул голову.

— Ух ты, — сказал он.

— Здравствуй... — тихонько сказала Даша.

— Привет. Какая ты...

Леха уставился на Дашу такими глазами, будто видел ее впервые.

Собственно, так и было — роскошная пшеничная грива, чуть растрепанная, изменила облик девушки разительно. Даша неспроста чувствовала себя уверенней. Она была совсем другая теперь.

— А ты зачем тут?.. — спросил Леха наконец.

— Я иногда прихожу сюда.

— Сюда? — Леха ткнул пальцем в землю. — Ты знала моего деда?

— Конечно. Он нашей семье помогал. Он очень добрый был.

— Надо же...

— Когда папа инвалидность получил, твой дедушка нам квартиру выбил. И потом еще много хорошего сделал успел чисто по-человечески. Пока не умер.

— Естественно, — Леха кивнул. — Я должен был догадаться. Он своих не бросал.

— Сейчас ему было бы стыдно, — хмуро сообщила Даша.

— Только не за тебя, — сказал Леха, пожирая ее глазами.

Черт побери, какие же они разные, эти две подруги, пронеслось у него в голове. И Машка, конечно, чудо как хороша, но... Признайся себе, она — лучший выбор в классе. В самый раз для тебя. Гулять с ней не только приятно, но и престижно. Это твой уровень. Это подходящая для тебя подруга.

И ты будешь дико счастлив и горд, если что-то у вас получится.

И даже свозишь ее потом в Монте-Карло.

Но просто обнять, прижать к груди, шепнуть на ухо ласковое слово и не хотеть ничего взамен — вот оно. Стоит перед тобой, все такое золотое.

Ту ты любишь головой, а к этой тянешься сердцем.

Стоп-стоп-стоп. Остынь, местный казанова. Даже хорошо, что у Дашки отец свихнулся, это повод не давать воли чувствам. Не нужен мне такой геморрой. Пускай с большой семейкой Принц разбирается, у него дедушка людоед.

Кстати, интересно, что с красавицей стряслось — прямо не узнать ее. Не иначе наконец-то забила костьль в задницу своему несусветному папаше. Молодец, Дарья, так держать. Мне бы взять с тебя пример и перестать бояться мамы.

— Молодец, Дарья.

Даша посмотрела ему в глаза и не стала переспрашивать, что он имел в виду, просто едва заметно кивнула.

— Леш, я тебе сказать хотела... Только ты спокойно меня выслушай, ладно?

— Да конечно. Что случилось?

— Ты с Машей осторожнее, — произнесла Даша почти шепотом.

— То есть? — Леха чуть склонил голову набок.

— Она задумала что-то. Она не просто так к тебе... Подошла.

Леха сразу погрустнел.

— Слушай, не надо, — сказал он. — Забудем.

— Ты не понимаешь, — быстро заговорила Даша в надежде успеть выпалить все, пока Леха еще слушает. — У нее на уме только власть. Она эту дурацкую поездку в Монте-Карло выдумала просто как тест. Чтобы отобрать преданного ей парня, который

ради нее в лепешку расшибется. Она и раньше все время твердила о политике и власти. И тут как нарочно Михалборисыч. Он ее будто загипнотизировал. Он все время ей что-то вкручивает, Машка от него буквально не вылезает. Леша, милый, она прощаст тебя. Михалборисычу продаст. Ты ему зачем-то очень нужен.

— Го-осподи, что ты несешь...

— Она сама сказала: ты нужен. Леша, она тебя совсем не любит. Но она что-то хочет сделать с тобой. Я чувствую, что-то страшное.

— У-у... До свидания, — только и сказал Леха.

Он выбрался на аллею, Даша шла за ним следом и говорила, но он не слушал. На аллее Даша остановилась, а Леха ушел вперед.

Начал накрапывать дождь.

Даша глядела ему вслед, не в силах стронуться с места. Леша, милый, не делай этого, беда будет, Леша, сказала она. И вдруг сдавленно выкрикнула: я люблю тебя!

Но он был уже далеко.

Дождь пошел сильнее. Даша стояла, не чувствуя, как намокли волосы и по лицу стекают капли. Она чувствовала только беду впереди.

Леха шагал по аллее, глядя под ноги и сунув руки в карманы. Дождь сыпал, но одна капля отчего-то не падала вниз, а летела вслед за Лехой, совершая диковинные прыжки в воздухе, то набирая высоту, то ее теряя и снова упорно карабкаясь вверх, — маленький серебристый вертолетик.

Большая капя сорвалась с листа дерева и сшибла вертолетик на землю. Тот встряхнулся, снова взлетел и помчался догонять человека. Леха выпростал одну руку из кармана и нашупал на спине капюшон. Вертолетик как раз успел нырнуть туда, когда Леха набросил капюшон на голову.

Глава 23

До дачи Леха добрался, когда небо уже стало по-вечернему серым. Здесь тоже прошел дождь, все было мокрое. Леха вошел в темный дом и сделал два привычных движения сразу — одной рукой повесил ключи на гвоздь, другой нащупал тумблер пробки-«автомата».

И то, и другое получилось легко, но как-то не-привычно. Леха не сразу понял: он сильно прибавил в росте. Такие вещи замечаешь, только когда приходишь в места, где давно не бывал, и вдруг бьешься головой о люстру: потолки стали ниже.

...Он сюда не приезжал два года. В прошлый раз мама сказала, что у него наступает «самый трудный период», и устроила на все лето тур по санаториям, а в этот раз, как Леха догадался, повторила тур потому, что ей самой понравилось. Это и правда было здорово, тем более что целый месяц с ними вместе отдыхал отец. Леха ни о чем бы не жалел, если бы в санаториях не было столько врачей. Хоть он к ним якобы и привык.

Нет, лето не прошло зря. Один тренер по плаванию хорошо подправил ему технику, и Леха наконец-то поплыл так, как всегда мечтал — экономно и с полной отдачей от каждого движения. Больше километра за раз он не одолел лишь потому, что становилось очень скучно, а на водонепроницаемый плеер Леха пожалел денег. А уж как он там нырял... Его способности задерживать дыхание завидовали спасатели, которые ныряли, как рыбы.

Ну и компания была интересная, а с одной девочкой он почти... Почти донырнул. Скажем так, он бы и донырнул, прояви чуть больше настойчивости, но это все была слишком игра, а ему хотелось не

пляжного романа, хотелось действительно влюбиться по уши, до дрожи. Осталось теплое чувство благодарности к той девушке — просто за доставленную радость. И на следующее утро проснулся в своей одинокой постели немножко другой Леха. Он понял, до чего элементарно все обстоит сексом — только руку протяни, — и поверил, что ищет большего, ищет любви и непременно ее дождется. Спокойно, без резких движений.

Любовь — это когда ты хочешь девушку не оттого, что гормон адски бурлит во всем теле, а потому, что мечтаешь стать с ней как можно ближе.

Вот как с Машей.

Или Дашей.

Тьфу, блин!

...Он включил электричество, в большой комнате загорелась тусклая от пыли лампочка, и тут же принялась биться в стекло осенняя муха.

Это была типичная старая «профессорская дача», теперь уж таких почти не осталось. Леха прошел в кабинет, включил свет, огляделся. Все как прежде, своеобразный книжный уют, стены забраны шкафами, битком набитыми солидными томами, а вот и дедов стол зеленого сукна... И в углу стоит абсолютно чуждая здесь штуковина, никак не сообразная дизайну комнаты, — здоровенный серый ящик фабрикатора. Профессиональный «Хьюлетт» с шагом в семь микрометров. Безнадежно устарел, но наверняка в отличной форме, он ведь не юзаный почти. На нем, как говорится, муха не того-сего. Точнее, разве что мухи его и засидели, и только.

Обломок ушедшей эпохи, когда такая штука могла стоять в любом доме, а Интернет ломился от бесплатного софта и продвинутые фирмы принципиально выпускали программы только с открытым ко-

дом — твори, выдумывай, пробуй, мы не будем тебе мешать.

Всех подставили террористы, все задавили капиталисты. А у нас партия и правительство. Ради всеобщего блага и стабильности. Государство можно понять, оно во имя стабильности хоть расстреливать готово. А кто поймет нас, людей? Люди ведь не просят устроить прямо сейчас коммунизм, им бы чуть-чуть побольше свободы, и то праздник.

Люди готовы выдумывать и творить, вы им только разрешите...

Леха глядел на серый ящик и боролся с желанием проверить, работает ли он. Просто из интереса. Послушать, как гудит. Уловить едва ощущимую вибрацию.

На таком фабере — а может, на этом самом? — десять лет назад Семенов выпек модель вертолетика пятой серии. И поставил на стеллаж в лабе. На то самое место, где она и сейчас живет. Круг замкнулся. И Леха постарается сделать так, чтобы замкнулся он не зря.

Михалборисыч будет его на руках носить за любые дельные сведения о «пятерке», но это не главное, Леха выгоды не ищет, у него пока и так все хорошо. Главное, что директор хочет пустить инфу в ход. Он хочет взять как можно больше от разработки, на которой Дед, уязвленный в самую душу запретом репликаторов, поставил с горя крест. А теперь есть шанс, что «пятерка» не пропадет без следа: ее узлы, ее решения воплотятся в новых сериях Нанотеха. Вот будет достойный памятник Деду. Надо стараться. Надо искать.

Леха уселся за стол, крытый потертым зеленым сукном. На дальний угол отодвинута пишущая машинка, старая, почти антикварная. Две фотографии в рамках: одна черно-белая, на ней молодой Дед в мантии и смешной шапочке с кисточкой. Почетный

профессор чего-то, вроде бы Кембриджа. Другая цветная, на ней папа с мамой и годовалый малыш, это Леха. Улыбаешься, младенец? Пройдет еще лет шесть, и капут тебе. Смертельный диагноз. И жизнь перевернется. И только сейчас, парень, ты начинаешь линию своей жизни полегонькуправлять.

Бежать. Вырваться. Но бежать так, чтобы потом, вырвавшись, заново вписаться в этот мир. Занять достойное место. И успеть как можно больше сделать, пока окончательный диагноз не прихлопнет тебя. Верно, Леха?

Точно.

До чего же здесь спокойно.

Только сейчас он понял, как соскучился по даче и этому кабинету. Раньше на дедов стол распространялось если не табу, то... Ну, считалось неприличным его тревожить. Леха много раз тут сиживал, но, как ни жгло его любопытство, лишь украдкой заглядывал в ящики.

Теперь он решительно выдвинул их и начал изучать содержимое.

* * *

Часом позже Леха понял, что вряд ли найдет тут нечто стоящее, но решил не сдаваться раньше времени. Бумаги относились к периоду раннего «нанопсихоза», когда Дед лихорадочно искал образ микроба, отвечающий сразу двум задачам: сделать хорошую вещь и раскрутить институт. Это были наброски и эскизные расчеты — со множеством рисунков, делающих честь опытному художнику-графику, — ботов, очень похожих на девятую серию. Головастики с антеннами и манипуляторами. Ничего подобного симпатичной, дружелюбной, но откровенно техногенной «пятерке». Нет, здесь у нас сплошной биодизайн, или, как это зовут специали-

сты, микробиомиметика. Подражание живой природе. Самый логичный ход мысли, если делаешь медицинского бота. Вот эти рисованные головастики и подняли на своих хилых лапках Нанотех. Сдвинули его своими тоненькими хвостиками с мертвой точки, на которой застрял умный и умелый, но безнадежно провинциальный институт. Превратили в фирму с громким именем. Пройдет еще несколько лет, прежде чем Дед спихнет головастиков на молодых ученых и начнет рисовать вертолетики.

Вертолетиков-то и не было в столе. Ни намека даже.

Леха открыл следующую папку и замер.

В папке были опять головастики. Но вот Лехина левая рука... Он лишь сейчас заметил...

Он хотел залечить ожог, но совсем забыл о нем. Даша еще со своими откровениями выбила его из колеи совершенно... Рука, кажется, не чесалась, и не дергало ее, как обычно бывает при быстром заживлении.

Только ожог исчез.

* * *

Найти кусок медной проволоки в кладовке оказалось нетрудно, у Деда, заядлого рукодельника, там хранился целый арсенал, от болтов и шурупов до могучего прибора для загибания водопроводных труб. Обалдевая от собственного идиотизма, Леха зажал проволоку в руке так, чтобы торчали два конца, и подошел к розетке.

Главное в науке — повторяемость результата, верно? Два опыта прошли бесконтрольно, фактически сами собой, потому что экспериментатор у нас развяза и лопух.

Сейчас все забацаем по правилам. Ну разве что дневник эксперимента вести не будем. А то еще по-

падется кому на глаза, и привет, дядя психиатр. Не надо психиатра, хватит с нас онкологов.

Хотя такое дело, как бы травматолог не понадобился.

— О, сколько нам открытий чудных! — громко продекламировал Леха. — Готовит просвещенья дух!

Подумал и добавил:

— И опыт, сын ошибок трудных...

Задержал дыхание — и сунул концы проволоки в розетку.

* * *

Раздался громкий треск. Даже скорее хруст. Потом сдавленное рычание. В доме погас свет. Оснастить полигон фонариком или просто встать поближе к пробкам экспериментатор не догадался.

Пряча раненую конечность под мышкой, шипя и подывая, Леха выскочил на крыльцо. Сел и принялся качаться из стороны в сторону.

Как-то сильношибануло, прямо не ожидал — а чего ты, собственно, ожидал, естествоиспытатель хрено, надо было провод найти потоньше! Руку новую вырастишь? А голову? Думал чем? Или ты этой головой только почтовые ящики сшибать можешь? Интеллектуал!

Дед бы тебя выпорол и был бы сто раз прав.

Уффф...

На угол крыльца падал свет от уличного фонаря. Леха, тяжело дыша, вытащил руку из-за пазухи и, заранее боясь, раскрыл ладонь. Та-ак... Полоса от ожога на ладони была, да еще какая. Только с ней что-то происходило. Медленно, но вполне заметно на глаз полоса будто бы стиралась, причем стиралась изнутри. Кожа регенерировала. Леха не мог даже посмотреть на часы, засечь время, он прилип

взглядом к ладони и не в силах был оторваться, пока след ожога не растворился бесследно. Осталась белая новенькая кожа.

Леха нервно заржал. Некоторое время давился от смеха, а потом застыл неподвижно, тупо глядя перед собой, переваривая дикий результат эксперимента.

Он сидел так, пока не зачесалась шея. И сразу плечо и вроде бы даже ухо. Легонько так, щекотно. И тут же откуда-то из-под воротника куртки бесшумно взмыл серебристый вертолетик, размером почти со спичечный коробок. Перелетел через плечо, закрутился над коленями. Медленно, очень медленно Леха протянул руку и повернул ее ладонью вверх. Вертолетик словно этого и ждал.

Он опустился на ладонь, подобрал лапки, сложил и закинул на спину винт.

Уютно устроился. И замер.

Ощущение от вертолетика на ладони оказалось невыразимо приятным. Он был живой, добрый и... Родной.

Леха вдруг понял, что у него на глаза слезы наворачиваются от умиления.

— Ты... Ты кто, друг? — спросил он шепотом.

И сразу теплой волной по всему телу прошел ответ.

«Это я».

Леха не выдержал и действительно заплакал.

Глава 24

— Та-ак, работаем кулачком, работаем... Достаточно.

В шприце был темно-серый раствор.

— Они точно уйдут из меня? — спросила Мария с заметной брезгливостью в голосе.

— Точно, — меланхолично обронил Зарецкий.

Загрузочную инъекцию надо делать медленно, очень медленно. Зарецкий не торопился.

— Это стандартная девятая серия, — сказал он. — У нее запас жизни в организме три недели максимум, вне организма — три часа. Сделают свое дело и распадутся.

— А правда, что у испытателей потом была депрессия?

— Слушай, ну чего ты дергаешься. Тебе в порядке исключения вводят то, что все остальные получат только следующей весной. Чтобы ты на себе ощущала, как это здорово, и могла рассказать по телевизору всей стране. Это честь, понимаешь?

— А почему не в таблетке?

— Не сделали еще.

— Они мне ничего менять не будут? Точно? Я не стану плясать от радости, как идиотка?

— Что еще за новости?

Не будь Зарецкий циником, он бы обиделся. Никто из испытателей не плясал от радости. Этого еще не хватало. И без того ребят колбасило.

— Ну... Говорят. Говорят, девятая серия не только лечит. От нее еще как бы веселее становишься.

— Вот болтуны. Успокойся. Этих перепрограммировали, — честно сказал Зарецкий.

Правда ведь перепрограммировали, особая партия «девятки» не поднимает уровень эндорфинов в крови. Делать ей больше нечего, она ботов-чужаков отлавливать будет.

— Ну и слава богу...

— Загрузка окончена, поздравляю.

Мария сидела молча, видно было, как она прислушивается к своим ощущениям. Зарецкий, с трудом сдерживая усмешку, приложил тампон к проколу в вене.

— Могу бинтом прихватить, могу пластырем.
Или просто так подержи минут десять.

Мария медленно повернула к нему голову и вдруг разразилась безудержным идиотским смехом.

Тут Зарецкий действительно обиделся. Он и так натерпелся из-за той утечки. Молодого врача, трепавшегося о результатах испытаний «девятки», запугивал сначала лично Михалборисыч, а потом охрана добавила — чтобы больше не болтал. Заводдением был, в свою очередь, готов к суровой каре, но ему Михалборисыч нехорошо глянул в глаза — и промолчал. А Зарецкий, хоть считал себя не пугливым, затрясся и проклял тот день, когда простое желание побольше зарабатывать и поменьше видеть больных привело его в Нанотех. Он тут слишком глубоко увяз, чтобы соскочить, подписался на опасную авантюру — и случись чего, этот маньяк с президентскими амбициями просто скормит его репликаторам. А Рыбников будет стоять рядом и нудно комментировать процесс с научной точки зрения.

И теперь еще эта дура над ним издевается.

— Такая красивая — а такая глупая! — сказал Зарецкий.

* * *

Леха уже привык, что в Нанотехе разговаривают вполголоса и ходят не спеша, такой порядок на всей территории, и старался тут пореже носиться сломя голову. Но, увидев за воротами Марию, едва не прыгнул с крыльца института и сорвался на свой обычный трейсерский полушаг-полубег.

КПП на воротах он проскочил с такой скоростью, с какой только электроника успела отметить его пропуск.

Мария стояла рядом с джипом и глядела на Леху непривычно холодно.

— Привет! — воскликнул он. — Ты куда пропала?

— Я?! — изумленно отозвалась девушка. — Это ты куда-то делся. Был — да сплыл. Угробил мне воскресенье. Сижу, жду его, как дура полная... Телефон не отвечает... Ты не много на себя берешь, красавец?!

На Леху будто вылили ушат холодной воды. Елки-палки, она это всерьез, подумал он. Но мы ведь не договаривались ни о чем на воскресенье! Или она уже решила, что я ее верный раб по умолчанию? Тем не менее я ее, видимо, сильно обидел. Как-то не сообразил, что такую девушку нельзя оставлять без внимания ни на день.

Телефон он и правда выключал, когда ездил на дачу. Чтобы не отвлекали. Так ведь было ради чего!

— Извини, — сказал он. — Мне надо было съездить в одно место. Это очень серьезно. Я тебе столько всего должен рассказать...

— Не надо.

— Но я такое тут узнал...

Леха потянулся к ней, она чуть попятилась.

— Мальчик, — процедила Мария. — С дамой не обращаются так. Распустил хвост, вскружил голову — и вдруг исчез. Тоже мне нашелся, Казанова из Ново-Ебенёво. Я тебе не игрушка.

От такой отповеди Леха осталбенел самым натуральным образом.

Это какая-то идиотская игра, подумал он. Спектакль.

В машине водитель Дима стиснул зубы. Он похожие сцены видел раз двадцать и точно знал, что дальше будет, но теперь ему стало грустно.

Хорошо хоть сегодня не стоит ждать эксцессов — приятно иметь дело с интеллигентными людьми. Мальчик будет стоять как вкопанный и стра-

дать, а мы поедем домой. И мальчик не будет мстить. Разве что глупо отомстит себе, трахнув для поднятия самооценки какую-нибудь страшненькую.

Дима рассуждал холодно, у него были другие задачи, он не мог отвлечься на лишние эмоции. Но, будь Мария его дочерью, он бы с ней крупно поговорил: ну хватит уже, честное слово, дурью маяться. Тоже мне нашлась, великая соблазнительница всего, что шевелится.

На заднем сиденье Даша закрыла глаза.

— Ладно... — сказала Мария, и у Лехи на долю секунды мелькнула надежда, что сейчас его после показательной выволочки простят для первого раза.

Мелькнула и через мгновение угасла.

— Мы тут с Дашкой поспорили... Смогу ли я сделать одну вещь прежде, чем послать тебя подальше. Стой смирино, красавец.

Она быстро шагнула к Лехе, закинула руки ему на шею и крепко, долго поцеловала в губы. Леха стоял как столб. Он ничего не понимал, ничего-шеньки.

Давно опустился вечер, но сцена «постановки на место» разыгрывалась под фонарями на ярко освещенной площадке, и случайный прохожий мог бы заметить, как кисти рук, сомкнувшихся на шее парня, вдруг потемнели, вокруг них образовалась густая серая тень и мигом впиталась в Лехины волосы.

...А мог бы и ответить на поцелуй, думала Мария, раз ты такой в меня влюбленный. Я бы даже еще поразмыслила, чего с тобой делать потом... Она медленно отстранилась от Лехи, ловя его ошелевшие глаза влажным гипнотизирующим взглядом и любуясь произведенным эффектом. Руки кололо мелкими иголочками — ладони, пальцы, всю кисть. Едва она прикоснулась к Лехе, начало колоть. Что это?

Но шоу должно продолжаться, надо влупить мощный финальный аккорд, думать будем потом.

Она легонько оттолкнула Леху и рассмеялась.

— Десятку выиграла! Твоя цена, красавец!

Весело, едва не подпрыгивая, убежала к джипу, нырнула на заднее сиденье, захлопнула дверь. Машина резво взяла с места и укатила. Леха проводил ее остекленелым взглядом. Потом медленно поднял руку и почесал затылок.

Поднял вторую и почесал обеими.

* * *

В машине вся веселость слетела с Марии мигом. Она включила лампочку над сиденьем и принялась с болезненной гримасой на лице разглядывать свои руки. Кисти были покрыты едва заметной сеточкой из красных точек.

Не расчесывай, приказала себе Мария. Выключила свет и тут же начала яростно тереть руки, скрестив их ногтями.

— Что случилось? — безучастным голосом спросила Даша.

— Ничего! — отрезала Мария, пряча руки под мышками.

Отвернулась и уставилась в окно.

— Как-то глупо вышло, — сказала Даша все тем же мертвым голосом. — Жалко его.

— Забери себе! — прорычала Мария.

— Нельзя было с ним так, — буркнула Даша, глядя в свое окно.

— Заткнись! — выкрикнула Мария. — Я слышать об этом не желаю!

Прислонилась щекой к стеклу и закрыла глаза.

Руки чесались адски.

Или Леха сделан из крапивы, или у тебя звер-

ская аллергия на его кожу, или... Ладно, дурочка, не ври себе. За руки вы держались. Танцевали щека к щеке. Леха теплый и приятный.

— Боже, какая же я сволочь... — прошептала она.

Вариантов нет: через кожу вышли микробы.

И попрыгали на Леху, и попрыгали.

Ну что, поимели тебя, красавица?

Какое ты лицо Нанотеха, ты его слепое орудие.

Сливной бачок. Что в тебя закачают, то и сливаешься.

Дура. Просто дура. Так и запишем...

— А вообще, ничего ужасного не произошло, — произнесла Даша холодно. — Ну, поиздевалась над парнем, в первый раз, что ли... Сколько мы с тобой на десятку спорили... Ты меня разоришь скоро.

— Идиотка! — прошипела Мария. — Это было не как всегда! Это совсем другое! Подавись ты своей десяткой!

Она снова поглядела на руки и опять спрятала их.

— Господи, он же меня просто использовал, использовал... — прошептала она. — А я верила, что это политика, о будущем страны заботилась... а он всадил в меня эту дрянь только ради того, чтобы я донесла ее до Лешки...

Даша наконец-то повернулась к подруге и уставилась на нее с непривычным ужасом.

— Дура, какая же я дура... Счастье людей, счастье людей! У него есть только один человек, достойный счастья, — он сам! А остальных он просто использует, мы расходный материал...

Даша потянулась к Марии и осторожно прикоснулась к ее плечу, но та вся сжалась, и Даша отдернула руку.

Глава 25

Леха медленно, непривычно медленно шел по улице, плохо соображая, куда держит путь.

Беда будет, сказала тогда Даша. Ведь хотела предупредить. Она это имела в виду? Вроде не беда. Не трагедия. Вешаться нет повода. Ну, схлопотал удар по нервам — такой, что прямо окаменел весь, хотя руки вон до сих пор нервно подрагивают.

Раскатал, называется, губищу на первую красавицу в школе. Думал, ты такой шикарный парень, что рано или поздно она сама подкатит с нескромными предложениями. Вот, подкатила. И укатила. И даже мысли не мелькнуло, что Машка могла на тебя поспорить. Ты вообще забыл, что есть у девчонок такая милая игра, — а знал ведь. Но думал, тебя это не касается. Ты же у нас супермен, золотой мальчик, сокровище и подарок.

А тебя, идиота, проиграли — как уголовники людей в карты проигрывали.

Ой, блин, она же всем расскажет... Сначала девчонкам, а те уже нашептут парням.

И ты станешь великолепным, образцово-показательным, эталонным посмешищем. Герой-любовник за десять рублей. Вся школа будет ржать.

Они объявят подписку на билет в Монте-Карло, вот гадом буду. Собираем по десятке с носа на билет для Лехи Васильева! Ему, понимаете, надо очень, у него гормон разыгрался. Интимной жизни захотелось. Интим по колено толщиной с полено...

Ну, Принц тебе посочувствует. Скажет, что сто раз предупреждал, — и посочувствует. Ему бы самому быть осторожнее, Машке достаточно пальцем шевельнуть, и он рухнет к ее ногам. Даже за рубль.

Сам ей этот рупь отдаст. Он ее, кажется, действительно очень любит, и ему все равно.

А тебя на что поймали? Да на гордыню твою не-сообразную. Ты принял Машкин интерес к себе как должное. А с какого, собственно, хреня? Да вот с такого, большого и толстого. Ты и правда думал, что лучше других. Умный, физически развитый, продвинутый, эрудированный, красивый, наконец. И все девчонки обязаны тебя обожать. Прямо на шею бросаться. Прямо зацеловать до смерти.

Господи, как стыдно... Невыносимо.

И как больно... Я ведь перед Машкой душу распахнул настежь. Я до сих пор в нее влюблен и только о том мечтаю, чтобы она пришла и сказала: это был глупый розыгрыш, извини, погорячилась. Я не смогу просто так сразу все забыть, вычеркнуть из сердца.

Господи, как же мне хреново...

Леха шел по улице, опустив голову и глядя под ноги пустыми глазами, а тем временем серые головастики активно плодились у него в капюшоне куртки, выедая синтетическую подкладку. На ткани появились дыры. А потом серая пленка одним рывком потекла ему за воротник.

От неожиданности Леха споткнулся, когда его шею, плечи и спину охватил незнакомый ранее зуд. Это было похоже на выход из тела вертолетиков, только больнее — и шло как бы снаружи внутрь. Леха принялся хлопать себя по плечам, крутиться на месте, пытаясь дотянуться до спины... И наконец-то огляделся по сторонам. Ишь, куда его ноги занесли. Совсем рядом был дом Принца.

Зудеть перестало.

Я подумаю об этом завтра, решил Леха. А сейчас надо зайти к Принцу, сообщить, какая со мной приключилась... Любовь-морковь. Чтобы раньше всех

узнал и из первых рук. Позвоню ему от подъезда, он выйдет ненадолго, сядем на лавочку, поговорим... Мама дорогая, как же я буду об этом позорище рассказывать?!

А придется.

Леха свернулся во двор.

Особая партия девятой серии разлеталась по его сосудам, подъедая все полезное на своем пути. Двигались головастики очень резво. Первый встретившийся им вертолетик не успел повернуться навстречу угрозе и был атакован со спины. Его облепили и развинтили на запчасти: «девятке» было пока не до церемоний, она спешила нарастить численность, о лучшем материале для этого, чем бот-чужак, она и мечтать не могла. Но даже когда от вертолетика осталась едва половина, его манипуляторы все еще хватали врага за врагом, а скальпель так и сновал туда-сюда, шинкуя головастиков на мелкие кусочки.

И он знал, что наши уже на подходе.

Основная драка развернулась в крупных артериях. Вертолетики тактически грамотно зашли со стороны тока крови, набрав дополнительную скорость и заставив «девятку» развернуться против течения. Они буквально расшибли плотный строй головастиков, раскромсали всех, кто подвернулся, и, не задерживаясь, умчались, чтобы начать следующий заход.

Дед бы ими гордился.

Но уже на втором заходе часть вертолетиков унеслась вдаль, облепленная активно жующими головастиками.

Рыбников верно сказал: он научил-таки своих подопечных решать проблемы по мере возникновения. Едва осев на Лехиной коже, особая партия учゅяла, что ее внутри ждет противник, способный давить мелких и хрупких ботов девятой серии как вшей. Поэтому она сразу переключилась на интен-

сивный разгон роя, чтобы задавить вертолетиков численно. Она не так уж превосходила «пятерку» в скорости — и скорости репликации особенно, — но головастиков с самого начала вломилось в Леху очень много, и с каждым мгновением их становилось больше. Вертолетики просто не успевали одновременно полосовать врага и дособирать новых бойцов.

Кроме того, огромный расход энергии и материалов угрожал в перспективе здоровью человека-симбионта.

Вертолетики оценили ситуацию, приняли решение, дружно развернулись и бросились наутек.

«Девятка» устремилась за ними.

* * *

Во дворе Лехе вдруг стало как-то не по себе. Другой бы догадался: у него быстро растет температура, но Леха давно забыл, что это такое. Восемь лет ничем не болел. А сейчас его знобило, по спине тек пот, и вообще упало настроение.

У меня был стресс, это нервное, надо отдохнуться, подумал Леха и тяжело опустился на скамейку у подъезда.

Сел и понял, что ему совсем худо, прямо хоть «скорую» вызывай.

Опять шея зудит. Да что же такое... Леха поднял руку к горлу — и взвыл от неожиданной боли.

Из-за его воротника густым серебристым облачком рванулись вертолетики.

Леха вылупил глаза — и тут сильно обожгло ногу. Машинально он схватился за штанину.

Из нее на асфальт вытекло еще одно облако, на этот раз отчетливо серое и раза в два больше первого.

Леха глухо кашлянул. Не хватало воздуха. Полуживой, беспомощный, он сидел, едва не падая со

скамейки, и наблюдал, как серебристое облачко мечется в воздухе, а его с земли пытается достать серая волна.

И эта волна... Растет.

— Леша, что с тобой?

Он оглянулся. Это младший брат Принца вернулся домой, и, как всегда, с «Апачем» в охапке. Вертолет сегодня выглядел неплохо — обошлось, значит, без военных действий.

Леха хотел помахать рукой, да не хватило сил, осталось их ровно на кривую ухмылку.

Мальчик аккуратно поставил вертолет на асфальт и подбежал к Лехе. Драку микробов он не заметил — те уже убрались с тротуара и теперь мельтешили среди припаркованных автомобилей. «Девятку» вообще не было видно издали в сумерках, а «пятерка» иногда серебряно вспыхивала, когда ее отдельные плотные сгустки попадали под свет фонаря.

«Девятка» своими атаками вынуждала пятую серию держаться в воздухе — сама того не зная, она нашла единственно верный тактический прием. Головастики могли забраться на машину, на столб, да хоть на крышу дома — им была доступна любая поверхность, куда вертолетикам удалось бы присесть. Они ползли бы вверх примерно с той же скоростью, с какой вертолетики набирали высоту. «Пятерка» была обречена висеть в небе, пока силы не оставят ее. Ограниченная живучесть девятой серии вне организма человека при таком раскладе не играла роли: вертолетики упали бы раньше, чем головастики подошли.

И с каждой секундой «девятых» становилось все больше.

Видимо, эти сволочи жрали асфальт.

Окажись сейчас поблизости основная группа вертолетиков, что засела в Нанотехе, они бы голова-

стиков убили и съели за полминуты. Но связи между группами не было, слишком велика дистанция. Направление движения известно, только нет подходящего транспорта, чтобы уйти к своим, заодно уводя врага как можно дальше от симбионта.

Вертолетики лихорадочно искали решение проблемы.

Как настоящие ученые, они были нацелены бороться до конца.

Пока решение не появится или смерть не остановит поиск...

— Все... Нормально, — пробормотал Леха. — Не бойся. Я просто устал.

— Я сейчас Ваню позову, он поможет, — решил мальчик. — Брат дома, только что мне звонил.

Леха хотел сказать, что это лишнее, ему уже получше, сейчас вот отдохнется, и все будет действительно нормально, — но не успел.

Мальчик достал из кармана здоровенный детский телефон, оглянулся на свой вертолет — и замер.

И так разинул рот, словно туда собрался влететь «Апач».

Вертолет поднимался в воздух.

* * *

Серебристое облачко собралось в плотную стрелу, набрало ход и спикировало на спину «Апача». Мгновенно просочилось внутрь. Часть ботов нырнула в управляющий блок, а остальные метнулись в двигатель и крутанули его, словно белки — колесо. Игрушечный вертолет завелся и подпрыгнул.

Серая волна отчаянным усилием взметнулась на верных полметра — но не достала.

Вертолет развернулся на месте, поднабрал еще

высоты, медленно отлетел к середине двора и там повел носом, выбирая дорогу.

Мальчик закрыл наконец рот, спрятал телефон и вытащил из-за пазухи пульт управления игрушкой.

Леха потянулся к нему и рухнул со скамейки. Встал на колени, так подполз к мальчику и крепко обеими руками ухватил пульт.

— Не надо, — сказал он. — Вот этого не надо.

Серая волна поплыла к стоящему у бордюра «Мерседесу». Заползла на колесо, растеклась по крылу и исчезла внутри машины.

«Мерседес» был почти новый, из тех, что зовут «полностью цифровыми», там даже руль не имел механической связи с колесами, управлялся по проводам. И радаров на машине стояло с десяток. И оптических датчиков не меньше. По идеи, она могла и сама ездить, если бы ее попросили, допустим, смотреться за бутылкой.

Вертолет наклонил вперед нос и полетел со двора.

Машина удивленно вякнула сигнализацией и запустила двигатель.

Леха встал на ноги и потянул мальчика за собой, отступая к подъезду.

«Мерседес» резко прыгнул назад и едва не влепил кормой по морде стоявшей за ним «Ладе», успел затормозить, лишь чуточку задел ее бампер. «Лада» принялась истерично визжать и мигать аварийкой.

«Мерседес» вывернулся передние колеса и одним рывком выскочил из ряда припаркованных машин.

И уверенно покатил вслед за вертолетом.

— Валим отсюда, — сказал Леха мальчику. — Разбегаемся по домам. Скажи Принцу, я ему завтра все объясню. И запомни: мы этого не видели, нас тут не было. А то запишут в свидетели — и чего мы расскажем?..

* * *

По городу несся пустой «Мерседес».

Он гнался за игрушечным вертолетом.

К счастью, был уже поздний вечер и гонка развернулась на тихой окраине, а по телевизору показывали футбол. Иначе скорая психиатрическая помощь сбилась бы с ног, мотаясь по вызовам на белую горячку.

Сильно опустив нос, вертолет мчался, как никогда раньше, но тягаться с автомобилем, естественно, не мог. Зато у него было преимущество по маневру.

«Мерседес» намертво зацепил вертолет активным круз-контролем и скакал за ним, как привязанный. «Апач» летел кратчайшим путем, срезая углы и протискиваясь в узкие места, но машина либо ныряла следом, обдирая бока о препятствия, либо шла параллельно. Какое-то время эта парочка шпарила по тротуару, распугивая прохожих, затем вломилась в парк, оставив по себе незабываемую память у влюбленных, собачников и местных алкашей.

Каждый раз, когда «Мерседес» нагонял вертолет, из автомобиля в его сторону выстреливало нечто вроде струи серого газа, а «Апач» ловко уклонялся. Он мог подняться намного выше, но его аккумулятор был заряжен едва наполовину, и вертолет экономил силы.

По городу уже подняли тревогу, поэтому на мосту через канал гонщиков поджидала машина дорожно-патрульной службы, которую они успешно забодали, едва не столкнувшись в воду.

Сразу за мостом их встретил другой экипаж, но вертолет как раз сократил путь через дворы, и «Мерседес» устремился за ним, расшвыривая мусорные баки и нещадно царапая запаркованный транспорт. Вслед ему несся многоголосый визг сигнализаций, а

на хвосте прыгал милицейский «Форд», моргая «люстрой», завывая, крякая, громко требуя немедленно остановиться и угрожая вот прямо сейчас открыть огонь.

Еще через сотню метров «Мерседес» прошел узкое место впритирку, а милиционеры взяли лишних полметра влево, не заметив пологой лесенки, ведущей к двери бойлерной. По лесенке они красиво взлетели и завершили преследование на боку, обозвав на прощание «Мерседес» сукой и нелогично пообещав оторвать сuke яйца.

На «Мерседес» было уже больно смотреть. Он оглушительно скрипел и обильно рассыпал искры.

У «Апача» почти что сел аккумулятор, еще чуть-чуть — и пусто.

Но гонка вышла на финишную прямую.

И совсем рядом были наши, они уже спешили на помощь, а главное, они были очень умные и информированные и четко объяснили, что делать.

А если не получится, они все равно придут. И займутся военно-полевой хирургией. Ампутируют врагам хвосты по самые уши...

«Апач» перепрыгнул решетчатые ворота Нанотеха.

«Мерседес» их снес с петель.

Вертолет обогнул здание, машина не отставала. Вертолет заложил вираж и вдруг прибавил ходу. Он разгонялся и разгонялся, держа курс на глухую бетонную стену опытного цеха. «Мерседес» шел за ним вплотную, то и дело стреляя в небо серыми щупальцами.

В последний момент вертолет резко ушел вверх.

Автомобиль дал по тормозам, но было поздно. Он вмазался в стену, издав характерный звук раздавленной консервной банки, отскочил назад и замер. В салоне быстро опадали подушки безопасности.

Из-под «Мерседеса» вытекла серая лужа и зашевелила ложноНожками, пытаясь сообразить, куда ей теперь.

В небе «Апач» совершил то, на что его не мог сподвигнуть даже бесшабашный юный хозяин. Он сделал полупетлю.

С вертолета сорвалась и упала отвесно вниз серебристая капля. Она хлопнулась на разлохмаченный капот машины, проникла в двигатель, а там разделилась на две части. Одна капелька метнулась в сторону центрального контроллера, другая резво помчалась по топливной магистрали. Будто по вене, дело привычное.

Серая лужа мгновенно втянулась обратно в машину, почуяв добычу совсем рядом. Наконец-то она могла с гарантией выполнить свою основную задачу: поймать, удержать и доставить цель по назначению, не повредив.

Но серебристая капля была уже в бензобаке.

Умный «Мерседес» сразу после удара отрубил питание, чтобы случайная искра не подожгла топливо. Внезапно мозг полуразрушенной машины дал команду, и электрические цепи снова ожили. Группа вертолетиков-камикадзе, проникшая в контроллер, первичную миссию отработала. Осталась второстепенная: удержать врага на месте, послужить для него приманкой. Головастики уже были тут как тут, наседали толпой со всех сторон, и вертолетики с отчаянной решимостью приняли свой последний бой.

Солдаты науки, они не умели сдаваться.

«Мерседес» был продуман на совесть и, даже разбитый в хлам, просто так с бухты-бахромы гореть не собирался. Вторая группа вертолетиков у себя в бензобаке оголила контакты датчика уровня топлива и замкнула их.

Машина взорвалась, как бомба, в мгновение ока испепелив всех, и правых, и виноватых.

Игрушечный вертолет набрал высоту и скрылся за главным зданием Нанотеха.

* * *

Леха брел к себе домой, едва переставляя ноги. Он будто спал на ходу. Он, в общем, только этого и хотел: доползти до кровати, упасть и вырубиться. И, наверное, впервые за последние восемь лет ему было совершенно до лампочки, что скажет мама, увидев сына таким разбитым. Леха временно потерял способность впечатляться. До завтра — точно.

Он устал. Ему было по фигу.

Трех смутно знакомых парней он вообще не заметил. Пока его не окликнули.

— Эй! Наноробот! Терминатор! Да погоди ты!

Леха очень медленно повернул голову.

Двое гопников, слегка пошатываясь, стояли у двери подъезда, держа под руки третьего. Этот был совсем никакой.

— Помоги, а? — попросил здоровый главарь, именно попросил, со вполне человеческой интонацией. — Дверь открой!

— Задолбали... — процедил Леха сквозь зубы.

— Ну, Терминатор, будь человеком! Выручи! Видишь, у нас Санёк перестарался малость. Цветочков нанюхался, я тебе говорил, мы из ботанического техникума... Вот, домой принесли, не бросать же товарища в беде...

Леха вздохнул, подошел к двери, послюнил пальц и приложил к контакту. Здоровый дернул ручку двери, но без толку. Замок не сработал. Даже не пикнул.

— И чего? — спросил главарь.

Леха попробовал снова. И еще раз. Безрезультатно.

— И ничего, — сказал он.

— Что, наноробот, батарейки сели? — поинтересовался главарь не столько ехидно, сколько растерянно.

— Угадал, — коротко ответил Леха.

Повернулся и, волоча ноги, пошел восвояси.

— Ну... Прям не знаю, — бросил главарь ему в спину. — Прям сочувствуя. Вот я всегда говорю: лучше быть как все. Будешь как все — ничего не случится.

— Я такой же, как все, — сухо бросил Леха через плечо. — Такой же.

Гопник приложил к контакту палец. Ничего не произошло.

— Теперь верю, — сказал он. — Ну ты это... Зови нас, если что. Мы обычно тут рядом.

Леха, не оглядываясь, молча кивнул.

— Мы им вломим! — донеслось ему вслед.

Глава 26

Михаил умел действовать быстро и применяться к ситуации, находил особый вкус в том, чтобы решать проблемы за секунды, но ночная атака на Нанотех не выглядела проблемой. Она казалась то ли идиотским розыгрышем, то ли воплотившимся в реальность бредом сумасшедшего.

Директор примчался в институт через полчаса после взрыва, оценил масштаб бедствия (ворота на фиг и закопченная стена), ничего не понял и страшно разозлился.

Вдобавок пришлось запустить на территорию милицию. Вроде не беда, муниципалы были у директора в кулаке практически, но из милиции слу-

чаются утечки куда не надо, а потом это «не надо» приходит, и не выгонишь его, а оно лазает по институту и повсюду сует нос, выясняя, не было ли терроризма, экстремизма и государственной измены. На него только в Кремль жаловаться, но там директору уже намекнули однажды, что номер дохлый: *это* и из Кремля фиг выгонишь, если придет, *оно* такое, и лучше просто не давать ему повода.

Ну, на государственную измену происшествие точно не тянуло. По официальной версии, какие-то идиоты, то ли упоротые, то ли обкуренные, угнали «Мерседес» и устроили шизофренические гонки с вертолетом. Наверное, один рулил игрушкой, а другой — машиной. Сам вертолет исчез без следа, идиоты тоже. Скорее всего, уже на финишной прямой они прицепили «Мерседес» к игрушке с помощью круиз-контроля, а сами выпрыгнули, бросив технику на произвол судьбы. И дальше ее мотало по территории Нанотеха до первой подходящей стены.

Вертолет, наверное, сгорел.

Такое безобразие именно сейчас — когда Нанотех был в центре внимания всей страны — никак не могло принести Михаилу радости. Вдобавок в середине дня, проезжая по городу, он увидел бредущего на работу Алексея Васильева. Подсадил в машину, посмотрел на парня и убедился: нынче у тебя, друг мой Миша, выдался редкостно поганый, тошнотворный, отвратительный денек.

* * *

— Ну? Какие новости?

Рыбников убрал руки со стола, чтобы не барабанить по нему пальцами: заметил уже, как директор от этого морщится.

— Грустные и ужасные, — буркнул он. — Ты это хотел услышать?

— Я наблюдал загрузку вот из этого окна, — сказал Михаил.

Выдвинул ящик стола, достал бинокль и продемонстрировал его Рыбникову.

— Отменная загрузка, какие там десять секунд, верных полминуты!

— Знаю. Доктор только что прозвонил твою рожковую женщину, устроил ей типа контрольный осмотр. Девица пустая. Говорит, смотрела очень недобро. Это ты распорядился?

— Я. На всякий случай. Потому что мальчишка тоже пустой. Вот и спрашиваю — какие новости?

Рыбников сделал недоуменное лицо.

— Ты и его проверял?

— Я его видел, этого достаточно.

— Мог ошибиться.

— Нет, — Михаил помотал головой. — Брать у него кровь мы не можем, он ни на что не жалуется. И он не выглядит больным, температуры нет точно, здоровый парень. Только его будто выпотрошили. Он был подвижный как ртуть, прямо не ходил — перетекал с места на место, а теперь... Он стал медленным. Обычный подросток, вдобавок сильно подавленный. Картина ясна?

— Это все очень субъективно, — упрямо сказал Рыбников.

— Объективно. Ты просто его никогда не видел. А я больше месяца наблюдаю парня. И я тебе говорю: за эти сутки у него физиология поменялась. У него... Знаешь, как у машины пробуксовывает сцепление? Двигатель в порядке, жмешь на педаль, а она еле ползет... Нет, он пустой, и ему без «пятерки» худо. Боюсь, как бы не случилось вскорости рецидива. Раньше так опасался, умозрительно. Теперь

посмотрел на него — и прямо сердце екнуло. Прикажу Зарецкому, чтобы следил. Хороший мальчишка, глаза у него честные, жалко будет, если потеряем, нам с ним еще работать и работать...

— Как скажешь, — Рыбников замялся. — Примем за гипотезу.

— Ну спасибо, — процедил Михаил. — Осчастливил. Что мы имеем? Твоей особой партии нет, «пятерки» нет. Что с ними?

— Распались. Если они где-то вышли, то давно распались.

Директор, небрежно помахивая биноклем, глядел на заведующего сектором. Казалось, он вот-вот уставится на него через оптику. И непонятно, с какой стороны.

Может сильно увеличить, а может и пропорционально уменьшить.

— Если бы они не распались, — сказал Рыбников, — мы бы об этом уже знали. Из новостей.

— О-па... — Михаил и правда чуть было не навел на Рыбникова бинокль. — Докладывай.

— Я вчера чего-то занервничал, взял Зарецкого за шкирку, и мы прогнали тест на кошке, чтобы живой массы было побольше. Но загрузили в качестве цели не стандартную «девятку», а такую же особую партию...

— Только не говори мне, что кошку разорвало в клочья, — попросил Михаил, швыряя бинокль обратно в ящик. — Погоди, а откуда она в институте?!

— Зарецкий свою принес. Он кошеч любит, у него их дома три, выбрал какую похуже...

— Да, это точно любовь, — согласился Михаил. — Ну так порвало ее или что?

— Не могло ее порвать даже теоретически, чего ты волнуешься, микробы плохо растут на голой биомассе...

— А жаль, что не порвало, — заявил Михаил. — Давай следующий тест поставим на Зарецком. Все-гда знал, что кошатники изощренно жестокие люди. Собачники, они простые. Хрясь — и труп. А кошатники, они садисты. Самое рвотное зрелище на свете — как кошка полчаса убивает мышь. И как кошатник топит новорожденных котят. Хотя мог бы двумя пальцами мгновенно сломать им шею.

— Да ты философ, — сказал Рыбников. — А ты, выходит, собачник?

— Я человечник, — отрезал Михаил. — Политик. Он подождал секунду и жестко спросил:

— Серая слизь?

— Что? — Рыбников заметно опешил.

Михаил подался к нему через стол.

— Я спрашиваю, что там было в этой несчастной кошке — серая слизь? Обе группы пошли разгонять рой и не могли остановиться, верно? Потому что противник развивался так же быстро. Значит, имеем разгон по экспоненте до бесконечности. Грей гу в чистом виде.

— Ну, в общем, близко к тому, — Рыбников кивнул. — Только не экспонента, естественно, у нас все-таки четверо ботов собирают одного... Да и тот разваливается... Когда стало ясно, что они никогда не решатся атаковать друг друга и будут тупо разгоняться дальше, я просто их выключил.

— М-да... — протянул Михаил. — А ведь это слава богу, что медботы вне организма долго не живут.

— Да мы не знаем на самом деле, на что они способны. Нам их еще тестить и тестить...

— Знаем. Твоя особая партия ведь распалась на открытом пространстве. И «пятерка», судя по всему, тоже. Вот тебе самый убедительный натурный эксперимент.

Рыбников недовольно сморщился. Он не доверял тестам, в которых не участвовал.

— В реале может возникнуть ситуация, при которой «девятке плюс» нужен разгон до бесконечности? — спросил Михаил.

И сам ответил:

— Исключено. Нет в реале такого провоцирующего фактора. Ничто в нашем мире не растет так быстро, как бот-репликатор. Он всегда быстрее, он всегда победит. Победит и сразу остановит разгон. У нас нет повода бояться репликаторов. Наоборот, именно репликаторы лучшие друзья человека.

Рыбников кивнул, хотя выглядел при этом не слишком уверенно.

— Тогда что мы имеем на руках? — подвел итог Михаил. — Да все то же, что и раньше. Пятую серию профукали с концами. Если, конечно, я не отыщу ноутбук Деда. Но он наверняка всплынет в самый неподходящий момент. Чует мое сердце, он такая же зараза, как его хозяин... И что у нас остается?

Рыбников молча ждал.

— У нас есть «девять плюс»? Или нет?

— Скорее да, чем нет, — отозвался Рыбников. — Я бы ее еще погонял... Но в принципе...

— Что не так? Ты же гарантировал стабильность роя на четыре месяца. Этого пока достаточно. Или тебя беспокоит ЦУП? Если они дернутся, я их заткну. Надоело со всеми цацкаться.

В голосе Михаила прорезался металл, какого Рыбников и не слышал раньше.

Холодный, ярко блестящий, опасный металл.

— Нет-нет, — быстро сказал Рыбников. — Я сделал как обещал. Это было даже интересно. Если, об разно говоря, не разглядывать прошивку под микроскопом... Поточники ничего не заметят. Вполне конвенционный товар.

Михаил встал, подошел к Рыбникову и тяжело опустил ему руку на плечо.

— Тогда что, друг?

Заведующий сектором едва заметно дернулся. То ли он, как любой нормальный мужчина, не любил, когда его трогают руками, то ли так отреагировал на неожиданное обращение «друг».

— Понимаешь... Слишком быстро я вносил поправки. Сырые боты у нас. Неплохие, но сырье.

— Мне нужна «девять плюс», — сказал Михаил. — Сейчас. Ты можешь тестить ее сколько угодно, и мы будем по ходу дела ее улучшать. Но ее пора ставить на поток. Сколько надо времени для отработки новой документации? Недели хватит, я же тебя знаю.

— Да какая там документация... Просто новые разделы появились... Надо все свести вместе и отредактировать. Это быстро.

— Тогда слушай приказ. Ставим на поток серию «девять плюс», — Михаил прихлопнул рукой плечо Рыбникова. — По факту готовности документов. Иди и напряги свой сектор так, чтобы все делалось со свистом. Премия сектору не заставит себя ждать.

— А мне орден, — уныло напомнил Рыбников.

— Не веришь? — усмехнулся Михаил.

— Да какой орден... Забудь. Мне надо, чтобы все работало. Когда увижу, что все идет по плану, вот это будет награда.

— Увидишь, — пообещал Михаил. — Будет работать. Мне это тоже... Очень надо.

Глава 27

Леха был рад, что директор его подвез, — ноги едва ходили. Он пытался слегка побежаться, и это оказалось неожиданно трудно. Замучила одышка,

Рыбников недовольно сморщился. Он не доверял тестам, в которых не участвовал.

— В реале может возникнуть ситуация, при которой «девятке плюс» нужен разгон до бесконечности? — спросил Михаил.

И сам ответил:

— Исключено. Нет в реале такого провоцирующего фактора. Ничто в нашем мире не растет так быстро, как бот-репликатор. Он всегда быстрее, он всегда победит. Победит и сразу остановит разгон. У нас нет повода бояться репликаторов. Наоборот, именно репликаторы лучшие друзья человека.

Рыбников кивнул, хотя выглядел при этом не слишком уверенно.

— Тогда что мы имеем на руках? — подвел итог Михаил. — Да все то же, что и раньше. Пятую серию профукали с концами. Если, конечно, я не отыщу ноутбук Деда. Но он наверняка всплынет в самый неподходящий момент. Чует мое сердце, он такая же зараза, как его хозяин... И что у нас остается?

Рыбников молча ждал.

— У нас есть «девять плюс»? Или нет?

— Скорее да, чем нет, — отозвался Рыбников. — Я бы ее еще погонял... Но в принципе...

— Что не так? Ты же гарантировал стабильность роя на четыре месяца. Этого пока достаточно. Или тебя беспокоит ЦУП? Если они дернутся, я их заткну. Надоело со всеми цацкаться.

В голосе Михаила прорезался металл, какого Рыбников и не слышал раньше.

Холодный, ярко блестящий, опасный металл.

— Нет-нет, — быстро сказал Рыбников. — Я сделал как обещал. Это было даже интересно. Если, образно говоря, не разглядывать прошивку под микроскопом... Поточники ничего не заметят. Вполне конвенционный товар.

Михаил встал, подошел к Рыбникову и тяжело опустил ему руку на плечо.

— Тогда что, друг?

Заведующий сектором едва заметно дернулся. То ли он, как любой нормальный мужчина, не любил, когда его трогают руками, то ли так отреагировал на неожиданное обращение «друг».

— Понимаешь... Слишком быстро я вносил поправки. Сырые боты у нас. Неплохие, но сырье.

— Мне нужна «девять плюс», — сказал Михаил. — Сейчас. Ты можешь тестить ее сколько угодно, и мы будем по ходу дела ее улучшать. Но ее пора ставить на поток. Сколько надо времени для отработки новой документации? Недели хватит, я же тебя знаю.

— Да какая там документация... Просто новые разделы появились... Надо все свести вместе и отредактировать. Это быстро.

— Тогда слушай приказ. Ставим на поток серию «девять плюс», — Михаил прихлопнул рукой плечо Рыбникова. — По факту готовности документов. Иди и напряги свой сектор так, чтобы все делалось со свистом. Премия сектору не заставит себя ждать.

— А мне орден, — уныло напомнил Рыбников.

— Не веришь? — усмехнулся Михаил.

— Да какой орден... Забудь. Мне надо, чтобы все работало. Когда увижу, что все идет по плану, вот это будет награда.

— Увидишь, — пообещал Михаил. — Будет работать. Мне это тоже... Очень надо.

Глава 27

Леха был рад, что директор его подвез, — ноги едва ходили. Он пытался слегка побежаться, и это оказалось неожиданно трудно. Замучила одышка,

что-то странное творилось с координацией движений.

На самом деле он испытывал проблемы, знакомые большинству людей, — просто Леха их раньше не знал. Его «одышке» позавидовал бы иной принтер. Леха оставался все тем же отменно тренированным, быстрым и резким молодым человеком. Только исчезло «превышение», делавшее его редким спортсменом. Не было прежнего сказочного кислорода в крови. Ну и пережитый недавно стресс давал о себе знать, уж чего-чего, а психику вертолетики не умели закалять. Нервы у Лехи были самые обыкновенные.

Он и сейчас обставил бы Принца на трассе, как минимум пришел бы вровень.

Просто ему надо было еще привыкнуть к своей обыкновенности и заново поверить в себя. Тогда бы он понял, что годы трейсерства не прошли даром, что он все равно ой как непрост по сравнению с другими.

Но пока Лехе казалось, что он — чистая манная каша. Сваренная на воде и совсем без сахара.

Дома имела место безобразная склоку между родителями, которой Леха не заметил, потому что упал и вырубился. Утром отец, бледный и не выспавшийся, отвез слабо брыкающегося сына в больницу и заставил сдать анализы. На вопрос, не случилось ли чего, Леха честно ответил: его бросила девушка, и он страшно переживает. Это пройдет, и он будет как раньше, даже лучше. Но пока что — вот так.

«А она того стоит?» — спросил отец.

«Она хорошая, — сказал Леха. — Просто маленькая еще».

Он и правда так думал или убедил себя, что так думает.

А еще Леха был процентов на пятьдесят уверен:

именно она случайно загрузила ему тех серых ботов. Это лишний раз доказывало, что она маленькая еще, а Леха — золотой мальчик, сокровище и подарок. Потому что по-хорошему — ну чистые сто процентов, только Леха не хотел в это верить. Тем не менее затылок у него легонько зачесался сразу после поцелуя. А капюшон будто изгрызли мыши. Значит, серые твари размножились там, а потом уже всей толпой грузанулись. И погнались за вертолетиками. А те... А те бросили Леху. Наверное, у них не оставалось другого выхода.

В то, что Мария могла загрузить серых нарочно, Леха совсем не верил. Ее подставили. Вопрос в том, подставил кто-то из института или неведомая третья сила. Больше всего Леха боялся, что это какая-нибудь иностранная разведка.

Он вообще боялся сегодня. Как проснулся, так и начал бояться. Впору было звать на подмогу тех троих раздолбаев, что «из ботанического техникума».

А вот если бы его не бросили вертолетики...

При мысли о том, что они, наверное, погибли, Леху пробила слеза, и он едва не сгрыз подушку, заглушая рыдания. Не себя жалел — их. Вспомнил, как вертолетик уютно и доверчиво сидел у него на ладони, и с горя действительно прокусил наволочку.

И тогда вместо жалости пришла злость.

Хватит плакать, сказал он себе, ты разберись со всем этим. Если надо будет превратиться в камень, если придется бить, даже насмерть, — ты все сделаешь. Но ты разберешься.

И он с каменным лицом подсел к компьютеру, увидел в новостях репортаж о безумной гонке, уверился, что вертолетики, скорее всего, погибли в огне взрыва... Значит, они летели в Нанотех... Они летели в Нанотех... Они не хотели вести серых ко мне домой, но знали, где я работаю, и решили дождаться

меня там, милые, умные, дорогие мои вертолетики... И с тем же каменным лицом Леха вышел из комнаты навстречу родителям.

И опять начал всего бояться, да еще как.

Но маску безразличия на лице вроде бы держал.

Мария в школе не появилась. Даша сделала попытку к Лехе приблизиться, но он повернулся спиной. Он совсем не держал на Дашу зла, понимая, что в дурацком пари она играла подчиненную роль, просто не был готов с ней разговаривать. Надо сначала понять расстановку сил, разложить по полочкам все безумные события прошлого вечера.

Они плохо раскладывались.

Предупреждение Даши о том, что Мария «продаст его Михалборисычу», Леха помнил, но решил пока не рассматривать. Директор — враг? Это было бы окончательно страшно, куда страшнее, чем он мог сегодня выдержать.

Принц был очень возбужден и требовал объяснений. Братец, естественно, рассказал ему все, что видел. То есть: вертолет сам улетел, а за ним уехала пустая машина, и без Лехи тут не обошлось, он в этом как-то замешан. Принц был настолько заинтригован, что на полном серьезе пообещал дать Лехе в глаз, если тот не расколется.

«Ударишь инвалида?» — спросил Леха с такой убедительной инвалидностью в голосе, что Принц аж попятился от него.

Он видел, как переменился друг, просто не понимал, что делать.

«Потерпи денек, — сказал Леха. — Машка появится, сядем все вместе и поговорим».

«Ах, еще и Машка...» — тут Принц совсем обалдел.

«Нам надо свести воедино все нити. Как в детективе. Сядем и расскажем — сначала я, потом она. А вы с Дашей будете слушать».

«Ах, еще и Дашка...» — только и сказал Принц.

Подумал и спросил:

«Вертолету... Ему, похоже, вьетконг настал?»

«Ты новости видел? Чего спрашиваешь тогда?

Я знаю не больше тебя. Пишут, что, наверное, сгорел. Значит, вьетконг».

«Пишут... Они пишут, что машину угнали. Но там ведь не было людей!»

«Не было», — согласился Леха.

«Тогда что с ней случилось?»

«Она уехала», — просто сказал Леха.

* * *

Михалборисыч его порадовал — единственный за сегодня человек, который не спросил, что с Лехой такое стряслось. У директора было, похоже, своего геморроя достаточно. Ворота уже выправили и повесили на место, а вот стену опытного цеха штукатурить и штукатурить еще.

Придя на работу, он почувствовал, что уже не так боится — сама атмосфера Нанотеха, разлитая по этажам деловитая уверенность действовали успокаивающие. Леха просто был подавлен и слаб. Он вошел в лабораторию, поприветствовал издали Семёнова — тот с чем-то возился в углу, повернувшись спиной, — бросил на обычное место рюкзак.

Промахнулся.

Естественно, подумал Леха, этого следовало ожидать. Он тяжело упал за стол, положил руки перед собой и уронил на них голову.

Что-то в лабе было сегодня не так. Что-то переменилось.

А его это касается?

Он медленно повернул голову, пытаясь одним глазом оглядеть стеллаж у себя за спиной, тот, где на полке стояла модель вертолета. Вертолетика...

Защипало глаза, но Леха поклялся больше никогда не плакать, а уж на рабочем месте это совсем ни к чему.

Угол зрения был явно недостаточен. Леха оторвал от стола голову, сел прямо и обернулся. И обомлел.

На полке стояли два одинаковых вертолетика.

Леха глупо улыбнулся, протянул руку и тут же отдернул ее. Бросил опасливый взгляд на Семенова, но тот по-прежнему что-то мастерил.

Леха встал и присмотрелся к вертолетикам в упор. Он толком не мог понять — это сейчас он видит прекрасный сон или вчера у него был кошмар. Или и то, и другое — реальность? В груди будто разлилось тепло, душу буквально затопило мягкое, доброе и немного щемящее чувство.

Если бы Леха разбирался в таких вопросах получше, он бы понял, что это любовь. Только не требовательная, нервная и ревнивая, как у юноши к девушке, а спокойная, взрослая, уверенная.

Модели оказались совершенно идентичны, вплоть до малейших потертостей. Одна пластмассовая, а другая — тоже искусственная, но живая. Господи, подумал Леха, как же вас стало много, было-то — облачко, а теперь вон какая тут стоит... Вещь! Вы здорово разогнались, и, наверное, не от хорошей жизни. Но вы уцелели. Вы ждете меня здесь. Какие вы молодцы!

Он с трудом оторвался от вертолетиков и подошел к Семенову. Тот повернулся, и Леха чуть на месте не подпрыгнул от восторга: в руках у техника был «Апач». Не сгорел, оказывается, не погиб. Но как он в лабу-то забрался?!

— А это тут откуда?

— Твои на нем прилетели, — спокойно ответил Семенов. — Думаешь, они пешком сюда пришли? Не-ет. Они умные. Добыли себе транспорт.

Техник мотнул головой в сторону окна.

— Я их пустил. А то чего они, как бедные родственники, на карнизе сидели.

— Можно? — Леха потянул руку к «Апачу».

— Зачем?

— Хозяину верну. Это игрушка одного мальчика.

— И не стыдно тебе у маленьких игрушку отнимать? — поинтересовался Семенов.

— Так я и хочу отдать!

— Пацану с зарплаты купишь новый, — заявил Семенов. — А этот оставь маленьким.

И вернулся к своему занятию. У него был листок с буквками-наклейками, и техник как раз лепил на борт игрушки последнюю. С вытянутой руки полюбовался на результат и, похоже, вполне довольный собой, пристроил «Апач» на пустой стол у окна.

На борту игрушки красовалась белая надпись: «ЭВАКУАТОР».

— И вот что. Мишке не вздумай говорить.

Леха понял, о чем речь, но с Семеновым надо было держать ухо востро, поэтому он на всякий случай переспросил:

— Какому Мишке?

— Приятелю своему. Директору. И вообще никому не говори. Ничего. Ни слова.

— Кроме вас?

Семенов поднял на Леху свои медвежьи глазки:

— Мне тоже не говори.

Леха коротко кивнул. Вдруг захотелось сделать «руки по швам», повернуться через левое плечо и строевым шагом удалиться к месту несения службы. Загадочно хихикая при этом.

— И перед гопотой талантами не сверкай, — сказал Семенов. — А то скоро весь город будет знать, что ты — наноробот!

* * *

У Пети был сегодня отгул, и, когда Семенов ушел обедать, Леха остался в одиночестве. Поставил стул напротив стеллажа, уселся и любовался вертолетиками.

Очень хотелось взять их обоих на руки и погладить, рассказать им, какие они хорошие, но Леха сдерживался. А потом, вдруг еще настоящие вертолетики приревнуют его к модели!

Живые существа, они такие. Вот Даша явно ревнует его к Марии. И Принц ревнует его к Марии. А мама — ко всему миру. И даже отец небось тоже к чему-нибудь или кому-нибудь ревнует. Один Семенов вне подозрений. Но Семенов — это же глыба, матерый человечище. Ходячий памятник идеально-му технику-лаборанту. Интересно, есть ли у него жена и дети. А может, он... того? Наноробот? Дед с программистом Гуревичем сделали тут нескольких крошечных семеновых, а те начали реплицировать и вымахали в этого здоровенного дядьку.

И посадили Гуревича на самом деле не за кражу ноутбука с архивом Деда, а за злостное нарушение конвенций.

А Семенова кто же посадит, он — памятник...

Вертолетик, тот, что слева, раскручивал винт.

Леха дернулся от неожиданности и сразу понял, что сейчас будет. Он протянул вперед сомкнутые ладони.

Вертолетик чуть подогнул лапки и плавным, тягучим кошачьим движением спрыгнул с полки — вперед и вниз. Подтормаживая себя винтом, мягко опустился в руки человека.

— Дружище... — проворковал Леха, едва не задыхаясь от умиления. — Здравствуй, мой хороший...

Он гладил вертолетик, как котенка, и тот мед-

ленно таял под его рукой, впитываясь в нее. Это было совсем безболезненно, только немного шекотно. Вертолетик становился меньше, меньше...

Растаял в руках.

Леха откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Он был счастлив.

Машинально он почесывал ладони.

Глава 28

— Вот какая я оказалась сволочь, — сказала Мария. — И даже умолять тебя о прощении бессмысленно. Я тебе кинула такую подлянку, за которую прощать нельзя. Если бы ты мне сейчас в глаз заехал, я бы поняла.

— Ну-ну, — смутился Леха. — Перестань.

— Не перестану. Ты очень добрый, но поступишь неправильно, если все простишь и забудешь. Тебе беречься надо, Лешенька...

Леха помотал головой: она произнесла это в точности как его мама.

— Ты должен помнить: раз в тебе живет пятая серия, рано или поздно к тебе подкатит тварь вроде меня, загруженная очередной микрогадостью... Меня-то подставили, а следующую купят. Это я тебе и как пиарщик говорю, и как женщина. И она полезет тебе не в душу, а сразу в постель. Она будет казаться влюбленной в тебя по уши и очень доступной. Запомни это, Леша, и будь внимателен. От тебя не отстанут. Ты им нужен.

— Если бы я... — буркнул Леха. — Себя-то мне не жалко.

— Не говори так.

В серьезных школах, где детей не натаскивают, а именно учат, прогуливать уроки — себе дороже. Но

дети есть дети, их хлебом не корми, дай вырваться на свободу. Поэтому в серьезных школах за прогулы еще и дрючат с удвоенной силой. К прогулу надо подходить серьезно и умело. Он вроде побега из тюрьмы, подготовку любит: знание местности, запас провианта, цивильная одежда, документы...

К счастью, Мария не была бы Марией, если бы не сперла при первой возможности пачку фирменных нанотеховых бланков. Обстоятельный Принц сказал, что одного бланка недостаточно, отсканил печать с пропуска — и бумажка из пресс-службы с просьбой отпустить Кузнецова, Васильева и Решетникову для съемок «информационного материала» вышла прямо лучше настоящей.

Сам Принц гулял вообще по делу: у них там на полном серьезе чего-то упало и не хотело вставать. Оно бы не встало даже с его помощью, но жалко терять такой повод, и Принц сегодня удрал бы из школы по-любому.

Чтобы уж точно не спалиться, засели у Марии на кухне, в скромном папином особняке на окраине. Дом строился еще в «бандитские» времена и выглядел крепостью: стены толстые, окна словно бойницы. При необходимости тут можно было продержаться.

Первым выступал Леха, сухо и глухо, и уложился в три слова.

— Вот, — сказал он, положил руку на стол, и изпод манжета выполз на ладонь небольшой, в половину спичечного коробка, серебристый вертолетик. — Пятая серия.

В кухне повисло гробовое молчание, а потом Даши пискнула:

— Ой! А можно его... Погладить?

Леха с улыбкой протянул ей ладонь, но не тут-то было: вертолетик спрыгнул на стол, бодро скакнул с

него на плиту, оттуда на шкаф и затаился на стратегической высоте.

— Эй! — крикнул Леха, потом отмахнулся. — Ладно, домой пойду, с собой заберу. Маш, не бойся. Мебель деревянная? Тогда не погрызет.

Он собирался на том и закончить, полагая, что умным — достаточно, но его растормошили и заставили говорить. Пока Леха рассказывал свою историю — предупредив, что это по большей части домыслы и гипотезы, — все активно крутили головами, пытаясь углядеть вертолетик. Но тот или спрятался, или ушел бродить по дому.

Потом говорила Мария, и ей, как настоящему пиарщику, удалось компании несколько раз рассмешить. Хотя рассказывала она такой триллер, что впору прятаться под стол.

По-настоящему трудно стало, когда начали выяснять отношения.

Ну, не выяснять — уточнять...

— Ты меня за другое прости, Леша, — сказала Мария. — За то, что я влезла в твою жизнь. За это идиотское пари. Черт меня дернул именно сейчас... Ты пойми на всякий случай, я ведь так не играю с теми, кто мне совсем не интересен. И знаешь, я рада, что теперь лучше тебя узнала. Ты отличный парень, и кое-кому еще очень повезет с тобой. Очень повезет. И на Дашу не сердись, она тут ни при чем, я ее просто уболтала поспорить.

— Я могла бы и не согласиться, — сказала Даша, глядя в стол.

— Не могла, — отрезала Мария. — Тебе было интересно, клюнет он на меня или нет. Тебе это было очень важно. Если бы он не поддался, ты бы прыгала от счастья. Не потому, что меня обломали, нет, мы все-таки еще подруги с тобой, верно? А по-

тому, что именно он не поддался... Кстати, где моя десятка?

Даша медленно залилась краской. И Леха тоже.

— Ребята, давайте жить дружно, — попросил Принц.

— Ну дура я, Лех! — выпалила Мария. — Дура я по жизни, как вы все до сих пор этого не поняли?! Бывают такие... Умные-умные, а полные дуры. И шутки у меня такие же — дурацкие... Вот, допрыгалась. Тебя чуть не угробила, Дашку поставила в идиотское положение...

Принц достал из кармана и выложил на стол две десятирублевые монеты.

— Дарья, — сказал он таким серьезным тоном, будто на кону стояло двадцать тысяч золотом. — Я перекупаю твоё пари. Сто процентов сверху.

— То есть? — удивилась Даша.

— Продай мне пари. Ты с Машей не спорила. Это я с ней забился, что она Леху три дня водит на коротком поводке, целует и посыпает на хрен. Ну вот такой я, блин, эстетствующий чудила... А вы что скажете, княжна Мэри?

Мария поглядела ему прямо в глаза, протянула руку и забрала монету.

— Па де проблем, мон принс.

— Вот и зашибись, — сказал Принц неожиданно севшим голосом.

Вторую монету он подвинул к Даше.

— Да зачем...

— На память.

Леха сидел, разглядывая свои ногти, и думал, что теперь делать.

Очень хотелось посоветоваться с Семеновым. Или хотя бы с программистом Петей. Но техник как-то очень уж сурово и напоказ дистанцировался

от истории с вертолетиками, а Петя выглядел слишком увлекающимся человеком, может проболтаться.

О том, что Леха сам проболтался напрочь, он не думал — тут все были свои.

— Так что же нам делать? — спросил Принц.

— Покупать с зарплаты новый вертолет.

— Я не шучу, Лех.

— Я тоже. Будет вам с братом игрушка, слово даю.

— Ребята, «яма» запускается через неделю, — сказала Даша и отчего-то снова мучительно покраснела. — Раньше говорили, мы в простое из-за смены прошивки, а теперь оказалось, на поток идет новая модификация. Серия «девять плюс». Я не знаю, что это.

— Начинается, значит... — прошипела Мария. — Ах ты сволочь, Михалборисыч... Начинается. Счастья всем сразу, и никто не уйдет обиженным...

— Если на поток за неделю, она почти не отличается от стандартной «девятки», — сказал Леха.

— Мне тоже грузили якобы стандартную «девятку»! — напомнила Мария. — А это была такая мерзость...

Леха по старой памяти нервно почесал шею.

— Что мы знаем о «девятке»? На самом деле — ничего! Какие у нее версии? В чем там разница? А я тебе скажу: наплевать! — выпалила Мария. — Главное, мы кое-что знаем о Михалборисыче, чтоб он сдох! Вот это — главное!

— И?..

— Слушайте, расскажу. Скоро пойдет рекламная накачка на всю Россию. Станут долбить и долбить разными словами одну формулу: вы будете здоровы и счастливы, вы будете здоровы и счастливы... А подтекст такой: мы сделаем вас счастливыми, любите нас за это, целуйте руки Михалборисычу. Любой пиарщик скажет: ну, директор ловит момент,

лучшего повода, чем вакцинация, не придумаешь. Только я — не любой. Я кое-что видела. Мне ведь лично Михалборисыч, падла, целый месяц компостировал мозги: что людям говорить, как говорить, зачем говорить. И... Ребята, надо было его видеть. Я дура, конечно, но я умная дура, не забывайте. Он иногда проговаривался, сам того не замечая. Он действительно делает всех счастливыми!

Трое молча ждали продолжения рассказа. Даша хмурилась, Принц недоумевал, Леха сидел с каменным лицом.

— Слухи о том, что у испытателей была сначала эйфория, а через неделю депрессия... Это не слухи, ребята. Я голову даю на отсечение: через несколько месяцев, когда ботов загрузят каждому, Россия станет государством радостных идиотов. И все будут знать, кому обязаны своим счастьем. И ждать очередной дозы. Эта новая «девятка» — словно механический наркотик. Вот почему тормозили «яму», вот зачем новая модификация. Она будет работать тоньше и будет работать дольше. А директор Нанотеха станет диктатором. Может, и не через два года, а раньше, без выборов, без лишней демократии, он ее не любит. Он вообще любит только себя. Все, ребята, я сказала, хотите верьте, хотите нет.

— Полная страна жизнерадостных зомби... — протянул Принц.

— Зомбируют только покойников, — отрезала Мария. — Это первое правило гуманитарного технолога. Если ты кого-то случайно зомбировал, протри очки и уходи с кладбища.

— Ишь ты, круто там у вас, в пресс-службе...

— Очень интересная работа и отличная профессия. Можно делать невероятные вещи. Но... Гадости тоже невероятные, если надо. Только я вас уверяю,

следующей весной никакая реклама Михалборисычу будет даром не нужна. У него есть боты.

— Репликаторы, — сказал Леха.

Все обернулись к нему и застыли, то ли переваривая новость, то ли надеясь, что он пошутит.

— Эта серая гадость реплицировала. Я видел, с каждой секундой ее становилось все больше. Даже если это был обман зрения, она мне объяла весь капюшон. Она поднимала численность роя, прежде чем загрузиться.

Мария поднесла руку ко рту.

— Сейчас меня стошнит... — произнесла она сдавленно.

— Тебе ничего не угрожало, — заверил Леха. — Микробы на голой биомассе плохо размножаются.

Мария встала из-за стола и, по-прежнему зажимая рот рукой, вышла с кухни. Двигалась она неспешно, но когда свернула за угол, раздалась дробь торопливых шагов, на грани панического бегства.

— Зачем ты так, Лешенька! — упрекнула Даша.

— А чего я сказал? — удивился Леха.

— В ней же несколько часов сидела эта гадость!

— В ней сидела! А во мне — гуляла! Такую гулянку закатила, что жильцы удрали... Ой, кстати...

Леха полез в карман, достал пластиковую баночку с яркой наклейкой и вытряхнул на ладонь пригоршню таблеток.

Даша наблюдала за его действиями с ужасом.

Леха высыпал таблетки в рот, проглотил, взял стакан сока, запил.

— Надо подкормить маленьких, — объяснил он.

Принц забрал у него баночку и посмотрел на этикетку. Это оказался витаминный комплекс с ударной дозой микроэлементов.

— А зачем ты их сейчас кормишь, если они — там? — Принц обвел глазами кухню.

— Думаешь, это были все? Это маленький разведчик. Остальные тут, — Леха хлопнул себя ладонью по груди.

— Прямо завидно. Теперь ты никогда не одинок. Теперь ты — сам себе банда!

Тут в дверях кухни оглушительно чихнули. Троица от неожиданности подскочила на стульях.

— Извините, — сказал высокий крупный мужчина, одетый в потертый спортивный костюм.

Он был хорош собой и неуловимо похож на Марию, точнее, она на него, только у этого физиономия совсем русская, без южных кровей.

— Будьте здоровы, — сказала троица нестройным хором.

— Стараюсь, — заверил мужчина.

Он покопался в холодильнике, добыл пакет молока и полбатона колбасы, поглядел на колбасу так, будто прямо сейчас надкусит, поднял глаза на ребят и сказал:

— Меня здесь не было.

И вышел было, но в последний момент остановился.

— А что, — обратился он к Лехе, — трейсинг еще кому-то интересен? У нас точно нет, а вот в Европе?..

— И там не интересен. Это маргинальный спорт. Для анархистов, грубо говоря, — солидно объяснил Леха. И добавил понимающие: — У них денег не бывает.

— Бывает, бывает, только они их не тратят на спортивные зрелища. Обидно, конечно. У нас готовый чемпион, а спонсировать его без толку.

— Мы хорошо играем в слэмбол, — подсказал Принц. — Очень хорошо.

— Дохлый номер, — отмахнулся колбасой мужчина. — Не сочти за оскорблениe, слишком мало негров в команде.

И подмигнул Принцу, будто старому знакомому.

— Прогуливаете, да? Завидую. Кстати, а чего там Машка блюет? Залетела?

Трое за столом одинаковым движением упали носом в ладони и затряслись от сдавленого хохота.

— Ну-ну. А то я к вашему директору пришлю бригаду на-а-а-но-апчхи!.. Извините. Нанороботов пришлю. Русских нанороботов, самых больших в мире...

Ребята захохотали в голос, а мужчина вдруг бросил резкий настороженный взгляд на холодильник — будто заметил там что-то. Поморгал, расслабился, продемонстрировал еще одну голливудскую улыбку и удалился, помахивая колбасой. Пакет молока он держал у лица — судя по всему, на ходу прогрызая в нем дырку.

Принц тут же вскочил и полез обследовать холодильник, но быстро вернулся за стол.

— Ушел, — сказал он разочарованно.

— А где у них мама-то? — спросил Леха. — Опять на съемках пропадает?

— Отдыхает на Лазурном Берегу, — сказала Да-ша. — Что-то у них дома расклеилось, Маша не говорит, но видно.

Деловой походкой вернулась Мария — свеженькая, вкусно пахнущая, с подновленным макияжем, и когда только успела. Села на свое место, повернулась к Лехе и сказала:

— Еще раз прости. Я как представила... Ой. Что мне сделать, чтобы простили? А? Только скажи.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Интим не предлагать. Да ты и не захочешь теперь.

Не захочу, это точно, подумал Леха. Ты мне друг, только я боюсь к тебе прикоснуться, от одной

мысли сразу чешется все... И выпалил первое, что пришло в голову:

— Откажись от этой затеи с Монте-Карло.

— О господи... — Мария вытаращила глаза. — Об этом еще кто-то помнит? Да я первая забыла. Честно забыла.

— Ну, раз забыла...

— Ты-то помнишь. Не проблема, завтра выйду к доске и скажу: народ, Монте-Карло отменяется. Как бы обосновать...

— Скажи, влюбилась, — посоветовал Принц. — Мол, я другому отдана и буду век ему верна.

— Се манифик, мон принс! Роскошно. А в кого я так безумно влюбилась-то?

— Ну, ты придумаешь!

— Это да, — согласилась Мария. — Это я могу. И сразу, без перехода, заявила:

— Господи, ребята, как же мне противно! Скоро на работу, а там эта серая гадость! Мурашки по коже.

Принц поежился. Он-то «гадости» в глаза не видел и наверняка вообразил себе черт знает что.

— А как подумаю, что этой гадостью накормят всю страну...

— А ведь она сырья, ребята... — сказала Даша тихонько. — Ладно, она гадость, так она еще и сырья гадость. Никто не знает, чего она натворить может.

Видно было, что девушка не привыкла выступать в компании, но потихоньку учится. Она запиналась и смущалась, но уже не оглядывалась на Марию, а раньше было такое — будто разрешения просяла открыть рот.

— Это в ЦУПе говорят? — спросил Леха.

Даша кивнула.

— Наш завлаб вчера ругался с Рыбниковым по телефону, аж стекла звенели. Сказал, так дела не делаются, слишком быстро все. А потом ему директор

позвонил и надавил. Мы ведь еще когда должны были начать поточную сборку, танки стоят вообще пустые. Там была стандартная «девятка» на самом донышке, но ее вчера слили... Ну и ребята говорят... Говорят, странно все это. Ждали, что просто возобновим работу по «девятке», а тут новая модификация. Которой никто в глаза не видел. Рыбников делал «девять плюс» в большом секрете.

— Если все-таки «девять плюс» репликаторная, хотя я в это и не очень верю... — начал Леха. — Да-ша, а ты можешь узнать?.. Нет, не можешь, ты такой же чайник, как и я. Нужен специалист.

— Я могу достать образцы, — сказала Даша.

Леха часто заморгал.

— Естественно. У тебя пропуск в «яму».

— Подумаешь, — Мария надменно фыркнула. —

У меня вообще «вездеход».

— Ты-то хоть туда не лезь!

— Как раз мне это плевое дело. Я всегда могу сказать, что присматриваю «сцену» для телевидения. Дашка объяснит, куда сунуть пробирку, — и вуаля! Дальше-то что?

— Дальше надо отдать микробов на анализ. Если они — репликаторы, Михалборисыч просто сядет. Мы его долго не увидим, а может, и никогда больше.

— Хорошо бы! — сказала Мария.

— С ним вместе сядет Рыбников, — продолжал Леха. — И есть вероятность, что доктор Зарецкий тоже загремит. В общем, станет почище в Нанотехе.

— Рыбникова не знаю, а вот Зарецкому прямо в морду бы вцепилась, — сообщила Мария. И почесала сгиб локтя.

— Ты чего? — насторожился Леха.

— Ничего. Дырка в вене. Он у меня анализ крови брал на следующий день.

— А-а... Проверяли, значит.

— Неплохо я выгляжу для жертвы группового изнасилования, да? — доверительно спросила Мария. — С-свиньи...

Опять заметно поежился Принц.

— Поимели и отпустили: гуляй, дуреха. Представляю, как они надо мной ржут. Хоть на работу не ходи. Сказать бы папе, я же хотела, но вовремя подумала, чем все кончится. Вы не смотрите, что он у меня тихий такой... Ладно. Значит, я достаю образцы...

— Не ты, а я! — заявила Даша строго.

— Мы с тобой, — согласилась Мария. — А что за анализ? Кто его сделает?

— В принципе, мой отец, — сказал Леха.

— И чего он разглядит в свой докторский мелкоскоп? — поинтересовался Принц.

— В больнице есть сильные микроскопы, а туннельный и не нужен, у нас все-таки не наноробот, а микроб.

— А достаточно быть врачом, чтобы понять?..

— Он не просто врач. Он заведовал отделением опытной терапии до Зарецкого, — гордо сообщил Леха и огляделся, любуясь произведенным эффектом.

— Ну и семейка, — сказала Мария. — Филиал Нанотеха.

— Не надо... — тихо попросила Даша.

— Что? — обернулся к ней Леха.

— Ты сделаешь ему очень больно, Леша. Ведь он начнет тебя расспрашивать, что да как, ты ему расскажешь... И он себя возненавидит. За то, что случилось с тобой — а он никак не мог этому помешать.

Леха потупился. Он так и не смог понять, какую роль во всей истории сыграл его отец. Ясно было одно: каким-то образом Дед загрузил внуку опытную партию пятой серии. Вероятно, именно верто-

летики спасли Леху от лейкемии. Но по поведению отца в последующие годы нельзя было сказать — знал об этом Виктор Васильев или нет.

А ведь Даша права. Мудрая девчонка. И очень добрая, мало таких.

— А что твой замечательный техник Семенов? — спросила Мария. — Ты мне про него все уши прожужжал. Да собственно, я и сама знаю. Кто не знает Семенова...

Леха помотал головой: не пойдет.

— Это который по пьяни блоху подковал? — подал голос Принц. — Даже я о нем слыхал.

— Какая пошлость, мон принс! Сам ты по пьяни... Это рекламная фишка была, его Михалборисыч целый год упрашивал!

— А мне говорили, что Деду в подарок... — удивилась Даша. — Вот же болтуны у нас.

— На спор он ее подковал, — сказал Леха. — За рубль.

— Хочешь, я сама с ним поговорю?

— Пожалуйста, только не это. Нам важно не подставить людей.

Да, важно. Но тогда кто?.. Или все-таки Семенов? Болтун Петя? Даже если согласятся — нельзя, нельзя их подвергать такому риску. Теперь-то Леха понимал: Нанотех — тот еще гадючник. Все схвачено у Михалборисыча. И охрана у нас — не частная фирма, а структурное подразделение самого института. Что прикажет директор, то и сделают крепкие ребята в стильной белоснежной форме. В рамках закона, конечно. Но если директор скажет, что ты нарушил закон, с тобой и поступят... По закону. Расстреляют шокерами при задержании так, что всю оставшуюся жизнь будешь ножку волочить и слюни пускать. Охрана у нас корректная, всегда с улыбоч-

кой, только вот побаиваются ее в Нанотехе. Опасаются.

Помнят, что творилось, когда пропавший ноутбук Деда искали, и передают из поколения в поколение: не шутите со службой безопасности, ребята.

Как все сделать, чтобы никого не подставить, а?

— Хорошо, у нас в запасе неделя, — сказал Леха. — Будем думать.

— А моя-то задача какая? — спросил Принц недовольно.

— Какая... Связь будешь держать!

— Гады, — сказал Принц. — Ну-ну, можете неделю думать, чем мне заняться. Не придумаете — смотрите, как бы не пожалели потом... Я ведь могу такое...

— Время, — перебил его Леха, чтобы поскорее замять тему. — Нам пора на работу.

Он встал, огляделся и громко сказал:

— Ну, чего? Я пошел!

И тут же с потолка на него спрыгнул вертолетик.

Глава 29

Неделю юные заговорщики прожили относительно спокойно, только у Лехи дома было как-то непонятно. Мама вроде бы не пилила ни его, ни отца, но держались родители друг с другом непривычно холодно. Анализы у ребенка оказались как анализы, хоть на стенку вешай.

Леха снова начал бегать. Тёплый октябрь не мог продолжаться вечно, надо было ловить момент.

Вертолетики не особо таились внутри, отвечали на вопрос «Как дела?» теплой волной по позвоночнику. Их теперь было очень много, прямо страшно много, и Леха чувствовал себя уверенно. Предупре-

ждение от Марии он воспринял серьезно, ходил с оглядкой. Но его не оставляло такое бесшабашное ощущение, будто теперь, сколько ему какой дряни ни загрузи, вертолетики ее одолеют играючи. Леха учился с ними разговаривать, не особо в этом преуспел, но перекинуться парой слов теперь всегда было с кем.

Они не говорили, конечно, словами, но человек понимал.

«Эй, ты кто?»

«Я!»

«Как дела?»

«Нормально».

«А как тебя зовут?»

«Я!»

Вот и поговорили, уже веселей.

Правда, они категорически не желали больше открывать замки. И не высывались наружу. Зато витаминные таблетки лупили как из пистолета. Леха знал, для чего это надо: чтобы большущий рой не подсаживал энергетический баланс симбионта.

Теперь он примерно догадывался, чего может натворить в человеке серия «девять плюс», если ее заглючит, — и это пугало не на шутку.

Ну и просто: нечего делать в русском человеке сомнительному товару от Михалборисыча. Пускай вон... Племени Принца толкает эту серую гадость. Будут африканцы лупить в тамтамы, веселые без огненной воды. Им небось без разницы — что водка, что микроб, лишь бы голова болела.

Кому отдавать «девятую плюс» на анализ, Леха так и не решил. С отцом поговорить даже намеками не рискнул, да тот и выглядел неподходяще: был мыслями где-то далеко. Правда, спросил, как дела на любовном фронте. Леха ответил: все наладилось. Очень рад, сказал отец. Я вас видел издали случай-

но, красивая девочка. Это она тебя так приложила? Нет, сказал Леха, другая, но мы с ней тоже помирились, останемся друзьями. Ну ты даешь, сказал отец, надеюсь, вы знаете, что делаете, и пользуетесь контрацепцией... И снова погрузился в себя.

Конtraceпция Лехе была без надобности, потому что он теперь из Нанотеха ходил под руку с Да-шой. Она ему фактически навязалась со словами: «Помнишь, что Машка сказала? Вот, буду тебя охранять!» — «Ага, и меня прибывают ребята из ЦУПа!» — «Пусть сначала догонят».

А я больше не побегу, я с ноги — и прямо в лоб, хотел сказать Леха, но прикусил язык. Он полегоньку начал понимать, что судьба изобретательная тетя и всегда готова тебя удивить аж до полных штанов. Так и побежишь, удивленный, держа штаны руками.

Рядом с Дашей ему было в первую очередь спокойно. Иногда Леха ловил себя на мысли, что по ощущениям она напоминает ему вертолетик — от нее исходило такое же доброе уютное тепло. Ее не хотелось завоевывать, поражать остроумием и интеллектом, перед ней не требовалось распускать хвост в опасении, как бы вдруг неглядела кого по-ярче. Леха был для нее хорош сам по себе. И она для него, оказывается, тоже, кто бы мог подумать... Чрез пару дней Даша начала ему сниться, да так, что хоть святых выноси.

К концу недели, продолжая чинно гулять с девушкой под ручку и глубокомысленно обсуждать с ней текущие дела Нанотеха — как же здорово, когда двое работают вместе и увлечены общим делом! — не зная даже вкуса ее губ, Леха уже в уме прикидывал, что диван у него двуспальный, а в шкафах много свободного места, для начала сойдет, устроимся.

Наконец-то он мог позволить себе роскошь не торопиться. Потому что у них все серьезно.

Даже чокнутая Дашина семейка Леху больше не смущала. Если надо будет, он просто заберет девушку оттуда, и все. Летом, когда у них обоих появятся паспорта. Дожить бы спокойно до лета...

Ты сначала доживи до весны!

Как станешь откручиваться от вакцинации, интересно? Вертолетики сожрут ботов-чужаков в один присест, но ты просто не позволишь загрузить тебе эту дрянь. И мама себе — не позволит. А отец??!

Если сбудется предсказание Марии — каково тебе придется в стране радостных идиотов? Будешь глядеть на них честными добрыми глазами? Или в петлю влезешь оттого, что их не выручил?

Каждый день будешь напоминать себе: ты не сделал, ты не сделал, ты не сделал то, что должен был.

Но как сделать? Как выбрать человека, который возьмет на себя весь риск?! Украдь образцы легко, а тот, кто их спер, просто воришка. Его не надо убивать, он ничего не докажет никому. Но тот, кто положит их под микроскоп и отыщет нарушение конвенции, станет для директора смертельным врагом. Смертельным.

Оказывается, это чертовски тяжело — выбирать, кем рискнуть.

Если бы Леха знал, что выбор за него уже сделан, и знал, какой именно выбор, он бы точно не удержался и заехал Марии в глаз.

Самое интересное, что его могла бы просветить Даша — пару раз она замечала Марию на обеде за одним столиком с программистом Петей.

Но Даше тоже снился Леха, она ходила обалдевшая от свалившегося на нее счастья и не придала значения увиденному. Дашу сейчас тревожил лишь один вопрос, да и то не чаще раза в день: не окажется ли, что у нее дурная наследственность «по психике».

Кроме того, они же договорились: без команды не дергаться, все по согласованию. Милый Леша такой умный, обязательно придумает, что делать. А Мария с кем только не общается, бродит по всему институту, работа такая.

А Леха теперь обедал вместе с Семеновым, угрумый техник не отпускал его от себя далеко. На Петю, когда тот спросил, что за зверь такой вертолет-эвакуатор, поселившийся под окном в лабе, Семенов только глянул — и промолчал. Ехидно промолчал, если можно так выразиться. Подойти к Лехе с тем же вопросом Петя не рискнул и целый день потом сидел за компом, надувшись от бессильной злости.

Сложный человек техник Семенов.

* * *

Мария вышла на Петю вполне целенаправленно: программист, который пишет софт для микробов, должен знать о предмете на два порядка больше нее. Запомнился ей этот тип по мимолетному знакомству как слашавый и неумный дамский угодник — такого она в барабанский рог скрутит. У Пети было на лице написано, что программер очень высокого мнения о себе, только вот девушки отчего-то не спешат разделить его нарциссические восторги. Уже под тридцать мужику, а живет то ли с мамой, то ли в одиноком замусоренном углу: такую инфу Мария считывала с человека на раз, с полу взгляда. Идеальный объект для манипуляций. К тому же болтун.

К тому же задвинут на микронах. Фанатичный поклонник Деда и легендарной пятой серии. По словам Пети, «пятерка» была шедевром, но слишком дорого обошлась Нанотеху: Дед умер из-за ее запрета, а Гуревич спалился и загремел, пытаясь

бескорыстно спасти уникальную разработку для будущих поколений. Именно так считали многие в институте, а Петя был в этом просто убежден. Нынешнего директора он, мягко говоря, недолюбливал. И очень тепло отзывался о Лехе. Ах, у него есть модель «пятерки», ох, как он ее любит...

Мария помнила, как эта легендарная «пятерка» скакала по ее кухне, да еще и напугала папулю. Папа хитрый, улучил момент, пока дочка в ванной, — и бегом к холодильнику, ему лишь бы слопать чего не надо. Поплатился за это: весь вечер сидел мрачный. В папином роду не было ни сумасшедших, ни даже толковых алкоголиков, но в юности он неудачно «дунул», подсел на измену и с тех пор боялся галлюцинаций. Увидал вертолетик на холодильнике — и глубоко задумался. А Мария свято хранила тайну пятой серии. Ничего-ничего. Колбаса целее будет. Она, конечно, хорошая, но Мария покупала ее вообще-то для соседской овчарки, то ли вечно недокормленной, то ли просто шантажистки. Бросишь ей колбаски — будет хвостом крутить и уши развесывать, погладь меня. Не дашь — начнет лаять и клацать зубами. И чем папе так глянулась именно эта колбаса?! Одним словом, никакого питетета к «пятерке» Мария уже не питала, зато смотрела на Петю сверху вниз: она-то эту легенду чуть ли не в руках держала. И не восемь лет назад, а вот только что, недели не прошло.

Петя все про себя выложил на первом же сеансе небрежного охмурения. То, что он из одной лабы с Лехой, той самой, где Семенов, которого Леха умолял не впутывать в дело, Марию не смущало. Она была уверена: Леха попусту дергается, а игра стоит свеч. Надо правильно нажать в правильных местах, и ей удастся провести недотепистого Петю как марионетку мимо всех препятствий. А если он зацепит

плечом Семенова — ну что же. Вдруг без этого уникального техника просто не обойтись? Результат оправдает все риски. Главное — результат.

Стереть Михалборисыча в порошок.

Ну и между делом родину спасти, тоже не хухры-мухры.

Перед родиной Мария не чувствовала себя особенно виноватой, но вот реабилитироваться хотя бы в собственных глазах за дикую историю с Лехой ей было нужно. Перед Лехой было стыдно. Перед Дашкой тоже. Надо заново нарабатывать авторитет в команде. Ну и Принц... Он-то как бы не из команды, сам по себе. Всегда может фыркнуть, сказать гадость, осмеять с ног до головы, а когда в ответ припечатаешь этого негодяя — он не припечатывается! С него как с гуся вода — повернется спиной да уйдет. Не бежать же за ним, чтобы пригвоздить к месту со второй попытки! Значит, надо раз и навсегда так его поразить в самое сердце, чтобы больше не поворачивался и не уходил. Подвиг не подвиг, но что-то героическое придется совершить. Чем скорее, тем лучше.

Кроме того, Мария просто не умела сидеть в засаде и выжидать.

* * *

Она умела только прыгать и набрасываться на проблему, такая уж натура.

Вся в родителей. Папа вроде научился притворяться тихим и рассудительным, его положение обязывает, а мама так и не смогла.

Вот, должна была приехать домой в перерыве между съемками, а вместо этого сидит теперь на Лазурном Берегу, жалеет страшно.

Она папе что-то сказала не подумавши, он пере-

спросил, а потом у него телефон в руке треснул. Хорошо, у папы много телефонов, позвонил и говорит: слушай, будь другом, пока не поумнеешь, домой не приходи. Посиди там у себя на бережку, подумай о своем поведении.

Мама называет каждый день, рассказывает, какой пapa хороший, только несдержаный (кто бы говорил!). Требует, чтобы Мария следила: пускай он нормально питается, не ест что попало, ему вредно.

У мамы есть фирменное блюдо, все уже забыли, как на самом деле называется, потому что дома оно зовется «летучее рагу». Кастрюлю с таким рагу мама когда-то швырнула в папу. Не попала, конечно, пapa был молодой и быстрый, но летела кастрюля, говорят, очень красиво.

Что поделаешь, южный темперамент.

«Мой дедушка, математик, очень любил свою науку, — рассказывала Мария, когда они гуляли с Лехой. — Он женился на бабушке во время каникул между универом и аспирантурой, потому что не знал, как убить время до начала учебы. Бабушка прожила с ним три года, иногда встречаясь с дедушкой на кухне, и всякий раз дедушка очень удивлялся. Потом бабушка от скуки пошла учиться танцам. Она была длинной, тощей и неуклюжей блондинкой, и учитель латиноамериканских танцев влюбился с первого взгляда. Он был метр шестьдесят ростом, пуэрториканец, по-русски говорил едва-едва, зато сыпал испанскими словечками. Бабушка забеременела, размечталась, что этот знойный мужчина — на двадцать лет старше ее и на голову ниже — увезет ее в свой тропический рай, там бабушка будет говорить по-испански и кушать авокадо. Она даже купила учебник испанского. Танцор, узнав о беременности, пришел в восторг, наговорил миллион комплиментов. Бабушка ушла от мужа к родителям,

сказав им, что это временно, а так она скоро уедет навсегда в Пуэрто-Рико. Но когда она намекнула танцору, что хочет познакомиться с его родителями, тот всплеснул руками и сказал, что это невозможно, совершенно невозможно, немыслимо, он никогда этого не допустит, ни за что! Они фанатичные католики, такие же, как и его жена, и могут обидеть юную русскую девушку, а ей нельзя волноваться. Бабушка проплакала два дня и никогда больше не видела этого типа. Она родила мою маму, подумала — и вернулась к мужу. На следующий день после возвращения они встретились на кухне, как раньше. Дедушка посмотрел на маму, удивился, спросил, зачем бабушка принесла этого ребенка, неужели, если ей скучно, не могла ограничиться котенком? Бабушка сказала: это наша дочь. А-а, ответил дедушка и ушел в кабинет, дальше заниматься математикой!»

«Что, на самом деле так и было? Это же анекдот!»

«Я чуть-чуть приукрасила. Но дедушка и правда никогда не спрашивал, его ли ребенок — моя мама. Вот такая история. Мама выросла смуглой низкобой блондинкой с голубыми глазами, очень востребованный в кино типаж, ты ее, наверное, много раз на экране видел. Ну, а по мне сразу понятно, что в генах отметились пуэрториканцы».

«Почему ты никогда не говоришь про маму? Всегда «ах, папа, ах, папуля», а про нее ни слова. Ведь это здорово, что у тебя такая мама, известная актриса...»

«А что говорить? Что я вижу ее на мониторе чаще, чем дома? Что я узнаю ее в любом гриме, но не узнаю — без него? С тех пор как я пошла в детский сад, она стала пропадать на съемках. Сейчас вообще приезжает на три дня в три месяца. И почти каждый раз это другая женщина. Она меняет прическу, цвет волос и кожи, стиль одежды... Я не знаю, как на са-

мом деле выглядит моя мама. У нее всегда то лицо, которое хотят видеть продюсеры, режиссеры, рекламщики. И никогда — то, которое хочу видеть я. У нее в голове только кино. Она не умеет просто общаться. Она смотрит на человека и думает, чем он может быть полезен для работы. Насколько выгодно для пиара появиться с ним на публике и в каком клубе лучше появиться. Продвинет ли он ее, даст ли роль. Она смотрит на меня и копирует мою мимику — мимику девочки-подростка. Это полезно, так она выглядит моложе. А больше мне нечего предложить ей. Когда я была маленькая, она таскала меня на кастинги. Меня один раз позвали в рекламу, но ролик не пошел в эфир. С тех пор мама вспоминает обо мне, когда возвращается мода на семейные ценности. Тогда она выводит меня куда-нибудь и позирует со мной в качестве манекена».

«Ты совсем ее не любишь?»

«Я стараюсь ее понимать. Ей сейчас трудно. Ей тридцать семь, и, может быть, текущий контракт — последний в ее жизни. Может, ей никогда больше не дадут главную роль. Она хватается за все. Она спешит наколотить денег, чтобы уйти из актрис в режиссеры или продюсеры. Папа не даст ей десять-двадцать миллионов на съемки, у него все в производство вложено — вот она и старается заработать сама. А обо мне она не волнуется. Она же знает, что с папой мне лучше. С папой я получу образование, я не подсяду на наркотики, не свяжусь с каким-нибудь рок-музыкантом. Думаешь, если бы я жила с мамой в Европе, мне было бы легче? Там я или годами сидела бы дома с нянями, или моталась бы по съемочным площадкам. Нет, я не в обиде на нее. Я у нее даже многому научилась. А когда я буду баллотироваться на каких-нибудь выборах, она поддержит мою предвыборную кампанию».

Мария действительно многому научилась у мамы. Точнее, разучилась. Просто общаться, просто дружить, просто жить у нее получалось год от года все хуже. Зато она все успешнее и успешнее коммуницировала, манипулировала и продвигалась. Обычных человеческих радостей у нее осталось всего ничего — мешать папе воровать колбасу из холодильника да таскать за собой Дашу. С папой они друг друга очень любили, но когда тебе целых пятнадцать лет, как-то неприлично уже лезть к отцу на колени, сворачиваться клубочком и мурлыкать. А Дашка... Ну, это Дашка, и все.

Жестокий облом, который ей устроил Михалборисыч, подействовал на Марию отрезвляюще. Она крепко задумалась, все ли в жизни делает правильно. Свежим взглядом посмотрела на Дашу, Леху и Принца — людей, выбирающих совсем другой путь. Много размышляла о политике и своих карьерных устремлениях. И пришла к неутешительным выводам.

Похоже, она была излишне самоуверенной и недостаточно эффективной. Ей казалось, что она умело использует Михалборисыча, тем временем этот опытный интриган попользовался ею.

Спасибо за науку, господин директор. Теперь Мария будет умнее и осторожнее.

Ох она ему устроит.

А заодно и всем покажет.

* * *

— Вот же гады! — выпалил Петя и быстро огляделся по сторонам: не заметил ли кто.

— Гады, не то слово, — сказала Мария. — Я не знаю, что делать.

— Ну и ну... Сначала загубили гениального ученика и великий проект, а теперь сами гонят репли-

каторов... А ты уверена? Я ведь не то что «девять плюс», я живой «девятки» толком не видел.

— Вот поэтому и не видел. Потому что ты сразу поймешь, что с ботами непорядок.

— Ну, не сразу, ты меня не переоценивай...

— Ты научник, Петя. А я кто? Девочка на побегушках. Я долго выбирала, кому рассказать. Но тут все какие-то... Слишком корпоративные. Вписанные в систему. Потом вспомнила про тебя. Ты не такой, как остальные. Ты свободный человек. У тебя есть собственное мнение. Это самое главное.

— Послушай... — Петя таял как мороженое, но все еще немного трепыхался. — Я понимаю, мне лучше не знать, кто твой источник. Но все-таки... Откуда такая уверенность?

Мария подняла глаза к потолку: точно в сторону дирекции.

— Так — яснее? Этот человек сам не понял, что проболтался. Решил похвастаться, впечатление произвести на хорошенькую дурочку. Чего она понимает, верно? А дурочка неплохо рубит в микронах. Уж основные-то принципы знает назубок. Чтобы быть лицом Нанотеха, одного лица мало. Ты «девятки» и не видел, а я ее в себе целый день таскала.

Петя нервно сглотнул.

— И как?.. — спросил он севшим голосом.

— Счастливая была, — процедила Мария. — Теперь представь, что эта дрянь — репликаторная. Сегодня она встала на поток. Сырая, наспех оттестированная, репликаторная дрянь. Что она может натворить, как ты думаешь? И что мне делать, Петя?

Петя явно хотел засыпать Марию вопросами, да не на ту напал. Она на него правильно смотрела, правильно дышала, правильно держала руки. У нее даже ноги под столом правильно стояли.

— Я тебя не прошу мне помочь, ты хотя бы подскажи.

Петя сел прямее и выпятил грудь.

— Ну почему же, — сказал он. — Я могу помочь. Нужен только образец «девятой плюс», минимальный рой в три кубика. Лучше побольше, но и три куба сойдет. Я отсканирую прошивку, расковыряю ее, и если это репликатор, мы с тобой директора посадим. И Рыбникову, гаду, не поздоровится.

— И Зарецкому! — вырвалось у Марии.

— Ему-то за что?

— Он в курсе всего. Осторожнее с ним, Петя.

— Так это... Это он тебе сказал?!

Мария выразительно промолчала.

— Если так, значит... Значит, так, — не очень внятно по форме, но понятно по контексту выразился Петя.

Программист сел еще прямее и совсем развернул плечи. У Марии вдруг мелькнула мысль, что этот тип не такой уж недотепа. И не дохляк-научник, присохший к монитору, вон мышцы какие... Но скорее всего, она просто его правильно замотивировала.

— Мне нужны образцы, — сказал Петя твердо. — Если что-то не заладится, Семенов поможет.

Мария изобразила легкий испуг.

— Не беспокойся, наш человек, — заверил Петя. — Совсем не корпоративный. Не знаешь Семенова? Это бывший личный техник Деда. Ага, вижу, понимаешь, о чем речь... Он на репликаторах съел такую собаку, что Рыбникову и не снилась. Кстати, Семенов большой друг твоего одноклассника.

— Только Лехе ни слова, он совсем мальчик еще, — быстро сказала Мария. — Это дело... Оно

между нами. Оно для взрослых. Если ты понимаешь, о чем я.

После этой реплики Петя должен был, по идее, тяжело задышать, вывалить наружу язык и пустить обильную слюну. Но программист только моргнул пару раз.

— Да бог с ним, с Лехой. Он не поможет нам достать образцы. А у меня нет пропуска в «яму», это другой сектор, да и не мой уровень. Вот в чем проблема, Машенька.

— Не проблема, — сказала Мария. — Просто дай мне свой номер и жди звонка.

— Примерно когда? Надо подготовиться.

Мария на миг задумалась.

— Дня три-четыре. Нет, три. Через три дня у тебя будут образцы.

Тroe суток она потерпит. Она должна играть честно и дать возможность Лехе проявить себя. Если за это время Леха ничего не придумает — что ж, он упустил свой шанс. Если Леха придумает, но провалится — будет запасной вариант.

Который уж точно не провалится, ведь его подготовила она.

Глава 30

«Девятую плюс» собирали уже трое суток днем и ночью, а Леха все никак не мог решиться. Ему, наверное, слишком хорошо жилось для резких движений, и он откладывал их, и снова откладывал. Дома обстановка более-менее нормализовалась. Погода все еще стояла вполне трейсерская. Учеба не мешала работе, и наоборот. Наконец, сегодня ему пришло в голову, что пора бы им с Дашей, культурно

выражаясь, сократить дистанцию общения. Нынче же вечером. Все остальное — потом.

Вдобавок слова Марии о том, что «девятая плюс» — это «механический наркотик», постепенно выветривались из головы. Нет, Леха ей верил, но... Если Мария права, в Нанотехе окопались совсем уж феерические мерзавцы, хоть бери и взрывай институт.

Репликацию он все-таки видел своими глазами. Он хотел отомстить Михалборисычу за вертолетиков, за дедушку, за сломанную карьеру отца. А еще за вечную угрюмость Семенова и то, что брат Принца остался без игрушки. Но это было личное и могло самую малость потерпеть.

А самое главное, Леха наконец собрался с духом рассказать все отцу. Осторожно, так, чтобы не втянуть его в свою авантюру. Показать вертолетиков, а дальше по обстановке. И как назло, четыре дня назад отцу поздно вечером позвонили. Тот сначала помрачнел, затем повеселел, закрылся в кабинете и долго там разговаривал. А следующим утром еще затмно укатил в Москву. Ничего толком не объяснил, только загадочно сверкнул глазами. Сказал, есть интересное предложение о работе. Сегодня к ночи обещал вернуться.

Надо еще немного подождать. Сутки хотя бы.

Мария натурально пилила Леху каждый день с момента запуска «ямы»: ну, когда начинаем действовать? Он невнятно оправдывался. А вчера к нему прицепился Принц с двумя вопросами сразу: чего ты ждешь и какая будет моя роль в нашем шоу? Леха послал его подальше. «Совсем от любви размяк, донжуан хренов», — констатировал Принц.

Спасибо хоть Даша по-человечески себя вела.

Даше было не до микробов, она разрабатывала коварный план: нынче же по дороге домой чего-ни-

будь испугаться и со страха повиснуть у Лехи на шее. Если не поймет намека, она сама его поцелует.

Даша как раз убедила себя, что план достаточно коварен и непременно сработает, когда в ее лабораторию вошла Мария.

Выглядела она в белой нанотехновской униформе просто сногсшибательно, даже несмотря на то, что убрала волосы под защитный колпак. Мужская часть лаборатории шумно вздрогнула.

— Салют микротехнологам от гуманитарных технологов! — заявила Мария с порога. — Руками не трогать, я стерильная.

Подмигнула Даше и направилась прямиком к завлабу.

Лаборатория проводила ее заинтересованными взглядами. Если пиарщик вдруг говорит «микро» вместо «нано», он либо с ума сошел, либо еще не потерян для общества. Конечно, не наш человек, но и не полный гуманитарий. На сумасшедшую эта красотка не была похожа. Значит, чего-то хочет понимать. Весьма похвально, весьма.

Мария вернулась через несколько минут, подошла к Даше и сказала:

— До конца дня ты моя, побежали.

— Да не хочу я к вам... — уперлась Даша.

— А там ты никому и не нужна, — сообщила Мария сварливо. — Пошли в центральный зал. Будешь моим Вергилием.

Пока Даша припоминала, кто такой Вергилий и каковы его служебные функции, они уже оказались в коридоре.

— Значит, слушай, — сказала Мария. — Топай рядом и слушай. Идем в «яму». Там на днях будет фотосессия, надо узнать у операторов «станков», куда ставить камеру, чтобы не мешала работе. Сколько туда можно затащить аппаратуры, чтобы ничего

не дрожало, как выставлять свет, и все такое. Это не легенда, все так и будет. Модель — ты. Кроме шуток. Ради такого случая дадут специальное разрешение маску тебе не надевать.

— Да не хочу я... — начала было Даша.

— Тихо! Держи, спрячь, — Мария что-то сунула ей в ладонь.

Даше не надо было смотреть, чем ее осчастливили, она на ощупь узнала специальные пробирки для забора образцов — достаточно их перемыла в ультразвуке. Но откуда у Марии-то две штуки?

— Откуда пробирки?

— Из лесу, вестимо. Отец, слышь, ворует, а я отношу... Петя дал, Петя.

— Какой Петя?

— Программер из Лехиной лабы.

Услышав про Леху, Даша сразу успокоилась. Значит, это он все устроил.

— Начинаем? — спросила она, чувствуя, как по спине ползут мурашки.

— Начинаем, — кивнула Мария и привычно сжала ее руку чуть повыше локтя, не крепко, но ощутимо.

Жест обладания и поддержки: не бойся, я с тобой.

— Будем не спеша бродить по «яме», выбирая планы, я тебя пощелкаю на телефон. Один из плавников — за пультом забора образцов. Последний. Незаметно пробирки наполнишь — и сразу уходим.

— Погоди, Маш... Ничего не выйдет, я же не знаю код операции! Стажеры не ходят за образцами! А без кода этот пульт ничего мне не даст!

— Ну ты смешная... Есть код! — Мария вытащила из кармана свой телефон, упакованный в прозрачный стерильный бокс, и победно взмахнула им. — Все у нас есть.

Какой умница Лешенька, подумала Даша, все

предусмотрел. Она сразу почувствовала себя уверенней и спросила только:

— А зачем целых две пробирки?

— Потому что я теперь хитрая, — объяснила Мария. — Будет резерв для непредвиденных случаев. Эх, если бы я тогда у Зарецкого шприц сперла...

— Да что там осталось в шприце, полтора микроба. Нужен рой. Ты все правильно говоришь, наберем две.

— А все равно надо было стащить, — заявила Мария. — Чтобы знал, с кем имеет дело!

Даша помолчала немного и тихо призналась:

— Если хочешь обмануть человека, совсем не надо, чтобы он знал, с кем имеет дело...

Мария обдумала это заявление, решила, что подруга очень даже права, но тем не менее высокомерно отгопырила губу и спросила:

— С каких пор ты у нас специалист по обману? Ты ведь даже не врешь никогда!

— Это ты не врешь никогда, — парировала Даша, невесело усмехнувшись. — Тебе очень повезло с отцом...

Они по очереди прогнали свои пропуска через замок и по одной зашли в тамбур центрального зала. Надели перчатки и маски — с тех пор, как «яма» заработала, тут все было всерьез — и шагнули, тоже по очереди, на галерею.

Работающая «яма» на первый взгляд отличалась от заглушенной только тем, что операторы за терминалами сидели теперь нога на ногу и даже мышками не щелкали. Но по едва заметному напряжению плеч было понятно: эти люди очень внимательно следят за происходящим.

А еще «яма» тихонько пела. В трубопроводах не булькало, в танках не хлюпало, просто от «станков» шел еле слышный и почти музыкальный звук.

— За мной, — сказала Мария.
Они начали спускаться.

Высоко-высоко, под самым потолком центрального зала, на стальной балке монтажного рельса сидел вертолетик. Троє суток назад он легко пролез в святая святых Нанотеха через уплотнители: прогрыз крохотную дырочку, рассыпался в мелкую пыль, опять собрался, прогрыз еще дырочку — и собрался уже внутри. Успел тщательно обследовать весь зал. Сейчас он грелся в невидимых лучах «поля подпитки» и ждал решения от роя: устроить диверсию немедленно или ждать, пока танки заполнятся, чтобы прикончить всех головастиков одним махом.

Рой перебирал варианты. Он уже знал, что их надо убивать, пока они еще маленькие. Но головастики спали в танках и прямой угрозы не представляли. Тормозить процесс сборки можно бесконечно: технику будут чинить и процесс возобновлять. Разумнее дождаться момента, когда микросборочные комплексы закончат работу. Это будет сигналом к атаке.

Выгнать из здания людей, отключить «поле подпитки», прогрызть танки, чтобы спящие головастики вытекли из комфортной среды наружу, отрубить противопожарную систему и поджечь центральный зал. Серые твари мгновенно гибнут в огне, это уже проверено.

Устроить пожар в центральном зале, да так, чтобы он весь хорошо нагрелся, было непростой задачей. Но танки наполняются очень нескоро, вертолетики успеют найти решение и подготовиться.

Главное — вывести людей, всех до единого.

Вертолетики здорово изменились за восемь лет, но оставались медицинскими ботами. Сама идея, что можно намеренно или случайно убить человека, была недоступна их пониманию.

* * *

Леха грузил лабораторную посуду в мойку, когда распахнулась дверь и появился в сопровождении очень недовольного Пети... Принц!

Он был обряжен в нанотеховское белое, которое очень шло ему, и глядел именинником.

— А вот и я! — радостно оскалился Принц. — Ну, что тут у вас с Интернетом?

Никогда Леха еще не был так близок к тому, чтобы сломать ультразвуковую мойку.

— Ладно-ладно, — сказал Принц, хлопая его по плечу. — Давай, рассказывай, как ты испортил 4G. Глюк загадочный, поэтому ты лучше сразу признайся, а то я долго тут у вас буду!

— Сюда, пожалуйста, — позвал Петя.

Принц направился к компьютерам и вдруг запнулся на ходу.

Он глядел на стол у окна, где стоял игрушечный вертолет с надписью «ЭВАКУАТОР» на борту. Рядом сидел техник Семенов, рассеянно листая потрепанный бумажный журнал.

Семенов оторвался от журнала, поднял глаза на Принца и вдруг подмигнул ему.

* * *

Девушки бродили по «яме» добрых полчаса: Даша старательно позировала, Мария щелкала камерой телефона. Последний план был, как договорились, у пульта забора образцов. Даша никогда раньше с ним не работала, но понимала его устройство. Да там и понимать-то нечего было: как верно говорили ребята из ЦУПа, «сунуть в пульт стакан любой дурак сможет».

О том, что после кода операции надо еще ввести

код допуска, Даша по молодости не знала и знать не могла. Лаборант-стажер из ЦУПа не ходит в «яму» за образцами, его туда гоняют разве что с посудой для них, нечего молодому хватать руками то, в чем плохо разбирается.

Даша быстро наполнила пробирки.

На центральном посту охраны вспыхнул красный сигнал. Дежурный с напарником переглянулись.

— Ты — тихую общую тревогу, — сказал дежурный. — А я звоню биг боссу.

Напарник принялся давить кнопки, а дежурный снял трубку прямого внутреннего телефона, дождался ответа и сухо произнес:

— Михаил Борисович, объявлена тихая общая. У нас несанкционированный забор образцов в центральном зале.

Любезно попрощавшись с операторами, девушки покинули зал, и в тамбуре Даша сунула пробирки Марии в карман. Уффф... Все эти полчаса Дашу немного потряхивало, но она старалась не подавать вида. Теперь напряжение отпустило, и по коридорам Нанотеха она шла вслед за подругой на ватных ногах.

Мария шагала привычной деловой походкой, стараясь не сиять лицом совсем уж ослепительно. Пока что все получалось великолепно. Сейчас должен был появиться Петя...

И Петя появился строго вовремя, шел навстречу.

— Привет! — сказала Мария и поздоровалась с ним за руку. Пробирка с образцами серии «девять плюс» скользнула из ладони в ладонь. — Ты чего такой смурной?

— А-а... — Петя отмахнулся. — Ерунда. Не поверишь, внешний Интернет упал! Сейчас чинят. Ну, пока!

И быстро исчез за углом.

— Ну вот, — Мария обернулась на ходу к Да-ше. — «Дело сделано!» — как сказал палач, отрубив невинной жертве голову.

— Хорошо бы. Молодец Леша, как ловко все придумал.

— Леша? — переспросила Мария. — Ах, ну да. Конечно, конечно.

Ее так и распирало от гордости.

— Я что-то не то сказала? Погоди, Маш... А код операции кто достал? Разве не Леша?

— Петя дал.

— А откуда у него этот код, ты не интересовалась?

Мария пожала плечами. Откуда у Пети код, ей и в голову не пришло спросить. Ну, украл. Или подобрал, он же программер. Или...

Мария остановилась так резко, будто ее за шиворот схватили.

— И куда он сейчас понес образцы? — не унималась Даша.

Мария думала о том, что когда тебя кидает через одно место будущий Президент, это в некотором смысле даже почетно. А вот какой-то драный программист... Нет! Не мог он сам. За ним кто-то должен стоять. Уж больно Петя убедительный дурак и болтун. И даже не попытался залезть ей под юбку.

— Если он работает на директора... — начала Мария упавшим голосом.

— Если на директора, нам еще повезло, — сказала Даша. — От директора нас как-нибудь отмажет твой папа.

Секунду-другую они молчали, глядя друг на друга.

— Если он агент ФСБ, это тоже ничего, — заявила Мария с кривой ухмылкой висельника. — Всегда можно сказать, что хотели посодействовать.

А вот если и не то и не другое... Сколько сейчас за государственную измену дают? Кажется, пожизненное...

Ах ты, Петя, думала она. Все у тебя было готово, ты просто не мог сам спуститься в «яму» и подойти к пульту. Ты, наверное, долго ждал, когда подвернется идиот, который сделает это за тебя. Или иди-отка... Ох, ты небось обрадовался: сама приперлась! И не какую-то там скучную «девятку» — репликаторов тебе на блюдечке принесла!

Мария опустила руку в карман и любовно погладила запасную пробирку с образцами. Ничего, ничего, господа хорошие! Не все еще потеряно. Она умнеет на глазах. Она вам покажет. Теперь ее ход в игре.

Знать бы, в какую сторону ходить...

— Ой, а эти тут зачем... — прошептала Даша.

Вдалеке замаячили плечистые фигуры в белом — служба безопасности.

— А это нас арестовывать идут! — заявила Мария.

— Уже?! Слушай, зачем ты меня пугаешь! Я «Мастера и Маргариту» тоже читала... Пока отец не заметил и не заставил стереть. Там именно арестовывать приходили!

— Да чего ты такая трусиха? — спросила Мария, присмотрелась к фигурам в белом и поняла: а пугаться-то самое время!

Охранники не просто шли по своим делам. Они явно направлялись к девушкам, и лица у них были очень решительные.

Мария резко повернулась и бросилась бежать.

Против обыкновения, она не потащила за собой Дашу.

* * *

Принц основательно помучил компьютеры и теперь бродил по лаборатории, держа на вытянутой руке какой-то сканер. Связист тыкал пальцем в кнопки, морщил лоб, записывал в блокнот данные и постепенно, двигаясь извилистым маршрутом, добрался до Лехи, который уже закончил возиться с мойкой и мирно скучал на рабочем месте.

— Не знал, что ты и здесь чинишь Интернет, — сказал Леха.

— Где ломаю, там и чиню, — буркнул негромко Принц. — Решил тут у вас осмотреться. Давно хотел сюда попасть.

— Ну ты даешь...

— Раз ты не шевелишься — сам буду.

— Хорошо, — Леха тяжело вздохнул. — Уговорил, начнем завтра. У меня сегодня еще...

— Интимная жизнь, — подсказал Принц.

— Личные дела, — уклончиво объяснил Леха.

Открылась дверь, никто даже не посмотрел в ее сторону — должен был вернуться Петя, который бегал в туалет и чего-то там сегодня застрял.

— Алексей!

В дверь заглядывал Михалборисыч. Леха вскочил, Принц кивнул, Семенов даже ухом не повел.

— Здравствуйте все, — сказал директор. — Алексей, а ты мне нужен. Пойдем-ка, разговор есть. Кстати, молодой человек... Господин Коваленко, верно? И вы тоже.

— Это какой-то хитрый глюк, но я его почти выловил, — сообщил Принц. — Еще полчасика...

— Не сомневаюсь, что вы его устраниете. Пойдемте, пойдемте.

Они втроем двинулись по коридору. Михалборисыч шел быстро, вид у него был, как всегда, увер-

ренный и деловитый. Леха с Принцем недоуменно переглядывались за его спиной.

Навстречу им попался Петя, он тоже спешил и выглядел озабоченным. Программист раскланялся с директором и спросил у Принца:

— Будет сеть, не будет?..

— Полчаса, — сказал Принц. — Если сейчас не припащут шкафы таскать — полчаса.

— Не припащут, — через плечо бросил Михал-борисыч. — С дедовщиной мы боремся.

Они успели подняться со второго этажа на четвертый и дойти почти до самой дирекции Нанотеха, когда им навстречу выскочили почти бегом четверо охранников.

— Наконец-то, — процидил сквозь зубы директор. — Сколько можно вас ждать?! Этих двоих — вниз!

Слово «вниз» подействовало и на Леху, и на Принца одинаково.

О том, что «внизу» ничего хорошего не бывает, оба подумали уже на бегу.

* * *

У своей лаборатории Петя даже не сбавил шага, он прошел мимо, двигаясь к лифтам. Тут дверь открылась, и в коридор выглянул Семенов.

— Ты куда намылился? — поинтересовался он у удаляющейся Петиной спины. — Смена еще не кончилась.

— Ой! — воскликнул Петя. — Задумался. Задумался и проскочил!

— Все такие умные, — сказал Семенов. — Думают. Самому попробовать, что ли.

Он дождался, пока Петя зайдет в лабораторию, вошел за ним следом и захлопнул дверь.

* * *

Уворачиваться от охранников было легко, но они подстерегали всюду. Леха и Принц привыкли бегать по городу, там всегда можно найти пространство для маневра, а здесь сплошные коридоры, да еще и мебель кое-где. Особенно в офисах. Там Принц опрокинул кадку с каким-то деревом, а Леха сломал журнальный столик. Они бы еще много чего разнесли вдребезги, если бы их не выдавили с верхних этажей почти сразу на первый.

Пару раз пришлось «заходить на стену», и оказалось, что если за Принцем несутся, размахивая шокерами и дубинками, несколько разъяренных дядек, он бежит по вертикальной поверхности ненамного хуже Лехи.

Леха знал институт в общих чертах, схематично, он искал очевидные пути на выход, и все оказались перекрыты. Охраны было не так уж много, бегала она медленно, зато действовала слаженно: методично отжимала их с Принцем куда-то в середину цоколя. Леха сообразил: там есть тупик, это тамбур центрального зала. Внутрь им не пройти, вот их и зажмут.

Было обидно так глупо попасться, но альтернатив Леха видел только две: либо просочиться в канализацию, либо разбить окно и грызть решетку. Он бы давно мчался по территории, если бы окна первого этажа не были зарешечены. Поэтому охрана и поспешила согнать беглецов вниз.

К тамбуру они выскочили одновременно с Марией, только с разных сторон.

— Ты?.. — выдохнул Леха.

Мария воткнула пропуск в замок и распахнула дверь.

По сравнению с парнями она почти не запыха-

лась — эти двое оттянули всех преследователей на себя.

— Оттуда не вылезешь! Там как в мешке!

— Ну сдавайся, — бросила Мария, исчезая в тамбуре.

Леха едва успел поймать дверь и нырнул следом за девушкой.

* * *

Операторы «ямы» были сильно озадачены: по залу носятся трое молодых людей, а за ними дюжина мордоворотов, и главное, без масок, заплюют сейчас всю технику. Это было такое безобразие, что старший смены поднялся с места, простер руку к охране и обратился к ней с просьбой немедленно прекратить, оформленной ненаучно, зато ярко и об разно.

Старшего походя толкнули, и он упал обратно в кресло. Но тут же схватился за телефон. А потом выронил трубку и заорал:

— ВСЕМ — СТОЙ!!!

Никто не остановился, зато смена принялась как подорванная барабанить по клавишам. Она останавливалася «станки».

Потому что целая толпа народу забралась на виброзащищенную платформу и теперь бессовестно трясла ее. Прыгала, толкалась, махала руками... И даже когда угомонилась, лучше бы ее там не было — так она пыхтела и отдувалась.

Мария, Леха и Принц стояли плечом к плечу, затравленно озираясь.

Перед ними было полукольцо охранников — потных, еле переводящих дух и очень, очень недовольных.

Позади — ослепительно-белая зализанная бочка центрального танка.

Наверху, под самым потолком, свесился с края рельса вертолетик. Если у вертолетиков бывает удивленный вид, то у этого — точно был, да еще какой.

Охрана медленно приближалась к беглецам, стараясь так плотно держать строй, чтобы никто из троицы даже не подумал улизнуть. Будь эти трое взрослыми, им бы наваляли люлей, но они ведь просто дети. И приказано их взять по возможности мягко, без заметных синяков. И только не шокерами, а то вдруг кто отбросит копыта.

Мария приняла независимый вид и достала что-то из кармана.

— Вам ведь это нужно? — спросила она.

Между пальцами у нее была небольшая пробирка.

Леха, который уже догадался, кто звезда сегодняшнего шоу, чуть зубами не заскрипел от досады. Естественно, Машка. И естественно, она вляпалась.

Прямо не везет ей с микробами, пора менять работу. В детский сад бы ее устроить, что ли. Нет, не воспитательницей. Воспитуемой!

Принц, напротив, глядел на Марию с восторгом. Она его наконец-то впечатлила не только внешностью и наглостью, а кое-чем посерьезнее.

— Вам это нужно? — повторила Мария. — Н-н-нате!!!

Повернулась и с размаху шарахнула пробирку об танк.

Пробирка со звоном разлетелась вдребезги. По стене танка расплылась серая пленочка.

Охрана набросилась на ребят.

Подростку драться со взрослым, если тот не в стельку пьян, — дело пустое. Сорокалетнему мужику достаточно один раз в тебя попасть. Ты «поплыешь», а он добьет. Скачи вокруг него, маши нога-

ми, он будет спокойно ловить тебя на кулак. Перед ним и не такие скакали. А потом он попадет в тебя.

Леха и Принц вдвоем, будь они хоть сколько-то обучены бить людей на поражение, возможно, и замесили бы одиночную взрослую тушу весом до центнера включительно. Но против них стояли умелые бойцы с огромным численным перевесом. Ни о каком мордобое и речи быть не могло. Ребята просто до последнего не давались врагу в руки и заслоняли собой Марию, чтобы ей случайно не прилетело в лоб.

Сообразив через несколько секунд, что задержание выглядит как-то непрофессионально — этих вертких мальчишек просто так не скрутишь, они выскользывают, — противник решил давить массой. Еще секундой позже Принц лежал на полу, а на нем сидели двое. Мария с царственным видом протянула руки вперед: типа, вяжите. Ей, конечно, хотелось предъявить этим нахалам свой коронный удар локтем в нос, но сейчас был явно неподходящий случай.

А Леха все еще дрыгался, хотя его уже держали.

Один из охранников, рассвирепев, ткнул Леху шокером, но тот отбил руку, и разряд ушел в стенку белой цистерны.

Точно в серую пленку на ней.

Часть ботов, мирно спавших на стене, мгновенно сгорела. Но только часть.

Рой проснулся. Понял, что он загружен и пора начинать работу. Но структура, куда его загрузили, выглядела огромной и совсем не подходящей для «девятой плюс», а сам рой отчего-то был на нижнем пределе численности. Еще чуть-чуть, малейшая случайность, и ему конец. Тогда он не сможет выполнить свои задачи, первая из которых — «обжить» место загрузки, надежно закрепиться в нем.

Надо срочно искать комфортное место и оттуда начинать разгон.

Глава 31

Петя так и ерзал на стуле. Открывал какие-то окошки на мониторе, снова их закрывал, то и дело бросал взгляд на часы. Видно было, что он сорвался бы отсюда в любой момент, но ему мешал Семенов.

Пару раз Петя оглянулся на техника, недобро и будто бы оценивающе. Семенов лениво перелистывал свой журнал. Петя заметил, что написано на обложке, криво ухмыльнулся и снова уперся взглядом в монитор.

Журнал назывался «Оружие и боеприпасы».

* * *

В центральном зале Рыбников забрался на платформу и присел на корточки перед танком.

— Ну, и где?.. — спросил он.

— Вот прямо тут было, — старший смеяны ткнул пальцем. — И сплыло.

Он переступил с ноги на ногу, под баxилами хрустнуло битое стекло. Старший выругался.

Рыбников достал из кармана монокуляр и уставился на стену танка. Потом начал ползать на четвереньках по платформе.

— Сожгло их разрядом, — сказал он снизу. — В пыль. Убирайте тут все.

Старший помотал головой.

— Сожгло, да не всех. Я что-то видел. Я что-то видел.

— И куда они делись? Просочились сквозь платформу? Танк прогрызли и спрятались внутри? Не смеши меня. Они спали. Их прижгли, они рассыпались.

Старший поглядел на стену танка.

— Может, принести микроскоп посильнее?
Вдруг там остались следы?

Рыбников встал, отряхнул колени, сунул монокуляр обратно в карман.

— Послушайте, — сказал он. — Вы можете притащить сюда хоть туннельный микроскоп, хоть орбитальный телескоп «Хаббл». Для очистки совести все сойдет. Это меня не касается. Я знаю, чего может «девять плюс» и чего она не может, что она сделает и чего никогда не сделает. У нее два состояния: либо спит, либо работает. Убегать и прятаться я ее не учил!

Внутри танка бесформенная серая масса начала потихоньку бурлить.

«Девятая плюс» готовилась работать.

* * *

Мария, Даша и Принц сидели в бетонном ящике, кое-как подсвеченном мутной лампочкой под потолком. Заброшенная бытовка в дальнем углу подвала должна была производить на допрашиваемого сильное впечатление. Пыточная камера в глухом подземелье. Кричи — не кричи, помохи не дождешься. Ну прямо страшные застенки Лубянки. Или подвал гестапо, если тебе больше так нравится.

Но эти тинейджеры то ли не слышали никогда про «подвал Мюллера», то ли просто выросло какое-то вконец оғигевшее поколение — не боялись они, и все тут. Напротив, они вели себя так нагло, что начальник службы безопасности едва сдерживался. Он уже звонил Михалборисычу, прося разрешения пугануть негодяев всерьез, но тот запретил.

— Главная добыча у меня, — сказал директор. — А этих... неуловимых мстителей мы вернем родителям целыми и невредимыми, понял? Без шума и

пыли. Не форсируй допрос. Это просто глупые дети. Я с ними потом лично поговорю, и все будет хорошо.

Начальник службы безопасности тяжело вздохнул.

Он сам понимал, что форсировать допрос нельзя. Вот, допустим, эта кудрявая нахалка: девочка хорошая, только у нее нехороший папа. Мало ли чего ему в голову взбредет, если дочка нажалуется. А охрана, она только в боевиках любит драки и перестрелки. В реальной жизни охрана существует для того, чтобы никто пальцем никого не тронул. А вздумает тронуть — свою морду подставляй. Но это уже будет считаться проколом в работе.

Потому что главная задача службы безопасности — заранее предугадать и вовремя предотвратить любой инцидент. А сейчас охрана позорно облажалась, проворонив в институте четверых диверсантов. Начальник очень надеялся, что перед ним именно глупые дети, решившие поиграть в джеймсов бондов. Но даже и при таком раскладе этика службы требовала от него положить на стол Михалборисыча заявление об уходе.

Глупых детей очень хотелось выпороть. Они ломали карьеру начальника, и будь такая возможность, он сломал бы их самих за это. Девчонки ломаются в пару минут. А к парню можно вообще не прикасаться: он посмотрит на то, что собираются делать с девчонками — только собираются, — и сам все расскажет.

Но это было бы непрофессионально.

Тем временем глупые дети разыгрывали целый спектакль. Даша старательно притворялась дурочкой — у нее по этой части накопился богатый опыт, дома научилась. Мария всем объясняла, что с ними сделает ее отец, если она тут прольет хоть одну слезинку. Принц рассказывал про своего папу — афри-

канского короля, у которого народ пускай небольшой, зато очень злобный. Это вылилось в бурное выяснение, чей папа круче. В какой-то момент едва не дошло до рукоприкладства, и Марию с Принцем еле растащили по углам.

Начальник службы безопасности слушал этот бред и тихо дурел. А потом себя поймал на том, что получает некоторое удовольствие. Он-то раньше знал, что по-настоящему долбанутый папаша только у блондинки. А оказывается, родители капитально больные и у этих двоих.

Иначе откуда берутся такие отвязанные дети?

Он даже немного расстроился, когда директор попросил его подняться. Зрелище тут, внизу, было отменное.

* * *

Леха сидел, развались в кресле, глядел на портрет своего дедушки и пытался изобразить на лице его фирменный ехидный прищур. Выходило, кажется, так себе: Михалборисыч не впечатлялся. Директор был спокоен, как удав, переваривающий кролика.

Он не задавал вопросов. Его будто бы ничего не интересовало. Он знал, чего хотел.

Доктор Зарецкий тоже выглядел уверенно: бродил по кабинету, улыбаясь и делая странные движения руками, словно втыкал что-то и выдергивал.

— Давай по-взрослому, Алексей, — сказал Михаил. — Предлагаю тебе сделку. Очень простую сделку. Ты зайдешь ненадолго в наш стационар, буквально на полчасика, а потом отправишься живой-здоровый на все четыре стороны. Никаких претензий, никаких последствий. Живи, как раньше жил. Захочешь поболтать, звони мне, заходи в гости. Только не просись обратно в Нанотех, ты уволен.

— А чего я сделал-то?! — очень по-школьному возмутился Леха.

Ты бегал, подумал Михаил, ты снова бегал. И ты снова глядишь так, как раньше. В тебе опять сидит пятая серия, и на этот раз я ее достану. Эта «пятерка» — прямо чудо какое-то, и она нужна мне, нужна.

— Хочешь, чтобы я нудно и долго описывал, как ты организовал шпионский заговор? Ты сам должен понимать, что продукция Нанотеха — это не просто «секрет фирмы», а часть федеральной программы. За промышленный шпионаж сейчас наказывают очень жестоко, но тут уже попахивает государственной изменой, мой юный друг.

— Тоже мне секрет... — бросил Леха. — Через несколько месяцев эта ваша государственная измена будет сидеть в любом гражданине России. Вынимай и клади под микроскоп...

— Ага, — согласился Михаил. — Напрасно ты поспешил, если хотел просто рассмотреть поближе «девятую плюс». Подождал бы, разве трудно... Алексей, давай не будем о скучном и грустном. Давай не будем о том, как и за что ты угодишь в колонию для несовершеннолетних. И почему ты оттуда пойдешь во взрослую тюрьму. А я гарантирую это, если ты и дальше будешь тут... демонстрировать свою немеренную дурь. Не зли меня, не надо. Пока что я предлагаю сделку. Да? Нет?

— А если нет, вы меня, значит, посадите? — спросил Леха почти весело.

Он не верил Михаилу. Никого тот никуда не посадит: ему не нужна огласка. Лехе все было совершенно ясно, и он просто тянул время.

Время требовалось, чтобы, образно выражаясь, разогреть кровь.

— Посажу, только не сразу. Сначала мы тебя усыпим и отправим в стационар на каталке.

Усыпал один такой, как же, мысленно усмехнулся Леха. Ты отлично понимаешь, что это будет непросто. Ты сейчас только об одном думаешь: я уже супермен или только учусь. Ты боишься, что я прыгну головой в окно и улечу с четвертого этажа.

Леха ошибался, много на себя брал по молодости. Михаил ничего такого не думал. Он просто не хотел, чтобы мальчишку били по голове: останется гематома. И от шокера может быть заметный ожог. Пока что на парне ни царапины. Вот и замечательно. Никаких следов. Наглый щенок ничего не докажет.

— Пойми, мы проверим твою кровь все равно. Сделка не в том, будет это или не будет. Сделка в том, будет ли это на добровольной основе. Не дури, Алексей. Город маленький, у нас тут все свои. Все слишком давно знакомы. А чем ближе знакомство, чем лучше знаешь человека, тем больше можешь сделать ему. Понял, нет? Не жалеешь себя — пожалей Витю. И пожалей Лену.

Тихонько приоткрылась дверь, в кабинет боком просочился начальник службы безопасности. Леха оглянулся на него, поглядел снова на Михаила, такого спокойного, окинул взглядом Зарецкого — доктор разминал пальцы...

В окно прыгать очень не хотелось, ведь Леха еще ни разу даже не поцеловал Дашу, не успел ей сказать, как она ему дорога. А главное, вертолетики не умрут сразу вместе с симбионтом, просто от удара они придут в замешательство, попытаются соскрести человека с асфальта и собрать его заново... Бедные вертолетики... И пока они будут суетиться, эти сволочи успеют набрать достаточно Лехиной крови.

— Ладно, — сказал Леха. — Я знаю, чего вы хотите. Вам это нужно?

Он не спеша расстегнул белую куртку, взялся за

воротник футболки и дернул. С сухим треском футболька порвалась до пояса.

— Вам это нужно? — повторил он.

И в одно движение вырвал из себя душу.

Грудь, плечи, шея Лехи окутались серебристым облачком.

Зарецкий тонко взвизгнул и отпрыгнул назад, Михаил вскочил со своего места, начальник службы безопасности — человек благоразумный — нашупал за спиной дверь.

— Ловите... — задыхающимся голосом произнес Леха.

Серебристое облачко уплотнилось, собралось в тучу мелкой блестящей мошкары.

— Лови!!! — заорал Михаил. — Это пятая, лови ее!!!

— Сам лови, — очень спокойным голосом сказал Зарецкий. Он пытался втиснуться задом в щель между двумя книжными шкафами.

Начальника службы безопасности в комнате вообще не было. Этот здоровенный лось задал стрекача так бесшумно и незаметно, как умеют только истинные профессионалы.

Вертолетики построились в воздухе узким клином — и рванули в сторону вентиляционной решетки под потолком.

Михаил прыгнул вперед через стол, загребая руками так, будто и правда надеялся поймать ботов, и с грохотом свалился Лехе под ноги.

Вертолетики с разгону влипли в решетку и будто всосались в нее: чпок — и нету.

Леха обидно захохотал, но тут же поперхнулся. Ему было плохо. Еще хуже, чем в прошлый раз.

Камера в стене кабинета бесстрастно передавала картинку: падает директор; улетает рой; смеется и сникает в кресле Леха; Михаил вскакивает, зачем-то вытаскивает из щели между шкафов доктора Зарец-

кого, хватает его одной рукой за грудки, а другой принимается хлестать по морде.

Выражение лица у Михаила было почти сладострастное, но объектив камеры, пусть и совсем новый, не обладал достаточной чувствительностью, чтобы это передать.

А потом Михаил выпустил доктора, бросился к телефону, схватил трубку и застыл с ней в руке, как изваяние.

* * *

Петя все страдал, ерзая на стуле, когда у Семенова в кармане зазвонил телефон. Техник вытащил старомодную трубку-раскладушку, открыл, поглядел, какой там номер выступил, едва заметно дернулся глазом — это у него означало, как правило, недобродухлое удивление или опасное недовольство — и поднес телефон к уху.

— Семенов, а у тебя дома трубу прорвало! — сказал в трубке веселый голос.

Семенов, никак не переменившись в лице, сложил трубку и спрятал ее. Несспешно потянулся, хрустнув чем-то в спине, поморщился, медленно встал на ноги. И двинулся через лабораторию своей неповторимой медвежьей походкой — тяжелой, но мягкой, плавной, самую чуточку косолапой. Двинулся в сторону выхода.

На полпути техник остановился, бросил через плечо взгляд на Петю... И пошел обратно.

Взял со стола журнал, побродил туда-сюда по лаборатории и опять уселся, закинув ногу на ногу.

Правда, теперь он сидел между Петей и дверью.

Петя так вздохнул, что, казалось, вот-вот отдаст концы.

Глава 32

Когда датчики центрального танка будто взбесились все разом и компьютер нарисовал на мониторе умопомрачительную кривую, старший смены ограничился лишь одной фразой:

— Говорил же я!..

Он едва успел схватиться за телефон, как слева и справа раздались изумленные возгласы. Старший метнулся к одному терминалу, другому...

Поперло во всех танках, центральный просто раньше дал о себе знать.

— Что это?! — спросил молодой оператор.

Старший ответил что.

Чтобы обрисовать ситуацию всеобъемлюще, ему хватило одного слова.

После этого он снова взял трубку и сказал в нее:

— Михаил Борисович! Не знаю даже, как объяснить... В общем, это дерньмо размножается!

* * *

Когда директор и Зарецкий выскочили из кабинета словно ошпаренные, Леха мирно сидел на месте и глядел в одну точку. Снова его будто выжали и высушили. А еще было так невыносимо грустно, что, даже подойди к нему сейчас Даша с нескромным предложением, он бы...

Леха обеими руками почесал грудь, потом шею. Нет, ради Даши он бы себя заставил немного пошевелиться.

А то, что можно сделать прямо сейчас, — оно ради кого?

Бежать. Вырваться.

Леха выкарабкался из кресла, постоял немного,

держась за его спинку. Поковылял к двери, приоткрыл ее. За дверью стояли двое охранников. Из тех самых, что его ловили.

— Привет! — сказали ему. — Слышь, не очень мы тебя... Помяли? Ну, иди назад, иди, нечего тут... Отдыхай.

Леха закрыл дверь, встал посреди кабинета, посмотрел на портрет Деда.

Такие дела, дедушка. Ты меня спас, я спасаю твоих вертолетиков, они спасают меня... Прямо команда спасателей. А кругом уроды какие-то. И люди уроды, и микробы у них получаются уродские. Почему так, скажи?

Дед не ответил.

Душно тут. Хотя, наверное, это с непривычки. Леха подошел к окну, раскрыл его, высунулся и принялся глубоко дышать. Вдох, выдох... Вдох, выдох... Снаружи уже стемнело, но фонари на территории и окна Нанотеха давали света достаточно, чтобы оглядеться. А чего у нас внизу? Ой как высоко. Он посмотрел направо, нале... О-па. Это уже интересно.

На расстоянии вытянутой руки по стене тянулся неплотно к ней прибитый толстый прут громоотвода.

* * *

Михаил и Зарецкий ворвались в центральный зал, пробежали по галерее и быстро ссыпались по лестнице в «яму». Там уже сутился у терминалов Рыбников.

Старший смены, засунув руки в карманы, стоял в сторонке с таким независимым видом, будто он вообще не отсюда. Но, завидев Михаила, бросился ему навстречу.

— А я ему говорил! — сообщил он, кивая в сторону Рыбникова. — Я говорил ему!

Михаил отодвинул старшего и прошел мимо.

— Ну и хрен с вами со всеми... — буркнул тот.

Михаил крепко схватил Рыбникова за отворот халата.

— Что у нас? — прошипел он. — Ну?

— Спонтанный разгон, — задушенно отозвался Рыбников.

— Почему?

Рыбников только головой помотал.

Михаил посмотрел через его плечо в середину зала.

— Ты снял питание с танков?

— А я могу?.. — ответил Рыбников вопросом на вопрос.

— Ах, черт... — Михаил обернулся к старшему. — Снять питание с танков! Немедленно!

Старший молча уселся за терминал, сделал несколько движений мышью, ввел какой-то код, щелкнул кнопкой.

«Яма», которая и так уже не пела, только еле слышно жужжала, после этого щелчка заглохла совсем. В центральном зале воцарилась тишина... Нет, не тишина.

Михаил медленно пошел к танкам, не отрывая от них глаз и прислушиваясь. Рыбников и Зарецкий потянулись следом.

— А ну не топайте! — прикрикнул Михаил.

— Да и так слышно, — пробормотал Зарецкий. — Что-то там шевелится.

— Известно что... — буркнул позади старший.

— Как думаешь, поле выключить? — бросил через плечо Михаил.

— Обязательно, — сказал Рыбников. — Но я бы... Слушай, уводить людей нужно.

— Без паники, без паники, — Михаил достал телефон. — Знаю я тебя, перестраховщика. Только

мне не хватало тут... Сейчас и без этого шухер поднимется на весь институт. Когда мы в последний раз поле отрубали?.. Внимание, это директор! Даю код три, как поняли меня? Код три... Да, правильно, оповестите все подразделения. Да, пять минут.

Пять минут, — повторил он, пряча телефон. — Ну, и чего мы боимся? Не все еще потеряно. Сколько они продержатся на голодном пайке?

Он залез на платформу и приложил ухо к стене танка.

— Булькают, веселые ребята...

— Часов семь-восемь, я думаю, — сказал Зарецкий. — Им там, гадам, тепло и уютно.

— Больше, — сказал Рыбников. — До десяти. Особое мнение заявить можно? Я понимаю, что со мной не согласятся, но выслушайте хотя бы.

— Валяй, — разрешил Михаил, не отрывая уха от стенки.

— Предлагаю обесточить зал полностью и вывести людей.

— А мониторить как?

— Никак. Если позитивный сценарий, мы войдем в зал через полсугодия и будем разбираться. Если негативный... Он сам намониторится так, что будет очень хорошо видно. Он до твоего сортира домониторит.

— Чушь несешь какую-то, — буркнул Зарецкий и полез на платформу.

— У меня сегодня два ЧП, — сказал Михаил. — И оба такие, что в карман не спрячешь. Сначала детишкам устроили гонки на выживание по всему институту. Потом мы отрубили поле. Ты хочешь, чтобы я своими руками устроил третью?

Судя по его лицу, бульканье в танке он слушал с двояким ощущением: и побаивался немного, и гордился.

— Пока мы не сняли питание, боты перли, как черти, — упорствовал Рыбников. — По инерции в танки ушла еще какая-то часть материала. Через несколько минут у нас критическая точка. Если они не остановятся, будет уже опасно.

— Погоди, — Зарецкий обернулся к Рыбникову. — Может, я чего не понимаю... В прошивке есть команда на отключение. Разве ты не можешь сказать «девятой плюс», чтобы она э-э... перестала?

Рядом фыркнул Михаил.

— Это первое, что он сделал, идиот...

— Это первое, что я сделал, — подтвердил Рыбников. — Не проходит команда. Операторы говорят, наверное, от перегрузки забило канал. А если с ручного кодера — танки экранируют.

— Хорошие танчики, крепкие, — удовлетворенно сказал Зарецкий.

Он тоже приложил ухо к стенке.

— Ку-ушают, твари... Сидят там, как в консервной банке, и жиরуют. Рыбка плавает в томате, ей в томате хорошо... Только я, едрена мать, места в жизни не нашел...

— Экий ты самокритичный, — сказал Михаил. — Ничего, я еще подумаю, где оно, твое место... Кушают, значит. Питания нет, а они кушают... Стоп! А что они там жрут?!

— Инерция, — буркнул Рыбников. Оглянулся на старшего и крикнул: — Ну?!

— Шпарят! — отозвался тот. — Мы все отрубили! А они... Слушайте, шли бы вы оттуда, а?!

— Не могут же они грызть танки... — пробормотал Михаил. Он похлопал ладонью по стенке, та не издала ни звука. — Я эти лично заказывал, — сообщил он горделиво. — Нигде в мире таких хороших танков нет. Не станет «девятка» их жрать!

— Да мы ни черта не знаем, чего она станет! Че-

го она там себе думает! — выпалил Рыбников. — Я тебе это сто раз говорил! Нам их еще тестить и тестить!..

— Успокойся, — бросил ему Зарецкий. — Если бы боты разбирали танки, они бы уже посыпались наружу.

Тут доктор сильно ошибался. Даже с отключенным питанием три белые цистерны были для «девятой плюс» как холодный, но все-таки родной домик. Ботов загрузили в какой-то на редкость недружелюбный организм, им предстоял выход из единственного более-менее комфортного места, и они оттягивали этот момент до последнего. Поэтому головастики равномерно выедали танки изнутри по всей поверхности. Благо стенки цистерн были очень толстые, многослойные, и материал — для разгона в самый раз.

Маленький серебристый вертолетик сидел теперь над дверью тамбура. Он заблаговременно покинул рельс и добрался до самого удобного выхода. Рассыпалась и заново собираться, чтобы пролезть через дырочки в уплотнителях, означало тратить силы, а тут его и так выпустят.

Когда побегут.

— Лично я, — сказал Зарецкий, — согласен с Михаилом Борисычем. Не паникуй. Ничего фатального не происходит. Это сбой, конечно, но у Деда выскачивали такие косяки прямо на потоке, что весь институт лихорадило. Теперь, слава богу, не так!

— А чего у тебя морда красная? — спросил вдруг Рыбников. — Огреб наконец-то за все хорошее?

— Красная? — делано удивился Зарецкий и пощупал лицо.

— Мне нравится, — Рыбников усмехнулся и пошел к терминалу.

Михаил повернулся к танку спиной, глянул на Зарецкого и удовлетворенно хмыкнул.

— На самом деле, — сказал он в спину удаляющемуся Рыбникову, — чего греха таить, у нас сегодня большие неприятности. Но мы справимся!

И тут центральный танк обрушился на него, как гора растаявшего мороженого.

Через секунду развалился левый.

И сразу за ним — правый.

Глава 33

Когда в здании истошно завопила сирена, Леха шел по крыше Нанотеха. Тут было совсем темно и следовало глядеть под ноги — перебравшись через бортик, он первым делом сшиб консервную банку, набитую окурками. Это его обрадовало: раз сюда люди ходят, значит, и выходят.

Он не рискнул спуститься: на уровне третьего этажа громоотвод выглядел слегка надломленным, а Леха был еще слабоват, чтобы изображать провинциального спайдермена, если прут внезапно лопнет. До крыши ему показалось и ближе, и надежнее.

Он подошел к надстройке и дернул ручку двери: вдруг не заперта? Если бы... Леха пошарил по карманам. Его так стремительно волокли в кабинет к Михалборисычу, что даже толком не обыскали, только сорвали телефон с руки и бэдж с груди... Откроет его пропуск эту дверь? Сейчас узнаем.

Замок щелкнул.

Леха ступил на лестницу, ведущую вниз. Ему именно туда и надо — вниз до самого конца. Где-то там ребята. В здании наверняка большая суматоха, что-то стряслось — не по нему же ревет сирена, — и он этой суматохой воспользуется.

Ах, если бы не одышка. Если бы не эти позорно трясущиеся ноги: лазать можно, ходить трудно, держать равновесие никак не получается... Зато вертолетики на свободе.

Вот же странный человек Мария: обламывается на каждом шагу, а всегда права — сказала, что от меня не отстанут, и не отстали ведь. И не отстанут, пока во мне будет жить «пятерка». Что-то надо придумать. Ладно, увидимся с вертолетиками — обсудим.

В том, что он с вертолетиками еще встретится, Леха был уверен.

Эти не пропадут.

* * *

Сирена так и подбросила Петю. Он вскочил на ноги. Семенов даже не шелохнулся.

Петя решительно направился к двери.

— Ты куда? — спросил техник. — Это не пожарная.

— А-а... Да я...

— Это авария в центральном зале, — спокойно пробасил Семенов. — Прорвало там. Сейчас будут дыры затыкать. Нас позовут, когда понадобимся. Мы по аварийному расписанию обязаны сидеть тут. Вот и сиди. Жди команды.

— Да мне в туалет, — сказал Петя.

— Опять?

— Ну...

— А ты вон в раковину.

— Да мне...

— А я не брезгливый, — сообщил Семенов и уткнулся носом в журнал.

Петя, закусив губу, вернулся на место.

* * *

— Серая!!! — истерически визжал кто-то. — Серая!!!

Эта штука и правда была серая. А еще она громко шуршала и временами отчетливо булькала.

Нехорошо булькала. Хищно как-то. Прямо будто голодная.

Операторы центрального зала всей толпой лезли на галерею по главной лестнице, толкаясь локтями и мешая друг другу. Их старший рискнул метнуться вдоль стены к боковой лесенке, обгоняя серую волну, растекавшуюся по полу, — и спокойно поднялся наверх. Теперь он ждал у тамбура, распахнув дверь, и молча глядел на своих людей. Они успеют.

Рыбников тоже успел отбежать и теперь стоял на другой лесенке. Внизу только что было по щиколотку, а теперь едва не по колено.

В центре «ямы» неспешно оседала, растекаясь, громадная серая куча. Из нее вынырнул Михаил и погреб к стене. Плыть в ботах было как в сметане, директор еле двигался.

Зарецкого вынесло почти к самой лестнице. Он лежал на спине, отчаянно молотя руками и ногами, боясь перевернуться носом вниз.

Это он и визжал.

Вот же везучее дермо, подумал Рыбников. Мало того что не тонет, еще и ко мне приплыло.

— Отставить панику! — прогремел он. — Даю команду.

Рыбников взмахнул кодером и, не удержавшись от театрального эффекта, рявкнул:

— ВСЕМ СПАТЬ!!!

На мгновение люди замерли, даже Зарецкий заткнулся.

Серая гора с Михаилом в центре, издав какой-то

болотный звук, просела вниз. Средний уровень в зале сразу поднялся, и Зарецкий всплыл так, что Рыбников смог ухватить его за шиворот.

Операторы, столпившись у двери, глядели в «яму».

Там по-прежнему шуршало, булькало, шевелилось и росло.

— Да клали они на тебя! — крикнули Рыбникову. — С твоим прибором!

Он бросил кодер в серую жижу и полез наверх по лестнице, волоча за собой Зарецкого.

Доктор мелко дрожал и всхлипывал.

Позади раздался треск и хруст: боты проели изоляцию и замкнули провода. Рыбников внутренне съежился и крепко вцепился в поручень — если вылетит освещение, придется идти вслепую. Но свет горел. Пока горел.

Старший выгнал из зала своих операторов и остался у тамбура один.

Рыбников подошел к нему, держа трясущегося Зарецкого на вытянутой руке, как нашкодившую дворняжку.

Уровень ботов в зале рос все быстрее, он поднялся уже почти до половины нижнего этажа, а Михаил никак не мог добрести до лестницы. Он выбирался молча, с яростной деловитостью жертвы кораблекрушения, заметившей спасательный круг. Но боты превратились уже из сметаны в трясину.

Старший ткнул пальцем в Зарецкого.

— На нем эта дрянь. Может, и на тебе.

— Вы знаете аварийный протокол, — сказал Рыбников. — Уходите. Мы зайдем после вас и обработаем себя «вспышкой».

Наконец-то подал голос Михаил.

— Стойте! — крикнул он. — Ко мне!

Старший коротко глянул в его сторону. Потом себе под ноги, сквозь решетчатый пол галереи.

Там набухало и всучивалось.

— Успеет, не успеет... — буркнул старший.

— Вы своих вывели, — сказал Рыбников. — Это не ваш человек. Я буду ждать, пока боты не полезут в тамбур. Если он успеет — я его вытащу.

Серая трясина под Михаилом поднималась, но лестница от этого не становилась ближе, наоборот, она ведь шла с наклоном.

— Вы знаете аварийный протокол, — повторил Рыбников. — Не заставляйте меня ждать. Вы сделали все, что обязаны.

Старший молча повернулся. Рыбников заметил на его плече едва заметную серебряную капельку. Серебряную, не серую. Он протянул руку — и отдернул ее. И вдруг улыбнулся. Это было совершенно неуместно посреди такого бедствия. Но Рыбников улыбнулся.

Старший исчез в тамбурах, унося на плече вертолетик.

— Да помогите же! — совсем по-человечески взмолился Михаил. — Помогите, сволочи!

Рыбников дождался, пока над тамбуром вспыхнет зеленый сигнал, открыл дверь, затолкал вперед Зарецкого. Включил на разогрев электромагнитную «вспышку». И здесь ты оказался умнее меня, Деденёв, подумал он. Ты все предусмотрел. Вот только тебе и в голову не могло прийти, что этот идиот уберет из подвала бомбу. А она бы сейчас ой как пригодилась.

Ничего, боты остановятся, когда разберут Нанотех.

Или не остановятся, черт их знает.

Все равно они сдохнут еще до утра.

Или не сдохнут.

Рыбников посмотрел в ту сторону, где бултыхался директор. Тот почти дотянулся до лестницы, ему оставалось совсем чуть-чуть.

Серая жижа шевелилась под полом галереи. Еще немного, и она лизнет подошвы ботинок.

— Твари поганые! — выкрикнул Михаил и умолк, экономя силы.

Рыбников встал на высокий комингс тамбура и, держась за дверь, наблюдал за директором. В тамбуре Зарецкий, подывая и плюясь, скакал на месте, стряхивая ботов.

Рыбников ждал.

По его прикидкам, осталось секунд десять.

Потом он с чистой совестью закроет дверь.

* * *

В подвале было не страшно, но скучно. Двое охранников, седой ветеран и совсем зеленый, но мускулистый, аж форма трещит, молча подпирали стены. Ребята, измотанные неудавшимся допросом, по-нуро сидели на облезлой лавке. Даша с Марией привалились друг к другу и, казалось, дремали. Принц, сложив руки на груди, вполглаза подсматривал за охраной.

У них отняли телефоны, даже в Интернет не сунешься, тоска какая.

Ах да, Интернет-то он грохнул! И сам принял вызов на аварию. Так что пока на родной фирме расчухают, в чем дело, уже ночь наступит. Мама прибьет его, когда узнает. Хотя, когда мама узнает, чего тут творится и зачем Принц это сделал... Может прибить два раза. А потом нажалуется Машкиному отцу, что эта оторва плохо влияет на ее старшего сына. А чего, запросто.

Принц старался не задумываться, что за странные отношения у его мамы и отца Марии. Эти двое были знакомы с незапамятных времен, город-то маленький. Если вся Москва, как говорится, спит под

одним одеялом, то у нас все учились в одной школе. Они и правда учились в одной школе, Игорь Кузнецов и Настя Коваленко — смеялись еще, мол, фамилии у нас одинаковые. Потом Настя окончила техникум связи, а Игорь пошел по финансовой части. Но по дороге немного заблудился — и стал, как бы так сказать... В общем, стал пиратом. Когда ему надоело быть пиратом, или ему умные люди подсказали, что на горизонте эскадра имперского флота, — он женился на красивой начинающей актрисе и, сгибаясь под тяжестью награбленного, снова пошел по финансовой части. А Настя уехала в Москву, окончила там институт связи, параллельно работая по специальности, и чуть не вышла замуж за короля. Но вместо этого родила черного мальчика и вернулась в свой маленький город. А Игорь как раз думал, куда пристроить награбленное так, чтобы оно приносило ему легальный процент. И некоторую часть вложил в Настю, у которой всего имущества было — один черный мальчик. Вложил ли Игорь в Настю еще что-нибудь, Принца интересовало чисто на уровне бытового любопытства. Он маму обожал, она подняла в городе полезный бизнес, все ее любили, все было очень и очень неплохо. Десять лет назад она родила белого мальчика. Ну и отлично. Кузнецов появлялся раз в месяц, а когда и раз в неделю — не хрен с горы, мажоритарный акционер, — общался с мамой, оставлял подарки младшему Коваленко и абсолютно не мешал Принцу. Он и приезжал-то всегда с утра, когда Принц торчал в школе.

Главное, решил Принц, чтобы все были довольны жизнью. Мама не плачет ночами в подушку и не пьет горькую, брат растет, доход растет, даже Принц и тот до сих пор растет. Вот и замечательно...

Сирена взывала, все подпрыгнули, ребята едва не упали со скамейки.

— Это что? — спросил тот охранник, что поможе.

— Пробило в центральном зале, нас не касается.

— Чего пробило? — тут же поинтересовалась Мария.

— Это просто так называется, — дружелюбно ответил седой. — Раньше там у них постоянно рвало какие-то трубопроводы, вода текла...

Даша потерла глаза: она и правда задремала. Мария с Принцем переглянулись. «В центральном зале, в центральном зале...» — читалось в глазах девушки.

— Да-да, — сказал Принц. — И «Титаник» тоже ты утопила. Имей совесть, наконец.

Мария заразительно рассмеялась.

— Ох, барышня, — седой погрозил ей пальцем. — Чистосердечное признание смягчает вину и облегчает душу.

— А чего я сказала?! — Мария снова прыснула. Ей то ли было и правда весело, то ли она не знала, как еще развлечься.

Они ждали, ничего не происходило, никто к ним не спускался, наверху сирена выла, как заведенная.

— Когда эта дрянь заткнется? — не выдержал Принц.

— Когда аварийщики придут в центральный зал, увидят, что опасности для института нет, и начнут чинить.

— Давно могли бы уже... — произнесла Даша задумчиво. — До центрального отовсюду близко.

Седой посмотрел на часы.

— Пятнадцать минут. Самое время.

— За пятнадцать туда сбежится весь институт, — сказала Даша уверенно. — Ой, ребята, не нравится мне это...

— А по мне так ничего, — заявила Мария и хихнула.

— Поддерживаю, — кивнул Принц. — Одобряю и приветствую затопление этой клоаки по самое никуда. Знаете, что такое клоака и чем ее затапливает?..

— Много говоришь, — сказал ему молодой.

— Не зна-аете... — протянул Принц. — Узнаете, поздно будет.

Сирена надрывалась еще пять минут, потом еще пять... Отсюда, из подвала, она казалась далекой и тихой, но все равно давила на нервы.

— Становится интересно, — сказал Принц. — Становится действительно интересно.

Молодой охранник нервно дернулся и что-то стряхнул с себя. Поглядел на потолок, шагнул в сторону.

— Вода, что ли? — спросил его седой. — Лишь бы не канализация...

И тут же дернулся сам.

— Ну чего вы дрыгаетесь, — сказала Мария. — И без вас тошно. Слушайте, а если нас и правда тут зальет?

— Организованно покинем помещение, — отозвался седой.

И снова дернулся. Сделал движение, будто сбивает блоху с себя. Присел на корточки и уставился под ноги.

— Ну? — спросил молодой.

— Не пойму, — седой посмотрел на потолок. — Слушай, пойду-ка я выясню, что там творится. Задно узнаю, не забыли ли про нас.

— А чего не позвоните? — заинтересованно спросила Мария.

Ей хотелось новостей, и поскорее. Вдруг она действительно испортила что-то в центральном зале? Это же просто замечательно! Будь у нее ящик

динамита, она бы сейчас взрывала институт. Принц наверняка знает, как это делается.

— Слишком тут глубоко, сигнал не проходит, — ответил седой. — Я быстро.

Он ушел. Сирена выла. Молодой охранник нервничал. На него то и дело что-то мелкое и непонятное падало сверху. Ребята, сдавленно посмеиваясь, наблюдали за ним. В их углу подвала не текло еще.

Седой не возвращался. Молодой отряхивался, приседал, надеясь рассмотреть, что его беспокоит, ничего не видел и все заметнее психовал.

— А пойдемте-ка отсюда, — сказал он наконец.

— Не-а, — Мария помотала головой.

— Чего? — неподдельно удивился охранник.

— Нам и здесь хорошо, — сообщил Принц.

— Ага, — очень грустно кивнула Даша.

— Да я вас щас!.. — пригрозил охранник.

— Дурак совсем, что ли? — миролюбиво спросила Мария.

— Нас трое, ты один, — заметил Принц. — И видишь, сидим пока, тебя не трогаем.

— А разрешения бить задержанных у тебя нет, — добавила Мария. — И не забывай, пожалуйста, кто мой папа.

Охранник раздраженно фыркнул и принялся бродить из угла в угол. Он уже весь нервно дергался, едва не подпрыгивал.

— Дышать еще не тяжело? — участливо поинтересовалась Мария.

— А?

— У тебя ведь клаустрофobia в легкой форме, правда? — спросила Мария почти ласково.

— Значит, так... — начал охранник.

— Иди, иди, — сказала Мария. — Иди на разведку. Мы пока тут посидим. Нам, знаешь ли, утонуть в

подвале совершенно не хочется. И мы не знаем, что тут где. Куда мы денемся?

С потолка уже сыпалось нечто, похожее на редкую серую пыль. Так бывает, когда дом трястется. Но здание стоялоочно. А пыль — вот она.

— Ладно, — сказал охранник. — Я мигом. Узнаю и назад.

Он вышел из комнаты и почти бегом отправился по коридору направо.

Звук его шагов быстро растаял вдали. Минуту-другую ребята молча просидели в тишине.

А потом справа — оттуда, куда ушел молодой и где уже пропал седой, — донесся отчаянный душераздирающий вопль.

Даша в ужасе прижалась к Марии, та — к Принцу.

Раздался громкий топот, в комнату ворвался охранник. Он тяжело дышал, лицо его было перекошено.

— Только спокойно! — выпалил он. И снова выскочил в коридор.

— Стой!!! — в три глотки заорали ему вслед.

— А?! — охранник заглянул обратно в комнату.

— Что там? — спросила Мария.

— Там... Там затопило. Там какая-то серая гадость, и ее очень много. Очень много. Не пройти. Только спокойно, поняли? Я посмотрю в другой стороне!

И убежал налево.

— Ну вот, — протянул Принц. — Доигрались.

— Да ладно тебе...

— Это грэй гу, — сказал Принц. — И чем больше ее будет, тем быстрее она распространяется. Это грэй гу...

— Ты-то откуда знаешь?

— Мне Леха объяснил.

— Ой... — только сказала Даша.

— Если Леха, это плохо, — в рифму отозвалась Мария.

Принц не стал говорить, что именно Леха ему объяснил про серую слизь. Он подозревал, что его друг, конечно, «рубит в микробы», только мнение микробов может не совпадать с мнением Лехи.

Глава 34

Чем ниже спускался Леха, тем теснее становилось на лестнице — повсюду сутились встревоженные люди. Какая-то возня шла на всех этажах, институт гудел, и Леха в этой суете не привлекал внимания.

Он дошел уже до второго этажа, когда тональность сирены изменилась. Теперь она не вопила: она визжала.

— Внимание! — загремел голос из динамиков под потолком. — Общая эвакуация! Это не учебная тревога! Общая эвакуация!

И тут все забегали по-настоящему.

* * *

Петя вскочил и рванул было к двери, но наткнулся на Семенова.

Как в стенку уперся.

— Куда бежим? — спросил техник почти весело.

— Оглох? — воскликнул Петя. — Это не учебная! Общая эвакуация! Уходить надо!

— Ты мне другое расскажи. Куда бежал, пока не было тревоги. Вот это мне очень интересно.

Петя изменился в лице и сделал шаг назад.

— Пусти, старый дурак, — прошипел он. — А то пожалеешь.

— Да ну? — удивился Семенов. — А что ты мне сделаешь?

В тэквондо удар ногой с разворота называют по-корейски, длинно и сложно, поэтому обычно его зовут «торнадо». Пробить его корректно очень непросто, но если ты попал — ты выиграл. Петя сделал обманное движение, крутанулся, влепил... И промазал.

Тогда он начал просто бить. Красиво и умело.

Только без толку.

Семенов маячил перед ним, едва переступая ногами туда-сюда, косолапил почти на одном месте, медленно отступая к двери, — и уклонялся. Несколько раз Петя в него все-таки попал, но удары пришлились на блок, да такой твердокаменный, что едва не отнимались ноги. Сам Семенов бил изредка, зато каждый его удар достигал цели и отбрасывал Петю от выхода из лаборатории.

Каждый раз было очень больно и обидно.

Петя осатанел.

Ему даром не нужна была «девятка», иначе его внедрили бы прямо к Рыбникову. Нет, он сидел в этой лабе, как пришпиленный, и готов был сидеть до скончания века, потому что охотился конкретно за репликаторами. И вдруг удача свалилась, откуда он не ждал. Петя репликаторов проворонил — а они сами к нему пришли. Так бывает, очень редко, только когда ты действительно высидел свой шанс, выстрадал. Пробирка в кармане: скорее всего, там именно они. И вдруг Семенов, на которого Петя возлагал поначалу такие надежды и который за все годы не проболтался ни словом, ни жестом о том, где секрет репликаторов искать...

Господи, как Петя его возненавидел!

И вдруг этот старый черт встал между ним и дверью.

И так встал, что если бы у Пети было время думать, он бы сильно испугался.

* * *

— Это не учебная тревога! Всем подразделениям — срочная эвакуация! Всем покинуть здание! Всем поки...

В цоколе вдруг заорали так, что заглушили и голос из динамиков, и даже сирену. Леха сбавил шаг, осторожно выглянул и тут же отпрыгнул назад, на лестницу. Зацепился за ступеньку, едва не упал и чудом удержался, схватившись за поручень.

Весь пол первого этажа, насколько хватило брошенного наспех взгляда, был покрыт тонкой серой пленкой. И она шевелилась.

Леха узнал ее сразу. Он такое уже видел.

Он медленно отступил по лестнице вверх, соображая, куда теперь идти. Прыгнуть в окно и сломать ногу всегда успеется. Кому он поможет со сломанной ногой?.. А ему сейчас кто поможет? Кто подскажет, где искать ребят? У Лехи даже телефона нет.

Наша лаба на втором этаже! Семенов! Он тут все знает. Лишь бы техник не успел выйти из здания.

О том, что, если Семенов тоже отрезан от цоколя, ему самому требуется помочь, Леха не подумал. Семенов в безвыходном положении — такое просто не могло прийти в голову по определению.

* * *

Вниз по лестнице неслись сломя голову какие-то полузнакомые ребята. Они так спешили эвакуироваться, что Леху чуть не сшибли.

— Назад! — крикнул он, растопыривая руки. — Туда нельзя! Там...

Некогда было подбирать слова, и он сказал первое, что пришло в голову:

— Серая слизь!

Его смели с дороги и рванули дальше.

— Идиот! — бросил кто-то.

Еще кто-то обидно рассмеялся.

Сами дураки, подумал Леха. Он был уже на втором, когда снизу донесся оглушительный истерический визг.

Наконец-то он передвигался по Нанотеху без приключений — охраны было не видать, а мечущихся по этажу сотрудников Леха не интересовал. Они все носились туда-сюда с телефонами в руках. Леху немного удивила такая паника. Он уже сообразил, что надо убираться по этажу как можно дальше от центрального зала и искать там безопасные проходы вниз, а потом драпать к боковым аварийным выходам. Короче, разбегаться по краям здания. Увы, его самого это не устраивало: Лехе нужна была свободная дырка, ведущая еще ниже, в подвал.

Если ее не покажет Семенов — тогда не покажет никто.

А вдруг ребят уже вывели, думал Леха на бегу. Но как узнать? Взять чью-то трубку и позвонить? А если у ребят тоже отняли телефоны, как у меня? Наверняка. Так или иначе, у Семенова есть телефон. У Семенова все есть.

Беги, Леха, беги. Дыши глубже, смотри, куда ставишь ногу, ты нынче медленный.

Черт побери, какой же ты медленный. Дашу там съедят три раза, пока ты до нее доберешься!

Он уже подбегал к двери своей лаборатории, когда та с грохотом распахнулась, да так, что едва не сорвалась с петель.

Леха резко остановился и влип в стену, чтобы удержаться на ногах.

Из двери в коридор вывалился Петя.

Стукнулся об пол затылком и остался лежать, раскинув руки-ноги.

Вслед за ним в коридоре появился техник-лаборант Семенов. В руке у него была пробирка для забора образцов, и Семенов ею небрежно поигрывал.

Остановился над бесчувственным Петей и прозрительно фыркнул.

— Старика нашел, обрадовался, сопляк, — сказал техник. — Я родился в Советском Союзе, а учился в Высшей Школе КГБ, ясно тебе?!

* * *

С потолка в подвале капало все интенсивнее. На затопление пока не было похоже: серые пылинки моментально впитывались в пол. Правда, от этого становилось еще страшнее.

— Что теперь будет? — спросила Даша.

— Я же сказал: грей гу, — объяснил Принц. — Могу подобрать одно русское слово, но у нас в школе не принято материться при дамах.

— А я знаю, что будет, — заявила Мария.

Принц обернулся к ней, думая спросить: «Ну и?..»
А его уже целовали.

Мария прямо швырнула себя ему на грудь, порывисто и страстно, так, как никогда еще в жизни.

Принц осторожно, мягко обнял ее и ответил на поцелуй. Они не размыкали губ, пока у обоих не перехватило дыхание.

— Всегда... — сказала Мария, медленно отстрянясь от Принца. — Всегда мне хотелось это сделать!

Принц глядел на нее и весь светился. Потом медленно поднялся на ноги.

— Ну что же, — сказал он. — Мои предки были каннибалами. Я не боюсь быть съеденным.

Сделал пару шагов к выходу, потом оглянулся на Марию.

— Я вернусь.

И быстрым шагом направился в глубь подвала.

— Ну... Ну ты даешь! — сказала Даша.

Мария покраснела и скромно пожала плечами.

* * *

Принц бежал по темным коридорам. У него не было даже отвертки, кроме того, он подозревал, что подвальное освещение, редкое и тусклое, вот-вот погаснет, и тогда вообще труба.

И Нанотех он фактически не знал. Но на пространственное воображение Принц никогда не жаловался, и, по его прикидкам, он сейчас находился уже под центральным залом. С потолка тут капало так, что вот-вот польет.

Впереди была развилка, Принц свернул направо и едва не налетел на Семенова.

У техника на плече висела тяжело набитая инструментальная сумка, на лбу — фонарик.

— Ты что тут делаешь? — поинтересовался Семенов очень спокойно.

— Бомбу ищу! — выпалил Принц. — Я знаю, она где-то тут. А там... — он ткнул пальцем в шуршащий и осыпающийся потолок, — они...

— Бомба без детонатора, — перебил его Семенов все тем же спокойным тоном. — Придется импровизировать. Пойдем, поможешь мне.

* * *

Принца не было всего несколько минут, но его уже сильно не хватало. Девушки сидели, прижавшись друг к другу, и иногда встряхивали головами, на которые сыпалась пыль.

— А они не загрузятся в нас? — спросила Мария.

— Нужны мы им больно, — сказала Даша. — Нет, не бойся, эти же разрозненные. Просто маленькие сгустки. Ничего не соображают. Хорошо, что есть свет, правда? Значит, они еще не все кабели погрызли.

— А что будет, когда погрызут?

— Света не будет, — ответила Даша.

— Тогда встанем и пойдем, — решила Мария. — Куда-нибудь, лишь бы отсюда. Надоели мне эти наутохнологии.

Вдруг в подвале снова послышался топот. Мария и Даша вскочили. Бежал не один человек, минимум двое.

— Сюда! — крикнула Мария.

— Ой! — воскликнула Даша.

В комнату ввалился запаленный Леха.

— Ой!!! — взвизгнула Мария и радостно подпрыгнула на месте.

За спиной Лехи стоял нисколько не запыхавшийся водитель Дима.

Под глазом у него был внушительный фингал, но глядел Дима бодро. Улыбался.

* * *

Когда Мария приезжала на работу, Дима не мог войти в здание вместе с ней и не обязан был ждать девушку, как приклеенный, у ворот. Понадобится — она его вызовет, город невелик, тут отовсюду близко. Сам Нанотех был, на взгляд Димы, для его подопечной вполне безопасен. Там за всю историю фирмы никому даже в ухо не дали, не те люди, а монтажные работы давно закончены, электромагниты больше не падают.

Поэтому Дима всегда мог отъехать перекусить.

Тем более, у него была «следилка», а у Марии в юбку зашит маячок.

Сигнал не двигался, все было спокойно, Дима обстоятельно подкрепился и не спеша покатил к Нанотеху. До конца вечерней «полусмены» оставался примерно час. Дима поставил машину у КПП, и тут в здании негромко звякала сирена.

Дима сразу же позвонил Марии, она не ответила. Телефон был в зоне доступа, но выключен. Дима подошел на КПП и спросил у охранника, что происходит. Ответ про аварию в центральном зале — ничего страшного, расслабься, — его не удовлетворил. Он вернулся в машину и позвонил Даше. Та же история. Тогда он отследил телефон Марии — отключенный аппарат найти просто сложнее, чем включенный, но вполне реально. Увидел, что телефон и маячок разнесены по горизонтали метров на пятьдесят.

Телефон сейчас лежал в столе начальника службы безопасности, а юбка с маячком — в раздевалке ЦУПа. Они вообще были на разных этажах.

Дима хлопнул себя по лбу и позвонил в пресс-службу. Там сказали, что Мария ушла с поручением и еще не вернулась. А куда ушла, спросил он, это ее водитель беспокоит. Тысяча извинений, но мы таких справок не даем, не имеем права, корпоративная информация, вежливо ответили ему.

Он нашел в бардачке пачку сигарет, вышел из машины и закурил, что делал очень редко.

Штурмовать Нанотех в одиночку без особого повода Диме очень не хотелось. Здесь две грамотно оборудованные проходные — на КПП и в вестибюле — и до черта охраны. И надежно закрытый периметр: где ни сунься через забор, сразу побегут ловить. Но сирена все не унималась, а нервы у Димы были не казенные.

Тут его осенило, и он бросился звонить Лехе: они же с Марией помирились, даже за компанию уроки прогуливают. Опять без ответа. Тогда Дима совершил маленький интеллектуальный подвиг: он вспомнил о Принце. Чтобы узнать его номер, понадобилась минута. Номер не отвечал. А в офисе сказали, что Принц отправился чинить Интернет... В Нанотех.

Все стало яснее некуда: дети совещались тогда у Марии дома неспроста. Они чего-то отчебучили — и вместе спалились. Тут, в этом здании.

Диме было, в общем, наплевать, пусть даже ребята кого-то убили и съели: он потерял свою подопечную и не мог найти, вот и все. Для лицензированного телохранителя это хуже, чем потерять свою задницу. Голову он посеять не может, голова сдана в аренду Кузнецовой.

Звонок начальнику службы безопасности Нанотеха тоже остался без ответа.

Дима проверил оружие и завел двигатель. Он знал, что делать.

Тут сирена заорала на полную катушку, а из здания толпой повалил народ.

Дима подогнал джип к забору, влез на крышу машины и прыгнул.

В вестибюле его ждали, но Дима их уговорил. Это обошлось ему в пуговицу с рукава пиджака, он так и не понял, откусили ее, что ли.

По зданию он двигался быстро, только очень мешала толпа. И никто, к сожалению, ничего не мог объяснить. Правда, Дима узнал, что пару часов назад по всему институту был жуткий шухер: охрана носилась за какими-то молодыми сотрудниками. Это подтвердило его версию, это было уже кое-что. Дима попытался ловить охранников и спрашивать их, где искать Марию, но эти ребята либо слишком

быстро бегали, либо слишком мало знали. На центральном пульте охраны разговор получился скомканным, и Диме там случайно дали в глаз. Наверное, Дима помешал им работать. Тогда он одолжил у них схему здания, наметил точки поиска и начал методично обследовать их.

Когда пол на первом этаже вспучился и оттуда полезла какая-то серая ерунда, Дима уже отыскал юбку и теперь шел за телефоном. На втором этаже он потерял много времени, телефона не нашел и едва не заблудился, но тут вдалеке мелькнул правильный человек: хмурый пожилой дядька с инструментальной сумкой и фонариком на лбу. Дима метнулся было за ним, но дядька шагнул в стену и пропал. Там была какая-то узкая техническая дверца. Дима продолжил обход здания и за первым же поворотом увидел Леху.

Парня волокли двое охранников, а тот отчаянно трепыхался и кричал: «Идиоты, они же там погибнут!»

— Отдайте, — сказал Дима.

Они сначала не хотели, но постепенно Дима их убедил: он знает, что делает.

Если бы они сразу ему поверили, то тоже увидели бы, как серая ерунда лезет вверх по стенам второго этажа.

* * *

— А где Принц?!

— Ушел, — сказала Мария. — Как я поняла — всех спасать.

— А-а... — протянул Леха. — Ясно. Давайте, уходим отсюда, мне Семенов дорогу показал. Это далеко, зато безопасно. Только не бегом, я сегодня боль-

ше не могу... Дима, берите Машу — и вперед. Вы же знаете, куда идти.

— Извини, командир, — сказал Дима. — Но я замыкающий.

Тут лампочки мигнули и погасли. Девушки взвизгнули.

Даша на самом деле испугалась — и бросилась Лехе на шею. Леха был горячий, мокрый и родной. Их лица соприкоснулись, и он первый нашел ее губы.

Дима включил фонарик.

— Ага, — сказала Мария. — Ну наконец-то.

Глава 35

Уже на подъезде к Нанотеху Виктор увидел, что дело плохо: здание было ярко освещено прожекторами и оцеплено плотным кольцом машин. Тут были все мыслимые и немыслимые аварийные службы, а еще «скорая» и милиция.

В небольшом отдалении на газоне замерли три черных автомобиля: длинный седан и два мускулистых джипа. На крыше одного из них, широко расставив ноги, стоял мужчина в дорогом костюме и глядел на Нанотех в бинокль. Виктор запарковался неподалеку и увидел: рядом с джипом суетится, то и дело подпрыгивая, тоненькая красивая женщина.

— Черного высматривай, черного! — кричала она. — Если он в белом халате, то должен быть хорошо виден!

— Не дури, Настя! Как я тебе отыщу негра в толпе ночью? — огрызался мужчина.

Виктор не расслышал этого диалога, зато мужчину узнал и порадовался, что он здесь. Будет совсем худо, подумал Виктор, пойдем вместе. Отцы все одинаковы: если наступает край, они лезут дос-

тавать своих детей из самых безнадежных ситуаций, когда один шанс на сто. Некоторым везет.

От Нанотеха бежали люди, и это не выглядело эвакуацией. Они неслись так, словно здание сейчас рванет. Ворота были распахнуты настежь, и сквозь них перла толпа. Самое настоящее паническое бегство.

Виктор прорвался навстречу людскому потоку, миновал ворота, и уже там его поймал за рукав милиционер.

— Стойте, доктор. Нельзя дальше.

— Ты же меня знаешь, — сказал Виктор.

— Конечно, знаю. Поэтому и не пущу. Вы там погибнете.

— Там мой сын, — сказал Виктор.

— Позвоните ему, он мог давно выйти.

— Он не отвечает. Пусти!

Виктор дернулся, но милиционер держал его мертвой хваткой. Ну, ты сам напросился, подумал Виктор. И тут милиционер сказал:

— Поздно, доктор. Глядите. Вот они, нанотехнологии.

Виктор оглянулся на здание и обомлел: в вестивиюле клубился характерный серый дым. Он медленно лез наружу, постепенно уплотняясь.

Виктор вырвал у милиционера рукав, отошел к будке КПП, тяжело прислонился к стене плечом и медленно съехал вниз. Это был не обморок, у него просто отказали ноги.

* * *

Бомба оказалась здоровенной белой бочкой на подпорках. Принц, ловко орудуя маленьким шуруповертом, снимал небольшую панельку внизу. Се-

менов разминал в руках кусок пластиковой взрывчатки.

— Она ведь не убьет ботов? — спросил Принц. — Она их просто оглушит.

— Какая разница. Они впадут в кому, и их можно будет собирать лопатой. А можно не собирать. Кончится запас энергии, и они распадутся в пыль.

— Жалко, — сказал Принц.

— Кого?

— Пятая серия тоже ведь погибнет.

Семенов то ли хрюкнул, то ли фыркнул.

Принц снял панель, отложил шуруповерт и вдруг схватился за шею.

Только что из нее будто вылупились пять серебристых вертолетиков, прыгнули вверх и быстро полетели куда-то в сторону. Принц яростно чесал место, откуда они выбрались.

— Не чеши, только глубже их зачешешь, — сказал Семенов.

— Кого?

— Ботов. Они когда внедряются, кожа зудит.

Принц аж подскочил:

— Значит, они до нас уже добрались?!

— Сейчас рванет, всем кранты. И тем, кто успел в нас с тобой залезть, — тоже.

Пять вертолетиков летели по вентиляционной шахте. Пару раз им попадались на пути коллеги, узывали новость, звучавшую на человеческом языке как «сейчас рванет, всем кранты», бросали свои дела и устремлялись вслед за ними.

Семенов осторожно пристраивал на место самопальний детонатор.

— Давно за тобой наблюдаю, — буркнул он. — Ты способный. Тебе бы еще поучиться... В правильном месте.

— Там, где вас учили? — спросил Принц осторожно.

— То место осталось там же, где Советский Союз. В прошлом. Туда не вернешься, да и не надо. Но и сейчас есть где поучиться... И где поработать. Дело хорошее. Если, конечно, ты ищешь дела, а не выгоды...

— Там, где теперь работает Гуревич? — спросил Принц.

Семенов дернулся и чертыхнулся.

— Не говори под руку, — сказал он.

— Я всегда знал, что Гуревич не воровал никаких секретов, — заявил Принц. — Не такой он человек. Его не арестовали, это было просто шоу. Гуревича увезли, чтобы он Михалборисычу не достался.

— Ишь ты, — сказал Семенов.

— Он мой сосед, — объяснил Принц. — Был. Он меня по математике подтягивал, а потом стал учить программазе.

— Ишь ты, — повторил Семенов, копаясь в бомбе. — Слово-то какое — программаза... Старое, добroe. Ну-ну.

— Я думал, тоже стану писать софт для ботов, но надо было маме помогать, — Принц вздохнул. — Нет, связь мне нравится...

— Ломать ее ты насобачился, — сказал Семенов. — Что есть, то есть. Ломаешь одаренно. Та-ак... А вот теперь, парень, рвем когти.

* * *

В лаборатории номер шесть экспериментального сектора Нанотеха шевелился пол. Он был серым и мягким. И он шуршал.

Из вентиляционной решетки вырвался клуб серебристого тумана и резко спикировал вниз. А по-

том взметнулся от пола к окну. Сейчас туман был тоже серебристый, но какой-то мутный. Потому что каждый вертолетик тащил в лапках дрыгающегося серого головастика.

Они знали, кто тут самый быстрый грызун.

Туман расплылся по стеклу, оставил на нем серую пленку, а сам обрушился вниз, на стол под окном, накрыв стоявший там игрушечный вертолет с надписью «ЭВАКУАТОР». Впитался в него и исчез.

Вертолет завелся и пошел раскручивать винт. Оторвался от стола, вылетел на середину лаборатории, повернулся к окну и так завис. Начал медленно опускать нос — и пополз вперед.

Он набирал скорость. Вот он миновал стеллаж, на котором стояла модель пятой серии...

Модели на привычном месте не было.

Под стеллажом на рабочем столе валялся рюкзак Лехи.

Серая пленка на стекле густела. Стекло темнело, темнело, вдруг оплыло и потекло вниз.

Вертолет рванул — и пулей вылетел из здания.

Его аккумулятор был сегодня заряжен полностью.

* * *

Нанотех расплывался, он стал мягким. Здание было снизу доверху подернуто серой дымкой, и эта дымка разъедала его, словно кислота. «Девятая плюс» вела себя так же методично, как раньше с танками, — пожирала свой дом прежде, чем выйти на улицу.

Виктор сидел на асфальте и ждал, когда обвалятся перекрытия.

И как они обвалятся.

Он понимал, что шансов нет, но раз за разом

прокручивал в голове варианты. Выжить, когда во-круг микроскопическая серая слизь, по идеи, мож-но: обезумевшим ботам человек интересен в послед-нюю очередь. Тут вон сколько вкусной и полезной еды. Лишь бы тебя не оглушило падающей на голо-ву массой. Лишь бы ты в ней не задохнулся, как в снежной лавине. Если останутся воздушные «карма-ны», чтобы дышать. Если здание будет плавно обте-кать по краям, а не стремительно рушиться. И еще много всяких «если».

Нет. Шансов было ноль.

Какая усмешка судьбы. Боты-репликаторы од-нажды спасли сына. Теперь он видит, как другие ре-пликаторы убивают его.

А сам Виктор только что, буквально сегодня ут-ром, дал согласие вернуться к прежней работе. Его позвали назад, к микробам. И вот они, микробы.

Вполне уважительный повод взять и покончить с собой...

— Пап! Вот ты где! Что с тобой, пап?! Ты чего? — Леха тряс Виктора, а тот глядел на сына во все глаза и не мог вымолвить ни слова, так сдавило горло. — Да черт с ним, с этим Нанотехом! — сказал Леха. — Пускай взрывается, построим новый!

И тут долбануло.

* * *

Это было как ослепительная вспышка, только видишь ее не глазами, а чувствуешь всем телом. Мир вздрогнул. Нанотех окутался густым облаком пыли. И стало темно. И стало очень тихо.

Утихли сирены, потухли мигалки, заглохли мо-торы.

Погасли все прожекторы.
Замолчали телефоны.

И было слышно, как легкий ветерок шевелит осеннюю листву.

А потом с глухим песчаным шорохом опала и растеклась по асфальту мертвая серая пыль.

Люди остолбенело глядели на здание. Оно стояло, зловещее, как остав погибшего корабля. Потом оно зазвучало: медленно посыпались осколки стекол, куски штукатурки, все, что еще выглядело целым. Остался только изгрызенный скелет научно-исследовательского института микромашиностроения.

От Нанотеха тут не было уже ничего.

Толпа наконец очнулась и начала шевелиться, робко загудела, сразу в нескольких местах раздался женский плач. Опираясь на Лехино плечо, Виктор поднял себя с асфальта и тут же отпустил сына: увидел, что парень очень слаб, полностью вымотан. Точно как в тот раз, когда его «бросила девушка». Кажется, им предстоит дома разговор по душам. Пора кончать со всем этим. Хватит вранья.

— Все твои живы? — спросил Виктор.

— Надеюсь, да, — сказал Леха. — Надо проверить.

И шагнул к оству института.

— Куда? — Виктор схватил его за изодранную форменную куртку.

— Но там же... А-а, вот они!

На крыльце здания вышли, слегка пошатываясь, две закопченные фигуры со стоящими дыбом волосами. Остановились, повернулись друг к другу.

Семенов протянул руку Принцу, и тот крепко ее пожал.

— Ну, — сказал Семенов, — ты мне звони.

Далеко-далеко, высоко в безоблачном вечернем небе летел игрушечный вертолет.

Глава 36

Елена Васильева пила кофе на кухне, борясь с желанием плеснуть в чашку хорошую дозу коньяку для бодрости. Вчерашний день и большая часть ночи обошлись ей в добрый километр нервов. Она еще не скоро оправится. Но потом все будет хорошо. Вероятно.

Какие все-таки мужики сволочи. И папа, и Витя, и Лешенька. Все как на подбор. Откуда они только берутся такие по ее душу, эти сильные личности и честные парни. Супергерои.

А каково ей с ними, они не думают.

Считается, что мать, истинная мать, не может ненавидеть своего ребенка. Лена отлично знала, что она прекрасная мама. Ей не в чем упрекнуть себя. Она не сдалась восемь лет назад, готова была отразить смерть в любую секунду, пусть только попробует сунуться! Но вчера она вдруг испытала незнакомое ей ранее чувство. Ей захотелось сделать Лешке больно. Очень больно. Нет, не для себя. Чтобы понял, каково ей было все эти годы, сколько она вынесла и вытерпела.

Господи, зачем ты делаешь наших детей такими неблагодарными?!

Она не растерялась, когда открылась дверь и Витя почти волоком затащил в дом Лешеньку. Лена сразу поняла, что пришла беда. Она действовала очень собранно и очень хладнокровно. Но Витя... Витя принял отгонять ее от сына, твердить — не надо, сейчас оклемается. Лена даже подумала — а не свихнулся ли, часом, ее муж? Выглядела эта парочка подобающе: грязные, в какой-то пыли, Леха еще и в порванной нанотеховской одежде.

Сын пожаловался на духоту. Лена распахнула

балконную дверь в его комнате и застыла: на бетонном полу открытой лоджии стоял большой игрушечный вертолет. Ярко раскрашенный и с надписью «ЭВАКУАТОР» на борту. «А это здесь откуда?» — только и успела удивиться Лена. Сын взвыл дурниной и кинулся к игрушке. Отпихнул мать, схватил вертолет, прижал к груди. Витя, стоявший в коридоре, грубо выругался. И, что самое ужасное, — скорее весело, чем зло.

А потом был долгий разговор. Нет, не разговор. Лена думала, что никогда уже не забудет этот жуткий взгляд сына и его яростный вопль: «Я не отдам их! Они мои! Они симбионты, ты это понимаешь?!» Потом случилось затишье. Сын показал их. Эти мелкие гады, оказывается, прилетели на вертолете. Сын уговорил их вылезти наружу. Маме похвастаться решил. Господи, в кого только таким уродился, ведь умный мальчик, и воспитывали его правильно, но почему же он такой дурак?! Из игрушечного вертолета на середину кухонного стола выползла стрекоза с пропеллером и рыбьим хвостом. Лена знала, что это такое. Видела модель.

Последняя работа ее отца.

Вот, значит, куда она пропала.

Все эти годы дрянь пряталась в теле ее сына.

Лена взяла сковородку и попыталась убить дрянь, ползвшую по ее столу и искашую, чего бы сожрать.

Леша опередил. Схватил игрушку и стрекозу, убежал и заперся в комнате. Из-за двери крикнул: «Только посмей! Из дома уйду! Вообще больше никогда не увидишь меня!»

И до утра — разговор с мужем. Лена внезапно поняла, что совсем не знает этого человека. Разговор на кухне. До утра. Бутылка коньяка на столе, две рюмки.

«Лена, — размеренно твердил муж, — разуй глаза. Лешку спасли люди, только не те, о которых ты по сей день отзываешься с похвалой. Израильские онкологи ни при чем. Лешку спасли трое — твой отец, техник Семенов и программист Гуревич. Те, кто создал пятую серию. Да, черт подери, это репликаторы. Та самая запрещенная модель. Лена, я врач. У нас не было другого выхода. Лешка не выжил бы. Мы не довезли бы его даже до клиники. Я сам загрузил ему пятую серию. Сам. Я ошибся только в одном. Я ввел не ту команду. Если бы я не промахнулся, Лешка просто выздоровел бы, и все. У нас был бы самый обыкновенный подросток, затраханный материнской гиперопекой. Но я, видимо, лишний раз нажал кнопку и вместо лечения дал приказ на симбиоз. Лена, уже ничего не изменишь. Они живут с ним восемь лет. Это уже часть его тела. И во многом часть его личности. Их нельзя отобрать. И нельзя вырезать, не убив его при этом. Лена, ты что, готова навредить сыну, потакая своим страхам?»

И так до утра.

Утром сын вышел из комнаты мрачный, с матерью даже не поздоровался. Слопал два бутерброда и выбросил в мусорное ведро таблетки, которые ему выписали для профилактики рецидива.

И Лена совершила подвиг. Она очень спокойно окликнула сына: «Леша, тебе нужно хорошо и полноценно питаться. Ты все-таки не один, в тебе большущий рой микроботов». Сын замер, а потом сел к ней вполоборота и небрежно помахал банкой витаминов с минералами. «Для них», — коротко сказал он. Лена спросила про дозу и едва сдержалась, узнав, что такой банки хватает на три дня. «Да чепуха, мам, — сказал сын уже прежним, знакомым тоном. — Они сами разносят мне по клеткам, сколько

надо, остальное берут себе. Это же симбиоз, все продумано». «И долго будет продолжаться ваш симбиоз?» — спросила Лена нейтрально. «Не знаю, — признался Лешка. — Сейчас с этим будет трудно. Мы что-нибудь придумаем. Мы с ними. — Помолчал. — Я ведь им обязан. И ты тоже, и папа. Если я попрошу, они уйдут. Но я не имею права бросать их на произвол судьбы. Я отвечаю за них, они отвечают за меня. Симбиоз».

Потом они ушли. И муж, и сын. Один на работу, другой в школу. Лена думала всплакнуть, но обнаружила, что слез не осталось. Зашла в комнату сына. На столе громоздился вертолет-эвакуатор. «Ну вот, — подумала Лена, — еще и воры».

Она ни капельки не сомневалась, что микробы попросту угнали вертолет...

Зазвонил телефон, Лена взяла трубку — ну, что опять? Какие теперь неприятности?

— Доброе утро! — сказал веселый мужской голос. — А мне бы Алексея Васильева.

— Он в школе, — ответила Лена. — А кто его...

— Замечательно! Это вас беспокоит городская служба спасения, оператор восемь. Мы тут нашли рюкзак Алексея, хотим вернуть хозяину. Нам бы поскорее с этим разобраться, мы тут прямо тонем в барахле... Может кто-нибудь из родителей подъехать сейчас к Нанотеху? Наш, так сказать, стол находок прямо у ворот. Вы сразу увидите, там такая огромная куча всего...

— Простите, я не совсем поняла, где вы нашли рюкзак? — спросила Лена.

— В развалинах Нанотеха! — жизнерадостно сообщили ей.

— Ах да, конечно, — Лену слегка передернуло. — Еду.

Если бы Лена увидела такой Нанотех пару меся-

цев назад, она бы сказала, что институт выглядит прекрасно. Но сегодня она знала, что там едва не завалило ее единственного сына. А могло ведь и так сложиться, что завалило бы всех — Лешеньку, Витю... И папу, если бы он дожил до этого дня. Лена постояла секунду, глядя на обглоданный скелет многоэтажного здания, и вдруг со всей ясностью поняла: страшны не микробы. Страшны люди. Вот та нелепая стрекоза — кому от нее стало плохо? А все потому, что ее правильные люди сделали. Что творят неправильные, Лена тоже увидела. К счастью, уже сегодня. Иначе она не смогла бы принять сына... новым, что ли.

Лене пришлось остановиться на аллее и отойти за деревья. Слезы, которые не выжать было утром, полились ручьем. Но полились спокойно, без спазмов и рыданий. Просто вытекли. Наверное, были лишние, вот и вышли. Успокоившись, она собралась с духом и зашагала к страшному остову, вокруг которого сутились люди и ворочалась строительная техника.

Она и не заметила, как миновала «огромную кучу всего» — действительно, ничего себе куча, — потом ворота и пошла дальше. Эта развалина будто притягивала ее. Сквозь каркас здания проглядывал целехонький корпус опытного производства. Папа был бы рад, он там собрал уникальные станки и редких специалистов...

Перед крыльцом института стоял, уперев руки в бока, маленький толстенький человечек, одетый то ли как глава преуспевающей корпорации, то ли как вконец обнаглевший госчиновник. Лена осторожно приблизилась к нему. Не может быть! Тот был тощий, а этот совсем круглый, но вот лысина, обрамленная венчиком реденьких кудрявых волос, была ей отлично знакома. Смешной толстячок чуть по-

вернул голову, и показался такой роскошный носище, забыть который невозможно. Правда, раньше на этом носу сидели ободранные пластиковые очочки, а теперь — очень дорогая золотая вещь.

— Гоша... — позвала Лена. — Гоша, это ты?

Человечек обернулся, подпрыгнул на месте и радостно всплеснул короткими ручками.

— Леночка! Здравствуй, милая! Как ты? Все хорошо? Лешка твой какой молодец! Геройский парень и умница. Да и Витя...

— Погоди, Гоша... Тебя же тогда ФСБ взяла...

— Ну да, взяла, — гордо сказал Гуревич. — На работу взяла. Видишь, как я в Москве поправился?

— Красавец, — сказала Лена. — Нет, правда.

Она была уже в полном замешательстве. Второй день кряду люди выворачивались перед ней наизнанку — оказывались не теми, кем были, и лучше, чем были.

Или, может, она плохо о них думала? О людях вообще.

— Я никогда не предавал твоего отца, если ты это имеешь в виду.

— Ну что ты, Гоша, я знала, — заверила его Лена со всей возможной искренностью. Надо было что-то сказать, настоящее, и Лена с трудом выдавила: — Спасибо, Гоша.

— За что?

— За... — Она вздохнула и выпалила: — За пятую серию. За опытную партию.

Гуревич комично вытаращил глаза и замахал на нее руками:

— Ты что такое говоришь?! Лена, я же фээсбэшник! Даже думать о таком при мне не нужно! Не было никакой опытной партии!

И Лена против воли криво улыбнулась. Гуревич ответил очень мудрой, понимающей улыбкой.

— А здесь ты... — начала она.

— Главный консультант! — Гуревич выпятил грудь. — Будем разгребать это все. Витя еще не видела? Сейчас придет. Он мне тут помогает немножко.

— Ах вот как...

Виктор толком не объяснил, зачем его командировка в столицу. Работа. Предложение, от которого почти невозможно отказаться. Он посмотрит и подумает... А вчера было не до того, вчера были сплошные вертолетики, гениальный папа, отчаянный Витя и супермен Лешенька. Сволочи!

А теперь и Гошка восстал из лагерной пыли эдаким фениксом госбезопасности. И Витя ему немножко помогает. Лена не верила в совпадения и умела сложить в уме два и два. Она почувствовала, что все это для нее немного слишком и пора бдомой. Посидеть, обдумать.

— Да вот же он!!! — заорали в глубине руин, там, где мельтешили спасатели. Донеслись радостные крики и чуть ли не аплодисменты.

— Отлично, — сказал Гуревич и довольно потер руки. — Получается, жертв на объекте нет. Одни разрушения.

Разрушения — это не страшно, подумал он. Главное, чтобы по вине микробов не погибли люди. Это повредило бы всему делу. А раздолбанное здание — чепуха. Все равно Нанотех давно пора перепланировать под новые задачи.

— Леночка, я пойду взгляну на этого... Нанотехнолога. Ой, Витя! Пойдем смотреть добычу? Крупный и диковинный экземпляр! Давай, вдруг ему надо гlandы вырезать через задницу...

Откуда-то сбоку подошел Виктор, взял Лену под руку, чмокнул в щеку. На плече у него висел ярко раскрашенный рюкзак.

— Фигушки, — сказал он. — Это к хирургу. Видеть гада не хочу.

— Ну хоть клизму ему пропиши!

— А я больше не терапевт, — медленно произнес Виктор.

— Ты решил? — прищурился Гуревич.

— Да.

— Прекрасно, Витя. Прекрасно.

— А меня кто-нибудь спросит? — вступила Лена.

— Тебе понравится, обещаю, — сказал Виктор. — У нас будет новый дом и совсем новая жизнь. Ты давно ждала чего-то такого. Нам... Нам, черт возьми, пора кончать со всем этим.

— С чем?!

— Пора кончать притворяться, что мы — это не мы. Жить надо.

— А ребенок?! Ты о нем подумал? Ему еще полтора года учиться! Ты хочешь переводить его в другую школу в середине года или в выпускном классе? В другой город, да еще и в Москву, наверное, да мало ли как его там примут!

— Да пускай тут доучивается, за ним присмотрят, — пообещал Гуревич. — Ты же знаешь, у него замечательные друзья.

— О господи, — упавшим голосом сказала Лена. — Эта банды авантюристов...

— Я про тех друзей, что постарше.

— О-о господи... — протянула Лена.

Виктор поймал ее взгляд и понял, что сейчас начнется истерика с попыткой настучать Гуревичу по лысине.

— А поезжайте-ка вы домой и поговорите как следует прямо сейчас, — сказал Гуревич. — И когда все с тобой согласятся, Витя, ты мне звони.

Виктор кивнул ему и, увлекая за собой жену, пошел к воротам.

— Пока Лешка не кончит школу, ни о каком переезде не может быть и речи, — сказал он на ходу. — Вообще никаких резких движений не будет, слово даю. Как по-твоему, это хорошее начало разговора?

— Отвези меня домой, — попросила Лена. — Просто отвези домой.

Виктор решил, что для начала и это ничего.

— Я Лешкин рюкзак забрал, — сказал он. — Представляешь, там внутри его любимая игрушка, модель «пятерки». Как он вчера по ней убивался, а она целехонька. Сто раз могла развалиться, но ее рюкзак защитил. Во дает Семенов! Кто бы мог подумать, что он такой сентиментальный, этот наноджеймсбонд...

Позади них Гуревич вскарабкался на кучу мусора и уставилсya вниз. Там в яме, выстланной серым прахом, лежал голый Михаил. Он свернулся в позу эмбриона, мелко трясясь, нечленораздельно скулил и время от времени щелчками сбивал с себя что-то невидимое — не то насекомых, не то пылинки.

В яму осторожно спускались крепкие парни в белых халатах.

* * *

Пять дней назад за минуту до звонка у Виктора екнуло сердце. Страшная болезнь сына что-то обострила в его психике, и с тех пор у Виктора случались порой невинные предчувствия. Он просто сел возле домашнего телефона. На этот звонок он должен ответить сам.

Телефон зазвонил. Виктор снял трубку.

— Привет, Витя, — голос был мужской, смутно знакомый. — Гуревич беспокоит. Помнишь такого?

— Тебя хрен забудешь, — проворчал Виктор. — Погоди, сейчас я в кабинет перейду.

С сомнением поглядел на датчик заряда радиотрубки. Лена опять болтала с подружками. Если Гошка вздумает жаловаться на жизнь и каяться в грехах, телефона на это не хватит. Впрочем, судя по интонации, каяться он точно не намерен. Вышел на свободу с чистой совестью? Или... Или не вышел?

— Приятно, когда тебя помнят, — сказал Гуревич. — Витя, у меня к тебе просьба. Я знаю, тебе тяжело ворошить прошлое, но ведь ты был талантливым исследователем...

— Гош, давай без экивоков.

— Хорошо. Есть отделение. Интенсивная терапия на микроуровне. Для рекламы скажут, что на ноуровень, но это неизбежное зло. Я прошу тебя возглавить его.

Виктор облизнул внезапно пересохшие губы.

— То, чем я занимался в Нанотехе?

— Не совсем. Гораздо серьезнее. Никакой секретности, — зачем-то уточнил Гуревич.

Виктор обронил междометие, которое можно было истолковать как легкий интерес — или легкий скепсис, зависит от собеседника.

— Даже хуже, — в голосе Гуревича прорезались извиняющиеся нотки. — Со временем тебе придется стать медиаперсоной. Я знаю, публичность — не подарок и вообще лишнее. Но, Витя, ты идеальная кандидатура на это место.

— А подробнее?

— Не по телефону.

— Но хоть кто курирует проект, ты можешь сказать?

— Государство, — просто ответил Гуревич. — Комиссия. Три человека. У одного президентское поручение, один из Минздрава, ну и я от ФСБ. Еще наблюдатели из ООН, но они не проблема. Они только смотрят. А мы трое — представители заказ-

чика, если можно так выразиться, и мы все внесли посильный вклад. Разумеется, он несравним с тем, что мы получили в наследство от Деда...

— Ясно, — сказал Виктор. — Как поступим? Ты к нам или я к вам?

— Лучше ты. Командировку я тебе оформлю. Тут поговорим обстоятельно, заодно я тебе покажу рабочее пространство... Завтра? Давай прямо завтра, чего откладывать хорошее дело. Ты на машине или поездом?

— Поезд в три часа дня приходит. Неудобно.

— Прекрасно. Запиши адресок, — Гуревич продиктовал адрес, судя по номеру квартиры и коду домофона — домашний. — Попробуй успеть к десяти утра. У меня как раз жена на работу уйдет, а сын в детском саду, так что поговорим.

— О, ты даже женился.

— Да. Мама умерла, я понял, что не могу один. Вот и завел семью... Впрочем, приезжай — расскажу. В любом случае, Витя, что бы ты ни решил — я буду очень рад повидать тебя. Лене пока не говори.

— Ты же сказал — никакой секретности.

— Я суеверный.

И еще несколько минут Виктор просто сидел в кабинете, опустив руку с трубкой на колено. Сидел и тихо улыбался.

Так все и должно быть.

* * *

— Витя, он работал до последнего дня. Не было никакого угасания человека, потерявшего мечту, — горячо говорил Гуревич. — Не-бы-ло. Деда так не сломаешь. Он только разозлился. Неделю после запрета репликаторов он приходил в себя. Ну согласись, все-таки живой человек, немолодой к тому

же... Тут Мишка ему снова нахамил, посоветовал валить на пенсию, и Дед обозлился вконец. Он вызвал меня и сказал: Гоша, а теперь мы будем работать по-настоящему. Я, говорит, знаю, что ты, сукин сын, припрятал копию. Прекрасно. Пусть Мишка думает, что ничего не осталось. А мы — мы будем думать... И мы думали. Ведь пятая серия и без репликаторной функции хороша. В «пятерке» для репликации нет ничего лишнего. Все, что нужно для сборки ботов, может быть использовано для других задач. По идеи, мы могли просто вынуть из прошивки команды репликации — все равно у нас остается роскошный универсал. Очень крепкий, срок жизни отдельного бота до полугода...

Виктор слушал и разглядывал обстановку. Глупо, конечно, но он радовался, как ребенок. Ему нравилось все. Три этажа новенького, только что построенного корпуса Центральной Клинической Больницы. Три этажа, битком набитые всем, что требуется для лечения. В чем-то показуха, конечно. Смотрите, государство открывает для народа клинику, где будут бесплатно творить волшебство! Но если бы вся государственная показуха была такой, Виктор обожал бы и партию, и правительство.

— Мы долго мучились. У нас получалось то, от чего мы ушли, — безумно дорогой перенавороченный бот. И вдруг Деда осеняет. Гоша, сказал он, мы все делаем неправильно. Мы думаем неправильно! Сколько возились с этой чертовой репликацией, а зачем она была нужна? Да если разобраться, для одной-единственной цели: чтобы резко удешевить производство. Больше ни для чего. Не нужна бесконечная живучесть роя! Это ошибка! Вот человек загрузил себе ботов, вылечился — а на фиг они ему потом? Если мы все сделаем правильно, он сможет, когда надо, загрузить следующую партию. Любой че-

ловек. Потому что правильно — это доступно для каждого! Человеку нет резона долго таскать в себе ботов. Это даже в определенном смысле вредно. Сейчас нам кажется, что мы знаем весь спектр задач, которые они будут решать. Хорошо, а если завтра мы поймем, как лечить старость? Под это нужны другие боты. А в человеке уже который год сидят и крепнут его симбионты! Как их заменить на другую модель? Да старые поубивают новых! Или наоборот. Человеку от этого хорошо не станет. Есть только одна узкая страта, которой нужны симбионты, и именно репликаторы, но у нас эта страта пока отсутствует. Это космонавты, уходящие в экспедицию на несколько лет. Вот им — да, нужно. А остальным зачем? И Дед говорит: Гоша, давай мыслить системно. А системно — это я запросто!

Гуревич весело рассмеялся. Он сильно изменился. Растолстел, куда-то подевался вечный страх в глазах и сутулые плечи. От него было оптимизмом и бесшабашной удалью. Гуревич верил, что справится с любой проблемой. И ему уже казалось, что он всегда таким был, только раньше скромничал по мальчишескому.

— Вот так и родилась идея. Зачем делать универсального бота? Надо сделать универсальный рой! Смешанный рой, понимаешь? Боты разных серий, разных специальностей. Мы взяли за основу «пятерку» и «трешку». «Трешка» легкая, и мы еще облегчили ее. Ей не нужно самой много двигаться — ее до места работы несли вертолетики. Они сильные, они и пять малявок унесут. «Трешка», как и была, диагностист. А у «пятерки» Дед предложил сделать разделение функций. И вот, ты понимаешь, мы набросали модель роя, все, можно подавать заявку на новый проект — и тут Мишка наносит последний удар. То самое, на что намекал, гаденыш. Деду звонят из Морозовска.

сквы и предлагают по-хорошему убраться на пенсию. До сих пор думаю, тот чертов тромб оторвался не случайно. Стресс. Понимаешь, у него вторую мечту из рук вырывали. На этот раз — осуществимую...

Виктор знал, что стресс ни при чем. Случайность. Нелепое совпадение. Дед не отдал бы мечту Мишке, пусть тот был бы хоть тридцать раз директор. И более того: проживи Дед до сегодняшнего дня, Мишка не смог бы развить бурную деятельность по оболваниванию всей страны.

Впрочем, как утверждал Гуревич, отнюдь не всей.

— Я всегда хотел поставить Деду памятник, — сказал Гуревич. — Настоящий. И я сделал это. Знаешь, Вить, у нас, у всей команды, за восемь лет не выскоцило ни одной по-настоящему новой идеи. Все идеи — Дедовы. И это здорово. В списке разработчиков он на первой строке. Мы даже черную рамку никогда не ставили. Он с нами. Он живой. Ох, Витя, сколько же было проблем! Но я вспоминал его слова: Гоша, надо мыслить системно. Это моя мантра была. У нас рой — три версии «трешики» и шесть версий «пятерки». У «трешики» и «пятерки» принципиально разные решения в прошивке. И надо было заставить их взаимодействовать. Надо было втолковать «пятерке», зачем необходимо разделение труда! Надо было... Ох! — Гуревич махнул рукой. — И наконец, два с половиной года назад я получил опытную партию. Испытания. Синтетика, мыши, обезьяны. Превосходно. Потом два года на добровольцах. Хотя откуда у меня добровольцы?! Никто их особо не спрашивал, как ты догадываешься. Но моя совесть чиста. Пусть они и зэки, ни один не погиб. Здоровее только стали. Когда я умру, то на небесах буду спокойно смотреть Деду в глаза.

— Так я одного не понял — а с дорожовизной как

решили? Этот смешанный рой, он ведь... Даже не золотой. Бриллиантовый.

Гуревич тонко захихикал:

— Ты не поверишь — собираем на станках.

— Ну и?..

— Они маленькие. Понял, нет?

— Да ну тебя, — сказал Виктор. — Совсем маленькие?

— Микро, Витя, микро. Доработанная репликация. Вот тут она и пригодилась. Опять системное мышление. Хорошо, для дешевизны нужна репликация. Но зачем размножать ботов в организме и бесконтрольно?! Ведь у нас медботы, их грузит строго врач. Если рой не вытягивает задачу, врач повторит загрузку, только и всего. Я нарочно для этого прописал алгоритм совместной работы нескольких роев. А собирают ботов ассемблеры на базе пятой серии. Собирают и «пятерку», и «трешку». Знаешь, в чем фокус? Ассемблер не приспособлен для работы в организме. Он вообще неженка, сидит в стерильном контейнере, где плодит наших рабочих пчелок. Понимаешь? Это не бот, это микростанок! Который выглядит как «пятерка», только малость покрупнее и без пропеллера. Он включается и выключается как любой станок на свете — кнопкой. И вне поля подпитки сразу загнется.

— Но у тебя в рое летает настоящая «пятерка», она ведь...

— Да нет ее там! Настоящая «пятерка», универсальная, только в лабораториях осталась, мы на ней новые задачи гоняем. А в рой поступают узкие специалисты. Шесть версий, все на общей платформе, но у каждой — свой набор инструментов и своя задача. Каждый бот умеет запрашивать помочь роя, если видит, что не по его части проблема, и может общий сигнал паники подавать в случае чего... А за-

прет на репликацию я этой компании прописал так, что проще нового бота выдумать, чем заставить наш рой размножаться. В общем, все пригодилось. Все Дедовы решения. Ничего не пропало, ни единой крохи.

— И как вы это провели через конвенцию?

— Да никак, вот чудак ты! Там запрещена репликация, а не сборка ботов. Если бы сборка, то пришлось бы запретить и станки. Размер станка значения не имеет. Фокус в том, что это именно станок. Он не может собрать точную копию себя! Он просто делает ботов, и только когда человек дает команду, а не когда сам захочет. По команде он производит нужное число ботов нужной версии. А потом ложится байньки. Срок жизни ассемблера в поле подпитки — три года. Да, вот сборка ассемблеров — дело дорогое, но они окупаются за год эксплуатации. И еще два — приносят прибыль.

— Действительно фокус, — признал Виктор. — Остроумно.

И замолчал. И Гуревич понял:

— Вить, по тому эпизоду с пятой серией я написал чистосердечное восемь лет назад. Ничего тебе не будет, я вообще тебя не упомянул. Да и себя, прямо скажем, обелил. Хотя я толком и не врал. Да, была опытная партия. Собрана до запрета репликаторов. Вот, смотрите, какую прошивку я ей загнал. Я имел право сделать это, потому что, опять-таки, еще не было конвенции. Когда директор приказал уничтожить документацию, я все выполнил. А опытную партию Семенов передал лично в руки директору. Я честно сказал почему. Потому что у нас с Семеновым не хватило бы духу убить ее. А доверять ее уничтожение кому-то, кроме директора, опасно — вдруг человек слабый, еще прикарманит?..

Он запнулся.

— Хорошо. Вить, давай начистоту. Я продался. Но я продался Родине и считаю это самой удачной сделкой в своей жизни. Я догадался, куда ушла опытная партия. В первую секунду хохотал как безумный — от радости. Потом испугался. За парня. За тебя с Леной. За Семенова. Он хороший мужик. И вообще за все. Я не знаю, как вынуть симбионтов из твоего сына, не навредив ему. Уже никак, наверное. Но, Вить, одного ты можешь не бояться. «Пятерка» никогда не устроит грей гу.

— Зато, сдается мне, устроит Мишка. А? Есть такое подозрение.

— Ой, да Мишка... — Гуревич жизнерадостно отмахнулся. — Забудь. Что бы он ни устроил, все ему выйдет боком. Мишка под контролем.

И Виктор понял, что внутренне уже согласился на предложение Гуревича. У него тут будет прекрасная задача. Лучше всего, чем он когда-либо занимался. Его дело — разработать конкретные методики лечения и создать учебный курс для врачей. И, конечно, быть рядом с командой Гуревича. Это ведь первый смешанный рой — но далеко не последний. Они еще такого напридумают...

Все только начиналось.

* * *

На аллее Виктор разминулся с машиной Семенова. Помахал ему рукой. Тот кивнул.

— Как ты его обозвал? — спросила Лена.

— Забыл. Наноштириц? Ой, нет. Наноджеймсбонд!

— И этот туда же... Здесь хоть один простой человек найдется?

— Одного знаю, — сказал Виктор. — Это я.

Семенов заехал в ворота, остановил машину, вы-

шел из нее и приглядился к руинам. Было видно, где орудует Гуревич: там стояло плотное кольцо людей, и все глядели куда-то вниз. Значит, там, куда они смотрят, — Гошка...

Они с Гуревичем обнялись, для чего одному пришлось нагнуться, а другому привстать на цыпочки. Обнялись чинно, по-мужски, крепко, но не громко шлепнув друг друга по спине.

— А ты изменился, — заметил Семенов.

— Н-ну! — Гуревич с гордостью похлопал по животу. — О, сколько здоровья наел! Мой запас жизни. У ботов научился! А знаешь, чем удобно брюхо? Во-первых, я когда смотрю футбол, ставлю на него кружку с пивом. А во-вторых, когда падаешь вперед, не разобьешь себе нос.

Семенов скромно улыбнулся.

— У меня тебе подарок. Ну-ка, пойдем.

Он открыл багажник машины. Там было пусто (хорошая привычка для того, кому случается иногда запихивать туда агентов иностранных разведок, Петя в самый раз поместился), только в сеточке для мелочей сбоку лежало что-то плоское, замотанное в мягкую тряпку. Семенов достал этот предмет, развернул его и протянул Гуревичу.

Белый ноутбук «Сони», тринадцать дюймов. Чудовищно устаревший, но все еще рабочий.

У Гуревича вдруг затряслись руки и глаза за толстыми очками подозрительно заблестели. Он бережно принял ноут — и прижал его к груди.

— На память, — коротко сказал Семенов. — Ты оказался самым лучшим наследником Деда.

— Я старался, — простодушно ответил Гуревич. — Чтобы не было стыдно посмотреть ему в глаза, когда умру и мы там встретимся.

* * *

Восемь лет назад они сидели у Гуревича на кухне, и плохо им обоим было невыносимо. Только по Гуревичу это было видно, а по Семену — прозвище для самых близких людей — нет.

— Увольняешься?

Гуревич сник. Щуплый, мелкий, кажется, ткни пальцем — и раздавишь.

— Не знаю, — пролепетал он. — Не хочу, понимаешь? Но и с Мишкой не могу. Он царек. Михаил Великолепный. Я не могу с такими. Дед был человек. Человечице. С ним работаешь — и себя уважаешь. А Мишке не надо, чтобы с ним работали. Ему надо, чтобы подчинялись. «Слушаю и повинуюсь» ему надо. Не знаю, куда пойду. Куда угодно. Да хотя бы к Насте Коваленко. Ей даром не нужен мой уровень, но она — человек.

Семенов, по обыкновению, молчал. Гуревичу не нужен был интересный собеседник. Он и с зеркалом бы говорил, да только какой смысл болтать за жизнь с этим щуплым, мелким и очкастым, который живет в зеркале? Все равно ничего умного не присоветует. Уж лучше с мамой. Маразматики иной раз удивительные вещи сообщают.

— Хочешь, помогу? — спросил вдруг Семенов. Он Гошку жалел. И по-человечески, и как способного, но бесполкового парня.

— Как? — испугался Гуревич.

— Однокласснику позвоню. Ему нужны талантливые программисты.

— И зачем?

— Родине служить.

Гуревич прищурился, маленькое лицо окаменело, губы собирались в куриную гузку:

— Ну, я так и думал.

Семенов только приподнял бровь. Чуть-чуть.

— Ты кагэбэшник, — объявил Гуревич. — Я всегда это подозревал.

Семенов промолчал.

— Или как вас там сейчас называют? Госбезопасность, короче говоря. И не ври, что не так. Я еврей, у меня на вашу братию расово верное чутье!

Семенов мог бы посмеяться. Но зачем? Гуревич уже и сам задумался. Он вообще любил это дело — думать. В темно-карих, как старые пуговицы, глазах появился огонек.

— И я им нужен, да? Они ведь к евреям не очень... Правда, я талантливый, сам знаю. На самом деле нужен?

Семенов снова промолчал. На этот раз — выразительно. Гуревич воодушевился:

— Семен, послушай, а если... А можно... Слушай, есть гениальная идея. Давай я буду иностранцем шпионом!

Семенов аж крякнул. Мало кому удавалось его удивить. Гошка сумел.

— Это еще зачем?

— Ну, чтоб меня на глазах у всех арестовали, надели наручники, засунули в «воронок»... — мечтательно сказал Гуревич.

— Как говорят англичане, лучше плохая репутация, чем никакой?

— Точно! Семен, я всю жизнь был никем. Пустое место. Я только последние годы, когда меня нашел Дед и поставил на «пятерку», что-то значу. Но этого никто не знает. Ну да, личный программист, и чего? Не личность, так, девайс для гения. А тут все поймут, каков я!

Семенов позволил себе усмешку. А что? Его коллеги любят розыгрыши и мистификации. Им идея понравится. Может, от нее и польза какая будет.

— Семен, — осторожно позвал Гуревич, — а Дед знал, кто ты?

— Конечно.

— Он не боялся?

— С какой стати? Я же не его разрабатывал.

— А кого?

— Вот дубина... Тех, кто пытался разрабатывать его!

— А-а, — успокоенно протянул Гуревич. Поерзal на стуле, потом вскочил: — Погоди. Раз такое дело... Погоди.

Убежал в комнату, тут же вернулся, принес заляпанный кофе ноутбук. Маленький «Асус». Положил его перед Семеновым бережно, как артефакт из гробницы фараона.

— Вот.

— И?..

Гуревич отвел взгляд. Тяжело вздохнул.

— Знаешь, я, наверное, преступник. Но я просто не смог.

Семенову чуть не изменило самообладание.

— Здесь все по пятой, — сказал Гуревич, зачем-то отползая к двери. — Полностью. Никто не знал. Я маньяк. Я живым себя чувствовал только в Нанотехе, домой не хотел уходить. Потом догадался — и сделал копию всей документации. Вообще всей. Работал и в институте, и дома. Знаешь, как было здорово? Вот, — повторил он и на сантиметр подвинул ноут к Семенову. — Когда Дед приказал уничтожить документацию, мы с тобой на работе все снесли, я и не пикнул. А почему нет? Я же знал, что у меня есть дубликат. Я просто для потомства хотел сохранить. Вдруг через год конвенцию отменият? И что, все заново?! А тут еще и Деда не стало... А сейчас я понял, что дома это держать нельзя. Мало ли, вдруг твои ребята не возьмут меня. Тогда за

меня возьмется Мишка. Вытрясет все, что помню. Я, если честно, пыток очень боюсь...

Семенов стерпел и это.

— Пусть у тебя побудет. В этих ваших подвалах Лубянки, архивах или еще где. Вы же все храните. У вас память о «пятерке» сохранится лучше, чем в банковском сейфе.

Семенов посмотрел на ноут, прикидывая размеры. Да поместится, чего там — тринадцать дюймов. И убрал его в сумку, впихнув между двумя номерами журнала «Оружие и боеприпасы».

Гуревич сразу успокоился. Сел обратно на табуретку.

— Дед. Я любил его. Я никого так не любил, как Деда. Его и наши вертолетики. Эти годы... как один день. И все насмарку, — убито закончил он. — Такая гениальная идея! Дед меня после работы подвозил иногда. И бывало, что конец рабочего дня, я прихожу к нему, и вдруг меня осеняет. И мы прямо тут же садимся, у меня ноут, у него ноут... Я этот его ноут как свои руки знал. Белая «сонька». Каждую наклейку знал. И клавиша «Т» блестит сильнее остальных. И мы садимся, у него на компе архив, я ему сразу загружаю свою идею, мы тут же проверяем... И знаешь, что главное? Он радовался. Он как ребенок радовался. А потом все снес. Я видел сам. Железной воли человек. Я думаю, он и умер потому, что жить не захотел. Жить комфортно таким, как Мишка. А настоящие люди так не могут.

Что правда, то правда, думал Семенов. А все потому, что цели у них разные. Настоящие люди ищут жизни, а «мишки» — комфорта.

— «Пятерка»... Вертолетики... — Гуревич всхлипнул. — Я никому этого не говорил. Никому. Они совершенны. Я был настоящим человеком, когда писал для них прошивку. Знаешь, какой могла быть пятая на самом деле?! Я... Я ведь сначала другую

прошивку написал. То есть для будущей поточной серии я выкинул лишнее, сократил там, ну, ты понимаешь. А для опытной партии — все осталось. Только нужен усиленный рой, иначе не прошьешь на полную. Опытная партия... Она другая. Только не смейся. Мне в детстве так хотелось собаку, а мама не разрешила взять щенка. И я... — Он сглотнул. — Я сделал такую собаку. Существо, которое будет служить человеку и никогда не предаст его. Я сделал такого бота, который станет не только лекарством — но и другом. Чтобы, если «пятерку» загрузили ребенку, он никогда больше не чувствовал одиночества.

Семенов слушал молча. В лице не дрогнул ни один мускул.

— Ты пойми, я просто хотел, чтобы... — Гуревич разгорячился. — Хотел, чтобы у каждого человека был свой щенок. Идеальный. На него не бывает аллергии, с него не сыплется шерсть, он не гадит и не грызет мебель. Он не болеет и не умирает.

— Совсем? — незначительным тоном спросил Семенов. — Там же таймер. Срок жизни ограничен.

— А вот и нет! — с гордостью воскликнул Гуревич. — Таймер в серийной прошивке! А в опытной есть команда «симбиоз»! Она таймер отключает. В благоприятных условиях рой мог бы жить неограниченно долго! Я многому их научил. Очень многоому. И самое главное — я разрешил им учиться самим. Они послушные и любопытные... были.

Семенов молчал.

— Семен, — попросил Гуревич хрипло, голос у него от напряжения сел. — Если в тебе, в твоей кагэбэшной душе... должна же быть душа даже у кагэбэшников... если у тебя есть хоть что-нибудь святое — не говори мне, что опытная партия уничтожена. Не надо, умоляю тебя. Оставь мне иллюзию. Пусть я буду надеяться, что они догадались убежать,

спрятаться. Я научил их некоторое время жить снаружи. И я прописал их так, что рой никогда не спит целиком. Всегда есть несколько дежурных. Если что, они разбудят рой. Я буду думать, что все получилось. Что рой проснулся, прогрыз себе маленькую дырочку и утек куда-нибудь. Ладно? Ну пожалуйста!

Семенов молчал.

Он помнил тяжесть этого самую капельку теплого контейнера.

И помнил очень бледного, изможденного мальчика. Он видел его лишь один раз, полгода назад. Случайно. На улице. Мальчик очень редко бывал на улице. Там ведь опасно, гриппы всякие, кто-нибудь чихнет — и не успеешь до больницы довезти.

Теперь мальчик никогда не останется один.

У него завелся целый рой маленьких, послушных, любопытных и очень верных друзей.

* * *

Я всегда знал, что это плохо кончится, думал Рыбников.

Где-то в самой глубине души он был пессимистом. И сейчас испытывал облегчение. Наконец-то страшное произошло, не надо мучиться ожиданием.

Пару минут назад вдалеке, но так, что он увидел, провели Зарецкого. Доктор льстиво улыбался своим конвоирам и чего-то лопотал. Наверное, одних закладывал, а на остальных клеветал, по алфавиту, полный Нанотех. Рыбников не верил, чтоглядел Зарецкого случайно. Доктора ему показали. Хотели дать понять: отпираться бесполезно, эта гнида про тебя все расскажет. Спасибо, ребята, доставили удовольствие, приятно увидеть Зарецкого, взятого за жабры. А рассказать я вам и так все расскажу...

Он сидел за уцелевшим деревянным столом из комнаты отдыха охраны. А напротив — Гуревич. Тот

самый. Толстый, самодовольный и победивший Гуревич. Проклятье, этот сукин сын обманул всех. Дважды. Он действительно продал архивы Деда. И, черт его подери, он продал их не американцам, не англичанам и даже не евреям. Он продал их русским! Не олигархам каким, а напрямую властям. Надо быть Гуревичем, чтобы так ухитриться. Теперь онуважаемый человек, работает в ФСБ, курирует секретные проекты в области микротехнологий. А Рыбников — сидит в наручниках. У Гуревича впереди орден и премия. У Рыбникова — суд и лишение свободы за государственную измену. Нарушение конвенции, которую соблюдает твоя страна, нарушение сознательное и с целью получения выгоды — это ли не предательство? Как бы еще терроризм не припаяли... А ведь фактически то, что хотел сделать Михаил, это и есть терроризм.

У них ничего не вышло бы. Ни-че-го. ФСБ держала их на мушке. Когда танки заполнились бы, вместо счастливых заказчиков должны были принять хладнокровные ребята в штатском. Пожалте пробу на анализ. Покажите документацию. Ах ты, елки-палки, да это репликаторы! Пройдемте, граждане. Кстати, а кто именно позволил вам так ловко устроиться? Фамилия, должность?..

Борьба влиятельных кланов, думал Рыбников, и я — мелкая карта в большой игре. Шестерка. Мишка тоже... Не старше валета. А Нанотех — туз. И серия «девять плюс» — джокер. Нами сыграли, а ставкой была чья-то голова в Москве. Голову теперь срубят, колоду карт выбросят. Такая вот партия в джокер-покер. Один сплошной блеф.

Рыбников верил Михаилу, что у него все схвачено — директор сам себе госприемка, и внешних проверок не будет, — только потому, что очень хотел верить. А ведь сердце подсказывало — кого-то дурят. Никто не позволит грузить населению изде-

лие, которое не разобрали на запчасти представители заказчика. Михаил ссылался на свою руку в Кремле. Кто его так ловко надул? На что он рассчитывал?

— А на что рассчитывал Рыбников?

Человек так паршиво устроен, что легче всего ему обмануть самого себя.

— Почему вы не прекратили это раньше? — глухо спросил Рыбников.

— А зачем? — удивился Гуревич. — Это невыгодно.

— Но нам платили из бюджета.

— Ой, это все окупится. Если уже не окупилось. Ведь твоя стандартная «девятка» — вот она, никуда не делась. Прекрасный бот. Ты и сам не знаешь, до чего он хорош. У нас улучшенная «трешка» сейчас работает на одном проекте, мы ее в перспективе на твою девятую махнем. Подгоним под наши задачи, и будет совсем замечательно...

Рыбников отчетливо скрипнул зубами. Думал, что долгие годы работы над «девяткой» вообще пропали, выходит еще веселее: он их подарил Гуревичу.

— Ага, — сказал Гуревич, будто читая его мысли. — Мы не нарочно, так получилось. Нам пришлось тянуть до последнего: надо же было взять Мишку с поличным. В итоге мы получили и твою разработку, и опасного преступника за те же деньги!

— Ну, ты... — выдохнул Рыбников со злостью. — Ну и еврей же ты, другого слова не найду. Повезло с тобой ФСБ. Талантливый программер и такой же талантливый еврей... За те же деньги!

— А ты думал? Безотходная технология, — сказал Гуревич, ни капли, по-видимому, не обидевшись. — Стараемся мыслить системно, учтываем любые возможности. И вас не трогали раньше времени по нескольким причинам. Во-первых, зачем класть все яйца в одну корзину? Нанотех очень ин-

тересно работал по «девятке», мы с ней связывали большие надежды. Просто институту не повезло с тем, что у Мишки... Тоже были большие надежды. Но мы следили дальше — и увидели: все равно у вас куча прекрасных находок! Только они легли под сукно из-за того, что Мишка плевал на любые ноухау, которые не помогли бы ему осчастливить Россию собой любимым... Это мы исправим. Ваш креатив не пропадет, все используем. Да и людей пристроим... А во-вторых, вы отвлекали внимание от настоящего серьезного проекта. Пока Мишка надувал щеки в телевизоре, в другом месте шла работа.

Гуревич задумался о чем-то своем, пожевал губу.

— Ох, не надо было дураку лезть в президенты. Глядишь, все для Нанотеха сложилось бы иначе. Хотя... Не с Мишкиными моральными устоями. Он прямо обязан был испохабить то, что осталось на его долю от Деда. Аж противно. Загубил репутацию института... Ну, что-нибудь придумаем. Нанотех — градообразующее предприятие, нельзя дать ему зачахнуть.

— Лично я плевать хотел на репутацию института, — заявил вдруг Рыбников. — Меня репутация микробов волнует. Если ваш второй проект рассчитан на широкое применение, можете его закрывать к едрене матери.

— А тебе не все равно? — спросил Гуревич с деланным безразличием.

— Все равно, — согласился Рыбников. — Считай, мне за микробов обидно. Целую жизнь на них угрожал, а оказалось — впустую.

— Сам виноват.

— Не отказываюсь.

А ведь ему и правда обидно, подумал Гуревич. Кажется, микробы — единственное, что он действительно любит. Поэтому его так легко подмял под себя Мишка. Рыбников совсем не похож на Деда с его

харизмой и приступами гениальности, он просто неглупый трудяга, даже трудоголик и командный игрок. Может стать ценным приобретением.

— Я тебя утешу, — сказал Гуревич. — Репутация микробов в порядке.

— После вчерашнего? Ну-ну.

— Ты не понял. Это нанороботы завернулись в простыню и быстро поползли на кладбище. Ты когда слышал из телевизора слово «микроб» в последний раз?

— Я не смотрю телевизор, — буркнул Рыбников. — У меня его нет.

— Это хорошо, — искренне сказал Гуревич. — На всякий случай информирую: если верить телевидению, в России нет и не было микробов, одни сплошные нанороботы.

— Но все-таки... Целый нацпроект упал!

— Да, у тебя действительно нет телевизора, — усмехнулся Гуревич. — Видишь ли, Мишка с самого начала так активно тянул одеяло на себя, что сейчас эта ваша хренация... вакцинация... очень слабо ассоциируется с государством. За последний год по всем соцопросам — один сплошной Мишка и его дрессированные нанороботы. Я час назад смотрел результаты экспресс-мониторинга: угадай, что тут вчера у вас обвалилось? Люди говорят: то ли неудачная предвыборная кампания, то ли просто большое надувательство. Которое очень вовремя и очень громко лопнуло.

— Ну-ну, — сказал Рыбников недоверчиво.

— Свалился Мишка, сегодня же свалился его покровитель в Кремле, потянет за собой еще кое-кого — давно пора, надо избавляться от идиотов, — и пострадала репутация Нанотеха. В целом ничего фатального для микробов.

— Ну-ну, — повторил Рыбников. — А кто вел второй проект? В общем смысле?

— Государство, конечно. А ты думал, программу национального значения вот так возьмут и подарят частнику? Ой-ёй.

— А мы, типа, частная лавочка? У государства блокирующий пакет!

— Не о том речь. Нанотех — полугосударственная фирма, но у самого Мишки психология мелкого частника, хозяйствчика. Мишка очень хотел нацпроект, и он получил свой «нацпроект». И поверил в него, и в себя поверил, а это было одно название. Потому что реальный нацпроект он бы извратил так же, как испортил Нанотех. Частник, даже самый добросовестный, решает свои частные задачи, вот в чем беда. Всегда — свои частные задачи...

А ведь прав этот лысый черт, подумал Рыбников, Михаил решал свои задачи. Хотел построить рай, где он восседал бы на престоле и милостиво улыбался. А народ восхвалял бы его денно и нощно. И сколько Мишка ни твердил, что радеет для России, Рыбников однажды перестал верить ему. Не радиуют для страны, через фразу повторяя «*мне нужно*».

Жаль, что я понял это слишком поздно. В самый последний момент. В день, когда он выдавил из меня согласие поставить «девять плюс» на поток. Надо было прямо тогда идти сдаваться, подумал Рыбников. Но я испугался. И ведь было чего. Я уже тогда сам себе расстарался на столько лет заключения...

— Институт, конечно, жалко, — сказал Гуревич. — Но нет худа без добра, как дезинформаторы вы сработали отлично. Вцепились в тупиковое направление — и понеслись, аж весла гнутся... Даже если бы мы вас пинками в зад подгоняли, и то так удачно не вышло бы.

Рыбников недоуменно посмотрел на него.

— Это обычный прием контрразведки — скормить вероятному противнику лакомую дезу. Какуюнибудь тупиковую концепцию. И скормить так, что-

бы он поверил: это дельная вещь, она поможет ему победить. Он будет вкладываться в ее разработку, тратить деньги, которые мог бы пустить на реально опасную для нас штуковину...

— И что, попались?

— Еще как! И не раз. Ох, сколько мы народу одурачили.

— Верю. И какая же идея была тупиковой?

— Репликаторы.

Рыбников уставился на Гуревича круглыми глазами. Тот снисходительно улыбался:

— Ты не один такой. Дед тоже поначалу был заорожен этой идеей. Да любой бы в нее втрескался. Но потом Дед увидел, в чем ошибка, и объяснил другим. Репликаторы — это заблуждение. Глупое и бесперспективное. Но человеку так хочется ощутить себя Творцом! На это все попадаются. А ведь настоящее решение всегда было рядом. Хочешь знать, какое? Я скажу. Это уже не секрет. Серия сдана, принята, и с понедельника начинается массовое применение. Все, мы победили. Мы будем строить новый мир. Так вот, истинное решение — это пчелиный рой. Разделение труда.

— Боже, — Рыбников даже глаза прикрыл. — Вот это да...

— Дед придумал незадолго до смерти.

Рыбников спрятал лицо в ладонях.

— Я осел, — пробормотал он. — Я просто тупой осел... И конечно, архивы Деда уцелели...

— Разумеется. Свой архив Дед уничтожил, чтобы Мишке не достался. Почему бы и нет? Он знал, что у меня есть копия. И кстати, все было законно. Мы свернули работу по универсалу-репликатору и взялись за принципиально новую концепцию — универсальный рой. Дед умер, я закончил за него этот проект. В базе — «пятерка» и «трешка». В перспективе, как я уже сказал, подключим твою «девят-

ку». Правда, с ней придется еще основательно повозиться.

— Послушай... Нет, погоди. Я понял, что все просрал. Скажи мне одно: почему твоя чертова «пятерка» не плодилась так, как «девять плюс»?! Она восемь лет сидела в парне — и ничего не было!

— А она не могла, — с достоинством сказал Гуревич. — Ты боялся спонтанного разгона? А я? Знаешь, как я боялся?! Я работал над репликатором, я влюбился в пятую, и я же просыпался ночью от собственного вопля! Мне снилось, что по кровати скачут вертолетики! И я тону в серой слизи! А решение простое. Точнее, их два. Пятая не могла самостоятельно образовывать новые рои, умела только дробить основной, на случай, если надо работать в нескольких удаленных местах. И общая масса роя не могла превышать двести пятьдесят граммов.

— Почему? — тупо удивился Рыбников. — Почему двести пятьдесят?

— Ну, — Гуревич надул щеки, — я подумал, а сколько максимально должен весить рой симбионтов? Внутренние болячки лечатся минимальным роем. Только при заражении, допустим, чумой или чем-то в этом роде, ну еще при запущенном раке ботам придется разогнаться в два или три раза. А внешние задачи?.. Оказывается, есть такие! Вот, например, геолог. В тайге. Там гнус. Я сам не знал, что даже простые комары могут насмерть заесть человека. И я подумал: наверное, геологи, охотники, да все лесные люди сказали бы мне спасибо, если бы их боты-симбионты могли выходить наружу и образовывать на коже пленку, которая пропускает свет, влагу и воздух, но откусывает хоботки кровососам. Здорово же, да? По расчетам получалось, что для такой пленки человеку весом в сто двадцать кило хватит двухсот пятнадцати граммов. Я на всякий случай выставил ограничение роя с запасом — двести пять-

десят. Чекушка, хе-хе... И подстраховал его так, чтобы боты не пошли в разгон ни при каких обстоятельствах. Даже если запрет не сработает.

— Как?! — не выдержал Рыбников. — Как ты это сделал?! Слушай, я всех сдам, всех заложу, только скажи — как ты это сделал?!

— Да ты всех сдашь по-любому, — усмехнулся Гуревич.

Рыбников надулся и сел прямо.

— Тогда просто так скажи, — заявил он. — Жалко тебе, что ли? Как?!

— Элементарно. Вписал в прошивку вирус, делов-то. Если «пятерка» умудрится обойти запрет, то запустится вирус и уничтожит рой. Жестоко? Но спонтанный разгон — это микробешенство. Взбесившийся рой ни на что не годен, разве только на вражескую базу его сбросить — вы с Мишкой обязательно подтвердили эту гипотезу... А с прошивкой можно делать самые неожиданные вещи. Например, так размазать по ней команду, что, если специально не искать ее, никто и не заметит, что она есть. Ага?

Рыбников пару раз моргнул, но промолчал.

— Мы давно этот фокус знаем, просто зачем он нам... Мы фокусами не занимаемся, мы задачи решаем. Да ты все сам увидишь.

Рыбников застыл.

— Тебя же осудят, — бледно улыбнулся Гуревич. — Ты сядешь. И тогда мы поработаем по-настоящему. «Трешка» морально устарела, а в твоей «девятке» есть рациональное зерно. Но ты, конечно, в гордыне своей не придал ему должного значения. Ладно, так уж и быть, тебе подскажут.

— Ты... — у Рыбникова сел голос. — Ты... что, правда?

— А ты как хотел? Я курирую один закрытый институт. Если по-простому и по-честному — ша-

рашку. Тебе там понравится. Там много вас таких, идиотов непуганых. Увлекающихся наукой до полной потери совести. Хотя, конечно, ты можешь отказаться. Вдруг тебе зона строгого режима интереснее?

— Ну, нет, — Рыбников нервно усмехнулся. — Может, я идиот бессовестный, только не безмозглый. Рассчитывай на меня.

— Так что, дать тебе бумагу и стило для чисто-сердечного? — слегка иронично уточнил Гуревич.

— Вот именно, — жестко сказал Рыбников.

* * *

Уперев руки в бока — надменный жест очень уверенного в себе человека, — Гуревич стоял посреди руин. Его так сюда тянуло, словно убийцу на место преступления. Словно он сам тут все раздолбал. Наверное, и правда совесть нечиста. Ведь жалел родной институт, любил его, думал, как будет отмывать его репутацию и восстанавливать статус, когда Мишка свалится. А этот деятель вон как свалился — буквально. Упал стремительным домкратом.

То, что он придавил нескольких высокопоставленных мерзавцев в столице, из которых сейчас вытряхнут их мелкие душонки, это, конечно, здорово, только не наше это дело, наше дело — микробы.

Нет худа без добра: пускай новость о падении Нанотеха уже разлетелась по стране, нынче же политтехнологи начнут разъяснять народу, что не бывает злобных ботов, а есть злые люди. Важно, что это чистая правда. Народ поверит, не такой он дурак, как о нем Мишка думал.

А Нанотех поднимем заново. Разумеется, после вчерашнего придется сменить название. Пусть будет старый добрый НИИ микромашиностроения. Опять-таки, правда и ничего кроме правды.

Никаких больше «нанороботов». Одни честные микробы.

Кончилось вранье, прямо дышать легче. И Витя Васильев не будет кривиться, обучая медиков «нанотерапии»...

Опытное производство уцелело, это большая удача. Главный корпус, по идеи, все равно надо перестраивать. Люди живы-здоровы, вот только сохранить бы их, не дать разбежаться. Объяснить, что будем жить теперь по-новому. Что будет у вас, ребята, новый институт. Совсем как при Деде и даже лучше.

Отыскать бы еще толкового начальника, чтобы тут все снова закрутилось, и побыстрее. На готовенько присесть и щеки надувать желающих сколько угодно — вон как Мишка в кресло Деда упал, наследничек фигов. А на эти обломки кораблекрушения, остатки прежней роскоши — кого я уговорю?..

— Георгий Эдуардович! Тут к вам э-э... посетитель. И честное слово, шли бы вы отсюда, вдруг не все еще упало.

— Посетитель — хорошо, — решил Гуревич. — А то у нас сегодня все больше разрушители, хе-хе...

Он вспомнил про ноутбук, подарок Семенова, и теплая волна прошла по сердцу. Вот есть же люди! Не разрушители. Созидатели. А казалось бы, гэбэшник до мозга костей... Правда, он оперативник и технарь, а не офисная крыса. Ох, сколько дрянного народу встретил Гуревич в этой системе. Он и не ждал от нее хорошего, просто надеялся, что она даст ему шанс удрать, вырваться из липкой паутины, которой Михаил окутывал институт. Оказалось, что и в ФСБ та же фигня: есть люди, а есть царьки и хозяйчики. Зато Гуревич был уже не тот. Совершив рывок из Нанотеха, он что-то в себе капитально переломил. Он тогда в первый раз пробил стену лбом: неумело, трясясь поджилками, но с отчаянной решимостью. И пошел дальше, стена за стеной, повто-

ряя про себя мантру «будем мыслить системно». И вот куда пришел. А все Семенов! Золотой мужик.

С этими добрыми мыслями Гуревич выкатился колобком из руин и весело сбежал по крыльцу вниз, посетителю навстречу.

Его поджидал красавец-мужчина с голливудской улыбкой, упакованный в такой элегантный костюм, что хоть сейчас на подиум, восхищать состоятельных дам до поросячего визга. В почтительном отдалении каменно застыла охрана гостя. За ней издали подглядывала охрана Гуревича.

Красавец разглядывал скелет института с хозяйственным интересом. Глаз у него был такой... Оценивающий.

— А я вас знаю! — обрадовался Гуревич, протягивая руку. — Какая встреча!

— А я вас почти не помню, к сожалению, — отозвался Кузнецов. — Но тоже знаю. Вы Ваню-Принца учили, верно?

— Да чего там учил, так... Все в порядке у Настеньки?

— Нынче с утра было неплохо, — сказал Кузнецов со значением. — Ну так что, Георгий? Развалили вы нам градообразующее предприятие!

— Это не я! — быстро ответил Гуревич.

— Ну да, вы старались, только куда вам с ним справиться! Отдали этому... нанотехнологу всея Руси, иметь его конем!

— Да он не наш! — воскликнул Гуревич, не понимая, то ли над ним смеются, то ли финансист Кузнецов вспомнил пиратские замашки и приперся гнуть пальцы от имени города. Собственно, Гуревичу было все равно, он ждал развития событий.

— А у меня тут дочка работала, — сообщил Кузнецов. — И друзья ее.

— Эх, соболезную, — отозвался Гуревич.

— Вот, дети интересуются, что теперь дальше будет.

— Так вас дети прислали?

— Ага! — нагло заявил Кузнецов.

— Слушайте, Игорь, — сказал Гуревич добродушно. — Мне самому интересно, что дальше. Ясно одно: надо восстанавливать институт, только чтобы такого дерьяма, как при Мишке, больше не было.

— Это можно, — сказал Кузнецов.

Гуревич ждал.

— Строители есть, — Кузнецов загибал пальцы. — Отделочники есть, народу рукастого у нас в принципе сколько хочешь. Техника есть, материал есть, завод железобетонных конструкций... Да все есть. И главное, научный персонал есть, только надо удержать его на месте. Разместить где-то, чтобы не скучал, а работал хотя бы на коленке, пока здание отстроим. Ну и поддержать материально...

Он подождал секунду и наклонился к Гуревичу.

— Деньги тоже есть.

Гуревич снял очки, протер их, вернул на место.

— Игорь, вы хотите институт?

— Ага, — сказал Кузнецов. — А то дети... Вы же понимаете, они как насядут, и не объяснишь им...

— Может, вам лучше в градоначальники?

— В Москве? — тут же спросил Кузнецов.

— Нет, извините, там занято.

— А здесь-то мне зачем?..

— Ну, вдруг наконец-то асфальт нормальный в городе появится!

— Над асфальтом мы думаем.

— Я себе представляю. Восемь лет тут не был, а вы как тогда думали, так до сих пор всей своей мафией сидите над кучкой асфальта и думаете, аж мозги дымятся!

— Так есть над чем! Вы понимали бы — плакали! Дороги надо перекладывать капитально, менять по-

душку, а заодно и все коммуникации, что там внизу... Георгий, честное слово, если бы я хотел стать мэром... Меня и так давно зовут. Не тот масштаб. А вот эта штука, — Кузнецов кивнул на развалины. — Это интересно. Тут есть куда развиваться.

— Один уже тут развился, — заметил Гуревич. — Так развился, что в психушку увезли. Оклемается, будет там с другими наполеонами размером треуголки мериться. Если оклемается, конечно.

— Уверяю вас, я не полезу в президенты. Я вообще человек не публичный. Максимум, что я себе позволю, — уже на пенсии стану депутатом Госдумы. А чего? Все так делают. А пока силы есть, мы будем двигать микротехнологии — и стране польза, и городу хорошо.

— Ловлю на слове.

— Георгий, я понимаю, что вы это не решаете, — сказал Кузнецов очень серьезно. — Но город действительно готов вложиться в институт. Кроме шуток, дети просят. Им это нужно еще больше, чем нам.

Он снова наклонился к Гуревичу и доверительно сообщил:

— Знаете, у них очень серьезные планы!

— Ну, раз дети просят... — Гуревич развел руками. — Я ничего не гарантирую. Но передам ваши предложения завтра же, и уверен, что к моему мнению прислушаются.

— Благодарю, — Кузнецов церемонно выпрямился. — Вы пока здесь? Мы готовим небольшую презентацию, вам ее через пару часов подвезут, хорошо?

— Да просто отлично! Чтобы я не с пустыми руками... Отлично. Насте поклон от меня. Я бы заехал, да видите, сколько дел.

— Вижу, — Кузнецов ехидно подмигнул. — Многих ваши повязали!

— Ой, не моя компетенция, я всего лишь консультант...

— Главный! — Кузнецов ослепительно улыбнулся.

Он уже был далеко, а Гуревич все стоял и глядел ему вслед, думая, не продешевил ли: надо при случае намекнуть еще раз про асфальт. А то позорище, в родном городе — такие дороги, словно тут не микробов, а слонопотамов делают и гонят их потом своим ходом к заказчику...

На аллее Кузнецов подошел к машине, сунул ногу в распахнутую охранником дверь, но вдруг полез обратно.

— Эй, товарищ подполковник! — крикнул он весело. — Можно вас на минуточку?

Что за на хрена провокация такая, подумал Семенов. Они тут все сговорились каждый день меня удивлять?

Он захлопнул капот, обтер руки салфеткой и только потом оглянулся.

— Простите, это вы мне?

Кузнецов уже стоял рядом.

— Семенов, есть нескромный вопрос — вы когда там у себя на пенсию уходите?

— Да я давно в запасе, — буркнул Семенов.

— Может так получиться... — сказал Кузнецов. — Теоретически... Что я буду директором этой штуки.

Он мотнул головой в сторону развалин.

— Что, дети попросили?

У Кузнецова едва не отвисла челюсть, просто он для этого слишком хорошо владел собой.

— И дети тоже. Скажем так, они были первыми. Эта штука еще не до конца упала, а меня уже дергали за штаны...

— Это вы своего младшего имеете в виду?

Вот тут Кузнецов уже крякнул и залился крас-

кой, как мальчишка, у которого мама нашла фотографию одноклассницы в купальнике.

— Э-э... М-м... Ну, вообще-то он скоро вырастет, и его тоже надо пристраивать к хорошему делу!

Семенов кивнул, вроде бы одобрительно.

Кузнецов усмехнулся.

— А старшая говорит: папа, извини, мы этот развалили, он все равно некрасивый был, может, ты построишь новый? Ничего себе заявочки... Институт они развалили... Э-э... Что вы так смотрите? Я чего-то не знаю?

Семенов оглянулся на руины.

— Любимая игрушка, — сказал он. — А что, славная игрушка. Только надо уметь пользоваться.

— Так я почему к вам! Слушайте, я, без ложной скромности, очень многое умею. Но в микробах понимаю вот примерно как этот дуб!

— Это липа, — сказал Семенов.

— Тем более. Ладно, я не разбираюсь в микробах. Главное, чтобы они в нас разбирались! Для этого мне понадобится толковый заместитель.

Семенов молчал.

— И знаете, — сказал Кузнецов, — меньше всего мне нужны проблемы. На местном уровне я их решаю — любые. Но микротехнологии — это уже сфера государственных интересов. Государство всегда будет рядом, всегда будет пытаться руками пощупать, что мы там у себя делаем... Да ради бога! Просто с государством я не хочу иметь проблем даже случайно. Вот еще и поэтому я зову вас.

Семенов думал.

Кузнецов улыбался.

Эпилог

Смотри на мир широко раскрытыми глазами.
Проговаривай свои проблемы вслух, будет легче.
Не стесняйся просить у близких помощи. Иногда достаточно всего лишь попросить.

Проснувшись утром, подумай: как замечательно, сегодня я столько всего успею!

Когда дети полезут на крышу с ведром краски, чтобы написать там: «Свободу узникам эппла и майкрософта!» — не мешай советами. Они знают, что делают.

Тебе мешали все кому не лень, а ты — следующее поколение, ты уже мешать не станешь. Ты не будешь обращаться с другими так, как обращались с тобой. Потому что самое плохое — это когда из поколения в поколение закрепляется и передается дальше негативный сценарий.

А теперь припомн расписание на сегодня — и вперед!..

Леха «зашел на стену». Нормально. Организм работает на десять баллов. Кажется, он адаптировался. Может бегать в полную силу. Говорите, пауэр трейсинг — спорт отщепенцев? Хорош был бы Леха тогда на громоотводе, на высоте четвертого-пятого этажа, если бы вовремя не записал себя в отщепенцы и не научился владеть своим телом. И в слэмбол они с Принцем на следующей неделе всех уделают.

- Салют нанороботам!
- Привет ботаническому техникуму!
- Леха, выручай, открой дверь, мы ключ потеряли!
- Да иди ты...
- Гы-гы-гы!!!

Леха изящно перемахнул через забор, еще немного пробежал и сбавил темп. Последние дни мая, город расцвел, по нему теперь приятно не только бегать, но и просто ходить. Красиво у нас. И спокойно. Москва совсем не такая. Вся бурлит. Ее кипение чувствуется даже в тихих дворах центра и окраинных лесопарках.

Он теперь часто бывал в столице. У них установился такой порядок: то отец приезжает на выходные, то они с мамой отправляются к нему на пару дней. Пусть сын привыкает к Москве полегоньку, ему там учиться, а дальше сам решит. Отец выглядел довольным, у него была «полная голова микробов», и, кажется, впервые в жизни маму это не бесило. Мама заметно изменилась, стала поспокойнее, не мешала бегать, зато донимала Леху рассказами, как у них на стройке кто-то с кем-то поругался. Корпуса «микромашки» — так в городе обозвали «НПО Микромаш» — только начали возводить, мама со своего невеликого секретарского места видела строительство как на ладони и знала все про всех. Дежурная тема для пересудов: каким суровым и непреклонным руководителем оказался Кузнецов и какая же душка Семенов, прямо не поймешь, кто из них в Школе КГБ учился...

Но главное, маме нравилась Даша.

Когда Принц однажды спросил, а как Леха намерен разобраться с чокнутой семейкой, тот ответил: натравлю на них маму, ей все равно, кого потчевать таблетками! А потом задумался. Маму стоило

принять во внимание, она могла капитально отравить жизнь, если что не по ней. Но оказалось все легко: Дашу мама всегда считала девочкой серьезной (не то что эта оторва Кузнецова!), умненькой, не склонной перечить старшим и вообще почти ангелом. А что семья немного странная — нам с ними не жить. А если папаша будет недоволен, пусть только вякнет, у меня муж врач, он знает, что с такими делают... К счастью, до вмешательства мужа врача не дошло, понадобились медики иной специальности. Иоанн Нанокреститель ранней весной «обострился», перекрестил костылем батюшку и закатил такую проповедь, что насилиу его скрутили. Теперь он жил в психушке и прописался там, кажется, накрепко. Община семью не бросила, наоборот, устыдившись своей прежней слепоты, удвоила внимание.

Добрые люди припомнили, откуда Иоанн Нанокреститель взялся такой, и сделали выводы. По городу пошел слух, что он жертва нанороботов и на нем ставил опыты лично Михалборисыч. По иронии судьбы, эти двое умудрились не только поработать на одной фирме, но и побывать в одном сумасшедшем доме. Правда, Михалборисыча оттуда давно увезли: он теперь гостевал в институте имени Сербского. Да и все равно он никого не узнавал...

Леха забежал домой, умылся, быстро перекусил, сунулся в свою комнату, подхватил на плечо рюкзак... И остановился. И загрустил. С самого утра Леха старался ни о чем не думать, не впечатляться — а тут прихватило. Модель «пятерки» стояла, как раньше, у компьютера. Милый вертолетик, ты останешься у меня один, подумал Леха. Ну, хотя бы ты. Будет что вспомнить. А потом, много позже, когда у меня будут дети, я расскажу им историю опытной партии пятой серии — всю от начала до конца.

И пускай решают сами, кто был прав, кто виноват. Главное, они будут знать.

Дети имеют на это право.

— Я пошел! — крикнул он.

— Не развалите дом, — отозвался из гостиной отец. — А то знаем мы вас!

— Мы уже сто раз могли это сделать, — фыркнул Леха.

— К Нанотеху вы тоже два месяца присматривались...

Машина подъехала, когда Леха вышел на улицу. Водитель Дима еле заметно кивнул. С правого сиденья весело скалился Принц.

Леха забрался назад, к девчонкам, обнял Дашу, сунул руку Марии и спросил:

— Ну, все готовы? А то я могу один.

— Черта с два мы тебя оставим, — сказала Мария. — Только не сегодня. В такой день нельзя быть одному.

Машина тронулась.

* * *

— Кажется, я понял, чем хочу заниматься, — сказал на днях Леха. — Я раньше думал, микротехнологии — это верх совершенства и предел мечтаний. Но знали бы вы, какое чудо астрофизика!

За полгода он прогнал через себя кучу инфы и стал почти энциклопедистом: о чем ни спроси, Леха знает. Он слушал аудиокниги на бегу, читал между уроками и на уроках и смотрел видео за едой, чем весьма раздражал маму. Он был онлайн круглосуточно, но не вяло-равнодушно, как большинство людей, а весьма активно, и Принц следил, чтобы коннект был железный. Оторвать Леху от перера-

ботки информации могла только Даша, хотя Леха подозревал, что и тут вертолетики чему-то учатся.

Он не все глубоко усваивал, да у него и задача была другая: именно прогнать через мозги текст, картинку, схему, видео. К чему просыпался личный интерес, то откладывалось в голове, и некоторые дисциплины Леха начал изучать особо, уже для себя.

Как выяснилось, не только он. Однажды, зайдя к Даше, Леха увидел нечто странное: девушка читала — вслух! — учебник по микробиологии.

На руке у нее сидел, крепко вцепившись лапками, и внимательно слушал маленький вертолетик.

Принц натаскивал этих ушлых ребят по электронике.

Чего они приставали к Марии, Леха более-менее додумался только под самый конец всей этой истории. Мария, поразмыслив над тем, как два раза подряд села в лужу в Нанотехе, сделала вывод: гуманитарные технологии от нее никуда не денутся, а образование надо получать все-таки классическое, и знаете какое? Юридическое! В этой стране надо знать законы! Ну и Маргарет Тэтчер ведь не дура была, когда пошла именно в юристы...

Вертолетиков интересовало очень многое, а к весне они предметно навалились на астрофизику.

Без симбионта они бы не справились — слишком велика разница в подходах, совсем другое мышление. Леха надеялся попросту законнектить их с Интернетом, и пускай сами копаются, а оказалось, что вертолетикам это плевое дело, только они не разбирают ничего в мешанине символов. Зато все, что мог расшифровать и осмыслить симбионт, они схватывали на лету. И понимали лучше. Иногда у Лехи случались из-за этого проблемы. Вызовут его в школе к доске, а из старшеклассника Васильева вдруг как попрет высшая математика, в которой он

не рубит ни знака! Полдоски испишет, опомнится, глядит на свое художество — мама родная, а что это?.. С химией тоже неудобно вышло, химик-то у нас кандидат наук, обиделся. Но самая большая засада случилась уже в начале мая на лабораторной работе по физике, когда у них с Дащей — вместе делали — начал врать динамометр. Леха спросил у вертолетиков, что бы это значило и чего такого натворили его руки, но внятного ответа не получил. «Я учусь», — сказали. Это он уже полгода слышал. Но теперь начал кое-что подозревать.

К концу мая они, кажется, изобрели антиграв. Так или иначе, они дали знать, что все готово.

* * *

Стемнело, показались звезды, над дачным крыльцом уютно горел фонарик.

— Ты шел бы в дом, — сказал Леха Принцу.

— А что, они при мне — никак?

— Видишь, спрятались. Такое впечатление, что стесняются.

Лехе неприятно было скрывать от друга даже мелочи. Но тут он покривил душой. Не хотел говорить, что вертолетики сильно разогнали рой и думают подразогнаться еще. Не надо этого Принцу знать.

Любой, кто пережил обвал Нанотеха и представляет, что именно там случилось, очень нервно реагирует на саму идею бесконтрольного разгона. Не надо ботам реплицировать без команды.

Леха тоже бы нервничал, будь это не вертолетики. Оказалось, им задан максимальный объем роя, выше которого разгоняться нельзя. Они попросили разрешения у симбионта перейти этот барьер. Если бы Леха отказал — они не смогли бы ничего поделать.

Симбионт разрешил.

Узнай Гуревич, насколько легко обходится запрет, он бы в ладоши хлопал от восхищения: надо же, какие простые ребята наши вертолетики — взяли да попросили! И лишний раз похвалил бы себя за то, что подстраховал запрет вирусом...

— Ты как вообще? — спросил Принц, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Жить буду.

— Совсем пустой?

— Увы, — сказал Леха. — Совсем ничего не осталось. И это правильно. Не место им тут. Верно отец говорил: мир не готов.

— Мон принс! — донеслось из дома. — Да оставь ты их в покое, не мешай! Дай попрощаться по-человечески!

— Сейчас, Маш, сейчас... — Принц все медлил. — Лех, ты просто знай, что мы тебя не бросим. Что бы ни случилось. Мы не боты, слава богу, на какой-то дурацкой конвенцией не прихлопнешь.

Леха благодарно толкнул его в плечо.

Эх, вертолетики...

Никуда вы не делись, никто вас не прихлопнул, вы трудитесь в смешанных роях, которые придумал Дед, вырастил Гуревич и сейчас загружает людям отец. Миллионы серебристых вертолетиков летят по человеческим сосудам, несут на себе хитрых ловких головастиков, исследуют и лечат.

Но таких, как опытная партия пятой серии, больше не будет. Теперь таких не делают. Не родится ничего похожего на тех первых четырех, собранных добрыми руками Семенова. Вы были другие. Вы были настоящие. Вы были свободны.

Вам тоже мешали. Вас тоже ограничивали. Поже, хитрый Гуревич жахнул вам в прошивку вирус, который мешал развиваться, — только вы от не-

го вылечились, вы же врачи. И правильно сделали. лично я за свободу выбора.

Мне будет плохо без вас, но вам лучше, если уйдете, — здесь слишком много запретов.

Слишком много страхов и поэтому — ограничений, табличек «не входить», закрытых зон, конвенций. Люди судят обо всем на свете по себе. Люди знают, что людей надо ограничивать.

Вы, к счастью, не люди. Вы достойны большего.

Принц ушел. Леха успел еще раз толкнуть его на прощанье и спустился с крыльца на дорожку.

— А вот и я.

В кустах раздался хруст, и оттуда не спеша выбрался... М-да, вертолетик.

— Ну, ребята, вы и разъелись за три дня! — только и сказал Леха. — Это что за лошадь страшная?!

Небось опять по старой привычке Нанотех ограбили, подумал он. Благо там стройка, есть что тащить. А мама, конечно, отвернулась и сделала вид, что вас тут не было?..

В вертолетике было что-то неуловимо собачье. Ростом с ирландского волкодава, только широкий и могучий, как сенбернар. Винт он сложил и закинул на спину — чтобы не мешал лазать по кустам.

Леха не выдержал, присел рядом, обнял его, погладил. Вертолетик в ответ ласково потерся о человека — и правда, совсем как пес.

— Ну что, решение окончательное?

Леха встал и сунул руки в карманы, чтобы опять не вцепиться в эту обворожительную зверюгу.

Ох, как тяжело оказалось прощаться.

Вертолетик начал не спеша, будто демонстрируя человеку свои возможности, менять форму, оплывать. Вот не стало винта, исчезла добродушная морда, втянулись в корпус манипуляторы и нижние лапы...

На дорожке распласталась летающая тарелка.

А потом беззвучно оторвалась от нее и зависла.

— Запаслись всем, чем нужно? — уныло спросил Леха.

Тарелка в ответ помигала огоньками.

— Вы подумайте, может, все-таки не надо? — через силу выдавил Леха, понимая, что это риторический вопрос. И тут ему пришла в голову дельная мысль: — Опасно же! Мало ли кто там... летает.

В ответ вертолетики сделали то, чего им давно не удавалось: они Леху ошарашили так, что он обеими руками зажал рот. А то прибегут ребята.

Он готов был умереть от хохота.

Буквально за секунду тарелка превратилась в клиновидную штуковину с башенкой наверху. Имперский крейсер!!!

Это называется — посмотрели кино вместе с симбионтом.

— Все, — сказал Леха, отдышавшись. — Вы меня убедили. Ну... Удачи.

Крейсер подмигнул ему огоньком на башенке и плавно пошел вверх.

Поднялся над кустами, развернулся, направил нос на одному ему известную точку в чистом звездном небе — и начал разгон.

Улетел.

— Я буду скучать... — сказал Леха. — Очень.

Он не спеша вернулся на крыльцо, ему навстречу вышла Даша, обняла, крепко прижалась. Леха уткнулся лицом ей в волосы.

— Улетели?

Леха шмыгнул носом.

— Да. Попробуют найти планету земного типа. Набрали тут подходящих белков — и понесли туда. Там будет новая жизнь.

Даша мягко улыбнулась.

— Знаешь, о чем я думаю? — сказала она. —

Вдруг и на Земле все началось так же? Прилетели беглые микробы или даже нанороботы, притащили с собой аминокислот, собрали первую клетку, а дальше само пошло...

Леха поднял голову, поглядел в небо. Крейсер давно исчез.

— Удачи, — повторил Леха.

* * *

Как говорят вполголоса сами космонавты, работа на Международной Космической Станции безумно интересная, но такая напряженная, что «выматывает все кишки». Поэтому в единственный час, отведенный членам экипажа МКС на личное время, они читают письма с Земли и очень просят, чтобы им присылали что-то короткое и смешное просто развлечься — забавные рассказы, веселые истории.

Космонавт сидел за ноутбуком и хихикал.

Потом медленно повернул голову — и хихикать перестал.

Тут всякое летает, он это знал, в околоземном пространстве мусора полным-полно. Не надо впечатляться. Он видел уже летающие тарелки, которые при внимательном рассмотрении оказывались чем угодно, только не тарелками. Главное, эти железяки и долбануть могут. Однажды совсем рядом просвистел гаечный ключ, ох все понервничали...

Это был совсем не гаечный ключ.

И даже не летающая тарелка.

Мимо станции не спеша двигался по своим делам имперский крейсер из «Звездных войн». Небольшой, метра полтора в длину.

Он шел снизу, от Земли. Разминулся с МКС, исчез из поля зрения.

Космонавт схватил камеру и метнулся к другому иллюминатору.

Есть! Вот он снова.

Крейсер осторожно, прямо-таки деликатно манивал станцию, произвел незначительную коррекцию курса, а потом врубил движки на полную — и рванул. Да как рванул! Бац — нету.

Полетел, наверное, в далекую-далекую галактику, подумал на полном серьезе космонавт.

Он тихонько сел на место и просмотрел запись:

Как жаль, что ее никто не увидит, подумал космонавт. Скажут, просто шутка, монтаж, ну и зачем... В Интернете такой ерунды сколько хочешь. Я, наверное, запись сотру. Хорошо, коллеги были далеко от иллюминаторов и ничего не видели. А то могло получиться совсем неудобно.

И все-таки...

Дети.

Однажды я соберусь с духом и покажу запись детям. Только пусть еще немного подрастут.

Дети имеют право знать.

Оглавление

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	47
Глава 7	56
Глава 8	69
Глава 9	80
Глава 10	85
Глава 11	94
Глава 12	100
Глава 13	117
Глава 14	123
Глава 15	132
Глава 16	139
Глава 17	154
Глава 18	163
Глава 19	181
Глава 20	188
Глава 21	204
Глава 22	227

Глава 23	241
Глава 24	247
Глава 25	254
Глава 26	265
Глава 27	271
Глава 28	279
Глава 29	292
Глава 30	305
Глава 31	321
Глава 32	329
Глава 33	335
Глава 34	346
Глава 35	356
Глава 36	363
Эпилог	402

Литературно-художественное издание

ЛЕГЕНДЫ

Дивов Олег Игоревич

СИМБИОНТЫ

Издается в авторской редакции
Ответственный редактор Д. Малкин
Художественный редактор А. Сауков
Технический редактор Н. Носова
Компьютерная верстка Л. Панина
Корректор Д. Горобец

Иллюстрация на переплете И. Хивренко

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 26.10.2010.

Формат 80x100 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,26.

Тираж 25100 экз. Заказ 3685

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-45001-5

9 785699 450015 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksмо-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksмо-sale.ru**

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksмо-sale.ru**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksмо.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksмо-sale.ru, сайт: www.kanc-eksмо.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksмо-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78. Тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Один хочет быть Президентом.
Другой хочет, чтобы его оставили
в покое.

Одному за пятьдесят.
Другому чуть больше пятнадцати.

Один шел к своей цели всю жизнь.
Другой чудом выжил.

Что между ними общего?
Нанороботы, которых не существует.
Что у них разного?

Один – раб своих капризов.
Другой – готов умереть
за свою свободу.

Кто прав, решат вертолетики.

ISBN 978-5-699-45001-5

9 785699 450015 >

